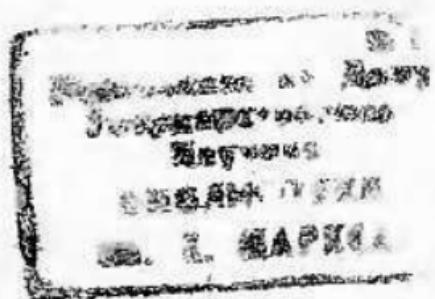

П. ШАНТРЕН

ИСТОРИЧЕСКАЯ
МОРФОЛОГИЯ
ГРЕЧЕСКОГО
ЯЗЫКА

*Перевод со 2-го французского издания.
приложение и предисловие
Я. М. БОРОВСКОГО*

И * Л

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва - 1953

P. CHANTRAYNE

MORPHOLOGIE HISTORIQUE
DU GREC

DEUXIÈME TIRAGE REVU

PARIS 1947

ПРЕДИСЛОВИЕ

„Историческая морфология греческого языка“ П. Шантрана, как указывает автор в своем кратком предисловии, является параллелью к „Исторической морфологии латинского языка“ А. Эрну, будучи предназначена в первую очередь служить пособием для учащихся высшей школы. Основная цель книги — дать историческое объяснение того материала, который по установившейся издавна традиции входит в элементарный курс греческой морфологии, как первой части грамматического курса, предпосыпаемой синтаксису. Сюда относятся начатки фонетики, парадигмы именной и глагольной флексии с основными данными о значении форм, лексика местоимений и числительных и отдельные элементы словообразования, преимущественно связанные с образованием степеней сравнения прилагательных, некоторых типов наречий и глагольных основ настоящего времени. Выбор этого материала, обусловленный стремлением в целях облегчения практического овладения языком сосредоточить в начальном курсе грамматики сведения, касающиеся различных сторон языковой структуры, и вместе с тем сделать этот курс возможно более сжатым, до известной степени определяет и содержание книги Шантрана, которое, таким образом, с одной стороны, выходит за пределы собственно морфологических вопросов, а с другой — не охватывает столь важного отдела морфологии, как именное словообразование, теснейшим образом связанное с именной флексией. Последнее обстоятельство не может не привести к некоторому искажению общей перспективы при рассмотрении таких, например, элементов морфологической структуры греческого имени, как тематический гласный или суффикс имен женского рода *јā* — элементов, в равной степени участвующих и в словообразовании и в словоизменении флексивного характера. Об отсутствии в „Исторической морфологии“ систематического обзора именного словообразования приходится пожалеть также и потому, что в этой области

автору принадлежит видное место как самостоятельному исследователю, монография которого „Formation des noms en grec“ (1933) представляет собой один из наиболее солидных современных трудов по греческому словообразованию.

Другим недостатком книги, впрочем, также в значительной степени обусловленным ее элементарным характером, является обнаруживающаяся иногда оторванность морфологической трактовки от семантической основы рассматриваемых явлений, ограничивающая содержательность даваемого автором исторического объяснения. Так, говоря о возникновении законченной системы спряжения на основе ряда самостоятельных временно-видовых форм, присущих различным глагольным корням, автор не уделяет должного внимания скрывающемуся за намечаемым здесь формальным развитием более глубокому процессу изменения выражаемых этими формами категорий, который заключается в переходе от конкретных, тесно связанных с вещественным значением слова значений „интенсивности“, „однократности“, „повторяемости“ и т. п. к более абстрактным и тем самым более поддающимся грамматизации собственно временно-видовым значениям: развитие греческой глагольной системы может служить яркой иллюстрацией сталинской формулировки, характеризующей грамматику как „результат длительной, абстрагирующей работы человеческого мышления, показатель громадных успехов мышления“¹. Чрезмерным схематизмом страдает даваемая наклонениям греческого глагола характеристика по значению, не вносящая ясности в те данные об их употреблении, которые содержатся в элементарном грамматическом курсе.

Отмечая недочеты этого рода, следует, однако, иметь в виду, что требование полностью избегнуть их было бы правомерно лишь по отношению к общему курсу исторической грамматики, уделяющему одинаковое место как морфологии, так и синтаксису: для того, чтобы дать удовлетворительный анализ развития значений грамматических форм, необходимо проследить их функционирование на всем конкретном синтаксическом материале, поскольку, разумеется, речь идет о том периоде истории

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 24.

языка, для которого такой материал доступен. Не имея возможности включить его в полном объеме в книгу, автор все же сохраняет его в своем поле зрения, и в ряде случаев связь между развитием грамматической формы и ее значением показана им с достаточной рельефностью. Прежде всего это относится к главе о перфекте, в которой автор хорошо использовал результаты своего фундаментального исследования „Histoire du parfait grec“ (1927). Как на примере весьма удачного включения семантико-синтаксического момента в трактовку морфологических фактов можно указать также на раздел, касающийся развития суффиксов страдательного аориста.

В отличие от „Исторической морфологии латинского языка“ А. Эрну, рассматриваемой ее автором как продолжение „Исторической фонетики латинского языка“ М. Нидермана, книга П. Шантрена задумана и выполнена как начальный учебник по греческой исторической грамматике. Такое изложение оказывается возможным благодаря большой прозрачности фонетических процессов, лежащих в основе изменений грамматических форм греческого языка: сущность этих процессов в большинстве случаев достаточно уясняется из простого сопоставления рассматриваемых морфологических элементов на различных этапах их развития. Только явления чередования гласных в силу их сложности потребовали от автора специального рассмотрения в пред посланной основным разделам книги заметке.

Нам представилось, однако, более правильным, с точки зрения методики, присоединить к переводу книги П. Шантрена краткий очерк греческой фонетики, предназначенный не только для того, чтобы облегчить чтение „Исторической морфологии“, но и для того, чтобы показать затронутые в ней фонетические явления в известной систематизации и таким образом подготовить читателя к усвоению специальных руководств по греческой фонетике. Понятно, что при этом пришлось коснуться и некоторых пунктов фонетики, не связанных непосредственно с изложением Шантрена.

Значительно более широкое применение, чем в книге Эрну, находит в „Исторической морфологии греческого языка“ сравнительно-исторический метод, что вполне соответствует характеру исследуемого здесь языкового мате-

риала. Греческий язык во многих отношениях представляет особый интерес с точки зрения лингвистической теории и индоевропейского языкознания. Его богато документированная история восходит к глубокой древности, а ряд черт индоевропейской языковой структуры сохранился в нем отчетливее и полнее, чем в более древних индийских и хеттских памятниках. Именно эта близость греческих фактов к индоевропейским делает вполне уместным более широкое привлечение сравнительного материала при историческом изложении греческой фонетики и морфологии, и П. Шантрен нашел в этом отношении должную меру, не перегружая книги и вместе с тем не упуская возможности расширить лингвистический кругозор читателя удачно выбранными индоиранскими, латинскими, славянскими, балтийскими и германскими параллелями.

Не менее важно в отношении эффективности сравнительного метода в греческой грамматике и то, что греческий язык сам входит в систему индоевропейских языков как совокупность многочисленных диалектов, представляющих картину весьма сложного переплетения различных фонетических и — в меньшей степени — морфологических особенностей и вместе с тем допускающих выведение всех этих особенностей из развития единого общегреческого языка-основы, с большой наглядностью реконструируемого в своих важнейших фонетических и морфологических чертах путем сравнения диалектов между собой: лишь для ничтожной части имеющихся диалектных расхождений, какими являются, например, расхождение между общегреческим окончанием 1-го лица мн. ч. -μει и соответствующим дорийским -μες или между отражением индоевропейских лабиовелярных перед гласными переднего ряда в эолийском диалекте, с одной стороны, и в остальных диалектах — с другой, приходится искать истоков за пределами общегреческого языкового единства, не утрачивающего в силу этого своей реальности.

Данные греческих диалектов приводятся на всем протяжении книги Шантрена в большом количестве, и в этом ее немаловажное достоинство. Однако разбросанность и отрывочность этих данных затрудняет для неподготовленного читателя такое их сопоставление, которое способствовало бы получению хотя бы суммарной характеристики отдельных диалектов в их целостности. Чтобы по возмож-

ности облегчить систематизацию и усвоение диалектного материала, придав ему большую наглядность, и, таким образом, сделать книгу до некоторой степени пригодной и в качестве первого введения в греческую диалектологию, мы приложили к переводу карту, показывающую распространение важнейших диалектов на ареале греческого языка.

В книге намечен также в самых общих очертаниях ход позднейшего языкового развития. Приведенные в ряде параграфов, выделенных мелким шрифтом, указания на факты позднегреческой, среднегреческой и новогреческой эпох не претендуют, конечно, на то, чтобы в какой-либо мере заменить историю языка. Их значение заключается в том, чтобы иллюстрировать непрерывную преемственность получившего отражение в письменных памятниках развития греческого языка на протяжении почти трех тысяч лет его жизни от Гомера до наших дней.

Выработка литературных языков в различных поэтических и прозаических жанрах на основе взаимодействия живых диалектов; переход от племенных языков, каковыми являлись первоначально эти диалекты, к общему языку греческой народности; возникновение новогреческих диалектов в результате многовекового развития этого общегреческого языка, начинающегося с эпохи эллинизма; образование языка греческой нации в современной „димотикѣ“ и сложный процесс его взаимодействия с древней традицией книжного языка, откристаллизовавшейся в „кафаревусе“, — таковы важнейшие моменты перехода от древнегреческого языка к новогреческому, происходящего „не путем взрыва, не путем разового уничтожения старого и построения нового, а путем постепенного и длительного накопления элементов нового качества, новой структуры языка, путем постепенного отмирания элементов старого качества“¹. Создание истории греческого языка, которая осветила бы эти моменты, раскрыв внутренние законы его развития, остается задачей будущего, но в деле ее разрешения „Историческая морфология“ П. Шантрена в качестве скромного учебного пособия принесет несомненную пользу.

Я. Боровский.

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 27.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Настоящий учебник имеет целью оказать учащимся такую же помощь в изучении греческого языка, какую они получают в отношении латинского от „Исторической морфологии латинского языка“ А. Эрну. Автор попытался показать в своей работе развитие языковых фактов от Гомера до Нового завета, учитывая важнейшие особенности диалектов и кратко отмечая там, где это было уместно, какое продолжение имело древнее развитие в новом языке: в истории греческого языка наблюдается непрерывность, которую важно показать.

П. Шантрен.

Индоевропейская морфология характеризовалась не только наличием системы окончаний, но также смещениями ударения (ср. § 60, 359 и др.) и изменениями вокализма корня и других морфологических элементов, носящими название чередования гласных. Так, один и тот же корень *leɪk^u- мог иметь формы *leɪk^u- (ср. λέίπω), *lik^u- (ср. ἔλιποι), *loj^k^u- (ср. λέλοιπα), а окончание родительного падежа единственного числа могло, как это показывает сравнительная грамматика, иметь три формы *-es/*-os/*-s. В греческом языке этот способ формообразования уже не продуктивен, но от него сохранились многочисленные следы; поэтому, чтобы облегчить понимание некоторых параграфов „Морфологии“, мы должны дать о нем известное представление.

а) „Односложные“ корни с кратким гласным. Первый тип чередования гласных характеризуется тем, что гласный является в форме е (или, в виде исключения, ё), о (или, в виде исключения, Ѻ) или нуля (что означает отсутствие гласного). Так, форма ёп-е-θαι (корень *sek^u- с переходом начального с в приыхание) со ступенью е противостоит форме сп-е-θαι со ступенью нуль; равным образом наст. вр. λείπ-ω (ступень е) противостоит перфекту λέ-λοιπ-α (ступень ѿ) и аористу ё-λιπ-ου (ступень нуль).

В этом типе чередования удлиненные гласные ё, Ѻ наблюдаются главным образом в конечном слоге основы, в качестве характеристики именительного падежа единственного числа мужского или женского рода. Возьмем слово πατέρ¹: долгая огласовка ё слога, предшествующего окончанию¹, наблюдается в им. п. πατέρ⁰, краткая огласовка е — в вин. п. ед. ч. πατέρ^α, нулевая огласовка — в род. п. ед. ч. πα-τρ-ός и дат. п. мн. ч. πα-τρ-ά-σι (относительно последней формы см. ниже в примечании); наконец, огласовка о выступает в словосложении, краткая ступень — в

¹ В данной форме — „нулевому“; ср. § 49. — Прим. перее.

ἀπάτορα, удлиненная — в им. п. ед. ч. ἀπάτωρ. Равным образом форма им. п. ед. ч. ср. р. γένος с огласовкой о слога, предшествующего окончанию, соответствует гомеровская форма род. п. γένε-ος с огласовкой ε этого слога; таким же образом в сложном прилагательном род. п. εὐγεν-έ-ος мы имеем форму с краткой огласовкой, но в им. п. м. и ж. р. εὐγενής — с долгой. Долгая огласовка наблюдается иногда в корне некоторых глагольных основ, как ψυμάω (ср. γέμω и μέμος; см. § 285, прим.).

Примечание. Если подвергающийся чередованию слог содержит один из сонантов l, m, n, r, то в нулевой ступени сонант, обозначаемый в этом случае символом, соответственно, ɿ, ɿ, ɳ, ɿ, получает значение гласного и принимает в ионийском, аттическом и большей части других греческих диалектов форму λ̄ или ḥ вместо ɿ, ɿ или ḥ вместо ɿ, ɳ. Так объясняются, например, формы πατράς, διέφθαρμαί при διαφθείρω и διέφθορα, ἔταλμαί при στέλλω, μέμαμεν при μέμονα и μένος, τέταρμαί при τείνω, φρασί (Пиндар) при φρήν и φρεύβ̄¹.

б) „Односложные“ корни с долгим гласным. Вместе с тем в индоевропейском языке существовали долгие ē и ū, которые чередовались не с краткими e, o, но — равно как и a — с кратким гласным, обозначаемым символом ā. Отсюда система чередования:

ē / ū	/ ā
a / ā	
ō / ā	

Такое чередование наблюдается, например, в формах наст. вр. τίθημι, τίθεμεν (ср. θύμός „куча“); ἴσταμι (дорийский диалект), ἴσταμεν; δίδωμι, δίδομεν. Чередование долгий/ā играет здесь ту же роль, что и чередование e/нуль в εῖμι/ἴμεν. Точно так же чередование ā/ā в перфекте βέβακα (дорийский диалект), βέβαμεν соответствует чередованию o/нуль в οἴδα/ΐδμεν (аттич. ἴσμεν). Индоевропейское чередование долгий/ā приняло в греческом языке, вообще говоря, форму η/ε, ḥ/ā (откуда ион.-аттич. η/ā), ω/ō. Вопрос о тембре, полученном в греческом языке гласным ā, представляет трудную проблему.

1 Об этой фонетической трактовке см. M. Lejeune, *Traité de phonétique grecque*, Париж, 1947, § 179—180; об опорных гласных — там же, § 189.

Если гласный ā находится в морфологическом чередовании с ё или ū, то он получает, как мы видели, тембр, соответственно, ε или ο. Тембр ε он имеет также в определенных словах, стоящих в греческом языке изолированно, как, например, в слове ἄνεμος из *ἀνέ-mos, ср. санскр. अनिलः; чаще, однако, он имеет в этом случае тембр ḥ; ср. πατέρ, лат. pater, санскр. पिता.

Указанные факты привели компаративистов к предположению о существовании трех ā, различающихся по тембру. Это предположение, вместе с параллелизмом между типами τίθημι, τίθεμεν и εῖμι, ίμεν, позволяет представить корни в такой форме: *dheē₁/*d̄hē₁- для τίθημι, τίθεμεν; *stēē₂/*st̄ē₂- для ἴσταμι, ἴσταμεν; *deē₃/*d̄e₃- для δίδωμι, δίδομεν.

Чередование ā/ā (*ē₂/ā₂) наблюдается иногда в самих элементах флексии, ср. τριάχοντα наряду с τριά (§ 7), ψύμφια наряду с ψύμφῃ (§ 29), чередование *-ja/*-iās (§ 39).

в) „Двусложные“ корни. Новейшие теоретические работы¹ позволили произвести анализ этих корней глубже, чем это делалось ранее, и показать, что двусложность не составляла их существенной черты. Однако для греческого языка их удобнее определить как принимающие то односложную, то двусложную форму.

Главнейшие их разновидности таковы:

а) Огласовка ε краткое или о краткое в первом элементе, огласовка ā во втором, причем это ā сохраняется перед согласным, но исчезает в зиянии: *genē- в γενέ-τωρ, но *gen(ā)- в γέν-ος, *gon(ā)- в γόν-ος.

б) Нулевая огласовка в первом элементе, долгая огласовка ē, ā или ū во втором: (χασί)-γυη-τος рядом с γενέ-τωρ, τέ-τλα-κα (ион.-аттич. τέ-τλη-κα) рядом с τελα-μών, γυω-τος „брат“ рядом с γενέ-τωρ, γόνος.

в) Нулевая огласовка в первом элементе, огласовка ā во втором, причем это ā исчезает в зиянии: πί-πτ-ω (где -πτ- из *ptā, оказавшегося перед гласным) рядом с πέ-πτω-κα, *πετε-σομαί (откуда πεσέμοαι > πεσοῦμαι); νεο-γυ-ός- (γυ- из *gnā-) рядом с γενέ-τωρ и т. д.; τέτλα-μεν (τλα- из *tlā-) рядом с τέτλα-κα (ион.-аттич. τέτλη-κα), τελα-μών и т. д., с дублетом ταλα-σί-φρων (ταλα- из *tlā-, содержащего так

1 См. особенно E. Benveniste, *Origines de la formation des noms en indo-européen*, Париж, 1935.

называемый опорный гласный). О развитии опорных гласных в формах последнего типа (ср. также *θάуа-тос* наряду с *τέ-θυа-μεν*) см. Лежен¹.

Возьмем корень *ρετə-/*ρtē- „падать“. В нем можно наблюдать следующие варианты:

*ρετə-: в буд. вр. *πετέ-σσαμι, откуда πεσέομαι.

*ρtē-: в причастии перфекта πέπτησ.

*ρtō-: в изъяв. накл. перфекта πέπτωσα.

*ρtə- (с исчезновением э перед гласным): в πί-πτ-ω.

Два корня, характеризующиеся группой согласных *гп- и означающие: один — „рождаться“, а другой — „знать“, были оба „двусложными“, но в распределении форм между ними обнаруживается стремление избегнуть омонимии.

Корень *генə-/*гнē- „рождаться, рождаться“:

*генə-: в γενέ-τωρ, γένε-σις.

*гнē- (из *генə- перед гласным): в γέν-ος, ἐγέν-όμητο.

*гоп- (из гопə- перед гласным): в γέ-γον-α (во мн. ч. γέ-γо-μεν по аналогии с типом μέ-μον-α, μέ-μα-μεν, имеющим „односложный“ корень *μεν-/*μон-/*μη-).

*гпə- (с исчезновением э перед гласным): в νεο-γγ-ός.

*гнē-: в γυγός, κασίγυγητος.

*гпō-: в γυωτός „брать“.

Корень *генə- „знать“. Этот корень использовал в греческом языке почти исключительно ступень *гпō-; ср. γιγώσκω, ἔγινω, ἔγιοχα, γιγώτες „знакомый“.

С некоторыми корнями связаны проблемы частного характера. Наст. вр. στέρημι (ср. лат. sternō, санскр. stṛṇoti) произведено от „двусложного“ корня, как это показывает наряду с другими данными аорист ἑστέρε-σα. Но огласовка наст. вр. στέρημι при санскритском соответствии stṛṇoti представляется странной; темна также и огласовка отлаг. прилагательного στρόφος (лат. stratus)².

Все эти чередования гласных должны изучаться с точки зрения сравнительной грамматики индоевропейских языков. В греческом языке они не представляют последовательной системы; но поскольку они позволяют уяснить некоторые изменения корня в архаических формах, не находящие объяснения на основе только греческих фактов, мы должны дать о них известное представление.

¹ Lejeune, *Traité de phonétique grecque*, Париж, 1947, § 187—189.

² Там же, § 181.

Часть первая

ИМЯ

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

§ 1. Индоевропейское склонение составляло сложную систему, заключающую в себе три рода — мужской, женский и средний, три числа — единственное, двойственное и множественное, восемь падежей — именительный, звательный, винительный, родительный, дательный, орудийный, местный, отложительный. Начиная с древнейших греческих текстов эта система оказывается сильно упрощенной, что вообще характерно для истории индоевропейских языков. Уже сам индоевропейский язык допускал в некоторых случаях употребление одной и той же формы для нескольких падежей. Уже в индоевропейском языке, насколько сравнительная грамматика позволяет его восстановить, в атематической флексии (3-е склонение) родительный и отложительный падежи в единственном числе совпадали, так что если в греческом языке одна и та же форма κούρος употребляется и как родительный и как отложительный падеж, то это не является чем-то новым. Во множественном числе для всех типов склонения именительный и звательный падежи представляют одну общую форму. Средний (неодушевленный) род во всех типах склонения постоянно использует одну и ту же форму для именительного, звательного и винительного падежей как в единственном, так и во множественном числе. Двойственное число также имеет всегда только одну форму для именительного, звательного и винительного падежей.

§ 2. Восемь падежей индоевропейского языка выражали грамматическую функцию имени в предложении: именительный был падежом подлежащего, звательный служил для обращения, винительный означал дополнение, родительный служил для дополнения при имени и некоторых дополнениях при глаголе, дательный выражал назначение

или цель. Но, кроме значения собственно грамматического, винительный падеж, например, обладал и конкретным значением: употребляясь в качестве прямого дополнения, он наряду с этим служил для обозначения места, куда направлено движение (ео *Romam*), протяженность действия в пространстве или во времени.

Три падежа имели только конкретное значение: местный падеж означал место, где что-либо находится (*habitat Romae*), и имел соответственное временное значение; отложительный падеж означал место, из которого направлено движение (*venio Romā*); орудийный падеж означал то, чем что-либо сопровождается или чем производится действие. Греческий язык перестал различать эти три падежа, и некоторые следы от них сохранились только в наречных образованиях. Отложительный падеж слился с родительным — смешение, которое, как мы видели, частично существовало в единственном числе уже с индоевропейской эпохи; местный и отложительный падежи слились с дательным. Характеристики полунаречного типа, как *-ῳ*, первоначально с орудийным значением, *-θεν*, означавшее место нахождения где-либо, *-θεν* — место отправления откуда-либо, возможно, продолжают собой морфемы падежей конкретного типа и гомеровский язык еще обладает многочисленными их остатками. Но частей системы склонения в собственном смысле они уже не составляют и в дальнейшем развитии языка устраиваютя.

§ 3. Таким образом, древнегреческий язык имеет уже только пять падежей: именительный, звательный, винительный, родительный, дательный. Значение некоторых из этих падежей сложно: винительный совмещает в себе значения прямого дополнения, протяженности в пространстве и во времени, а также места, куда направлено движение; родительный означает дополнение имени, целое, от которого берется часть: эти два значения довольно близки между собой, и родительный падеж как дополнение имени часто имеет партитивный смысл; с другой стороны, родительный падеж как продолжение отложительного означает место, откуда нечто движется, происхождение — значение, не лишенное близости к партитивному. Отсюда становится понятным, что смешение родительного и отложительного падежей, первые признаки которого наблюдаются уже в

индоевропейском языке, полностью завершилось начиная с предистории греческого языка. Что касается дательного падежа, в котором слились дательный в собственном смысле слова, местный и орудийный, то этот последний случай «синкретизма» объясняется отчасти фактами, восходящими к индоевропейской общности: индоевропейский язык обладал окончаниями, содержащими *bh* и *th*, не определенными вполне отчетливо ни по значению, ни по структуре. Некоторые из этих окончаний могли служить и для единственного числа и для множественного. Во множественном числе, например, санскрит имел орудийный падеж на *-bhīṣ* и дательный на *-bhyāḥ*, старославянский — орудийный на *-ми* и дательный на *-мъ*. Наконец, в самом греческом языке местный падеж тематических имен на *-ος* и орудийный на *-οις* (древнее **ōjs*) могли легко смешиваться, и распределение этих двух форм не зависело от их синтаксической функции; различные диалекты обобщили либо то, либо другое из этих окончаний. В единственном числе атематический дательный падеж *τοῖ* продолжает одновременно древний дательный на **-i* (чредующееся с **-ei*) и местный на **-i*. Но и в самом употреблении формы орудийного и местного падежей часто соприкасаются между собой. Короче говоря, название дательного падежа означает падеж, окончание которого имеет в своей основе чаще всего либо форму орудийного падежа (ср. *λόχοις*), либо форму местного падежа (ср. *λόχοισι* и в известной мере *τοῖ*). Греческий дательный падеж служит дательным, орудийным и местным. Он может означать, для кого или для чего предназначено действие, при помощи чего что-либо производится, чем что-либо сопровождается, а также место и время, которыми что-либо характеризуется.

Для уточнения значений падежей в тех случаях, когда эти значения не являются только грамматическими и выражают нечто конкретное, служат предлоги; так, чаще всего употребляется предлог в тех случаях, когда винительный падеж означает место, куда что-либо движется, дательный — место, где что-либо находится, или сопровождение, родительный — место, откуда что-либо движется. Конструкции, имевшие в индоевропейском языке конкретное значение, в греческом получают значение грамматическое: в обороте *μείζων ἀδελφοῖς* индоевропейский язык употреблял отложительный падеж, означающий отправной

пункт — „особенно большой; отправляясь от его брата“; в греческом языке мы находим уже только простое дополнение при сравнительной степени.

§ 4. Все индоевропейские языки развивались в сторону сокращения числа падежей. В греческом языке эта тенденция была сильно выражена и устойчива. Начиная со средних веков дательный падеж исчез, и первые симптомы его отмирания появляются уже в койн. В новогреческом языке это развитие продолжается: винительный падеж множественного числа во многих типах склонения совпадает с именительным, родительный множественного числа мало употребителен, а в единственном числе такие весьма распространенные парадигмы, как *πατέρας* „отец“, *χόρακας* „ворон“, *χλέψτρας* „вор“, всецело ограничиваются противопоставлением падежа подлежащего *πατέρας* и падежа дополнения *πατέρα*.

§ 5. Кроме падежей, индоевропейская именная флексия выражала противопоставление чисел и родов.

В отношении чисел противопоставление единственного и множественного всегда было устойчивым. Общегреческий язык унаследовал также третью категорию, конкретного и архаического типа, „двойственное число“, употребляемое для обозначения двух лиц или двух предметов. Однако эта категория обнаруживала тенденцию к исчезновению, более или менее выраженную в различных диалектах. Наиболее консервативным в этом отношении оказался аттический диалект. В системе имени из форм двойственного числа лучше всего сохранились формы именительного-винительного падежа: на -ω от типа на -ος, τῷ ἀνδρῷ, и на -ε в согласной флексии, τῷ θύρᾳ. Употребление двойственного числа в греческом языке окончательно исчезло еще до I в. н. э.

§ 6. В именной флексии выражено также противопоставление родов одушевленного (мужского-женского) и неодушевленного (среднего). Неодушевленный род отчетливо противостоит другим родам, но только в прямых падежах, именительном-винительном. В единственном числе тематические формы (формы 2-го склонения) этого типа имеют для имени окончание -ου, соответствующее лат. -um и санскр. -am, а в местоименной флексии — обычно -ο, восходящее к *-οδ и соответствующее санскр. -ad и лат. -id в aliud. В атематической флексии средний род характеризуется отсутствием окончания, например в слове δύομα (ср. лат. posse).

§ 7. Средний род означает в принципе вещь как нечто противопоставляемое одушевленным существам. Этот смысл отчетливо виден в таких местоимениях, как *τοῦτο* или *τι*, противопоставляемых местоимениям *ἄνθος*, *ἄντη* или *τις*. Таким образом, имена среднего рода — это первоначально имена вещей. Название плода, рассматриваемого как продукт, характеризуется средним родом и противопоставляется называнию дерева, характеризуемому женским родом: *ἄπιον* „груша“ означает плод „грушевого дерева“ *ἢ ἄπιος*; *σῦκον* „смоква“, но *συκῆ* „смоковница“; в случае *ἢ οἴλιον* *ἔλαιον* означает дерево и плод, но *ἔλαιον* — „масло“. В уменьшительных среднего рода, как *μοσχίον* от *μοσχός* „теленок“, *μειράκιον* от *μειράξ* „юноша“¹ или *Σωκράτιδον* от *Σωκράτης*, употребление среднего рода служит выразительным средством („маленькая вещь“), встречающимся и в других языках. Однако, по мере того как лексика приобретает более абстрактный характер, противопоставление среднего рода одушевленному роду становится менее четким. Первоначально поміна actionis женского рода выступают как „одушевленные“ в противопоставлении соответствующим отлагольным именам среднего рода: *πρᾶξις* означает по существу факт действия, а *πρᾶγμα* — результат действия. Однако в ходе истории языка противопоставление одушевленного и неодушевленного рода утрачивает всякое конкретное основание и становится чисто грамматическим.

Во множественном числе среднего рода греческий язык, как и другие индоевропейские языки, сохранил нечто архаичное: в индоевропейском языке роль множественного числа неодушевленного рода выполняло имя на *-α или на *-ε с собирательным значением. За исключением первой составной части слова *τρίακοντα*, в котором первое α долгое, греческий язык обобщил краткое α, представляющее ε. Употребление собирательного имени в склонении неодушевленного рода вполне понятно, чем и объясняется та особенность греческого синтаксиса, что

¹ В аттическом языке противопоставление первообразной формы *μειράξ* и уменьшительной *μειράκιον* получило особое смысловое развитие: *μειράξ*, первоначально являвшееся словом „общего“ рода со значением „юноша, девушка“, стало употребляться только в женском роде в значении „девушка“, а *μειράκιον* получило специальное значение „юноша“. — Прим. перев.

глагол, согласуясь с именем среднего рода во „множественном“ числе, получает форму единственного числа: правило, иллюстрируемое примером *τὰ ζῷα τρέχει*. Эта черта, встречающаяся в гатах Авесты, составляет явный архаизм¹.

§ 8. В конкретных проявлениях категории рода наблюдаются некоторые колебания. Часть их находит объяснение в собирательном характере множественного числа среднего рода на -*α*. Легко понять, что собирательное имя на -*α* может противопоставляться единственному числу имени на -*ος* одушевленного рода: множественным числом для *μῆρας* „бедро“ у Гомера обычно служит собирательное *μῆρα*, особенно в описании жертвоприношений (λ 464), но употребительно также и *μῆρος* (λ 460); *κύκλος* „круг“, но во множественном числе у Гомера *κύκλοι* „круги“ (λ 33, γ 280) и *κύκλα* „колеса колесницы“ (Ε 722, Σ 375); *κύκλοι* — обычная форма в ионийском и аттическом диалектах; имя женского рода *χέλευθος*, образующее мн. ч. *χέλευθοι*, например (Κ 66) *πολλαὶ γὰρ ἀνὰ στράτῳ εἰσὶ χέλευθοι*; но также и собирательное *χέλευθα*, особенно в формуле *ὑγρὸν χέλευθα* (λ 312 и др.) „влажные пути моря“; множественное число слова *δεσμός* „поязка“ у Гомера *δεσμοί*, когда имеются в виду отдельные части повязок, или же когда за ними предполагается „активная“ сила, ср. *χόττε δεσμούς* (Σ 379) или (*πέδησα*) *δεσμοί τ' ἄργαλέοι καὶ βουκόλοι* (λ 293), но там, где поэт имеет в виду всю совокупность, „узы“, он употребляет форму *δεσμάτω* (Χ 468, α 204, γ 278); употребительны в аттическом диалекте формы *δεσμοί* и *δεσμά* (ср. I. G. II, 678 B, 48 и I. G. II, 791, 31), где *δεσμά* означает „канаты, цепи“, а *δεσμοί* иногда „действие связывания“; ср. *Ἔρας δὲ δεσμοὺς ὑπὸ δέος καὶ Πφαιστον ῥίψεις ὑπὸ πατρός* (Платон, Resp. 378 d); — *σῖτος* „хлеб“, употребляется у Гомера только в единственном числе, но в аттическом языке встречаются формы *σῖτοι* и иногда собирательное *σῖτα* „хлеба“. Другие дублеты: *τὰ ζυγά*, но ед. ч. *τὸ ζυγόν* „ярмо“, *ὁ ζυγός* „ярмо“ (Нутт. in Cer. 217), „коромысло весов“ (Платон, Tim. 63 b); начиная с римской эпохи форма *ζυγός* возобладала и является формой современного греческого языка;

¹ Собирательные на -*ā* или -*ē* первоначально, как надо полагать, не отличались от имен женского рода на -*ā*, -*ē*.

скогого языка; *ἄνειρος* „сновидение“ является обычной формой, но уже у Гомера встречаем *ἄνειρον* (относительно **ἄνειραρ*, *ἄνειρατα* см. § 76); *λόχυος* „светильник“, но мн. ч. *λόχυοι*, *λόχυα*; *στάδιον*, но мн. ч. *στάδιοι* и *στάδια*; *σταθμός* „станция, стойло, устой, станция“, но мн. ч. *σταθμοί* и иногда *σταθμά*; *θεμέλιος* (подразумевается *λίθος*) „основание“, но мн. ч. *θεμέλιοι* и *θεμέλια*; слово, означающее „спину“, имеет обычно форму мн. ч. ср. р. *τὰ ύπτα* (Ψ 714 и др.) собирательного характера; в единственном числе встречается форма среднего рода и, как исключение, мужского рода (Ксенофонт, De re equi. III, 3 и койнэ); мн. ч. *οἱ ύπτοι* появляется в Септуагинте. Встречаются также дублеты, отличающиеся по характеру: в аттическом диалекте употребительны одновременно формы *ἡ δίφα* и *τὸ δίφος* „жажды“. В койнэ получили развитие основы на *s* среднего рода: *τὸ νίκης* представляет собой аналогическое образование от *νίκη* „победа“ под влиянием *τὸ κράτος* „сила“. Кроме того, конкурируют с именами мужского рода с основами на *e/o*: *τὸ ἔλεος* „жалость“¹ (так же и в новогреческом), *τὸ ζῆλος* „усердие, ревность“ (так же и в новогреческом), *τὸ ἡχός* „шум“, *τὸ πλοῦτος* „богатство“ (так же и в новогреческом), *τὸ σκότος* „мрак“ (засвидетельствовано уже у Пиндара). Колебание между *ὁ θάρβος* и *τὸ θάρβος* „изумление, испуг“ наблюдается также в древнем языке.

§ 9. Существующее внутри одушевленного рода противопоставление родов мужского и женского, столь же древнее, морфологически охарактеризовано менее четко. В индоевропейском языке все типы существительных допускают одинаково оба рода — как мужской, так и женский. С полной очевидностью это наблюдается в атематическом (так называемом 3-м) склонении; слова *πατέρ* „отец“ и *μήτηρ* „мать“ не содержат в своей форме ничего, что позволило бы распознать в одном из них слово мужского рода, в другом — женского: *πατέρ* относится к мужскому роду, потому что обозначает мужчину, *μήτηρ* — к женскому, потому что обозначает женщину. Правда, в тематическом (2-м) склонении основная масса слов — мужского рода, но в этом нет ничего принципиального: имена, озна-

¹ Основа на *s*, очевидно, древняя, как это показывают сложное прилагательное *μέλεις* „безжалостный“ и производное *ἔλεευνός* „жалкий“.

чающие женщины, например *νύμφη* „невестка“, и деревья, например *φυγής* „дуб“, принадлежат к женскому роду; наконец, *ἵππος* может означать как „жеребца“ *ό* *ἵππος*, так, равным образом, и „кобылу“ *ή* *ἵππος*. Несколько отличен случай с основами на **-ā*: в эту категорию входят имена женского рода и некоторые имена мужского, но флексия последних отличается от флексии имен женского рода в именительном и родительном падежах единственного числа. Впрочем, как увидим, греческий язык ввел в этом пункте новшество, древнее же состояние сохранено в латинском языке, где *agricola* склоняется так же, как *rosa*.

Некоторые существительные, как, например, *ἵππος* „лошадь“, *βοῦς* „корова“, *οἶς* „овца“, *κύων* „собака“, применяются для обозначения как самцов, так и самок. *Βοῦς* означает вообще животное вида коровы, и только родовая характеристика артикла или служащего определением прилагательного показывает, идет ли здесь речь о самце или о самке. Наряду с этим общим термином встречаются и слова с более точным и техническим значением, как *ταῦρος* „бык“ и т. п., употребительные, например, в речи скотоводов.

Греческий язык тем не менее стремился провести последовательное противопоставление женского рода мужскому. У прилагательных форма женского рода иногда сходна с формой мужского рода, но для многочисленных прилагательных типа *κακός* она имеет обычно окончание *-ā*, в ионическо-аттическом диалекте — *-η*. С другой стороны, греческий язык использовал индоевропейский суффикс **-j̥ē/*-j̥ā*, которому соответствует греч. *-ja*, чередующееся с *-jō*: *ἄνασσα* [Ф. § 48] служит формой женского рода для *ἄναξ* „царь“, *λέαινα* [Ф. § 38] для *λέων* „лев“, у прилагательных — *μέλαινα* для *μέλας*, у причастий — *λύσασα* [Ф. § 79] для *λύων*. Этот суффикс встречается также в различных комбинациях: *σώτειρα* от *σώτηρ* „спаситель“, *αὐλήτρα*¹ от *αὐλήτηρ* и *αὐλήτης* „флейтист“. Наконец, сложный суффикс *-id-* также служил для образования слов женского рода:

1 Различие в форме, наблюдаемое у слов типа *σώτειρα*, *αὐλήτρα*, образованных при помощи одних и тех же суффиксов с чередованием огласовки *-ter/-tr-* и *-jā/-jā*, объясняется происходившим в различном направлении для отдельных слов аналогическим выравниванием первоначальной парадигмы **-ter/-tr->-teira*; см. Ф. § 39) — **-trīc*. — Прим. перев.

δεσπότης от δεσπότης „господин“, *αὐλήτρης* наряду с *αὐλήτρια*, *θεράπαινης* наряду с *θεράπαινη* как форма женского рода от *θεράπων* „прислужник“.

Сохраняясь в ряде случаев с отчетливым смыслом, противопоставление мужского и женского рода, вообще говоря, утратило всякое значение: трудно объяснить, почему существуют одновременно *γένος* и *γονή* „рождение“. Это противопоставление часто оказывается в древнегреческом языке столь же стершимся, как и в современном французском, но зато оно помогает уяснить связь между входящими в предложение словами; если вспомнить ту большую роль, какую играли в синтаксисе причастие и прилагательное, то грамматическая важность рода представляется весьма значительной.

§ 10. Приемы словоизменения, применявшиеся в склонении, весьма различны. Индоевропейское склонение характеризовалось не только одними окончаниями. Оно заключало в себе чередование гласных предшествующего окончанию элемента, то есть в различных падежах эти гласные представляли различные вариации по тембрю и по длительности. Этот тип словоизменения сохранился в греческом языке лишь в некоторых пережитках: в флексии слова *πατέρ* мы наблюдаем долгое *e* в именительном падеже, краткое *é* в вин. п. *πατέρα*, нулевую ступень в род. п. *πατέρος*. В других случаях греческий язык сохранил чередование по тембрю, например в типе *ψέφος*, род. п. *ψέφου* *<**ψεφεος, или в тематических именах: *ἄγγελος*, зват. п. *ἄγγελε*.

Наконец, известную роль в системе склонения играло место ударения, некоторые следы чего сохранились и в греческом языке; место ударения служит иногда для противопоставления падежей прямых (именительного-винительного) и косвенных (родительного-дательного): *πέδα*, но *πόδες*; *μία*, но *μᾶς*.

Эти особенности вокализма в части слова, предшествующей окончанию, и изменение места ударения представляют собой в греческом языке лишь отдельные следы. В основном падежи характеризуются своими окончаниями; однако провести в этих окончаниях грань между падежным окончанием в собственном смысле и формой основы иногда трудно. Правда, в атематическом склонении анализ

часто не представляет трудностей, например в случае $\vartheta\pi\rho\text{-}\iota\varsigma$, $\vartheta\pi\rho\text{-}\iota$, $\vartheta\pi\rho\text{-}\epsilon\varsigma$. Но даже и в атематической флексии фонетическое развитие могло в большей или меньшей степени видоизменить окончания: $\pi\beta\mu\varsigma$, $\pi\beta\mu\epsilon\omega\varsigma$, $\pi\beta\mu\epsilon!$. Наконец, для тематического склонения — тип $\pi\pi\pi\varsigma$, $\pi\pi\pi!$, $\pi\pi\pi!$ — и для имен на $*-\bar{a}$ — $\dot{\chi}\mu\acute{e}r\bar{a}$, $\dot{\chi}\mu\acute{e}r\bar{a}\bar{t}$, $\dot{\chi}\mu\acute{e}r\bar{a}^1$ — уже начиная с общегреческого языка разграничить основу и окончание оказывается решительно невозможным.

Несмотря на свое упрощение и на те изменения, которым она подверглась, система греческого склонения продолжает индоевропейскую систему. Обыкновенно наблюдаемые факты распределяются по трем типам. Один из них — тематическое склонение (тип $\lambda\acute{h}\kappa\varsigma$), в котором тематический гласный обнаруживает некоторые пережитки чередования $*e/o$ и к которому принадлежат несколько окончаний, составляющих его особенность. Тематическому склонению противостоит склонение атематическое, резко от него отличающееся: здесь окончания легко отделимы от основы, предшествующий окончанию элемент (корень или суффикс) подвергается чередованию по количеству и по тембру, место ударения меняется; это тип $\vartheta\pi\rho$, $\vartheta\pi\rho\bar{\iota}\varsigma$, $\pi\beta\mu\varsigma$, $\pi\beta\mu\bar{\iota}\varsigma$, род. п. $\pi\beta\mu\bar{\iota}\omega\varsigma$ в ионийском и дорийском диалектах, $\pi\beta\mu\epsilon\omega\varsigma$ в аттическом, и т. д.

Тип с основами на $*-\bar{a}$ в известных отношениях со-прикасается с атематическими именами: окончание родительного падежа то же; сохранились некоторые следы чередования гласных и изменения места ударения. В других отношениях он приближается к тематическому склонению; таковы формы дательного падежа единственного числа и именительного и дательного падежей множественного числа.

ТЕМАТИЧЕСКОЕ СКЛОНЕНИЕ (тип $\dot{o} \lambda\acute{h}\kappa\varsigma$)

§ 11. Тематическая флексия составляет одну из существенных частей именной системы в греческом языке. Возможно, что она возникла в индоевропейском языке

¹ Грамматик Геродиан (II в. н. э.) осуждает установившееся у позднеаттических писателей обыкновение переносить в именительном падеже множественного числа слов типа $\dot{\chi}\mu\acute{e}r\bar{a}$ ударение на третий от конца слог ($\dot{\chi}\mu\acute{e}r\bar{a}\bar{t}$). — *Прил. перев.*

позднее, чем другие типы. Во всяком случае несомненно, что она развивалась в ходе истории греческого языка. Она расширила свою область за счет древних атематических имен (3-го склонения): $\pi\pi\chi\bar{\iota}\varsigma$ „нищий“ из $\pi\pi\chi\varsigma$ „пугливый“, $v\bar{\iota}\varsigma$ „сын“, дублет к $v\bar{\iota}\varsigma$, и т. д.

В индоевропейском языке тематический тип заключал в себе имена мужского, женского и среднего рода. То же сохранилось и в греческом. Здесь мы встречаем, например, такие имена женского рода, как $v\bar{\iota}\varsigma$ „невестка“, $\psi\pi\bar{\iota}\varsigma$ „дуб“, $v\bar{\iota}\bar{\iota}\varsigma$ „остров“, $v\bar{\iota}\bar{\iota}\bar{\iota}\varsigma$ „болезнь“, существующие и ныне в новогреческом языке. Однако под влиянием системы прилагательного эта флексия стала осознаваться уже как характеризующая мужской род: имена мужчин, имена животных, отвлеченные имена с огласовкой \bar{o} и с ударением на основе типа $\lambda\acute{h}\varsigma$.

Тематический тип играл значительную роль в системе прилагательного, где он характеризует, вообще говоря, мужской род. Кроме того, ему следуют указательные местоимения, некоторые вопросительно-неопределенные и некоторые местоименные прилагательные. Этой категории основ были свойственны в индоевропейском языке несколько особых окончаний, которые в греческом и латинском языках распространялись на все тематические имена.

Склонение характеризуется чередованием e (в звательном и иногда в местном и орудийном падежах единственного числа) и o (в остальных падежах); нулевая ступень предшествующего окончанию гласного не наблюдается. Ударение, которое может занимать различные места, остается неподвижным на протяжении флексии в той мере, в какой это допускают общие правила ударения. Наконец, своеобразной чертой этого типа, наблюдающейся также и у основ на $*-\bar{a}$, является то, что в определенных падежах (например, в дательном единственного и множественного числа) окончание составляет одно целое с тематическим гласным и не может быть от него отделено, возможно, в результате слияния, восходящего к индоевропейскому типу.

Этот тип склонения (за исключением дательного падежа, который, как известно, исчез) сохранился в данном виде и в новогреческом языке.

§ 12. Рассмотрим параллельно флексию мужского и женского рода и флексию среднего рода, которые

различаются между собой только в именительном, звательном и винительном падежах единственного и множественного числа.

М.-ж. р. Ср. р.
Ед. ч.

Им.	λόκος	τέχνου
Зват.	λόκε	τέχνου
Вин.	λόκου	τέχνου
Род.	λόκου	τέχνου
Дат.	λόκῳ	τέχνῳ

Мн. ч.

Им., зват.	λόκοι	τέχνα
Вин.	λόκους	τέχνα
Род.	λόκων	τέχνων
Дат.	λόκοις	τέχνωις

Дв. ч.

Им., зват., вин.	λόκῳ	τέχνῳ
Род., дат.	λόκοις	τέχνοις

§ 13. Именительный падеж единственного числа мужского и женского рода. В этом падеже *ο* является тематическим гласным, а *ς* — падежным окончанием (тем же, которое мы встречаем в атматическом склонении). *Λόκος* имеет точное соответствие в лат. *lupus*.

Звательный падеж единственного числа. В этом падеже представлена ступень ε тематического гласного. Форма без окончания имеет полное соответствие в лат. *Iup*. Со звательным падежом на *ε*, представляющим собой архаизм, конкурировал именительный падеж, употребляемый в функции звательного. У поэтов, и уже у Гомера, встречается, например, ϖ φίλος. Слово θεός „бог“ имеет в аттическом диалекте в обращении форму θεός; θεός засвидетельствовано только в Новом завете и в позднем языке. В новогреческом звательный падеж на *ε* живет и поныне, но для некоторых имен лиц употребительна форма на *-ο*: Γεόργο „Георг“, γέρο „старик“.

§ 14. Винительный падеж единственного числа. *Λόκον* соответствует лат. *Iurip*. В индоевропейском языке

винительный падеж единственного числа одушевленного рода всегда характеризуется носовым звуком в окончании: *η* в латинском и индоиранском, *π* во всех остальных языках, в том числе и в греческом (ср. ἡμέρα, πόλιν, πόδα и т. д.).

§ 15. Родительный падеж единственного числа.

Форма род. п. *λόκου* ставит нас перед проблемой. Ясно, что эта форма не связана с латинским родительным падежом на *-ī* (который встречается также в кельтском). Диалектические формы греческого языка позволяют уяснить структуру окончания *-ου*. Гомеровский язык дает два окончания: *-οιο* и *ου*. В слабом времени стопы за *-ου* может скрываться *-οο*, и в некоторых случаях метрика дает основание думать, что *-οο* действительно было подлинной древней формой. Характерны некоторые формулы: Ο 66 = Φ 104 Πίοο (в рукописях Ιλίου) προπάροιθεν; Χ 313 ἀτρίοο (рук. ἀγρίου) πρόσθεν; К 60 (ср. ρ 36) Αἰόλοο (рук. Αἰόλου) κλιτὰ δώματα; Ο 554 ἀνεψιόο (рук. ἀνεψιοῦ) κταμένοιο; Ε 21 ἀδελφέο (рук. ἀδελφεοῦ) κταμένοιο; Ι 440 ὄμοιοο (рук. ὄμοιοιου) πτολέμαιοιο; в пятой стопе ξ 239 δύμοο (рук. δύμου) φῆμις. Иногда текст сильно испорчен: за предлагаемым рукописями чтением Ζ 344 κακοηγάλον δύριοέσσται скрывается κακοηγάλον κριοέσσται; точно так же Ι 64 вместо ἐπιδημίου δύριοέσται надо писать ἐπιδημίοιο κριοέσται. Таким образом, окончание *-ου* явилось в результате слияния *-οο*. Эта слитная форма засвидетельствована в эпосе, и в сильном времени или в конце стиха ее нельзя исправлять на *-οο*. Итак, гомеровский язык использует три окончания: *-οιο*, *-οο*, которое не засвидетельствовано, но в некоторых случаях может, а в других должно быть восстановлено, и *-ου*.

Помимо Гомера, окончание *-οιο* встречается изредка лишь в поэзии под влиянием гомеровского языка, но оно было, повидимому, древней формой родительного падежа в восточной части области фессалийского диалекта (Аполлоний, De synt. 50, 9) и иногда засвидетельствовано в надписях: Ι. Г. IX, 2, 511 πολέμοιο; но чаще мы встречаем *-οι*, которое объясняется апокопой конечного *ο*: Ι. Г. IX, 2, 1228, Ἀντιμαχοι.

В других диалектах окончание возникло из слияния *-οο*: в дорийском *-ω* (лаконский и критский диалекты, Феокрит) и в некоторых говорах *-ου*, например в дельфий-

ском (и, кроме того, у Пиндара и Вакхилида, относительного которых, впрочем, не установлено, является ли для них написание *-ω* подлинным). Из эолийских диалектов западнофессалийский имеет *-ω* и *-οὐ*, лесбосский — *-ω*, хорошо засвидетельствованное в древних надписях и в папирусных отрывках Алкея и Сапфо. В аркадско-кипрском диалекте окончанием служит *-ω*, образованное из *-ο-*; однако некоторые кипрские эпиграфические тексты, особенно эдальйские, дают для имен окончание *-ῳ*, расходящееся с формой артикла *τῷ*. Это окончание объясняется аналогией с родительным падежом множественного числа, где конечный носовой был слабым и мог как присутствовать, так и отсутствовать. Ионийский и аттический диалекты имеют *-οὐ*, закономерный результат слияния *-ο-*.

Окончания *-οἰο* и *-οἴο* можно считать несводимыми. Первое из них восходит к **-οσίο*, ср. санскр. *-asya*, второе могло произойти из **-ο-σο-*, свойственного местоименным формам (ср. ст.-слав. *тво-ся*). Однако проще исходить из единственного окончания **-οσίο*, давшего в общегреч. **-οἰο-*: *ἴ* могло получить двоякую трактовку в зависимости от того, произносилось ли оно как простое или как двойное¹.

§ 16. Дательный падеж единственного числа. *Ἄρχω* предполагает окончание **-οῖ*, которое представлено также авест. *-āi* и лат. арх. *-ōi*, классич. *-ō*. Написание *-ω*, засвидетельствованное эпиграфически начиная с IV в. до н. э., обусловлено фонетическим изменением. Форма *-ο-*, засвидетельствованная в ионийских надписях с Эвбеи и в нескольких аттических, также указывает, повидимому, на особую фонетическую трактовку. В других случаях окончание *-οι* вместо *-ωi* (аркадский, беотийский и особенно этолийский и северо-западный диалекты) должно быть истолковано как употребление местного падежа в функции дательного (§ 23).

¹ Наличие двух форм окончаний *-οἰο* и *-οἴο* можно объяснить тем, что интервокальное *i* (< *si*) фонетически исчезло только в форме родительного падежа артикла *τῷο*, где его артикуляция была ослаблена вследствие проклитического характера этой формы, и лишь под влиянием аналогии могло в дальнейшем исчезать в других случаях окончания *-οἰο*. Ср. различные трактовки группы согласных в формах родительного падежа артикла и имени в ион. *τῷο* *δραῦθέων* и т. п. [Ф. § 22]. — Прим. перев.

§ 17. Именительный-зеательный падеж множественного числа. Единственная греческая форма характеризуется окончанием *-οι*, соответствующим лат. *-ī*. Сравнение с санскритом, оскско-умбрским и германским языками, имеющими окончание **-ōs*, показывает, что здесь перед нами новообразование, введенное греческим и латинским языками независимо друг от друга. Окончание *-οι* было заимствовано от указательных местоимений. Это новообразование сближало тематические имена с местоимениями, с которыми, и помимо того, у них были точки соприкосновения; оно более четко противопоставляло их именам атматическим, и, наконец, оно устранило возможность совпадения с формой винительного падежа множественного числа на **-ons*, дававшей в результате фонетического изменения *-οὺς* или *-ῳς* (Ф. § 78; относительно основ на **-ā* см. § 34).

§ 18. Винительный падеж множественного числа. Ионийско-аттическая форма вин. п. мн. ч. *Ἄρχος* восходит к окончанию *-ῳς*. Наблюдающееся в диалектах разнообразие форм объясняется различием фонетической трактовки: дор. *Ἄρχος* (так же и у Феокрита, который иногда пользуется и формой на *-ος*, как в критском диалекте, но рукописи Пиндара всегда дают *-οὺς*) и иногда *-οὺς*; критский диалект противопоставляет форму на *-ῳς* перед гласным форме на *-ῳς* перед согласным [Ф. § 78]; в аргосском мы находим — *-οὺς*, в фессалийском и аркадском — *-ος*, в беотийском — *-ῳς*; наконец, в лесбосском (надписи, Алкей и Сапфо) — *-οις*. Окончание вин. п. мн. ч. **-ης* встречается и в других индоевропейских языках. Оно служило для всех типов склонения. Для тематической флексии трудно определить, следует ли принять за индоевропейскую форму **-οῖς* или **-οὺς*.

§ 19. Родительный падеж множественного числа. *Ἄρχου* должно быть сближено с лат. *sociūm*, *deim* и т. п. Этот тип родительного падежа, совпадающий с родительным падежом атматического склонения, восходит к окончанию, которое в индоевропейском заключало в себе, смотря по диалекту, конечное *-η* или *-η-* и о долгое или краткое.

§ 20. Дательный падеж множественного числа. Дательный падеж множественного числа имеет в греческом языке, смотря по диалекту, окончание *-οῖς* или *-οῖσι*. Эти окончания не принадлежат собственно индоевропейскому дательному падежу. Окончание *-οῖς* восходит к индоевропейскому орудийному падежу на **-ois*, засвидетельствованному также санскр. *-ais* и лат. *-is*. В общегреческом языке долгий гласный в дифтонге с долготой первого элемента сократился перед группой неслоговое *i* + согласный [Ф. § 6]. Окончание *-οῖσι* представляет древний местный падеж; оно напоминает окончание **-oisi*, засвидетельствованное в различных индоевропейских языках: авест. *-aši*, санскр. *-eṣi*, ст.-слав. *-ъхъ* (о замене конечного *i* через *u*, наблюдающейся в греческом языке также в *τιμᾶται* и в *χρῆσται*, см. § 57). Обе формы *-οῖς* и *-οῖσι* (последняя в положении перед гласным переходила в *-οῖσ*) семантически равнозначны, и диалекты избрали либо то, либо другое окончание. Окончание *-οῖς* установилось в большей части дорийских говоров, в беотийском, в аркадско-кипрском и в ионийском диалекте Эвбеи; *-οῖσι* принадлежит ионийскому (кроме Эвбеи) и лесбосскому (где, однако, артикль всегда имеет форму *τοῖς*). Аттический загадочен: надписи дают *-οῖσι* приблизительно до 450 г. до н. э., а затем общее распространение получает *-οῖς*. В гомеровском языке перед согласным почти всегда *-οῖσι*; *-οῖς* перед гласным может быть истолковано как элидированное *-οῖσ*. Но иногда *-οῖς* находится также перед согласным или в конце стиха; это окончание в Одиссее встречается чаще, чем в Илиаде. Повидимому, его надо считать древним, по крайней мере для местоимений (*τοῖς*, *τοῖσθε* и т. п.). Среди других литературных языков Пиндар и Вакхилид свободно пользуются обоими окончаниями; так же и Феокрит. У Алкея и Сапфо, в соответствии с лесбосской нормой, обычно *-οῖσι*, но для артикля — *τοῖς*. Случаи дательного падежа на *-οῖσι*, засвидетельствованные в аттической трагедии, обусловлены влиянием Гомера.

§ 21. Именительный-звательный-винительный падеж двойственного числа. Древнее окончание было *-ω* (вед. *-ā*, ст.-слав. *-а* и т. д.); *ἄμφω*, ср. лат. *ambō*, и т. д.
Родительный-дательный падеж двойственного числа. Греческий язык обладает для этой формы окончанием

-οῖγ: *λήκοιγ*, у Гомера *-οῖγ* и *-οῖη*. Аркадский дает формы *Δεδυροίγου* и *μέσοιγ* (Швицер 664, 25) с окончанием *-ηγ*, напоминающим некоторые санскритские формы, также содержащие *i*. Было высказано предположение, что гомер. *-οῖγу* возникло в результате диссимиляции из аркал. *-οῖηγу*.

§ 22. Замечания о формах неодушевленного рода. Единственными отличными от форм одушевленного рода являются формы именительного-звательного-винительного падежей, не различающихся между собой по форме, как и в других типах склонения. В единственном числе *τέχνου* или *ζυγύ* соответствуют лат. *iugum* (ст.-лат. *iugom*), санскритским формам на *-am* и т. д.

Во множественном числе *τέχνα*, *ζυγά* содержат краткое *a* (ср. лат. *iuga*), как и атматическое *δύματα* (лат. *δόμινα*, санскр. *पात्मापि*); краткое *a* в латинской и греческой формах и краткое *i* в санскритской восходят к индоевр. *ə*; в тематическом склонении ведический санскрит противопоставляет греч. *ζυγά* и лат. *iuga* форму *υγά* с долгим *a* (§ 7).

Примечания: 1. Слово, означающее „дерево“, у Гомера и у Геродота имеет форму *δένδρεον* [Ф. § 31]; флексия *δένδρον*, *δένδρου*, засвидетельствованная у Геродота и составляющая норму в аттическом диалекте, возникла, возможно, на основе двусложного произношения форм *δένδρέω*, *δένδρέων* (Г 152, τ 520). С другой стороны, из форм *δένδρα*, *δένδρών* были извлечен атматический дат. п. *δένδρος* (Геродот, Фукидид II, 75 и др.), далее флексия типа *δένδρος*, *δένδρον* в ионийском (Геродот VI, 79 и др.), дорийском (I. G. IV, 951 и др.) и койне.

2. *Ἄνδράποδα* представляет собой собирательное со значением „рабы“, образованное по *τετράποδα* „четвероногие“. У Гомера (Н 475) дательный падеж образован по атматическому типу *ἀνδράπόδεσσα*, но аттический диалект провел последовательно тематическую флексию: дат. п. мн. ч. *ἀνδράποδοις*, ед. ч. *ἀνδράποδον* и т. д.

В двойственном числе неодушевленного рода употребляется форма им.-вин. п. *ζυγώ*, созданная по аналогии с *λήκω*, и т. п.

§ 23. Мы объяснили дательный падеж множественного числа с помощью окончаний местного и орудийного падежей, а некоторые формы дательного падежа единственного числа — с помощью окончания местного падежа. Некоторые формы наречий дают нам другие падежные

формы, исчезнувшие в системе склонения. Наиболее отчетлива среди них форма местного падежа. Местный падеж единственного числа, послуживший для образования формы дательного в некоторых диалектах, сохранился в нескольких наречиях места. Его окончание *-οι наблюдается в таких наречиях, как οἴκοι, πέδοι, τοῖ, Ἰεθμοῖ, Μεγαροῖ (наряду с им.-вин. п. мн. ч. Μέγαρα).

Кроме того, существует окончание и с другой степенью огласовки -ει, засвидетельствованное в форме οἴχει (появляющейся не ранее Менандра и объясняемой иногда как результат диссимиляции двух дифтонгов -οι) и в таких формах наречий, как ἔχει и особенно в дор. δέπλει, τείδε, τούτει, ἀλλει и др. Латинский местный падеж на -ī, повидимому, также восходит к дифтонгу *-ει¹.

§ 24. Место ударения на протяжении флексии не изменяется. Но в родительном и дательном падежах единственного, множественного и двойственного числа гласный конечного слога получает особую интонацию (так называемую циркумфлексную)²; в тех случаях, когда этот гласный несет на себе ударение, оно должно быть облеченым: ζυγόν, но ζυγόδ, ζυγό; ζυγά, но ζυγών, ζυγοῖς; ζυγό, но ζυγοῖν. Древность этого явления подтверждается сравнением с балтийскими и славянскими фактами. Местный падеж единственного числа противостоит в отношении ударения именительному падежу множественного числа. Формы местн. п. Ίεθμοι и οἴκοι противостоят формам им. п. мн. ч. θεοί и, с другой стороны, οἴκοι, ἄγγελοι: окончание

им. п. мн. ч. -οι в отношении ударения равнозначно краткому слогу¹.

Звательный падеж занимал в склонении особое место: этим объясняется ἀδελφός при им. п. ἀδελφός.

§ 25. В тематическом склонении в ионийском и аттическом диалектах наблюдается иногда долгий конечный гласный. Эта долгота может возникнуть вследствие перестановки количества; таковы: λεώς „народ“ из ληός (Геродот, Гиппонакт), гомер. λάβες, νεώς „храм“ из νηός (Гомер и Геродот), дор. νάβες; в системе прилагательного θεως „милостивый“. Некоторые слова содержат этимологическое ω: λαγώς или λαγός „заяц“, гомер. λαγώβς, ион. λαγός (ср. λαγαρός „обвислый“ и οὖς, дор. ϖς „ухо“), κάλως „канат“, ἄλως „ток, гумно“.

Приведем образец этого склонения, так называемого аттического:

Ед. ч.

Им.	λεώς	θεως, θεω
Вин.	λεών	θεων
Род.	λεώ	θεων
Дат.	λεώι	θεωι

Мн. ч.

Им.	λεώι	θεωι, θεα
Вин.	λεώς	θεως, θεα
Род.	λεών	θεων
Дат.	λεώις	θεωις

Дв. ч.

Им., вин.	λεώ	θεω
Род., дат.	λεών	θεωι

В этом склонении падежные характеристики подверглись глубокому изменению. Начиная с IV в. в надписях встречаются примеры винительного падежа единственного

¹ Выражение „равнозначно краткому слогу“ не должно пониматься в том смысле, что мы имеем здесь какое-то отступление от общей нормы: равнозначными краткому слогу окончания им. п. мн. ч. -οι, -οι становятся потому, что им присуща „акутовая интонация“ (см. предыдущую сноску).—*Прим. перев.*

² Необходимо различать понятия „музыкального ударения“ и „интонации“: „музыкальное ударение“, как и другие виды ударения, выделяет определенный слог среди других слов, принадлежащих данному слову; интонация же, та или иная, присуща каждому гласному или дифтонгу, независимо от того, принадлежит ли он ударному или неударному слогу. Подробнее об интонации см. А. Мейе, Общеславянский язык, М., 1951, § 178 и сл.—*Прим. перев.*

числа без конечного носового: τὸν νέων, τὴν ἄλω, Ἡγησίλεω, несомненно под влиянием аналогии τὴν αἰδῶ „стыд“ и τὴν ἔω „зарю“ (§ 68); последнее слово в свою очередь перешло в аттическом диалекте к склонению по типу λέως: род. п. ἔω, дат. п. ἔων. В именительном падеже множественного числа встречаются формы на ζ, обусловленные влиянием аттической флексии; так, οἱ κάλως в аттических надписях IV в.

Прилагательное πλέως (гомер. πλεῖος, ион. πλέος) образует особые формы: ж. р. πλέα, мн. ч. ср. р. πλέα — форма, которая должна содержать долгое α; но по аналогии с другими формами флексии была создана форма мн. ч. ср. р. ἔπλεος (Ксенофонт, Hell. III, 2, 11 и др.); в именительном падеже множественного числа мужского рода иногда встречаются такие формы, как ἔμπλεοι (Платон, Resp. 411 с).

В отношении ударения следует отметить пропарокситональные формы: λέως, ἔμπλεως, где ударение сохранило то же место, которое оно занимало первоначально в ἄλως, *ἔμπλως. В окситонах, например в λέως, острое ударение распространено даже на косвенные падежи, что не могло быть древним¹.

Это склонение было устранено в койнэ, усвоившей тип λᾶς, γᾶς.

§ 26. Некоторые существительные и прилагательные представляют в аттическом диалекте слитное склонение, причем слияние может быть основано на -οο- или на -εο-. Гомер, напротив, пользуется только неслитными формами.

Ед. ч.

Им.	πλόος > πλοῦς	ὅστεόν > ὅστοῦν
Вин.	πλόον > πλοῦν	ὅστεόν > ὅστοῦν
Род.	πλόου > πλοῦ	ὅστεόν > ὅστοῦ
Дат.	πλόῳ > πλῷ	ὅστεῷ > ὅστῷ

Мн. ч.

Им.	πλόοι > πλοῖ	ὅστέα > ὅστᾶ
Вин.	πλόοις > πλοῖς	ὅστέα > ὅστᾶ

¹ Подробнее об этом см. Vendryes, Traité d'accentuation grecque, § 273.

Род.	πλόων > πλῶν	ὅστέων > ὅστῶν
Дат.	πλόοις > πλοῖ	ὅστέοις > ὅστοῖ

Дв. ч.

Им., вин.	πλόω > πλῶ	ὅστέω > ὅστῶ
Род., дат.	πλόοιν > πλοῖ	ὅστέοιν > ὅστοῖν

В системе прилагательного также имеется флексия этого типа: ἀπλόος > ἀπλοῖς „простой“, χρύσεος > χρυσοῖς „золотой“. Форма мужского рода склоняется по образцу πλόος, среднего — по образцу ὅστέον. Относительно форм ж. р. χρυσῆ, ἀπλῆ см. § 40.

Следует отметить, что во множественном числе среднего рода слияние не подчиняется фонетической норме ни в ὅστᾶ, χρυσᾶ, ни в ἀπλᾶ.

В отношении ударения эта флексия представляет некоторые особенности. В то время как все остальные падежи имеют периспоменальную форму, именительный-винительный падеж двойственного числа всегда представляет собой окситон: πλῶ, ὅστῶ; в конце никогда не бывает -ῶ, которого требовали бы правила слияния.

В системе прилагательного язык обобщил для простых слов периспоменальное ударение: ἀδελφίδεος „племянник“, χρυσοῖς „золотой“, ἀργυροῖς „серебряный“ из ἀδελφίδεος, χρυσοῖς, ἀργυροῖς. Для сложных слов установлено парокситональное ударение: по аналогии с εἴνοις из εἴνυος, возникло ἀθροῖς из ἀθρόος; следует, однако, заметить противопоставление между ἀπλοῖς из ἀπλοός „непригодный для плавания“ и ἀπλοῖς из ἀπλόος „простой“¹.

Ударение сохраняет в склонении то же место, которое оно занимает в форме именительного падежа, каково бы ни было ударение неслитной формы; так, мы находим χρυσοῖς, χρυσοῖ, χρυσᾶ и т. д.; но εἴνοις (из εἴνυος) образует εἴνοιν, εἴνω и т. д. Встречается даже (Платон, Symp. 181 с) им. п. мн. ч. ἔπιπτοι от ἔπιπτος, как будто именительный падеж единственного числа этого слова был *ἔπιπτος.

В этом слитном типе склонения наблюдаются колебания. Множественное число среднего рода часто представляет неслитную форму: εἴπλοα, ἡμίχρα. В койнэ слитный

¹ Vendryes, Traité d'accentuation grecque, § 220.

тип испытал влияние атематической флексии (например, *βοῦς*); отсюда род. п. *νοῦς* (Послание к римлянам, VII, 23), *πλοῦς*, *ρόbus*, дат. п. *νοῖt*, *πλοῖt*, *ροῖt* в соответствии с им. п. *νοῦς*, *πλοῦς*, *ροῦς*.

СКЛОНЕНИЕ НА -ā (тип *ἡμέρā*, *δέξa*)

§ 27. Склонение на *-ā* во многих отношениях сходно со склонением тематических слов на **-e/-o* типа *λόχos*. Винительный и дательный падежи единственного числа, местный единственного, именительный-звательный множественного, винительный множественного, дательный множественного обнаруживают аналогичную структуру. Эта связь между обоими типами усиlena тем обстоятельством, что в большом числе прилагательных язык форме м. р. *δίκαιoς* противопоставлял форму ж. р. *δίκαιā*: двойственное число основ на *-ā* вследствие нововведения, составляющего особенность греческого языка, получило формы по образцу типа *λόχos*. В остальном основы на *-ā* образуют родительный падеж на *s*, напоминающий аналогичную форму в атематическом склонении; они сохраняют следы чередования гласных **-ā/-ē-* (ср. *δέξa*, *δέξēs*) и некоторые остатки изменения места ударения (*μίa*, *μīc*), что позволяет сблизить рассматриваемый тип с типом атематическим.

Имена, входящие в это склонение, могут быть мужского или женского рода. Но, повидимому, уже в индоевропейском языке, этот тип дал женские формы прилагательных, и существительные женского рода составляют в нем большинство. Первоначально никакой разницы в флексии между существительными мужского и женского рода не было, однако греческий язык ввел новшество, создав для именительного и родительного падежей имен мужского рода на *-ā* особые формы по образцу флексии на **-e/-o* типа *λόχos*.

§ 28. Основы женского рода

Ед. ч.

Им., зват.	<i>ἡμέρā</i>	<i>γυώμη</i>
Вин.	<i>ἡμέρān</i>	<i>γυώμηn</i>
Род.	<i>ἡμέρāc</i>	<i>γυώμηc</i>
Дат.	<i>ἡμέρāt</i>	<i>γυώμηt</i>

Мн. ч.

Им., зват.	<i>ἡμέρai</i>	<i>γυώμai</i>
Вин.	<i>ἡμέρaс</i>	<i>γυώμaс</i>
Род.	<i>ἡμέρaу</i>	<i>γυώμaу</i>
Дат.	<i>ἡμέρaic</i>	<i>γυώμaic</i>

Дв. ч.

Им., зват., вин.	<i>ἡμέρā</i>	<i>γυώμā</i>
Род., дат.	<i>ἡμέρaic</i>	<i>γυώμaic</i>

Аттический диалект сохранил тип с *ā* в единственном числе в тех случаях, когда *-ā* в общегреческом языке находилось после *ρ*, *ι*, *ε* [Ф. § 12, 13]. Следует отметить *δικρόa* „двувершинная“, *ἀθρόa* „собранная вместе“, где *ρ* обусловило сохранение *ā* после *o*. Все другие имена¹ в аттическом диалекте имеют *η*: *δικη*, *γυώμη*. В ионийском диалекте *η* распространялось и на случаи положения после *ρ*, *ι*, *ε*. Прочие диалекты сохранили *ā* общегреческого языка. О типе *δέξa*, *δέξēs* см. § 39.

§ 29. Именительный и звательный падежи единственного числа. Общегреческая форма именительного падежа, как и индоевропейская, содержит гласный *-ā* без какого-либо другого окончания: аттич. *ἡμέρa*, *γυώμη*. Звательный падеж сходен с именительным, но сохранились остатки и существовавшей ранее особой формы звательного падежа на **-ē*, греч. краткое *-a*. У Гомера встречается зват. п. *γύρφa* (Г 130, δ 743), принадлежащий к этому типу. В лесбосском диалекте формы с кратким *a*: *Δίxa*, *Εїργua*, *ἔρανua* представляют собой формы звательного падежа, но они могут употребляться также и в качестве именительного. Следует отметить также краткое *a* в форме звательного-именительного падежа некоторых слов разговорного языка, означающих родство, например *πάπta*, *ἄtta* „папа“ (по поводу *δέξa* см. § 39).

§ 30. Винительный падеж единственного числа. К основе присоединяется носовое окончание винительного падежа: *ἡμέρaн*, *σκίάн*, *γυώμηn*; ср. лат. *rosam* (по поводу *δέξa* с кратким *a* см. § 39).

¹ В слове *κόρη* „девушка“ *ā* перешло в *η*, потому что форма эта восходит к древнему **κορfā*.

§ 31. Родительный падеж единственного числа. Древнее окончание было *-ās, сохранившееся в греческом языке: ἡμέρāς, σχιάς, γυώμης, βούλης. Удержал его также оскско-умбрский язык; латинский — только в нескольких архаических формах.

§ 32. Дательный падеж единственного числа. Окончание *-āi, представленное в таких формах, как ἡμέρāi, σχιάi, γυώμηi, βούληi, является древним и находит соответствие в литовском и в итальянском языках (лат. *Fortunai Publicai CIL*, IX, 1543). Этот дифтонг с долгим первым элементом был неустойчив. В ионийском диалекте начиная с VI в. появляется -η вместо -āi; аттические надписи начиная с IV в. дают, с одной стороны, -ā вместо -āi (*δεξιά*) с другой — -ει вместо -ηι (*βουλει*). В других диалектах окончание дательного падежа единственного числа также подвергалось изменению: в лесбосском мы находим -ā вместо -āi. Там, где надписи сохраняют обозначение -āi, трудно определить, является ли элемент *a* долгим или кратким; он краток в беотийском диалекте, где исходное -āi представлено в надписях как -ae, -η (*ταء Δαματρι*, I. G. VII, 1671). Это краткое *a* не является результатом фонетического сокращения, а возникло по аналогии с дательным падежом на -oi тематического склонения (§ 16).

Местный падеж, имевший окончание *-āi, (ср. лат. *Romai*, *Romaē*), слился с дательным: *Νεμέαι*.

§ 33. Именительный падеж множественного числа. В индоевропейском языке именительный-звательный падеж множественного числа имел окончание *-ās. В греческом это окончание было заменено окончанием -āi, как и в латинском, где мы находим -ai, в дальнейшем -ae. Это окончание, повидимому, служившее в индоевропейском языке только для местоимений, было распространено на имена женского рода, как -oi на имена мужского рода. Возможно также, что оно восходит к древней форме двойственного числа, которая, судя по индоиранским, балтийским, славянским и ирландским данным, должна была оканчиваться на -ai. В гомеровском языке имена женского рода на -ā не имеют собственной формы для двойственного числа. Поэтому можно допустить, что χώραι в известной части продолжает древнюю форму двойственного числа.

§ 34. Винительный падеж множественного числа. Этот падеж содержит ожидаемое окончание *-ns: σκιάns дало σκιάiс с кратким *a*, сохранившееся в критском, откуда в ионийско-аттическом и дорийском — σκιάiс, δίκαiс, а в лесбосском — σκιάiс, δίκαiс. Перед согласным -āiс переходило в -āс с кратким *a*, и эта форма иногда употреблялась и перед гласным: τροπάiс (Гесиод, Op. et d. 564), ἀθρόaс (Нуши in Merc. 106), δύiас (Феокрит I, 134) и др. [Ф. § 78].

§ 35. Родительный падеж множественного числа. В греческом языке, как и в итальянском (лат. *rosārum*, Э. § 21), было использовано окончание указательных местоимений *-sōm, присоединенное к долгому конечному гласному основы *-ā-sōm (ср. санскритское указательное местоимение *tāsām*, греч. *τάσι*). Это окончание, после исчезновения *s* в положении между гласными, отчетливо видно в Гомере. χωράw. Форма эта, представляющая собой эолизм, широко засвидетельствована в Илиаде и Одиссее; известна она и в беотийском диалекте: δραχμάw (Коллищ-Бехтель 413, 4). В ионийском диалекте -āw перешло в -ηw, но эта форма там не сохранилась, и мы находим только -έw, явившееся результатом сокращения η: последнее окончание засвидетельствовано у Гомера, где оно почти всегда односложно, как, например, в εφετέw (A 495 и др.); также представлено оно у Геродота и в ионийских надписях. В аттическом диалекте и в койнэ окончание имеет форму -w, возникшую из слияния -ēw. Слитные формы других диалектов соответствуют фонетическим законам каждого из них. В фессалийском и лесбосском диалектах мы находим окончание -āw, в дорийских — -āw. В литературных диалектах -āw засвидетельствовано у Алия и Сапфо, -āw — в дорийских стихотворениях Феокрита. Пиндар и Вакхилид пользуются как дорийской формой родительного падежа на -āw, так и гомеровской на -έw.

Примечания: 1. Окончание -έw встречается, кроме склонения основ на -ā, также в нескольких искусственных формах эпического языка: гомер. έάw (например, Ω 528), ср. έé, κλανέw как форма среднего рода (Гесиод, Scutum 7).

2. Аттическое окончание *-ῶν*, возникшее из слияния *-ῶν*, несет облечено ударение для всех слов вне зависимости от места ударения в исходной форме: *ἡμέρῶν* от *ἡμέρα* и т. д.

§ 36. Дательный падеж множественного числа. Дательный падеж множественного числа представляет формы, параллельные формам тематического склонения. Окончание *-αις* (из *-αῖς*) возникло по аналогии с формой дательного падежа тематического склонения на *-οῖς* (из *-ωῖς*), как и лат. *-is*. В общегреческом языке первый элемент дифтонга сократился перед *i* с последующим согласным [Ф. § 6], чем и объясняется сохранение *α* в аттич. *-αῖς*. С другой стороны, мы находим здесь наличие окончания местн. п. **-ᾶσι* (где следует отметить долготу *a* и отсутствие дифтонга), напоминающего санскр. *-āśu* (относительно вопросов, связанных с конечным *i*, см. § 57). Форма на *-ᾶσι* или *-τοῖ*, смотря по диалекту, хорошо за- свидетельствована в греческом языке в своем основном значении местного падежа: в аргосском диалекте *θεῖβασσι* (I. G. IV, 801), в аттическом *Πλαταιᾶσι*, *Ἀθήνασι*, *Θύρασι* — формы, сохранившиеся в качестве наречий даже в ново-аттическом диалекте. Формы на *-τοῖ* (*-ᾶσι*) очень рано стали употребляться в ионийском и староаттическом диалектах в функции дательного падежа множественного числа: ион. *δεσπόγουσι* (Коллиц-Бехтель 5525) и аттические надписи до 420 г. до н. э. *ταμίασι* (I. G. I², 232 и др.), *δίκησι*. Но к очень раннему времени относится также и внесение в окончание *-ᾶσι*, *-τοῖ* иоты под влиянием аналогии имен мужского рода, с одной стороны, и форм дательного падежа на *-αῖς* — с другой. Так как это включение было вторичным явлением, то *-τοῖ* сохранилось в ионийском диалекте без сокращения *η*. Аттическая форма на *-αῖσι*, встречающаяся наряду с *-τοῖ* в надписях и в трагедии, получила свое краткое *α* по аналогии с *-οῖσι*.

В аттическом диалекте между формами *-τοῖ* (*-ᾶσι*), *-τοῖ* и *-αῖσι* существовало колебание, но начиная с 420 г. в надписях и во всех текстах литературной прозы засвидетельствовано только *-αῖς*. Это единственная форма, сохранившаяся в койнэ. Дорийские диалекты усвоили *-αῖς*, но в искусственном литературном языке у Феокрита и Пиндара встречаются рядом и *-αῖς* и *-αῖσι*. Из эолийских диалектов беотийский и фессалийский употребляют *-αῖς*, а лесбосский — *-αῖσι* (но для артикля *ταῖς*).

§ 37. Именительный-звательный падеж двойственного числа. Греческий язык утратил древнее окончание *-αι*, соответствующее санскр. *-e*, и заменил его *-ā*, которое появляется первоначально в склонении основ мужского рода (§ 45).

Родительный-дательный падеж двойственного числа. Этот падеж характеризуется окончанием *-αιν*, в аркадском диалекте — *-αινυ* (ср. *-οιν*, § 21).

§ 38. Как и в тематическом склонении, место ударения не изменяется на протяжении всей флексии. Родительный падеж множественного числа на *-ῶν*, всегда являющийся периспоменом, составляет лишь кажущееся исключение, обусловленное слиянием (§ 35). С другой стороны, родительный и дательный падежи единственного числа, дательный множественного, родительный и дательный двойственного имеют всегда облечено ударение, если оно падает на окончание: *τιμῆς*, *τιμῆτη*, *τιμᾶς*, *τιμᾶτη* противостоят формам *τιμή* и т. д. (§ 24). Наконец, *-αι* именительного падежа множественного числа считается за краткий слог по отношению к ударению: *τράπεζαι*, *πρῶται*.

§ 39. Имена женского рода на **-ία*. Наряду с основами на *-ā* греческий язык обладал и другим типом имен женского рода, имеющим суффикс **-ία/-ίā*, который представляет индоевропейский суффикс **-iē/-iā* (санскритские имена женского рода на *-i*). Этот суффикс в отличие от конечного *-ā* основы в *ἡμέρα*, *τιμή* и т. п. всецело принадлежал женскому роду и служил для образования форм женского рода от атематических основ: *λέοντα*, *βάσα*, *λόσσα* [Ф. § 43], *λελοκιά*, *μέλαγα* и т. п., или таких существительных женского рода, как *δόξα*, *σφύρα* „молот“, *βόσσα* „молва“ (ср. *ἄφ*, *ἄπος*) [Ф. § 48]. Краткое *α* представлено в именительном-звательном и винительном падежах единственного числа. В остальных падежах единственного числа в аттическом диалекте появляется *-ā* или *-η* в соответствии со свойственными этому диалекту фонетическими законами: отсюда аттическая флексия *τράπεζα*, *τράπεζαι*, *τραπέζης* и т. д.; *σφύρα*, *σφύραι*, *σφύρας* и т. д.; *ἀλήθεια*, *ἀλήθειαι*, *ἀληθεῖς* и т. д. Множественное и двойственное числа совпадают с соответствующими формами слов женского рода на *-ā* (ион.-аттич. *-η*).

§ 40. Существует несколько слов, образующих слитные формы. Сюда относятся прилагательные: *χρυσὴ* из *χρυσῆ*, *ἀργυρᾶ* из *ἀργυρέα*. Часто слитная форма оказывается измененной под воздействием аналогии: *ἀπλός* (из неслитного *ἀπλόος*) образует форму ж. р. *ἀπλῆ*, которая не представляет фонетического слияния из *ἀπλόῃ*. Существительное *μᾶ*, повидимому, слилось из **μάα*, но Геродот (II, 180) употребляет форму вин. п. мн. ч. *μέας*.

Основы мужского рода

§ 41. Особого рассмотрения требует только единственное число; множественное и двойственное не отличаются от соответствующих форм женского рода.

Им.	<i>νεανῖς</i>	<i>πολίτης</i>
Зват.	<i>νεανῖ</i>	<i>πολίτα</i>
Вин.	<i>νεανίου</i>	<i>πολίτην</i>
Род.	<i>νεανίου</i>	<i>πολίτου</i>
Дат.	<i>νεανίᾳ</i>	<i>πολίτῃ</i>

§ 42. Именительный падеж единственного числа. Эта форма в аттическом диалекте, как и в большей части других, характеризуется конечным *s*, заимствованным от склонения слов типа *λόγος*; такое новообразование, составляющее отличительную черту греческого языка, имело то значение, что более четко характеризовало мужской род данной группы слов. Таким образом, имеем: дор. *πολίτας*, ион.-аттич. *πολίτης* и т. д.

Беотийский диалект дает примеры именительных падежей на *-α*: *δημητρία* (Коллиц-Бехтель 791) и т. п.; такой же пример находим в элейск. *τελεστα* (Коллиц-Бехтель 1148). Трудно установить, является ли здесь конечное *α* долгим или кратким. У Гомера встречается много примеров именительного падежа с кратким *α*: *νεφεληρέτα* (A 511 и др.), *κναυχαῖτα* (N 563 и др.), *ἴπποτα* (B 336 и др.) и т. п. Эти формы иногда рассматривались как древние асигматические именительные падежи на краткое *-α*; однако их можно объяснить также и как формы звательного падежа в функции именительного. Все эти слова у Гомера представляют эпитеты богов или героев.

§ 43. Звательный падеж единственного числа. Звательный падеж многих слов имеет в окончании краткое *-α*, которое продолжает древнее чередование (ср. *ύμια*, § 29); от имен на *-της*: *σιβῶτα* (§ 55), *τοξῶτα* и т. п.; от некоторых сложных слов: *παρθενόπιτα* (A 385), *γεωμέτρα*, *μυροπόλα*; от некоторых собственных имен: *Σκύθα*, *Πέρσα*.

Другие слова имеют звательный падеж на *-η* или *-ά* (в соответствии с фонетическими законами аттического диалекта), где долгота заимствована от именительного падежа: Гомер. *αιγαρέτη*, *Ἐρμεῖσα*, аттич. *γεανία*, *Θουκιδίδη* и т. п.

§ 44. Родительный падеж единственного числа. В родительном падеже диалекты различным образом заменили древнее окончание **-ᾶς*, которое, повидимому, все же сохранилось в нескольких изолированных формах фессалийского (ср. *Νήσας*; Коллиц-Бехтель 1329, I a) и мегарского (ср. *Αρατας*; Коллиц-Бехтель 3025, 22) диалектов. Родительный падеж был создан по образцу слов мужского рода типа *λόγος* — образование, параллельное добавлению сигмы в именительном падеже и выражающее то же стремление отличить данный тип от имен женского рода; при этом сигма, ставшая характерным признаком именительного падежа, естественно должна была отпасть в родительном. Наиболее ясна эолийская форма на *-ῷ*, засвидетельствованная в фессалийском, в беотийском и у Гомера перед согласным и в конце слова: *ἴχέτῳ*, где конечное *ῳ* формы *λόγῳ* или **λόγῳ* присоединено к конечному *ῷ* основы. Окончание получало различную фонетическую трактовку: в аркадском — *-αι* (распространившееся по аналогии и на слова женского рода, *ζαμαι*), в лесбосском и дорийском — *-ᾶ*. Пиндар пользуется как дорийской формой на *-ᾶ*, так и гомеровской на *-ῷ*. В ионийском диалекте возникло *-έω*, образованное из *-έρ* (засвидетельствованного для VI в., *Δεινοδίχηρο*, Коллиц-Бехтель 5423) в результате так называемой перестановки количества. У Гомера встречается односложное *-εω* перед согласным или в конце стиха; также находим мы его и перед гласным, причем в этом случае можно предполагать, что *-εω* вытеснило первоначально стоявшее в тексте *ῷ*: A 1 *Πηλητιάδεω* *Ἀχιλῆς* можно читать *Πηλητιάδά* *Ἀχιλῆς*. В аттическом диалекте окончанием служит *-ου*: *πολίτου*. Некоторые сближали это

окончание с новоионийскими формами *Μασσαλίτεο* (Диттенбергер³ 12) и, со слиянием, *Αρχηγέτεο* (Коллиц-Бехтель 5690 b), в основе которых лежит *-τρο-*, где η сократилось без перестановки количества. Но выводить аттич. *-ον* из слияния *-εο-* затруднительно по той причине, что в аттическом диалекте никаких следов родительного падежа на *-εο-* не сохранилось. Поэтому вероятнее всего, что окончание тематического склонения *-ον* было просто перенесено в готовом виде в склонение основ на *α* (-η).

Примечание. Формы *Τλάσιάφο* (Коркира; Коллиц-Бехтель 3188) и *Πάσαδαφο* (Родос; Коллиц-Бехтель 4247), по всей вероятности, представляют собой искусственные псевдоархаизмы.

§ 45. Двойственное число. Двойственное число, в котором окончанием именительного-винительного падежа служит *-α*, родительного-дательного *-αιν*, было образовано по аналогии с тематическим склонением: *ἴπτω*, *ἴπταιν*. Первоначально эта форма двойственного числа появляется для слов мужского рода, и у Гомера единственными примерами двойственного числа от основ на *-α* (-η) являются формы именительного-винительного падежа слов мужского рода, например *Ἄτρειδα*, и т. п.

§ 46. Замечания о склонении слов мужского рода на *-α* (-η).

1. Склонение *Ἐρμῆς*, *Ἐρμῆν*, *Ἐρμῆο* и т. д. и *Βορρᾶς*, *Βορρᾶν*, *Βορρᾶ* и т. д. обнаруживают слияние, соответствующее аттической фонетике.

2. В ионийском диалекте собственные имена типа *Ἄλυτής*, *-ος* в именительном падеже не отличались от основ на *α* типа *Σωκράτης*, *-ος*. Эта близость повлекла за собой создание аналогических форм типа вин. п. *Λευτούθεα* (Геродот VI, 85), *δεσπότεα* (Геродот I, 91). В родительном падеже известны эпиграфические примеры на *-εος*: *Ζερρούθεος* (Фасос, I. G. XII, 8, 376), со слиянием *Ἀπελλεος* (Хиос; Б. С. Н. XXXVIII, 233); в аттическом форму того же типа представляет *Καλλιάδεος* (Мейстерганс-Швайцер, стр. 119).

3. Не следует смешивать с типом *νεανίας* такие периспоменированные уменьшительные имена, как *Ἀυτιπάς* (Коллиц-Бехтель 5727а, 51), преимущественно ионийские, а также названия животных, например *ἄτταγξ* „рябчик“ (Аристофан, *Vespae* 257), и распространенные в языке эллинистической и римской эпох обозначения профессии: *χλειδᾶς* „слесарь“, *μαχαρίξ* „ночновидец“ и др. Античные грамматики говорят, что эти слова в аттическом диалекте имели следующее склонение: им. п. *-άς*, вин. п. *-ά*, вин. п. *-άν*, род. п. *-ά*, дат. п. *-άτι*. Но в ионийском диалекте и в койнэ наблюдается род. п. *-άδος*, дат. п. *-άδι* и т. д. Это склонение неясного происхождения получило широкое развитие в греческом разговорном языке и частично сохранилось в новогреческом.

§ 47. В новогреческом языке склонение основ на *-α* и на *-η* сильно изменилось. Так, мы находим здесь тип женского рода на *-α*, куда вошли древние атематические, например *γυνάῖκα*, род. п. *γυνάῖκας*, вин. п. *γυνάῖκα* (с окончанием атематических основ в им. п. ми. ч. *-ες*, распространявшимся и на винительный). Сходное склонение имеют и слова женского рода на *-η*, например *ἀδερφή* „сестра“, *πόλη* (древнее *πόλις*). Тот же процесс охватил и слова мужского рода типа *πατέρας* и *μέρτης*, но родительный падеж единственного числа совпал с винительным, где *ν* перестало произноситься; в результате этого получилось противопоставление единого косвенного падежа без сигмы сigmatическому именительному падежу.

АТЕМАТИЧЕСКОЕ СКЛОНЕНИЕ

§ 48. Атематическое склонение противостоит типу на **-ε/-ο-* и имеет по преимуществу архаический характер. Флексия была осложнена тем, что известную роль в ней играли изменения огласовки предшествующего окончанию элемента и изменялось место ударения. Однако в ходе развития языка произошли упрощения, а в позднем языке возникла даже тенденция вообще устранить этот тип.

§ 49. Именительный падеж мужского и женского рода характеризуется либо нулевым окончанием (отсутствием окончания) с долготой в огласовке предшествующего окончанию элемента, как в формах *πατέρο*, *ἄγιῳ* (ср. лат. *pater*, *hōmō*), либо окончанием *s*, например в формах *εἰς* (род. п. *ἐνός*) [Ф. § 78], *ἄλς*, *πόλις*, *πῆχυς* (ср. лат. *urbs*, *civis*). Именительный-винительный падеж слов среднего рода всегда имеет нулевое окончание и обычно нулевую ступень суффикса: *ἲπαρ* (ср. лат. *iēcūr*), *ὅνυμα* (ср. лат. *nōmen*), *ἄστο* (ср. лат. *cōrnū*).

§ 50. Древний звательный падеж имел нулевое окончание: от *ἄναξ* — *ἄνα*¹ (Г 351). Однако в некоторых типах преобладание получила уже отмеченная выше (§ 13, 29) тенденция употреблять форму именительного падежа в функции звательного (ср. лат. *cīvis*, *hōmō*).

§ 51. Винительный падеж мужского и женского рода характеризовался, как и для тематических имен и для основ на **-ά*, окончанием *ν* (получающим форму краткого *α* в положении после согласного), которое соответствует лат. *η* в формах *oem*, *pedem* и т. п.

¹ *ἄνα* из **ānax* (τ); см. ниже § 62 и Ф. § 24. — Прим. перев.

В различных диалектах под влиянием гласных основ, например *τόλιν*, и типов *χέρεα*, *λόγον* был создан винительный падеж на *-αυ*; эта форма постоянно употребляется в кипрском диалекте: *τάττραν* (Эдалийские таблицы) и др., и спорадически в других диалектах: фессал. *χιουαν* (Швицер 614) и др. В коннэ это окончание получило широкое распространение. Однако до новой эры эта форма все же встречалась сравнительно редко: в папирусах птолемеевской эпохи примеры ее весьма редки, и даже в Новом завете она засвидетельствована слабо. В дальнейшем, однако, эта форма стала уже распространенной, и ее развитие в среднегреческом языке имело важные последствия: формы *χωαίχαν* и *πατέραν* явились той основой, на которой возникли им. п. *χωαίχα* и *πατέρας*.

§ 52. В родительном-отделительном падеже индоевропейский язык располагал окончанием с чередованием в огласовке **-es*, **-os*, **-s*. В то время как окончание латинского родительного падежа восходит к древнему **-es* (*salutes* в архаическом латинском языке), греч. род. п. *ποδός* имеет в окончании огласовку *o* (ср. арх. лат. *nōmīnus*).

§ 53. Дательный падеж, имеющий в других индоевропейских языках окончание **-ei*, представленное санскр. *-e*, лат. *-i*, восходящим к более древнему *-ei* (арх. лат. *virtutei*), оск. *-ei* и т. д., в греческом языке имеет окончание **-i* краткое: *ποδί*. Это краткое **-i*, которое мы встречаем и в германском языке, продолжает, вероятно, окончание дательного падежа с нулевой степенью огласовки, а с другой стороны — окончание древнего местного падежа. Таким образом, смешение дательного и местного падежей в греческом языке объясняется, по крайней мере частично, этим морфологическим смешением. Возможно, что след греческого дательного падежа на **-ei* сохранился в кипр. *Διεψιλος* (Эдалийские таблицы) и аттич. *Διειτρέψης* (I. G. I, 402), но сомнительно, чтобы он проявлялся в гомер. *Διεψιλος*, где долгое *i* может быть обусловлено метрическим удлинением. Пытались, наконец, усматривать дательный падеж на *-ei* в аттич. *δέρει* от *δέρω* (Софокл, Oed. Col. 620 и др.).¹

¹ Проще и правдоподобнее объясняется форма *δέρει* как метаплатическая, т. е. образованная по другому морфологическому типу, а именно, по типу *γένει: δέρει < *δέρφει* [см. Ф. § 61, 53 и сл., 16; ср. ст.-слав. *дръзъ* от основы **dervos-/*derves-*. — Прим. перев.]

§ 54. Именительный-звательный падеж множественного числа мужского-женского рода имеет в индоевропейском окончание **-es*, отличающееся от окончания родительного падежа полным отсутствием следов чередования огласовки. В греческом языке это окончание отчетливо видно в *πόλεσ*, ион. *πόλιες* от *πόλις* и т. д. Долгое *e* в латинском языке объясняется собственной историей этого языка [Э. § 41, 42].

Именительный-винительный падеж множественного числа среднего рода характеризуется кратким *-a*, древним окончанием собирательных имен: *οὐράτα*, *μέφη* (слитная форма из *μέφεα*), *ἄστη* (слитная форма из *ἄστεα*); ср. лат. *pōpīna*.

§ 55. Винительный падеж множественного числа мужского-женского рода унаследовал от индоевропейского **-ns*, где *n* сохранилось в качестве согласного в положении после гласного в некоторых диалектах: критские формы *τριὺς*, *ιωὺς* (в аттическом диалекте эти формы заменены новыми), *λοὺς*; после согласного *n* вокализовалось и затем перешло в *a* [Ф. § 3]: *πόδας*, *πατέρας*, гомер. *βασιλῆ(ρ)ας*. В ходе исторического развития греческого языка возникли значительные изменения, которые здесь уместно отметить. В критском диалекте под влиянием гласных основ, где винительный падеж мог иметь как форму *λοὺς*, так и форму *λούς*, *σκιὰς* и *σκιας*, *πόλις* и *πόλιες*, окончание *-αυς* распространилось и на согласные основы: *σταττραυς*, *θυγατεραυς* (Гортинское законодательство) и на такие формы, как *πατρωαυς*, *ματρωαυς* и т. д.

Другим новшеством, имевшим более глубокие последствия, явилось широко распространившееся употребление именительного падежа множественного числа в функции винительного; ср. *ἀληθεῖς* (§ 67).

По поводу форм типа *πόλεις* и *πόλεις*, засвидетельствованных начиная с наиболее древних аттических текстов, см. § 86 и 91; по поводу *βασιλεῖς* см. § 102; по поводу *χρείττους* см. § 112. Что касается согласных основ, то винительный падеж на *-e* появляется в различных диалектах уже довольно рано, сначала для слов, означающих числа, меру и т. п.: в Дельфах, V в., *μιας δεκατετρες* (Коллиц 1683), во Фтиотиде *τοις σταττρες* (Коллиц 1448 а), в Мессении *παντες τοις τεροις* (Анданийская надпись, I. G. V, 1, 1390), элейск. *χαριτερ* и *πλειονερ* (Коллиц 1172), позд-

нее лесб. γυναικες (Швицер 633). Винительный падеж на -ες распространился в койнэ, где можно указать такие примеры, как τέσσαρες (Тебтунские папирусы I, 110), γυναικες καθημένας (P. Par. 50, 21), τοῦς λέγουτες (P. Par. 47). В рукописях Нового завета вин. п. τέσσαρες многократно засвидетельствован, но только как вариант. Все это развитие, повидимому, имело исходным пунктом числительное τέσσαρες, подвергшееся влиянию со стороны τρεῖς, винительный падеж которого в ряде диалектов был сведен с именительным (ср. также аттич. πέλεις, κρείττους). Ново-греческий язык употребляет для винительного падежа согласных основ только окончание -ες, которое служит и для основ на -α и -η, именительный падеж которых также получил окончание -ες (§ 47); формы типа ἡμέρες встречаются начиная с эпохи римской империи, а в нынешнем новогреческом языке нормой являются τοῦς πατέρες и τοῦς χλέφτες.

§ 56. В родительном падеже множественного числа окончанием служит -ῳ, а при наличии на нем ударения — ῳ: *κοράχῳ*, *ποδῷ*; в индоиранском этому окончанию соответствует -ām (латинское окончание -um может восходить к долгому или краткому гласному; оскско-умбрский, ирландский и славянский языки имеют форму с кратким о).

§ 57. В дательном падеже множественного числа греческий язык использовал окончание местн. п. -σι, соответствующее окончаниям -āσι и -oūσι основ на *-ā и на *-e/o и также содержащее i, которому соответствует и санскритского окончания -su и т. д. (вариант, восходящий к индоевропейскому? или влияние ед. ч. ποδῶ?). Окончание -σι представляло то неудобство, что часто вело к затмению звукового состава основы в силу фонетических случайностей: в таких дательных падежах, как ὀδοῦσι, σφράσι, ποσι, основы ὀδούτ-, σφράτ-, ποδ- различны недостаточно ясно. Чтобы получить окончание, начинающееся с гласного звука, некоторые диалекты использовали дательный падеж множественного числа от основ на -ες с формой на -εσ-σι, γέφεσσι, допускавшую разложение γέφ-εσσι. При этом наличие соответствия θεοί, θεοῖσι благоприятствовало установлению соответствия ἀγόρευς, ἀγόρεσσι. Это развитие получило начало в эолийском диалекте; таковы встречающиеся

в лесбосских надписях формы Μαχεδόνεσσι, χρημάτεσσι, πάγεσσι и даже βασιλέεσσι или от основы на -ι — πολίεσσι; на конец, ἐτέσσι, где -εσσι было присоединено к основе на -εσ-; у Сапфо встречается πόδεσσι, ὅππάτεσσι и т. п.¹; у Алкея γάεσσι; беот. χαρίτεσσι, фессал. κατοικέντεσσι (соответствует аттич. κατοικοῦσι). Позднее это окончание распространилось и в северо-западных диалектах: элейск. φυγαδεσσι, локрийск. Κεφαλλάνεσσι, χρηματεσσι; дельф. σφιατεσσι, τετρεσσι, Ἱερομνήμονεσσι. Наконец, в коринфских колониях: сиракуз. πάλεσσι, θέεσσι. Окончание -εσσι составляет один из эолизмов гомеровского языка и чаще всего встречается в определенных словах, которым оно сообщало удобную для гексаметра ритмическую форму: Μυρριδόνεσσι, κηρύχτεσσι, φυλάχεσσι, ἀγρέσσι, χείρεσσι; после гласного: σύεσσι, δίεσσι, πολέεσσι, πολέσσι от πολύς, βέσσι, γήεσσι; у основ на -εσ-: ἐπέσσι, γεφέσσι, τεχέσσι. Помимо этого, дательные падежи на -εσσι встречаются почти исключительно у тех поэтов, языку которых вообще была свойственна эта форма, например у эолийцев и у Эпихарма. Несколько примеров этого мы находим у Пиндара: πόδεσσι (Nem. X, 63). Наряду с -εσσι, но гораздо реже, встречается окончание -εσι: беот. παραμετιάύτεσι, дельф. παύτεσι наряду с πάντεσσι, локрийск. παντεσσι. Формы на -εσι засвидетельствованы даже у Гомера: αἴγεσιν (К 486), ἀνάκτεσιν (ο 557), ἴνεσιν, (Ψ 191), χείρεσιν (Γ 468). У Пиндара один раз πολίεσσι (Pyth. VII, 9).

Окончание -εσσι представляло следующее неудобство: оно удлиняло форму дательного падежа множественного числа на один слог по сравнению с другими падежами. В северо-западных диалектах его заменили окончанием -σις, заимствованным от тематической флексии. В локрийском диалекте уже эантская бронзовая надпись V в. содержит форму μειονοῖς (Коллиц-Бехтель 1479); в элейском архаические надписи дают χρηματοῖς (Коллиц-Бехтель 1154) и т. д.: кроме одного изолированного примера φυγαδεσσι, только этот тип и употребителен в элейском диалекте. Большую роль играло это окончание также в Этолии, где оно и утвердилось после возникновения этолийской койнэ; первый пример ἀγόρευς относится к 359 г. (Дельфы), но общеупотребительным это окончание становится только в III веке. Другие примеры мы находим в северной Греции,

¹ Однако у Сапфо встречаются также и формы πόσσι, χέρα.

в Пелопоннесе и даже на периферии — на Крите и в Сицилии.

§ 58. В двойственном числе греческое окончание им.-вин. п. -ε (πέδε) оказывается в чередовании с индоириск.-ā (индоевр. *-ē). Род.-дат. п. ποδοῖ (если окончание несет на себе ударение, то облеченоное), гомер. ποδοῖ, имеет то же отличительное для греческого языка окончание, что и в тематической флексии.

§ 59. Флексия характеризовалась не только окончаниями, но также чередованием гласных и местом ударения. Чередование тембра е/о сохранилось почти исключительно у имен среднего рода типа νέφος, род. п. νέφεως. В других случаях встречаются только изолированные остатки: так, именительному падежу αἰώνу „век“ соответствует местн. п. αἰέν „вечно, всегда“, изолированный в качестве наречия. В противоположность этому, количественное чередование ē/ε и ὄ/o играет собственно грамматическую роль: λιμήν, -ένος, δώτωρ, -օρος. Долгота гласного противопоставляла асигматический именительный падеж мужского и женского рода остальным формам. Однако в некоторых типах долгий гласный именительного падежа был обобщен: δοτήρ, -ῆρος; λειμών, -ῶνος; αἴθων, -ωνος; θήρ, θηρός. Иногда обобщенным оказывался краткий гласный. Греческий язык унаследовал две основы *uok~- „голос“ и *ok~- „зрак“ — обе с чередованием гласного ὄ/ō. Но после исчезновения начального р, которое в положении перед о перестало звучать очень рано [Ф. § 55], оба слова оказались омонимичными; чтобы различить их, язык обобщил краткий гласный в слове ὄψ, ὄπεις „голос“ и долгий в слове ὄψ, ὄπεις „зрак“.

§ 60. Что касается изменения места ударения, то от него сохранились только следы. Односложные основы имеют ударение на коренном гласном в именительном и винительном падежах и на окончании в косвенных падежах (родительном и дательном): формы πόδα, πόδες, πόδε противостоят формам πόδος, πόδι, ποδῷ, ποσί, ποδοῖ. Это явление наблюдается также в санскрите. Другие примеры: θήρ, θηρά, θηρός, θηρί, θηρες, θηρας, θηρῶν, θηρσί.

θῆρε, θηροῖγ; μήρ, μηρός и т. д.; ὁ φῶς, φωτός и т. д.; μᾶς, μούς и т. д.; οἵς, οἱός и т. д. То же касается и κόσμου, κόμα, κυνός, κυνί, κόμες, κόμας, κυνῶν, κυσί, κόμε.

При мечания: 1. Это правило не относится к односложным причастиям, например к όντος, и к вопросительному местоимению τίς.

2. Не относится оно также (что вполне понятно) и к словам, именительный падеж которых стал односложным только в результате слияния: ἥρας, ἥρι из ἔαρας, ἔαρι (от ἥρι из ἔαρ) и даже κῆρος, κῆρι от κῆρ „сердце“, которое в аттическом диалекте рассматривалось как слияние из κέαρ (Эсхил, Пром. 185); но ср. § 64. С другой стороны, имеем φρέατος, φρέτη, φρέτῶν, хотя эти формы основаны на слиянии, ср. им. п. φρέαρ „колодец“.

Некоторые слова обнаруживают изменение места ударения только в единственном числе и в дательном падеже множественного; таковы: οὖς, ὄτε, ὄτι, но ὅτων (§ 81); κράτος „головы“, но κράτων (§ 80); παῖς, παιδός, παισί, но παιδῶν. Это относится и к словам ἡ δάκη „факел“, ὁ δρός „раб“, ὁ θών „шакал“, ὁ σῆς (род. п. σεές) „моль“, ὁ Τρώς „тroyинец“, τὸ φῶς „свет“. Особенность представляет прилагательное πᾶς, παντός, παντί, но πάγτων, πᾶσι. Те же явления обнаруживаются и в гомеровских формах от γόνοι „колено“ и δόροι „древко, копье“: γονός и δούρος, но мн. ч. γονῶν и δόρων. Еἰς, ἐνός не имеет множественного числа; поэтому производные слова οὐδεῖς и μηδεῖς образуют ед. ч. οὐδενός, οὐδεῖς и т. д., но мн. ч. οὐδέων, οὐδέσι.

Слова, обозначающие родство: ἀνήρ, θυγάτηρ, μήτηρ, πατέρ и γυνή, также обнаруживают в ударении отступление от нормы. Они имеют ударение на окончании в родительном и дательном падежах всех трех чисел, за исключением форм с огласовкой ε перед окончанием и форм дательного падежа множественного числа на -άσι, и на предпоследнем слоге в остальной флексии (особо отметим формы им. п. ἀνήρ, πατέρ, γυνή).

В звательном падеже единственного числа отступление ударения к началу слова, которое мы наблюдали в слове ἀδελφε (§ 24), встречается и в атематическом склонении: πάτερ, σωτερ, Ἀπόλλον и др.

§ 61. Основы атематического склонения естественным образом распадаются на две группы — основы согласных и основы гласных. Эти два типа не подверглись взаимному воздействию, как в латинском языке, и дают в общем вполне отчетливую классификацию.

Согласные основы

Основы на смычный

§ 62. Основы, оканчивающиеся на смычный и имеющие в именительном падеже одушевленного рода сигматическую характеристику. Образец флексии этого типа дает слово φύλαξ „страж“.

	Ед. ч.	Мн. ч.	Дв. ч.
Им., зват.	φύλαξ	φύλακες	φύλαχε
Вин.	φύλαχα	φύλακας	
Род.	φύλακος	φύλάκων	
Дат.	φύλαχι	φύλακει	

Замечания к флексии. Зватательный падеж совпадает с именительным, или, точнее, именительный падеж слов этого типа стал функционировать и в качестве звательного. Исключение — гомер. ἄνα, зватательный падеж от ἄναξ, ἄνακτος¹ „царь“.

Форма эта объясняется отпадением смычных в конце слова [Ф. § 24]; возможно, именно эта фонетическая трактовка, изолируя звательный падеж от остальной флексии, и привела к его замене именительным.

Слова этого типа, как правило, не имеют чередования гласных; исключение, которое можно считать единственным, составляет слово ἀλόπτης, -ηξος „лиса“.

К основам на смычный должно быть отнесено и слово γυνή „женщина“: зват. п. γυναι, вин. п. γυναιχа, род. п. γυναικός, дат. п. γυναιχί. Возможно, что γυναι представляет собой древний аномальный зватательный падеж от γυνή, а остальная флексия возникла на основе γυναι с расширением -η-. Комические поэты образуют от γυνή вин. п. ед. ч. γυνή, им. п. и вин. п. мн. ч. γυναι и γυνάς — формы, явно восстановленные. Новогреческий язык создал им. п. η γυναιχа.

§ 63. Корневое слово πόνος, πόδης „нога“ дает повод к некоторым замечаниям. Это слово в индоевропейском языке имело одновременно и чередование тембра е/о и

¹ В дорийском диалекте это слово имеет основу *fanax-*;ср. *Fanakes* (Швицер 79).

количественное чередование. В то время как латинский язык обобщил тембр е, греческий язык обобщил тембр о (темпер е сохранился в некоторых производных словах, например в эолийском предлоге πέδᾳ [= μετά], πέδῃ „пути“, πέδου „почва“, πεζός „пеший“ и т. д.). В падежных формах греческого языка огласовка о краткое обобщена, за исключением именительного падежа единственного числа: πόδα, πόδες, πόδι, πόδει, πόσι (фонетический дериват *πόδ-οί [Ф. § 28 и 64]). Именительный падеж характеризуется долгим гласным, ω в дорийском диалекте (πός, Гесихий) и οο в ионийском и аттическом. Последняя огласовка не является древней, поскольку долгим гласным в именительном падеже при чередовании всегда служит ω (ср. δαΐμων и т. п.)¹. С другой стороны, греческий язык создал именительный падеж с краткой огласовкой τός, засвидетельствованной в дор. (Лиг. adesp. 72 В), лаконск. πόρ (Гесихий), гомер. τρίπος, ἀρτίπος и т. д.

В склонении сложных слов был создан по образцу именительного падежа единственного числа вин. п. -πονου: ποιλόπονου (Аристофан), τρίπονου (Эсхил), ἄπονου (Эсхил); в среднем роде — им.-вин. п. τρίπονу от τρίπονς „трехногий“. Собственное имя Οἰδίπονς, кроме флексии на -πον-, -πονος и т. д., имеет вин. п. Οἰδίπονу и даже род. п. Οἰδίπον (единственная форма, засвидетельствованная у трагиков), зват. п. Οἰδίπον (Софокл, Oed. R. 405).

§ 64. У основ, оканчивающихся на зубной -δ-, -θ-, -τ-, последний часто представляет собой их вторичное расширение — обстоятельство, обнаруживающееся, например, в слове ὄρυς, -θος, имеющем некоторые формы от основы на -ι-: вин. п. ед. ч. ὄριγα наряду с ὄρυθα, вин. п. мн. ч. ὄρυεις или ὄρυτης (Аристофан, Av. 717 и др.) наряду с ὄρυθας. Дорийские диалекты указывают на расширение χ: ὄρυχα (Пиндар, Ol. II, 97 и др.). Кλῆις, -θος, этимологически соответствующее лат. clavis, аттич. κλεῖς, вин. п. κλεῖγα (Демосфен XVIII, 67) и κλεῖδα (коинэ). В дорийском встречается форма на заднеязычный κλᾶις — в Андании (Швицер 74, 92), в Эпидавре. Θέρις, этимоло-

¹ Объясняют это возможностью различных аналогических влияний, например типа δοῖς, δότος.

гия которого неясна, имеет вин. п. θέμιτη (Гесиод, Theog. 16; Эсхил, Ag. 1431 и др.). Но эта основа подвергалась различным расширениям: вин. п. ед. ч. θέμιστα (Е 761), им. п. мн. ч. θέμιστες (А 238) и как собственное имя род. п. Θέμιτος (Пиндар, Ol. XIII, 6 и др.), чаще Θέμιδος (Эсхил, Prom. 18 и др.), что является обычной формой в аттическом диалекте. Рядом с обычным Ἀρτέμιτη мы встречаем Ἀρτέμιδα (Н. in Ven. 16), род. п. Ἀρτέμιδος и т. д. У некоторых собственных имен отсутствие переднеязычного наблюдается не только в винительном падеже. θέτις образует род. п. θέτιδος и θέτιος (Пиндар, Isthm. VIII, 27), дат. п. θέτιδι и θέτι (Σ 407); Πάρις имеет Πάριδος и Πάριος (Г 325).

Все эти обстоятельства привели к широкому смешению различных форм: έρις образует вин. п. έριτη, но эпитетскому языку наряду с έριτη свойственны и формы έριδα; другие дублеты: έπιτη и έπιδα, χάριτη и χάριτα. Как общее правило, винительный падеж имеет форму на -ιτη, когда ι не несет ударения (χάριτη является нормальной формой), но, с другой стороны, мы встречаем только форму πατρίδη.

Некоторые основы на ο также имеют две формы винительного падежа: κέρυνθα (N 188) и κέρυνη (N 131).

Некоторые основы с трудной флекссией получили расширение τ и перешли к согласному типу. О χώρος, γέλως, φώς и φός см. § 68; о ἥπαρ, ἥπατος см. § 76; о τέρας, -ατος см. § 71; о δύομα, -ατος см. § 79.

У имен среднего рода онемение конечного смычного в именительном-винительном падеже единственного числа стирало характеристику основы: μέλι, род. п. μέλιτος; γάλα, род. п. γάλακτος (ср. лат. lac, lactis). Отсюда возникла флексия γάλατος или γάλακτος (Ферекрат 108 К; Каллимах, Гекала I, 4, 4); это слово стало даже употребляться как несклоняемое, τοῦ γάλα (Платон комик 238 К). Уже в общегреческую эпоху κήρ «сердце» (из *κηρδ; ср. καρδία) перешло в флексию основ на -τ-, род. п. κήρος, дат. п. κήρι. Но трагики употребляют в именительном падеже форму κέαρ, извлеченную из род. п. κήρος по аналогии с έαρ при ήρ и ήρος.

§ 65. Основы на -nt. Греческий язык унаследовал от индоевропейского основы на -nt, которые служили для

образования причастий настоящего времени и аориста типа (винительный падеж) λείποτα, λείποτα, δεῖξατα. Часть этих форм характеризуется в именительном падеже мужского рода окончанием этого падежа -s. Таковы причастие сигматического аориста δεῖξας, тематические причастия τίθεις и θείς, διδός и δός, прилагательные типа χαρίεις и некоторые существительные, например ίμας, ίματος и др. Трактовка *-υτς > -υς следовала правилам, свойственным каждому из диалектов: критским формам καταθεύς, υκασαυτι соответствовали ион.-аттич. καταθείς, υκήραστι. Перед согласным общегреческая трактовка соответствовала критскому типу δρόσας с кратким α. Эта форма иногда получала распространение и в положении перед гласным: Гесиод, Theog. 521: δῆσας ἀλυκοπέδησι (вариант).

В дательном падеже множественного числа древней ступенью огласовки перед окончанием -οι была нулевая ступень (ср. φρασί и ποιμέσι; § 78). В гераклейских надписях встречаются формы ευτασσι (Швицер 62, 104) вместо аттич. ούσι; πρασσουτασσι (62, 158) вместо πράττουσι. Здесь окончание -ασσι восходит к древним формам с нулевой ступенью *ασσι, *πρασσασσι (из *-ητσι). В склонении прилагательных типа χαρίεις форма дат. п. мн. ч. χαρίειται с кратким ε возникла под влиянием аналогии других падежных форм взамен фонетически закономерной формы *χαρίασι (из *-ητσι) [Ф. § 3, 28, 64].

§ 66. В типе флексии на *-nt греческий язык отступил от других индоевропейских языков, создав именительный падеж на -ω, характеризуемый не окончанием -s, а долготой огласовки: λείπων, λείπου, όν, έκών (древнее причастие) и некоторые существительные, например γέρων. Вероятно, эта форма была создана по аналогии с типом ἄγμων, εύδαιμων и т. п. Дательный падеж множественного числа имеет форму λείποιται (из *-ουτοι). Наблюдаются случаи смешения обоих типов: некоторые древние основы на -ου- перешли в тип на -ουτ-, например: δράχων (ср. ж. р. δράχαινα)¹, λέων (ср. λέαινα и лат. leo,

¹ Формы женского рода на -αιна восходят к окончанию с нулевой ступенью огласовки в суффиксе -ου-, т. е. *-πια [ср. Ф. § 3, 38], например δεράπαινα < *δεραπτιά. — Прим. перев.

λεōnis), θεράπων (ср. θεράπαια и θεράπη) образуют род. п. δράκοντος, λέοντος, θεράποντος.

П р и м е ч а н и я: 1. Звательный падеж от основ на -οντ- образуется чистой основой с краткой огласовкой: γέρον, λέον с отпадением конечного переднеязычного. Среди основ на -ητ- с сигматической формой именительного падежа также встречается несколько случаев звательного падежа этого типа: Καλχαν, γύαν. Звательные падежи на ḥ типа гомер. Πορλεάμα (M 231) загадочны.

2. У прилагательного τῆς, ταῦτεс ожидаемой формой среднего рода было бы ταυ из *ταντ, эта форма действительно входит в состав сложного ἀταу, но в простом слове она вытеснена формой τὴн с долготой, заимствованной от τῆς и объясняемой, кроме того, односложным характером слова.

3. Именительный падеж от основы, означающей „зуб“, ὀδονт- (ср. лат. dēns), имеет в ионийском диалекте форму ὀδόν, но в койнѣ ὀδός (Аристотель, Сентуагинта) по сигматическому типу.

Основы на -s-

§ 67. Основы на -s- включают четыре типа: слова среднего рода, как γέος; прилагательные типа ἀληθής; несколько основ мужского и женского рода на *-οσ-: ἡός, αἰδώς; слова среднего рода, как χρέας и т. п.

Слова среднего рода типа γέος обладают той особенностью, что обнаруживают чередование тембра между им.-вин. п. ед. ч. γέος и остальными падежами, образуемыми от основы с огласовкой ε: γενεσ-. Этот архаический тип в точности соответствует санскр. janaḥ и лат. genus. Интервокальное σ выпало, в результате чего в большей части падежных форм возникло зияние, обычно сохраняющееся у Гомера и Геродота, но в аттическом диалекте приводящее к слитным формам. Аттическая флексия: им.-вин. п. ед. ч. γέος; род. п. γένεος > γένους; дат. п. γένετ > γένε; им.-вин. п. мн. ч. γένεα > γένυ; род. п. γενέων > γενῶν (неслитная форма довольно часто встречается у трагиков и у Ксенофона); дат. п. γένεσσι (гомеровская форма) > аттич. γένεσι; им.-вин. п. дв. ч. *γένεε > γένει; род.-дат. п. *γενέον > γενοῖ.

Прилагательные типа ἀληθής характеризуются удлинением предшествующего окончанию гласного в форме именительного падежа мужского и женского рода при ε в форме среднего рода: ἀληθής, ἀληθής, ἀληθές. Зват. п. ἀληθές; вин. п. м.-ж. р. ἀληθέα > аттич. ἀληθή; им. п. мн. ч. ἀληθέες > ἀληθεῖς; вин. п. мн. ч. гомер.-ион. αστινέας (λ 110);

в аттическом ожидаемой формой была бы слитная на -ης¹ из -έας, но употреблялась форма им. п. ἀληθεῖς (§ 55). Остальные падежи совпадают с флексией γέος.

П р и м е ч а н и я: 1. В винительном падеже единственного числа и в именительном-винительном падеже множественного числа среднего рода слияние давало в аттическом диалекте -ά после ε или ε (χλέά, βύζ), но -η после ρ (τριήρη). После ο мы находим βτερφύ (Аристофан, Equ. 141), но εύφυ (Платон, Resp. 455 b).

2. По аналогии с типом τολίτης, Αἰσχύλος в аттическом диалекте возникли такие винительные падежи единственного числа, как τριέρη, τριέτη, Σωκράτη (последняя форма весьма употребительна). Папирусы итальянской эпохи дают почти исключительно эту форму. Из аттич. Σωκράτη была извлечена форма род. п. Σωκράτος (Стобей, Fl. VII, 66), а в папирусах встречается даже τοῦ ἔτου (Par. Grenf. I, 33).

Даже в тех диалектах, где, в отличие от ионийского и аттического, ḥ основ на ε сохранилось, эти формы оказали влияние на сигматические основы лесб. δαμοτέλην (I. G. XII, 2, 645a), ἄρχαν (Сапфо 108 D), аркал. Επιτελην (I. G. V, 2, 16). Особенно глубоко проникло изменение в собственные имена: в лесбосском диалекте по образцу родительного падежа на -ά из -αο появился род. п. Θεογενη (I. G. XII, 2, 74), дат. п. Δινυμεύη (Алкей 34D); в аркальском — зват. п. Ατελη (I. G. V, 2, 337).

3. Отметим в Новом завете форму συγγενεῖς (Марк VI, 4) вместо συγγενεῖσι по аналогии с γονεῖσι.

4. Собственные имена на -χλέης, как, например, Ηρακλέης, представляют некоторые трудности. Гомеровский язык дает написания вин. п. -χλῆα, род. п. -χλῆος и т. д., за которыми могут скрываться древние -χλέα, -χλέος и т. д. В аттическом диалекте мы имеем им. п. Περικλέης, чаще Περικλῆς, зват. п. Περικλεῖς (из -χλέες), вин. п. Περικλέα (из -χλέα), род. п. Περικλέους (из -χλέεος), дат. п. Περικλεῖ (из -χλέει).

§ 68. В греческом языке было несколько существительных мужского и женского рода на s с огласовкой тембра о и с количественным чередованием: ὅ в именительном падеже, ὅ — в остальных. После выпадения интервокального σ произошло слияние гласных. Этот тип соответствует лат. honōs, honōris [Э. § 62].

Им., зват.	αἰδώς
Вин.	αἰδδα > αἰδδᾶ
Род.	αἰδδος > αἰδδος
Дат.	αἰδδοι > αἰδδοι

Двойственного и множественного числа для этих существительных нет.

1 Или, с нефонетическим слиянием, на -έας (ср. ημές); форма φευδής встречается в одной архаической аттической надписи (Мейстерганс-Швицер, стр. 137).

Единственная заслуживающая упоминания диалектическая особенность — винительный падеж на -у в лесбосском диалекте (ср. *δαμοτέλη*, § 67, прим. 2), например *άύου* „зарю“ (Сапфо 65 D).

Слова этого типа малочисленны и подвергались различным изменениям. Слово, означавшее „заря“, дор. *άώς*, ион. *ήώς*, эол. *άϊώς* (ср. лат. *aurora*), обычно следовало флексии основ на s. Гомеровская форма вин. п. *ήώ* (т. 151) допускает чтение *ήόα* без слияния; род. п. *ήօσ* (θ 470), что в некоторых случаях можно читать как *ήօσ* (ср. μ 3); дат. п. *ήօι* (Н 331 и др.). В аттическом диалекте *έως* перешло к флексии типа *λεώς*; однако была сохранена форма вин. п. *έω* (§ 25).

Некоторые основы на s получили расширение τ, появляющееся при долгой огласовке основы. Однако у Гомера сохранились и следы сигматической флексии. Винительный падеж от *ἱρός* „пот“ у Гомера имеет форму *ἱρῷ*, которую можно читать как *ἱρόα* (ср., например, К 572), дат. п. *ἱρῷ* (Р 385, вместо *ἱροῖ?*). Но Гесиод употребляет форму *ἱρῶτα* (Орг. 289), и аттическая флексия последовательно проводит τ. Хρόс „поверхность тела, цвет лица“ имеет у Гомера неслитные формы сигматического типа: *χρά*, *χρός*, *χροί*; однако встречается и форма *χρωτός* (К 575), а в аттическом диалекте флексия имеет форму *χρῶτα*, *χρωτός*, *χρωτί*. Подобные же формы представляет флексия слов *γέλως* „смех“ и *έρως* „любовь“, не обнаруживающих отчетливых следов сигматической флексии (ср., однако, производные *γελαστός* и *έραστός*). У Гомера — им. п. *γέλως*; в винительном рукописи колеблются между формами *γέλω* (из **γέλοσ?*), *γέλου* и *γέλῳ* (σ 350, υ 8, 345), дат. п. *γέλῳ*. Эолийский диалект обобщил тематическую флексию *γέλος*; и т. д. В ионийско-аттическом употребительна форма *γέλων* наряду с *γέλωτα* и *γέλωτος*, *γέλωτι*. Для *έρως* мы находим у Гомера тематические формы *έρος*, *έρου*, *έρῳ*, что представляет собой эолийскую флексию; в именительном падеже форма *έρως* встречается только перед согласным¹. Аттический диалект склоняет *έρως*, *έρωτος* и т. д. То же расширение τ наблюдается в

¹ В положении перед согласным метрика допускает как форму *έρως*, так и форму *έρος*; следовательно, появление формы *έρως* можно рассматривать как результат редакционной обработки текста древними издателями, направленной к устраниению эолизмов. — Прим. перев.

аттич. *φῶς*, *φωτός* „свет“. Форма эта возникла в результате слияния из засвидетельствованного у Гомера *φάος*. Аттическая флексия — *φωτός*, *φωτί*, но существует дат. п. *(έν) φώτι* (I. G. II, 793 с). Ту же флексию с τ мы находим и в гомер. *φώς*, *φωτός* „муж“.

§ 69. 1. С точки зрения аттического диалекта, некоторые слова представляют флексию, допускающую сравнение с флексией *αἴώ-*, но отличающуюся гласным ο перед окончанием и имеющую совершенно иную этимологическую структуру: *ἥρος*, *ἥρωτ*, *ἥρως* (и *ἥρω*; ср. λεω), *ἥρωι*, *ἥρωες*; *ἥρως* (иногда им.-вин. п. мн. ч. *ἥρωες*), *ἥρων*, *ἥρωι*. Этой флексии следуют *τάτρως* „для со стороны отца“ и *μήτρως* „для со стороны матери“, представляющие собой, повидимому, древние основы на *-όη, где была обобщена огласовка ο.

2. В формах местного падежа, представленных дор. *αἰές* (Аристофан, Lys. 1266), аттич. *αἰέι* (из **αἰεστ*), от расширенного **αῖ-* (ср. лат. *aev om̄*), сохранилась ступень с огласовкой суффикса *-es-. Встречается также огласовка ο в форме вин. п. *αἴω* из **αἰεωσα* (Эсхил, Choeph. 350). Кроме того, в греческом языке есть еще несколько форм с суффиксом *-οι-, чередующимся с *-οπ-: *κακέω* (κ 290), дублет формы *κακέων*; лаконич. вин. п. 'Αττέλλω, аттич. 'Απόλλω от 'Απόλλων, Позеидон от Ποσειδῶν, εἰλόχ (Еврипид, Med. 1162) и т. д. от εἰλόχιον.

3. У основы, означающей „месяц“, **τέηns* (ср. лат. *mēnsis*) конечный переднеязычный спирант принадлежит корню. Флексия осложнена фонетическими изменениями. В родительном падеже **τέηns-os* дало **τέηnθos*, откуда аттич. *μῆνός*, лесб. *μῆνης*, фессал. *μείνως* [Ф. § 76]. В именительном падеже, наоборот, конечное -η сохранилось, и е перед этой группой сначала сокращалось [Ф. § 6], а затем подверглось заменительному удлинению при выпадении п [Ф. § 78], откуда ион. *μείς* (Τ 117), дор. *μής*. Аттический диалект образовал им. п. *μήν* от форм *μῆνός*, *μῆνα*. В элейском диалекте встречается им. п. *μεις* (Коллиц 1151, 15), образованный от *μῆνα* по типу *Ζεύς*, *Ζῆτα*.

Слово *χήν*, *гусь* также содержало расширение s (ср. лат. *anser*, русск. *гусь*, нем. *Gans*), но перешло полностью к флексии основ на -η перед чередования огласовки.

§ 70. Флексия слов среднего рода на -ας ставит перед исследователем ряд проблем. По большей части это архаические слова, засвидетельствованные преимущественно в именительном-винительном падеже единственного числа: *σέβας* „religio“, *τέρας* „знамение“ и т. п. Ожидаемая для этого типа флексия наблюдается в слове *κρέας* „мясо“, соответствующем, повидимому, санскр. *kraivi*.

	Ед. ч.	Мн. ч.	Дв. ч.
Им., зват.,			
вин.	<i>κρέας</i>	<i>κρέα</i> и <i>κρέā</i>	<i>*κρέας > κρέā</i>
Род.	<i>*κρέαος > κρέως</i>	<i>κρέάων > κρέων</i>	<i>*κρέάον > κρέων</i>
Дат.	<i>κρέατι</i> и <i>κρέατι</i>	<i>κρέασι</i>	

Родительный падеж. Слитная форма возникла из *χρέας > *χρέας > χρέως. Родительный падеж множественного числа происходит из *χρέασу > χρέάν (Нушп. in Merc. 130) > χρέων.

Дательный падеж единственного числа. Древние грамматики утверждают, что эта форма содержала α: χρέα, σέλαι, δέπαι. Высказывалось предположение, что в основании этого загадочного окончания с долгим α лежит слияние из -αει с древним окончанием дат. п. -ει.

Именительный-винительный падеж множественного числа. Форма этого падежа неясна, обычно она содержит краткое α (θ 231, γ 65; Аристофан, Nub. 339 и т. д.)¹. Возможно, что здесь мы встречаем древнюю форму среднего рода без суффикса -ας, служившую для множественного числа (точно так же γέρα с кратким α: В 237, I 334), но, с другой стороны, Δ 345 и X 347 χρέα ἔδιεναι может представлять χρέα(α) ἔδιεναι (из *χρέας); существуют формы со слиянием двух α: χρέα (Антифан 20 К), γέρα (Софокл, El. 443); δέπα перед гласным (о 466 и др.) должно быть истолковано как δέπα(α) или δέπα с сокращением в зиянии. Склонению χρέας следуют такие слова, как γέρας, γέρας (род. п. гомер. γέραος, аттич. γέρως), σέλας, τέρας (им.-вин. п. мн. ч. τέραα μ 394).

Этот архаический тип подвергался различным изменениям. В склонении некоторых слов характеризующее основу α заменено ε. Так, ούδας „порог“ образует у Гомера род. п. ούδεος (M 448, 1 242) и дат. п. ούδει (Ψ 283, 1 459); от κτέρας „жертвенное приношение покойнику“ встречаются формы κτέρεα, κτέρεων, от κῆας „шкура“—κώεα. В этих формах усматривали фонетическую трактовку (диссимиляция группы из двух α), но они, очевидно, испытали и влияние типа γέος. Это изменение распространилось более или менее последовательно: в ионийском диалекте мы встречаем κέρεα от κέρας „рог“, τέρεος, τέρεα от τέρας, у Аристофана род. п. κνέφους (Eccl. 290) от κνέφας „мрак“, в койне дат. п. γήρει (Лука I, 36) от γήρας.

§ 71. В склонении слов среднего рода на -ας встречается иногда родительный падеж на -ατος,

¹ γ 33, 1 162 и др. надо читать χρέα τ', а не χρέατ'. О форме χρέατος в аттическом диалекте см. § 71, прим. 1.

дательный — на -ατι и т. д. Возможно, что этот тип представляет собой древнее образование и объясняется тем, что -ας является параллельным морфеме -αρ (§ 76), для которой родительный падеж на -ατος и т. д. обычен;ср. πεῖρας и πεῖραρ и наряду с γέρας производные γεραρές и γεραιρώ. К тому же расширение основы переднеязычным в -ατος и т. д. позволяло образовать флексию, не затемняемую различными слияниями. Приводим аттическую флексию слов τέρας „знамение“ и κέρας „рог“.

Ед. ч.		
Им., вин.	τέρας	χέρας
Род.	τέρατος	χέρατος и χέρως
Дат.	τέρατι	χέρατι и χέραι
Мн. ч.		
Им., вин.	τέρατα и τέρα	χέρατα и χέρα
Род.	τεράτων и τερῶν	χεράτων
Дат.	τέρασι	χέρασι
Дв. ч.		
Им., вин.	τέρατε	χέρατε и χέρα
Род., дат.	τεράτοι	χεράτοι и χερῶν

У Гомера формы с переднеязычным расширением не засвидетельствованы: κέρας, κέραι (или κέραι), κέρα перед гласным (κέρα(α)?), κεράων, κεράεσσι и κέρασσι; τέρας (μ 394), τεράων, τεράεσσι.

Привлекает внимание в аттическом склонении κέρας долгота α в формах κέρατος и т. д. (влияние κέρα на κέρατα?).

П р и м е ч а н и я: 1. Приведем несколько примеров флексии с переднеязычным расширением у других слов на -ας: κρέατος (аттическая надпись 338 г. до н. э., Мейстерганс-Швицер, стр. 143), κνέφατος (Полибий), δέρατος от δέρας „шкура“ (Диодор Сицилийский).

2. В койне (Аристотель, Новый завет и т. д.) возникла новая основа на -ατος: ἄλας, -ατος „соль“, извлеченная из вин. п. мн. ч. τοῦς ἄλας.

3. Слово λάς „камень“ первоначально относилось, вероятно, к среднему роду и лишь позднее перешло к мужскому и женскому; в греческом языке наблюдается склонность придавать названиям камней, минералов и т. п. одушевленный род, чаще мужской: ср. διαλ. ἡ λίθος, διαλ. ἀργυρός и т. п. при лат. saxum, argentinum. Для слова λάς ясных следов основы на с не сохранилось: у Гомера вин. п. λᾶν, род. п. λᾶς и т. д. В дорийском и беотийском диалектах существует также тематическая форма: им. п. λᾶς и т. д.

Основы на 1 и на г

§ 72. В греческом языке существует только одна основа на *λ*: ἀλς, ἀλσ „соль“, с сигматической формой именительного падежа. В аттическом диалекте это слово употреблялось почти исключительно в формах множественного числа (ср. ἄλας, § 71, прим. 2).

Основы на *ρ* вообще не имеют сигматической характеристики в именительном падеже единственного числа. Чередование гласных, там, где оно существует, сведено к наиболее простому проявлению: именительный падеж с долгой огласовкой предшествующего окончанию элемента противопоставлен остальным падежам, где эта огласовка краткая; ср. αἰθήρ, -έρος и тип *ποιίνα agentis* с огласовкой *ο*: οἰχήτωρ, -τορος, δώτωρ, -τορος и т. д. (в латинском языке наоборот: *dator*, *-tōris*) [Н. § 24; Э. § 54, 55, 62]. Но часто долгая огласовка получала распространение во всем склонении: θήρ, θηρός и параллельный суффиксу -τωρ суффикс *ποιίνα agentis* с тембром *ε*: δοτήρ, τῆρος¹; чередование огласовки здесь утрачено, и след его сохранился только в образовании существительных женского рода: φάλτρια от φαλτήρ. Зватательный падеж типа δοτήρ сходен с именительным, за исключением σῶτερ „спаситель“.

Слова, обозначающие родство, будучи весьма архаичными, лучше сохранили древнее чередование; так, например, в слове πατήρ можно наблюдать долгую, краткую и нулевую ступени огласовки.

§ 73. Аттическое склонение πατήρ:

	Ед. ч.	Мн. ч.	Дв. ч.
Им.	πατήρ		
Зват.	πάτερ	πατέρες	
Вин.	πατέρα	πατέρας	
Род.	πατέρος	πατέρων	
Дат.	πατρί	πατράσι	πατέροιν

Это склонение представляет собой весьма архаичный тип. Место ударения в группе именительного и вини-

¹ Следует отметить противопоставление по тембру, количеству и ударению между δώτωρ, -ορος и δοτήρ, -τηροс.

тельного падежей и в группе родительного и дательного различно (за исключением πατέρων, πατέροιν), см. § 60; в звательном падеже единственного числа ударение отстает: πάτερ, ср. ἄδελφε и т. п.

Система количественных чередований в общем воспроизводит индоевропейскую систему: удлиненная ступень в им. п. ед. ч. πατήρ (санскр. *pitā*); нулевая ступень в род. и дат. п. ед. ч. и в дат. п. мн. ч.: πατέρος (санскр. *pituh*), πατρί (санскр. дат. п. *pitré*, но местный падеж на *-i* содержит ступень *e*), πατράσι (санскр. *pitṛṣu*), где *ρα* представляет сонант в гласной функции г [Ф. § 3]. Ступень *e*: вин. п. ед. ч. πατέρα (санскр. *pitaram*), зват. п. ед. ч. πάτερ (санскр. *pitah*), им. п. мн. ч. πατέρες (санскр. *pitarah*), им.-вин. п. дв. ч. πατέρε (санскр. *pitarau*). Однако начиная с общегреческой эпохи огласовка *ε* была распространена и на некоторые падежи, не содержащие ее в санскрите и, повидимому, не содержащие в индоевропейском: вин. п. мн. ч. πατέρας (по образцу πατέρα и πατέρες), род. п. мн. ч. πατέρων (у Гомера два раза форма πατρών, δ 687, δ 245), род.-дат. п. дв. ч. πατέροιν (по образцу πατέρε). Однако начиная с самых ранних греческих текстов чередование гласных уже утрачивает смысловую функцию. У Гомера встречается распространение ступени *e* в форме πατέρος (λ 501), πατέρι (Ε 156).

§ 74. Μήτηρ следует той же флексии, что πατήρ (следует отметить лишь различие в ударении именительного падежа единственного числа). Отступления от нормы: μητέρος (Гомер, Эсхил, Suppl. 539 и др.), μητέρι (Гомер, Софокл, Oed. Col. 1481 и др.).

К этому же типу принадлежит и θυγάτηρ, зват. п. θύγατερ „дочь“. Особого упоминания заслуживают следующие формы: распространение огласовки *ε* в род. п. θυγατέρος (Гомер) и дат. п. θυγατέρι (Гомер), дат. п. мн. ч. θυγατέρεσσι с окончанием *-εσσι* (θ 197) вместо обычных форм на *-τρος*, *-τρι*, *-τράσι*. Отступления обратного характера представляют встречающиеся иногда формы θύγατρα (Λ 13) вместо θυγατέρα, θύγατρες (Ι 144 и др.) вместо θυγατέρες. В винительном падеже множественного числа вместо составляющего аттическую и гомеровскую норму θυγατέρας встречается θύγατρας (Χ 62 и др.); в родительном множественного аттич. θυγατέρων (Ι. G. ΙΙ², 832; Пла-

тон, Resp. 461 с) соответствует гомеровское *θυγατρῶν* (B 715 и др.), возможно, представляющее собой сохранившуюся древнюю форму.

Гастήρ „живот“ следует флексии *πατήρ*; гомеровские формы род. п. *γαστέρος* (р 473) и дат. п. *γαστέρι* (Z 58). В дательном падеже множественного числа древней формой было *γαστράσι* (Кассий Дион 54, 22), но Гиппократ употребляет новую форму *γαστῆρι* (De morbis 4, 54).

Άνήρ также должно было представлять в общегреческом языке флексию с чередованием: *ἀνήρ*, *ἀνέρα*, *ἀνδρός*, *ἀνδρί*, *ἀνέρες*, *ἀνδρας*, *ἀνδρῶν*, *ἀνδράσι*. Однако аттический диалект обобщил нулевую ступень и употребляет формы *ἀνδρα*, *ἀνδρες*. Гомер пользуется, смотря по условиям стиха, формами как со ступенью ε, так и с нулевой ступенью: встречаются формы *ἀνέρα*, *ἀνέρος*, *ἀνέρι*, *ἀνέρες*, *ἀνέρε*. Следует отметить и у Софокла *ἀνέρες* (Philoct. 707), *ἀνέρων* (Oed. R. 869)¹. Зват. п. ед. ч. *ἄνερ* имеет отступление ударения.

Αστήρ во всех падежах, кроме именительного единственного числа, содержит огласовку ε, но дательный множественного сохранил нулевую ступень *ἀστράσι*.

П р и м е ч а н и е. В новогреческом языке эта флексия, естественно, исчезла: *πατήρ* заменено формой *πατέρας*, *μήτηρ* — формой *μητέρα*, *ἄνήρ* — формой *ἀνδρός*.

§ 75. В единичных случаях основы мужского и женского рода на -ρ образуют сигматическую форму именительного падежа: *μάχαρ* засвидетельствовано в дорийском диалекте Алкмана (11 D); у Гомера только *μάχαρ* (звательный в функции именительного? или древняя основа среднего рода?). Основа *μάρτυρ-*, „свидетель“ (дат. п. мн. ч. *μάρτυρι*; Гиппонакт 47 D) должна была дать для именительного падежа форму **μάρτυρς*, подтверждаемую крит. *ματύρς* (Коллиц 4998, V, 11), однако мы находим (результат диссимиляции?) и критскую форму *ματύς*, ион.-аттич.

¹ Во всех случаях, где у Гомера употребляются аналогические формы с огласовкой ε, они имеют долгое α в начале; следовательно, для форм *ἀνδρῶν*, *ἀνδράσι* (и аналогического *ἀνδρεσσι*; см. § 57) параллельные аналогические формы этого типа невозможны. Таким образом, форма *ἀνέρων* у Софокла представляет собой своего рода „гипергоморфизм“. — Прим. перев.

μάρτυς, откуда дат. п. мн. ч. *μάρτυσι* (Платон, Symp. 175 e) и даже, вместо обычного *μάρτυρα*, вин. п. ед. ч. *μάρτυν* (Менандри 1034 K).

Флексия слова *χείρ* „рука“ неясна. Факты показывают, что аттический диалект располагал здесь двумя основами *χερ-* и *χειρ-*, причем в нем обобщена флексия *χείρ*, *χειρός*, но дательный падеж множественного числа имеет форму *χεράι* (тогда как у Гомера *χειρεσσι*). Возможно, что здесь надо исходить из основы *χερ-*, одинаково объясняющей и эол. *χερρ-* (вин. п. мн. ч. *χερράς*; Феокрит XXVIII, 9), и дор. *χηρ-* (род. п. ед. ч. *χηρός*; Алкман 82 D), и аттич. *χειρ-* в *χειρα*, *χειρός* и т. д. Исходя из *χερ-*, можно было бы объяснить и дат. п. мн. ч. *χερώι*. В дорийском диалекте (Тимокреон Родосский 6 D) для именительного падежа единственного числа засвидетельствована форма *χέρς*. В аттическом, не сохраняющем конечного -ς, это дало *χείρ*. По форме *χερώι* были образованы и другие формы с ε: *χέρες* (Софокл, Trach. 1089), *χέρας* (Аристофан, Vespaes 1193), *χερῶν* (Софокл, El. 296 и др.), *χεροῖν* (Софокл 431 и др.). В новогреческом языке употребительно производное *χέρι*.

§ 76. Греческий язык обладает довольно значительной группой слов среднего рода на -ρ или -ωρ типа *ἡπαρ* „печень“ и *ἡδωρ* „вода“. Некоторые из них обнаруживают закономерную флексию с распространением основы на -ρ по всему ряду падежных форм: *θέναρ*, *θέναρος* „ладонь“; *ἔσαρ*, *ἔσαρος* и *ἔρος* „весна“; *κύαρ*, *κύαρος* „дыра“. Но чаще всего склонение идет по типу *ἡπαρ*, *ἡπατος* и *ἡδωρ*, *ἡδατος*. *ἡπαρ* имеет соответствие в санскритской основе с тем же значением *yakṛt*, род. п. *yaknaḥ*. Очевидно, греческие формы во всех падежах, кроме именительного-винительного единственного числа, образованы посредством морфемы с носовым звуком, расширенной переднеязычным τ и имеющей, таким образом, в нулевой ступени форму ητ; переднеязычный соответствует наблюдаемому в санскритском им.-вин. п. ед. ч. *yakṛt* и встречается в греческом языке в таких основах, как *γέλως*, *-ωτος* (§ 68), *τέρας*, *-ατος* (§ 71), *ὄνομα*, *-ατος* (§ 79). Санскр. *yakṛt*, *yaknaḥ* и греч. *ἡπαρ*, *-ατος* соответствует лат. *iescur*, *iescītōgīs*, где объединены оба суффикса, на τ и на носовой [Э. § 57].

Этот тип двуосновного склонения чрезвычайно архаичен¹. Он наблюдается у нескольких древних слов: ἥμαρ, -ατος „день“, οἴδημαρ, -ατοс „вымя“, φρέαρ, -ατοс (где ἀ явилось результатом перестановки количества; ср. гомер. φρείατοс) „колодец“; δύαρ „сновидение“ не имеет род. п. *δύαтос, но по форме м. р. δύειροс образовало формы род. п. δύειρатос и им.-вин. п. мн. ч. δύειρата (Гомер, трагики, Платон). Носовое расширение, так же как и близкое ему расширение τ, встречается в косвенных падежах единственного и множественного числа различных имен; ср. γύνη и δόρι (§ 95), κάρα, род. п. κρααтос „голова“ (§ 80).

Основы на -п

§ 77. Эти основы обнаруживают довольно большое сходство в характере склонения с основами на -ρ. Чередование гласных подверглось здесь значительным изменениям. В склонении слова φρήν „ум“ мы имеем род. п. φρευός и т. д., но в дательном падеже множественного числа находим несколько примеров и формы φρασί (§ 78). Помимо φρασί, нулевая ступень наблюдается в общем лишь у двух основ, в склонении которых она была обобщена: ἄρνη „баран“, род. п. ἄρνης, дат. п. мн. ч. ἄρνεσσι (II 352) и ἄργασι (Флавий Иосиф, *Antiqui. Iud.* III, 8, 10 и др.; фонетически закономерной была бы форма *ἄρασι), и κύων „собака“, род. п. κυνός, дат. п. мн. ч. κυσί (ожидаемая форма *κυνασί). Вообще же здесь сохранилось только противопоставление долгой огласовки в именительном падеже единственного числа и краткой огласовки в других падежах: δαίμον, зват. п. δαίμοу, вин. п. δαίμονα и т. д. Однако некоторые основы обобщили долготу: ἄγων, -ωνοс „борьба“; τρίψω, -ψωс „плащ“, представляющие древний тип; ср. лат. *praesō*, -*psis*. Чередование по тембру, которое в индоевропейской флексии играло значительную роль, в греческом склонении не наблюдается и проявляется только в фактах лексики: одни основы, как, например, φρήн, φρευός „грудобрюшная преграда, ум“, ποιήн, -έωс „пастух“, σφήн, -τρύс „клин“ и др.,

¹ Чередование этого типа составляет предмет специального исследования в книге Е. Венсенисте, *Origines de la formation des noms en indo-européen*, Париж, 1935.—Прим. перев.

обобщили вокализм е, другие, более многочисленные,— вокализм о, и можно отметить такие противопоставления, как φρήν, с одной стороны, и σώφρων или εύφρων— с другой. Сохранился также след чередования по тембру и в изолированной форме местои. п. αἰέν, „всегда“ (A 290 и др., трагики) при αἰών, -ωνοс „век“; относительно αἰές и αἰεί см. § 69.

§ 78. Приводимое здесь слово δαίμων дает представление о наиболее обычном типе флексии:

	Ед. ч.	Мн. ч.	Дв. ч.
Им.	δαίμων	δαίμονες	
Зват.	δαίμον		δαίμονε
Вин.	δαίμονα	δαίμονας	
Род.	δαίμονος	δαίμονων	
Дат.	δαίμονу	δαίμοσι	δαίμονοι

Именительный падеж единственного числа характеризуется обычно удлинением предшествующего окончанию гласного, если, как это чаще бывает, в остальных падежах этот гласный краток.

В небольшом числе случаев именительный падеж имеет сигматическую форму: таково слово ρῆς, ρῆνοс „нос“ и, с вторичным удлинением гласного звука после выпадения υ перед с, χτείς, χτείνοс „гребень“ и прилагательные εῖς, ένοс, μέλας, μέλανοс и др.

Звателный падеж характеризуется краткой огласовкой без окончания: δαίμον, τάλαν от τάλαс, -αнос „несчастный“. У основ, обобщивших долгую огласовку для всех падежей, ω сохраняется и в звателном падеже: ϖ γλίσχρων „прилипала“ (Аристофан, *Rax* 193), ϖ γλύχων „миягга“ (*Eccles.* 985), ϖστρων „брюхан“ (*Ran.* 200). Однако в аттическом диалекте установились формы Ἀπόλλων от Ἀπόλλων, -ωнос, Ποσειδῶν от Ποσειδῶν, -ωнос¹. Долгота именительного падежа распространилась и на звателный у слова ποιήν, -έωс „пастух“ (Геродиан II, 717).

Дат. п. мн. ч. δαίμοσι, ἀγόστι представляет собой форму явно вторичного образования. Этот падеж характеризо-

¹ Ποσειδῶν должно представлять собой слитную форму; ср. гомер. Ποσειδᾶν, ион. Ποσειδέων, дор. Ποτειδῶν, Ποτειδᾶν и др.

вался в индоевропейском языке нулевой ступенью огласовки элемента, предшествующего окончанию. Такая архаическая форма оставила следы только в *ἄρασι*, где она подверглась изменению (§ 77), и в *φρασί* из **φρῆσι*, форме дательного падежа множественного числа от *φρή*, засвидетельствованной у Пиндара (Pyth. IV, 109) и в одной аттической эпиграмме (I. G. I², 971). По аналогии с другими падежами *α* было заменено *ε*, откуда возникла форма *φρεσί*. В *ἀγᾶσι*, *δαίμοσι* (последняя форма не может восходить к **δαιμοսι*, которое должно было бы перейти в **δαιμουσι*) *α* было заменено соответственно *ω* и *ο*.

П р и м е ч а н и я: 1. Σπλάχνη „селеzenка“ восходит к основе **spλaqw*, ср. *spλάχνa*. Следовательно, падежные формы род. п. *spλaqnōs* и т. д. образованы по аналогии с именительным падежом.

2. В греческом языке конечное *ν* переходило в *υ*. Поэтому возможны случаи, когда индоевропейская основа на -*ν* превращалась в греческом в основу на *υ* в результате усвоения *υ* именительного падежа остальными падежами. Таковы случаи *χθόνυ*, *χθούς* „земля“, ср. *χθαί* „наземь“ и производное *χθαλός* „низменный“; *γιών*, *γιώς* „снег“, ср. *διόγχις* „ненастный“, *χίφας* „годовалый (собственно: перевозивший) козленок“, вообще „коза“, *χειμών* „зима“ и т. п.

§ 79. В греческом языке существует значительная группа основ на -*η* неодушевленного рода, представленная типом *δυομα* (ср. лат. *pōtem* и т. п.); за пределами этого типа на -*μα* характеризующая его флексия встречается лишь в нескольких словах, наиболее ясным из которых является *ἄλειφα* (Эсхил, Ag. 322), существующее параллельно с *ἄλειφар*.

Суффикс имеет во всех падежах нулевую ступень огласовки *-*ητ̄*, так что носовой звук оказывается представленным в греческом языке как *α*. Во всех падежах, кроме именительного-винительного единственного числа, гласному окончания предшествует *τ̄*: латинскому *pōmīnis* соответствует греч. *δύματος* и т. д. (однако *δύμασι* не может восходить к **δυοματ-σι*, так как у Гомера никаких следов формы **δυομασσι* нет). Для объяснения этого переднеязычного звука рассматриваемый тип иногда сближался с типом лат. *amentum*. Однако нельзя забывать и того, что расширение *τ̄* вообще играло важную роль в склонении (ср. *χρώς*, § 68, и особенно *ἄπαρ*, *ἄπατος*, § 76; *δέρι*, *δέρατος*, § 95). Тип *δυομа*, *-ατος* свойственен только греческому языку, но образован он из древних элементов (§ 280).

§ 80. Носовой суффикс с переднеязычным расширением играл известную роль в архаическом именном словообразовании: помимо *ἄπαρ*, *χρώς*, *δέρι*, он наблюдается и в некоторых изолированных основах. Так, в греческом языке нам известна древняя основа со значением „голова“, представленная в своем наиболее архаичном виде им. п. *χάρα* и гомеровскими формами род. п. *χράτος* и *χράτης*. Именительный-винительный единственного числа, с одной стороны, и остальные падежи, с другой, противопоставлены различными ступенями древнего чередования огласовки. Им.-вин. п. ед. ч. *χάρα*, повидимому, представляет собой расширенное *χάρ* „голова“ (*ἐπὶ χάρ* „стремглав“, II 392); корень, возможно, близок с *χέρας* „рог“; форму *χάρα* объясняют обычно как образованную посредством сигматического расширения + -*η* и восходящую, таким образом, к **χαραστ̄* > **χαρασα* > аттич. *χάρα*, гомер. (В 250 и др.) *χάρη* (под влиянием *χάρην*?), ср. санскр. *çīrsñ-*. Род. п. *χράτος* (З 177 и др.) с метрическим удлинением первого *α* восходит к другой форме корня **χραστ̄*, также содержащей носовое расширение. Существуют, кроме того, формы, в которых оба *α* слиты: *χράτης* (А 530), *χράτι* (Г 336), *χράτων* (χ 309). Столь нерегулярное склонение рано подверглось изменениям. По основе именительного падежа были созданы существующие уже в гомеровском языке такие формы, как род. п. *χαράτος* (Ψ 44 и др.) и *χάρητος* (ζ 239); встречающаяся у Гомера форма вин. п. ед. ч. *χράτα* (θ 92), которую можно истолковать и как форму мужского и как форму среднего рода, тоже является, очевидно, новой. В поэтическом языке были образованы и другие формы: им. п. *χράς* (Симмий 4 Powell), который, впрочем, мог бы быть и древним, ср. *χράστερον* „кайма“; из *χαράτα* Антиах (76) извлек им. п. ед. ч. *χάρηρ*. От основы *χάρη*, перешедшей к флексии основ на *η* или *α*, произведены формы: тв. *χάραι* (Эсхил, Choeph. 229), тжс *χάρης* (Каллимах, отр. 125). В гимне к Деметре (12) засвидетельствована форма им. п. мн. ч. ср. р. *χάρα*.

§ 81. Сложную флексию имеет также слово *οὖς* „ухо“. Ионийско-аттические формы этой флексии таковы:

Ед. ч.	Мн. ч.	Дв. ч.
Им., вин. <i>οὐς</i>	<i>ῶτα</i>	<i>ότε</i>
Род. <i>ωτός</i>	<i>ῶτου</i>	
Дат. <i>ωτί</i>	<i>ῶτι</i>	<i>ῶτοι</i>

Проанализировать структуру различных падежных форм позволяют нам материалы диалектов. Ионийско-аттической форме им.-вин. п. ед. ч. *οῦς* (в староаттическом написании *ος*, что означает *ο-*; I. G. I², 372, 201) соответствует в дорийском *ῶς* (Феокрит XI, 32 и др.). Обычно эти формы объясняют, выводя их из древнего **ουσ* > **ουος* > **(f)ος* и привлекая для сравнения ст.-слав. *ухо* (лат. *auris* содержит другую ступень огласовки и расширение *i*). Прочие падежи содержат носовое расширение, усиленное элементом *τ*, который мы находим в *ὤπατος* и т. п. (носовое расширение для этого слова встречается также в германском и в армянском языках). Гомер употребляет род. п. ед. ч. *οὐατος* (N 177 и др.), им. п. мн. ч. *οὐατα* (К 535 и др.), дат. п. мн. ч. *οὐασι* (М 442); в дорийском диалекте именительный множественного числа имеет форму *οὐατα* (Эпихарм 9 и косский эпиграфический материал; Коллиц 3636, 62); в аттическом *οὐατος* фонетически перешло в *ὦτος* (Геродиан II, 921); далее, с аттическим слиянием: род. п. ед. ч. *ωτός*, дат. п. *ωτί*, род. п. мн. ч. *ῶτον*, дат. п. *ῶτι* (форма, засвидетельствованная также у Гомера, μ 200, но здесь была введена поправка *οὐασ*).

Примечания: 1. Ударение этого слова в аттическом диалекте соответствует в общем акцентуации односложных слов со смешением ударения в родительном и дательном падежах; однако во множественном числе при дат. п. *ῶτι* имеем род. п. *ῶτοι* и равным образом в двойственном числе *ῶτοι*.

2. От формы с начальным дифтонгом *αι-* (ср. лат. *auis*) произведено дор. *ἄνθη* „серьги“ (Алкман 120 В). Форма с этой огласовкой наблюдается в тарент. *ἄτα* (Гесихий) из **αυατα* и *αβατιν*, *ώσιν* (Гесихий).

3. Огласовка *ω* появляется в производном прилагательном *ἀμφότης* „двуухий“ (Феокрит I, 28) и в *λαγώς* (§ 25) „заяц“, собственно „вистухий“.

4. Флексия на *-ατος* и т. д. повлекла за собой создание именительного падежа на *-ας*: *οὐας* (Симонид 37 В) и *ὦς* (Софрон 1).

¹ См. „Revue de philologie“, 61, 1935, стр. 22.

Основы на -ι и на -ιι

§ 82. В индоевропейском языке существовало два типа основ на *-ei, различавшихся формой родительного-отложительного падежа. В одном типе этот падеж характеризовался огласовкой е/о окончания и нулевой ступенью огласовки элемента, предшествующего окончанию: санскр. *avy-ah*, в точности соответствующее греч. *οῖς* из **οφι-ος*; в другом — нулевой ступенью огласовки окончания и огласовкой е/о предшествующего окончанию элемента: санскр. *mate-h* (род. п. от *mati-h* „мысль“), где окончание -e-h представляет древнее -ei-s. Некоторые формы были общими для обоих типов. В именительном и винительном падежах единственного числа предшествующий окончанию элемент получал нулевую огласовку: *ᾶς*, *ῆγ*, как и *πόλις*, *πόλιγ*. В именительном падеже множественного числа огласовка этого элемента имела ступень е: санскр. *avay-ah*, как и *matay-ah*; греческий язык сохранил форму им. п. мн. ч. *πόλεις*, восходящую к **πολει-ες*. Винительный падеж множественного числа с нулевой ступенью оканчивался на *-i-ns, греч. *-ις*, ср. крит. *πόλις*, гомер. *ἀκοίτης* (х 7) и *ὦς* (Л 245), где *-ης* восходит к *-ις*. В древнем латинском языке также противопоставлены формы именительного падежа множественного числа на *-ēs* и винительного на *-īs* из *-ins [Э. § 71]. В двойственном числе ступень е закономерно засвидетельствована в аттич. *πόλει*¹ и т. д.

§ 83. Тип *οῖς* (слитная форма из *οῖς* < **οφι-ος*; ср. лат. *ovis*) очень скучно представлен в аттическом диалекте, но имел большое распространение в других. Аттическое склонение имеет следующий вид:

	Ед. ч.	Мн. ч.	Дв. ч.
Им.	<i>οῖς</i>	<i>οῖες</i>	
Вин.	<i>οῖγ</i>	<i>οῖς</i> (Л 245, Кс., Ап.)	<i>οῖε</i>
		VI, 2, 3 и др.)	
Род.	<i>οἰός</i>	<i>οῖων</i>	
Дат.	<i>οῖη</i> и <i>δή</i>	<i>οῖσι</i>	<i>οῖοιγ</i>

¹ Из *πόλεε* (форма, засвидетельствованная грамматиками) [Ф. § 19]. — Прим. перев.

Именительный падеж множественного числа. Падежное окончание *-ες* присоединяется к основе с нулевой огласовкой перед окончанием. С другой стороны, ср. огласовку *ε* в форме *πόλεις* (§ 82). Можно поставить вопрос, не скрывается ли за *οἴες* (и 425) древнее *οἴεες* с огласовкой *ε* перед окончанием.

Винительный падеж множественного числа. *Οἴς* восходит к *οἴνος*, засвидетельствованному в аргосском диалекте (Швицер 83 В).

Дательный падеж множественного числа. *Οἰσι*, соответствующее закономерной форме, встречается в литературных текстах и в аттических надписях (I. G. I², 825, 2). У Гомера этот падеж имеет форму *οἴεσι*, *οἴεσσι* и *οἴεσσι*. Относительно ударения в падежных формах см. § 60.

Примечания: 1. Это архаическое слово выходит из употребления уже в новоаттическом диалекте и заменяется словом *πρόβατον*. 2. Склонению *οἴς* следуют древние основы на **í*, как, например, *χίς*, *χίος* „хлебный червь”; винительный падеж множественного числа должен был бы иметь форму *χίς* (Геродиан II, 325), но у Феофраста (*De causis plant.* IV, 15, 4) встречается *χίς*.

§ 84. Наиболее распространенным типом основ на *-i был тип, содержавший, например, в родительном падеже единственного числа огласовку *ε* элемента, предшествующего окончанию. Однако это склонение в аттическом диалекте подверглось значительным изменениям, а в других почти полностью совпало с типом *οἴς*.

Аттическое склонение *πόλεις*

Ед. ч.	Мн. ч.	Дв. ч.
Им.	<i>πόλις</i>	
Зват.	<i>πόλι</i>	<i>πόλεις</i>
Вин.	<i>πόλιγον</i>	
Род.	<i>πόλεως</i>	<i>πόλεων</i>
Дат.	<i>πόλει</i>	<i>πόλεσι</i>

§ 85. Мы видели, что огласовка *ε* элемента, предшествующего окончанию, является первоначальной в именительном падеже множественного числа и в родительном единственного.

В аттическом диалекте *ε* появляется перед окончанием во всех падежах, за исключением именительного, звательного и винительного единственного числа. С другой стороны, родительный падеж, если сопоставить его с индоевр. *-eis, оказывается глубоко измененным.

Звателльный падеж. Это склонение представляет собой одно из тех, где сохранена древняя асигматическая форма звательного падежа. Встречается, однако, и *πόλης* в функции звательного падежа (Софокл, *Oed.* R. 629).

Родительный падеж единственного числа. *Πόλεως*, как показывает место ударения, объясняется перестановкой количества и восходит к *πόλης*, засвидетельствованному у Гомера (II 395 и др.). Окончание -os появилось по аналогии с *οἴς*, *πόδες*; с другой стороны, гласный, предшествующий окончанию, имеет ступень ё по аналогии с формой *μέστη*-дат. п. *πόλη*. В аттической трагедии (Эсхил, *Ag.* 1167 и др.) и в поздних ионийских и аттических надписях встречается род. п. *πόλεος* — форма, несомненно, вторичного образования.

Дательный падеж единственного числа. Употребительной формой в аттическом диалекте является *πόλει* с огласовкой *ε* перед окончанием (ср. Р 152 *πόλει* и т. п.). Но наряду с ней существует также и огласовка ё: *πόλῃ* (Г 50), встречающаяся в надписи из Иасоса (Диттенбергер² 169) и в самом аттическом диалекте (Мейстерганс-Швицер, стр. 137). Этой формой представлен древний местный падеж с огласовкой ё, употребляемый в санскрите. В склонении основ типа *πόλις* этот местный падеж оказал решающее влияние на другие падежные формы и повел к созданию род. п. *πόληρος* > *πόλεως*.

§ 86. Именительный падеж множественного числа. Форма этого падежа восходит к **πόλεις* со слиянием двух *ε* [Ф. § 37, 19]. Эпический язык дает несколько форм типа *πόληες* (Δ 45), возникших по аналогии с *πόλῃ*.

Винительный падеж множественного числа. Аттическая форма *πόλεις* содержит перед окончанием огласовку *ε*, которая получила распространение в флексии. Она может происходить из **πόλευς*, образованного от основы *πόλ-* путем прибавления окончания винительного падежа множественного числа *-ns. Эту форму часто дает гомеровское рукописное предание (В 648 и др.; § 87);

πέλης (ρ 486) представляет основу πέλ- с прибавлением падежного окончания согласных основ -ας (ср. πέλας, § 87).

Родительный падеж множественного числа. Πέλεων образовано от основы πέλε-. Ударение на ο возникло по аналогии с ударением в πέλεως.

Дательный падеж множественного числа. Πέλεσι также представляет основу πέλε-. Уже у Гомера мы встречаем ἐπάλεσιν (Х 3).

В двойственном числе им.-вин. п. πέλει (надписи) восходит к πέλες (ср. Искократ IV, 17); род.-дат. п. πέλεσιν (Искократ IV, 73; аттические надписи).

§ 87. Во всех остальных диалектах, кроме аттического, обобщенной оказывается нулевая огласовка i, которая была исконной в ряде падежей: винительном единственного и множественного числа, родительном и дательном множественного числа. Все падежи образуются здесь от основы на -ι-, к которой присоединяются падежные окончания атматической флексии: род. п. ед. ч. πόλιος; засвидетельствованный у Гомера (В 811 и др.), в ионийском диалекте (Геродот, надписи), дорийском (Пиндар, надписи) и эолийском (ср. Алкея и Сапфо); дат. п. πόλι из *πόλι-ι- у Гомера (уεμέσσι, Z 335), а также в ионийском (Геродот и надписи), дорийском и эолийском диалектах. Древней формой винительного падежа множественного числа, сохранившейся в критском диалекте, было πέλις, откуда πέλις, несколько раз засвидетельствованное у Гомера (§ 82), но чаще скрывающееся за аттической формой πέλεις. Однако ионийские надписи и Геродот употребляют встречающуюся уже у Гомера (Δ 308, Z 240 и др.) форму πέλιας, образованную с окончанием согласных основ по типу πόδιας; это же окончание употребительно также в дорийском и эолийском диалектах. Родительный падеж множественного числа во всех остальных диалектах, кроме аттического, имеет форму πολίου. В этих же диалектах встречается и форма дат. п. мн. ч. πόλισι (у Гомера надо отметить также эолийские формы типа πολίεσσι, § 57).

Примечания: 1. В кипрском диалекте встречаются формы типа πόλιφι (Идалион 6), где φ, несомненно, вторичного происхождения.
2. В новогреческом языке основы на ι смешались с основами на υ, усвоив их флексию.

§ 88. С точки зрения индоевропейского языка, близкими к типу *-i/-ei оказываются основы женского рода на *-oi- типа πειθώ. В эту группу входят имена женщин, например Λητώ, καριγύω „истопница“, а также некоторые отвлеченные имена (πειθώ и т. п.). Это склонение, засвидетельствованное только в единственном числе, представляет в аттическом диалекте закономерные формы: им. п. Λητώ, зват. п. Λητοῖ (чистая основа; следует отметить облеченое ударение); вин. п. Λητώ (из -oīa) с ударением по аналогии с именительным; род. п. Λητοῖς (из -oīos); дат. п. Λητοῖ (из -oī). В лесбосском, беотийском и иногда в дорийском диалектах встречается форма винительного падежа на -ων: крит. Λητων (Коллиц 5101, 14), лесб. Ψρων (Сапфо 62 D), и др.; наконец, в ионийском диалекте мы находим винительный падеж на -ou: Λητοῦ (I. G. XII, 9, 191 A, Эретрия), Ιοῦ (Геродот I, 1), образованный по аналогии с родительным. Родительный падеж лесбосского и дорийского диалектов на -ως представляет закономерную для них фонетическую трактовку исходной формы.

Примечание. В новогреческом языке существует тип имен собственных и нарицательных на -ω и на -ου (Φρέω; φορδ „булочница“) с флексией на -ωδες или -οδες во множественном числе.

§ 89. Основы на -ι- представляли, повидимому, в индоевропейском языке те же типы флексии и с тем же чередованием огласовки, что и основы на -i-. В единственном числе именительный и винительный падежи имели нулевую ступень (ι) огласовки предшествующего окончанию элемента: πήχυς, πήχυν, ср. р. ἀστοῦ, γύνη. Во множественном числе именительный падеж мужского и женского рода содержал огласовку ε: πήχεις (из общегреч. *πήχεες); именительный-винительный падеж среднего рода представлен типом гомер. ἀστεα (из *αστεα). Винительный падеж мужского и женского рода имел нулевую ступень, ср. крит. ιώνυς. Именительный-винительный падеж двойственного числа содержал огласовку ε: πήχει (из *πήχεε). В родительном падеже единственного числа, как и для основ на i, существовала форма с нулевой огласовкой перед окончанием, хорошо засвидетельствованная в греческом языке: δάκρυος, гомер. δούρος из *δορρος. Но наиболее распространенной в индоевропейском языке была форма родительного падежа на *-e/ous, т. е. с огласовкой

е или о элемента, предшествующего окончанию, и с нулевой степенью огласовки окончания;ср.санскр. *bāhōḥ*, где о представляет -ои- или -еи-, оск. *castrous*, лат. *manus*. Греческий язык ввел новшество, объединив огласовку е и окончание ос: *πήχεος*, *ἡδέος*. К этому типу относятся все прилагательные и значительное число существительных.

§ 90. Приведем аттическую флексию основ на и с огласовкой е элемента, предшествующего окончанию.

Ед. ч.	Мн. ч.	Дв. ч.
Им. <i>πῆχυς, ἄστω</i>		
Зват. <i>πῆχυ, ἄστῳ</i>	<i>πήχεις, ἄστη, ἡδέα</i>	<i>πήχει, ἄστει</i>
Вин. <i>πῆχυν, ἄστον</i>		
Род. <i>πῆχεως, ἄστεως, ἡδέος</i>	<i>πήχεων, ἄστέων</i>	<i>πηχέοιν, ἄστέοιν</i>
Дат. <i>πήχει, ἄστει</i>	<i>πήχεις, ἄστεοι</i>	

§ 91. Огласовка е распространилась на все падежи, кроме именительного, звательного и винительного единственного числа. Родительный падеж единственного числа содержит огласовку е предшествующего окончанию элемента и окончание -ос: *ἡδέος* восходит к общегреч. **ἱδεῖος* [Ф. § 69, 54]. Это окончание -eos, составляющее общую норму в системе прилагательных, засвидетельствовано также и для существительных в большей части диалектов: *πήχεος* (Геродот I, 178), гомер. *ἄστεος* (Г 140 и др.), беот. *βαστεος* из *βαστεος* (I. G. VII, 3170). Аттической формой родительного падежа является *πήχεως, ἄστεως*, восходит ли она к форме на -ηος, возникшей по аналогии с древним местным падежом на -ηι, или, что более вероятно, представляет собой заимствование от πλεως (первоначально в *ἄστεως?*). В коньне эта форма на -εως распространялась и в системе прилагательных.

Им. п. мн. ч. *πήχεις* восходит к **παχεεις* (с древней огласовкой е); но наряду с ним засвидетельствована и форма без слияния, гомер. *βραδεε;* (θ 104), ион. *πήχεες* (Геродот II, 153).

Аттическая форма вин. п. мн. ч. *πήχεις* восходит, по-видимому, к **πάχεν;* с вторичной огласовкой е, как и

у основ на -и (§ 86). В рукописях Гомера иногда встречается форма *πολέις* от *πολέας* при варианте *πολέας* (N 734)¹. Древняя форма с нулевой степенью и с окончанием -ις сохранена в крит. *μιγκς;* форма *πολέος* — чтение Зенодота в В 4 — представляет, возможно, пример этого типа. Хорошо засвидетельствовано у Гомера ионийское окончание -еаς с заимствованным от согласных основ -ας: *πελέχεας* (Ψ. 114 и др.), *πολέας* (Δ 559 и др.); так же и у Геродота: *πήχεας* (II, 13).

Родительный падеж множественного числа всегда имеет огласовку е перед окончанием. Место ударения объясняется аналогией *πήχεως* и, с другой стороны, *πόλεων.* Слитная форма *πηχδου* появляется поздно (Полибий, Диодор, Плутарх). Родительный падеж единственного числа от *ἄστο* в рукописях обычно имеет ударение *ἄστέων*, но у грамматиков никаких прямых указаний по этому поводу мы не находим.

Дательный падеж множественного числа с огласовкой е: *πήχεοι*, как *πολέοι* от *πόλις.* У Гомера встречается *πελέχεοι* (N 391) с удвоением σ, заимствованным от основ на s. В дательном падеже единственного числа от *πολέας* Гомер употребляет формы *πολέοι* (Δ 388), *πολέεοι* (М 399) и *πολέοι* (Р 236).

В именительном-винительном падеже единственного числа среднего рода у Гомера и в диалектах засвидетельствована древняя форма *ἄστεα.* В аттической форме *ἄστη* слияние, вероятно, не фонетическое, а обусловленное аналогией типа *γένη.*

При меч ани я: 1. Гомеровские винительные падежи типа *εὐρέα πόντον* (Z 291) были образованы ради их метрического удобства.

2. *Πρέσβυς* имеет сложное склонение. По аналогии с типом *βασιλεύς* были созданы для значения „посол“ формы с -ηι: им. п. мн. ч. *πρέσβηες* (Пс.-Гесиод, Scutum 245²), беот. *πριγγειες* (I. G. VII, 1720), им.-вин. п. дв. ч. *πρέζηη,* образовавшееся в результате слияния из -ηε (Аристофан, отр. 639 К). Старое мн. ч. *πρέσβειες* в значении „послы“ было постепенно вытеснено словом *πρεσβευται*, однако в единственном числе в этом значении всегда сохранялась *πρεσβευτής.*

¹ Это не вполне точно: рукописи дают в этом месте и в ряде других маловероятную для Гомера форму *πολέις*, вместо которой в современных изданиях принимается поправка Вольфа *πολέας.* — *Прим. перев.*

² В этом месте слово имеет значение „старый“.

§ 92. Переидем теперь к флексии основ, обобщивших нулевую ступень перед окончанием. Этот тип флексии *стάχις*, *стάχιος* и т. д. представлен не очень широко. В результате его слияния с типом на -*ī*, как *ἰχθύς* или *σῖς*, возникли колебания в количестве основ на -*o*. Полную парадигму дает слово *ἰχθύς* „рыба“.

Ед. ч.	Мн. ч.	Дв. ч.
Им. <i>ἰχθύς</i>	<i>ἰχθύες</i>	<i>ἰχθύος</i>
Зват. <i>ἰχθύ-</i>	<i>ἰχθύες</i> и <i>ἰχθύς</i>	<i>ἰχθύες</i> и <i>ἰχθύ-</i>
Вин. <i>ἰχθύν</i>	<i>ἰχθύς</i>	
Род. <i>ἰχθύος</i>	<i>ἰχθύων</i>	
Дат. <i>ἰχθύτι</i>	<i>ἰχθύσι</i>	<i>ἰχθύσιου</i>

‘*ἰχθύς* — древняя основа на -*ī*, но в количестве *o* здесь наблюдаются чередования, которые не могут восходить к индоевропейскому языку. Наиболее частой формой иминительного падежа множественного числа является *ἰχθύες* (Платон, *Phaed.* 109 e и др.), но иногда в аттическом диалекте мы находим *ἰχθύς* (Алексид 216 К). Эта форма, которую древние грамматики считали слитной, обусловлена, возможно, влиянием винительного падежа множественного числа.

Первоначальной формой винительного падежа множественного числа было *ἰχθύς* (с 53), ср. также *ὑέχις* (Н 420 и др.), из окончания *-*īns*. Но наряду с нею была создана и форма на -*ās*, извлеченная из склонения согласных основ (с другой стороны, ср. *πόλιας* и т. п.). Этот винительный падеж засвидетельствован уже у Гомера: *σύας* (ξ 41), *ὑέχιας* (λ 94), *δρόβιας* (ι 389), *ἰχθύας* (χ 384). *Ιχθύας* встречается также в аттической комедии (Антифан 68 К). Рукописи Геродота дают обе формы. В коньне окончание -*ās* обнаруживает тенденцию к распространению.

„Слитная“ форма дв. ч. *ἰχθύ-* (ср. им. п. мн. ч. *ἰχθύς*) засвидетельствована у Антифана (194 К) и др.

Этому типу склонения следуют древние основы на *ī*: *σῖς*, *σιβίς*; *δρόβις*, *-bos*; *ὑέχις*, *-os*; но также и основы с кратким *o*, например *γένιος* „челость“, *μῆρις* „голос“ и, повидимому, *στάχις* „колос“.

Примечания: 1. Равным образом мы находим пример флексии с кратким *o* для имени ср. р. *δάκρυ*, *δάκρυς* „слеза“; мн. ч. *δάκρυα*, *δάκρυαι*. По форме *δάκρυ* уже у Гомера было образовано ед. ч.

δάκρυον (Н 11 и др.) и дат. п. мн. ч. *δάκρυαι* (с 137). В аттическом диалекте этот тематический тип получил преобладание (но *δάκρυαι* Фукидид VII, 75).

2. *Μύς*, *μύος* „мыши“ представляет собой древнюю основу с кратким *s* (ср. лат. *mūs*, *mūris*), которая в греческом языке превратилась в основу на *ō* после выпадения *o* между гласными. Краткое *o* в форме *μύος* имеет вторичное происхождение.

§ 93. Основа со значением „сын“ первоначально относилась к основам на краткое *o*: крит. *οὐες* (Коллиц 4991, XII, 17), аттич. *οὐες* (I. G. I², 670; VI в. до н. э.), в слитной форме *οες* (I. G. I², 663). Вин. п. ед. ч. *οὐευ* встречается в аркадском и в критском диалектах (Коллиц 4991, X, 15), вин. п. мн. ч. *οὐευς* — в критском (Коллиц 4991, IV, 40). Эти формы восходят к индоевропейской основе ***su-i-*, которая, очевидно, имела флексию, сходную с флексией *oīs*, с нулевой ступенью перед окончанием: у Гомера род. п. ед. ч. *οῖος* из ***su-i-ōs* (В 230 и др.), дат. п. *οῖη* (В 20 и др.); им. п. мн. ч. *οῖες* (A 162 и др.), род. п. *οῖοι* (Ф 587 и др.). По аналогии с согласным типом был создан вин. п. ед. ч. *οῖα* (М 129), вин. п. мн. ч. *οῖες* (В 72 и др.); дательный падеж множественного числа имеет форму *οῖατι* (Е 463 и др., критские надписи, Коллиц 4991, IV, 37; Софокл, *Ai.* 571), где *a* и место ударения объясняются аналогией с типом *πατράσι*. Им.-вин. п. дв. ч. *οῖε* (В 679). Следует отметить место ударения в формах *οῖος*, *οῖ* у Гомера: баритонеза, повидимому, указывает на эолийское происхождение этих форм.

Представляется вероятным, что в древнюю эпоху некоторые падежи содержали огласовку *e* перед окончанием. Гортинское законодательство (Коллиц 4991, VII, 22) противопоставляет им. п. мн. ч. *οἰες* и вин. п. мн. ч. *οἰευς*; *οἰεες* встречается также у Гомера (В 518), а слитная форма *οἰεῖς* — у Гомера и в аттическом диалекте. Прочие падежи, в которых получила распространение огласовка *e*: род. п. ед. ч. *οἰέος* (γ 489, аттический диалект), дат. п. *οἰέτι* (Г 174) и *οἰέτι* (аттич.); вин. п. ед. ч. *οἰεά* встречается только один раз у Гомера (Н 350; стих, исключаемый Аристархом). Множественное число: вин. п. *οἰεᾶς* (В 693 и др.), аттич. *οἰεῖς*, как *πάχεις*, дат. п. *οἰεῖσι* (в аттическом диалекте: у Аристофана, *Nub.* 1001 и др.). Двойственное число: им.-вин. п. *οἰεῖ* (Платон, *Apol.* 20 а), в написании *οἰε* (I. G. I², 775), род.-дат. п. *οἰεόιν* (Платон, *Lach.* 186 а).

§ 94. Наконец рассматриваемое слово перешло к тематической флексии. Основа на *ε/o* появилась, повидимому, в результате стремления избежать последовательности двух *o*. Так, у Гомера: им. п. ед. ч. *οἴς*, вин. п. ед. ч. *οἴη*, зват. п. *οἴέ*; однако формы *οἰοῦ* и *οἴοσι* встречаются каждая только однажды (τ 418 и χ 238). Приводим обычное аттическое склонение, построенное на использовании обеих основ:

	Ед. ч.	Мн. ч.	Дв. ч.
Им.	<i>οἴς</i> , <i>οἴς</i> (архаические надписи) <i>οἴς</i> (классическая эпоха, литературные тексты)	<i>οἴεῖς</i> и <i>οἴοι</i>	<i>οἴετ</i>
Зват.	<i>οἴέ</i>	<i>οἴεῖς</i> и <i>οἴούς</i>	
Вин.	<i>οἴον</i>	<i>οἴέων</i> и <i>οἴών</i>	
Род.	<i>οἴεος</i> и <i>οἴος</i>	<i>οἴεστι</i> и <i>οἴοις</i>	<i>οἴεστιν</i>
Дат.	<i>οἴετι</i> и <i>οἴῶτι</i>		

Тематическая флексия — единственная, засвидетельствованная в надписях начиная с 350 г. до н. э. и, разумеется, в койнے.

Поэты образуют иногда аномальные формы: так, у Симонида мы находим им. п. *οἵς* (249 В); у Аполлония Родосского (II, 1093) и у поздних поэтов — формы типа *οἴης*, *οἴησ* и т. д., образованные по аналогии с эпической флексией типа *βασιλεύς* (§ 102).

§ 95. Гомеровское склонение слов *γένος* и *δέρο* примыкает к флексии основ на **-e* с нулевой степенью перед окончанием: род. п. ед. ч. *δούρος* (II 863), *γούνος* (Л 547), им. п. мн. ч. *γούνα* (Ζ 511), *δούρα* (В 135) и т. д.; *δούρος* восходит к **δόρεος*, *γούνος* к **γούνεος* [Ф. § 57] и т. д.: *e* представляет *o* основы в его согласной форме. Следует отметить в единственном числе смещение ударения на окончание в род. п. *δούρος* и дат. п. *δούρι*. Во множественном числе без этого смещения находим: *δούρων* и *δούρεσσον*, *γούνων* и *γούνεσσον*. У трагиков это склонение засвидетельствовано дат. падежом *δορί* (относительно *δόρει*, где отмечается иное ударение, см. § 53); в прозе оно вообще встречается редко: *δορὶ ἐλεῖν* (Фукидид I, 128).

Начиная с индоевропейской эпохи эта основа была расширена носовым элементом (ср. для слова *δέρο* вед. *dāru* „дерево“, род. п. *dṛiṣṭah*). Гомеровский язык имеет формы *δούρατος* (Λ 357), *δούρατι*, *δούρατα*, *δούρασι*, *γούνατος*, *γούνασι*. Аттическая флексия: *γένος*, *γούνατος* и т. д., *δέρι*, *δούρατος* и т. д. (относительно расширения *o* в греческом языке см. § 76).

§ 96. Некоторые основы на *o* принадлежат к основам на двугласный.

Слово *γράբ* „старуха“ имеет основу *γράω-*, не подвергнувшись чередованию огласовки; перед *s* *α* перешло в *αυ* [Ф. § 6], откуда им. п. ед. ч. *γράբ* и дат. п. мн. ч. *γράబι*. В остальных падежах в аттическом диалекте осталось долгое *a*, сохранившее свой тембр после *r*: род. п. ед. ч. *γράբъс* из **γράφος*, дат. п. *γράѣ*, им. п. мн. ч. *γράբъс*, род. п. мн. ч. *γράῶу*; гомеровские и ионийские формы содержат *η*, которое обобщено даже в группе *-ροբ*: дат. п. ед. ч. *γρήѣ*, зват. п. *γρῆρ* (τ 383 и др.) и *γρῆρъ* (χ 395 и др.), им. п. *γρῆբъс*, часто также двусложное *γρῆբъс*. В аттическом диалекте винительный падеж единственного числа имеет форму *γρা�բу*, вин. п. мн. ч. *γրաբъс*, как *ναῦ* и *ναῦс* (см. § 97), зват. п. ед. ч. *γρաբ*, как *Ζεບ* (§ 99).

§ 97. Слово *ναῦс* „корабль“ (санскр. *pauñ*, лат. *nāvis*) — также древнее корневое слово без чередования огласовки. Общегреческой формой именительного падежа единственного числа было *ναῦс* из **nāuis*, дательного множественного — *ναῦσι*. Если Гомер и Геродот употребляют формы *νηῦс* и *νηῦσι*, то это надо рассматривать как аналогичное распространение ион. *η* (из *ā*). В остальных падежах у Гомера древние формы: вин. п. ед. ч. *νηꙗ* (из **nāvŋ*), род. п. *νηꙗс*, дат. п. *νηꙗ*, им. п. мн. ч. *νηꙗс*, вин. п. *νηꙗс* (из **nāvŋs*), дат. п. *νηꙗсі* и *νηꙗссі* (Г 283). Но в ионийском диалекте *η* в зияниях сокращалось, откуда *νεῦс* (χ 172), *νέꙗ* (только в 283), *νέꙗс* (γ 312), *νέꙗс* (Α 487), *νηꙗу* (Α 48). Геродот, кроме *νηῦс*, *νηῦсі* и *νηꙗ*, употребляет только формы с *e*.

Дорийский диалект дает следующее склонение: им. п. ед. ч. *ναῦс*, *νাস* (Геродиан I, 400), вин. п. *ναῦ* (Пиндар, Pyth. IV, 245), *νᾶν* (Геродиан I, 328), *νᾶа* (Вакхилид XVI, 89), род. п. *ναῦс*, дат. п. *ναꙗ*, им. п. мн. ч. *νηꙗс*, вин. п. *νηꙗс*, род. п. *νηꙗу*, дат. п. *νηꙗсі*.

Приведем аттическую флексию:

	Ед. ч.	Мн. ч.	Дв. ч.
Им.	ναῦς	νῆσ	
Вин.	ναῦ	νᾶς	
Род.	νεώς	νεῶν	
Дат.	νη̄τ	ναυσι	

νεοῖν (Фукидид IV, 8)

Вин. п. мн. ч. ναῦ был образован по типу вин. п. ед. ч. ναῦ, который в свою очередь является, повидимому, греческим новообразованием.

Там, где η оказывается перед гласным тембра о, наблюдается или перестановка количества — в форме род. п. ед. ч. νεώς (из νη̄τ), или сокращение η — в формах род. п. мн. ч. νεῶν и род.-дат. п. дв. ч. νεοῖν (вместо закономерного *νεωῖν). В койнэ слово ναῦ было заменено словом πλοῖον.

§ 98. Слово βοῦς „корова, бык“ имело огласовку с количественным чередованием. Оно соответствует санскр. gaṇī и лат. bōs, что позволяет обнаружить дифтонг с долгим гласным элементом. Винительный падеж единственного числа также содержит долгую ступень: βου (дорийский диалект и один пример у Гомера — И 238; во всех других случаях гомеровская вульгата дает βοῦ) восходит к *gāb(u)m и соответствует санскр. gām. Прочие падежи единственного числа имеют краткую огласовку: род. п. βοῦς из *βοφός, дат. п. βοῖ. Дорийская форма им. п. ед. ч. βῷς (Феокрит IX, 7) извлечена из вин. п. βῷ. Ионийско-аттический диалект, наоборот, заменил вин. п. ед. ч. βῷ формой βῷ, образованной по аналогии с именительным. Наконец, грамматик Хойробоск цитирует вин. п. βά, образованный по аналогии с βοῦς и т. д. (Бекер, Anecdota 1196). Грамматики приводят также зват. п. βοῦ. Множественное число: им. п. βέες, род. п. βῷ, дат. п. βῳσι; в винительном падеже гомеровская и аттическая форма βοῦς, дор. βῷς параллельны формам винительного падежа единственного числа, что отражает, возможно, древнее состояние: ср. санскр. gāh. Однако по аналогии с другими падежами была образована форма βάς (из *βοφός), употребительная у Гомера (М 137 и др.) и в койнэ.

§ 99. Имя „бога ясного неба“ Ζεύς имело сложную флексию, сохраненную в ведическом санскрите, с удли-

ненной ступенью огласовки в именительном и винительном падежах единственного числа: им. п. *djeūs, санскр. duauṣ, откуда, с сокращением долгого гласного перед группой из неслогового и с последующим согласным, возникла греческая форма Ζεύς. От этого именительного падежа был образован в греческом языке зват. п. Ζεῦ (следует отметить отступление ударения). В винительном падеже единственного числа древняя форма также содержала удлиненную ступень огласовки, но неслогообразующий элемент дифтонга выпал перед -η уже в индоевропейскую эпоху: *dje(u)m, что представлено в ведическом санскрите формой duām, в латинском языке формой diem [Э. § 89], в греческом гомеровской формой Ζῆν, употребительной только в конце стиха, когда следующий стих начинается с гласного (Θ 206, Ξ 265, Ω 331). От Ζῆн были образованы формы вин. п. Ζῆνа, род. п. Ζῆνος, дат. п. Ζῆνί, засвидетельствованные в гомеровском языке и у поэтов. Далее, отсюда же был образован им. п. Ζήν (Эсхил, Suppl. 162) и с неясным α (долгое или краткое?) Ζάν (Аристофан, Aves 570). Эта странная флексия с α встречается в эпиграфических текстах: род. п. Ζαύος на Хиосе в Ионии (Швицер 696), дат. п. Ζαύι в Спарте (Швицер 30). Наконец, от этой же основы был образован им. п. Ζάς (Ферекид Сироцкий 1, 2).

Древняя форма родительного падежа единственного числа содержала нулевую ступень огласовки, откуда санскр. dīvaḥ и греч. Δής из Διφές; та же ступень огласовки и в дат. п. Δή; наконец, был создан вин. п. Δία: все это формы гомеровские и ионийско-аттические. От этой основы был образован им. п. Δίς, засвидетельствованный у дорийского комика Ринтона (отр. 14, Kaib.). Обычная ионийско-аттическая флексия: им. п. Ζεύς, зват. п. Ζεῦ, вин. п. Δία, род. п. Δίς, дат. п. Δί.

§ 100. К основам на двугласный можно отнести и форму παῖς, засвидетельствованную надписями на архаических аттических вазах (дублет расширенной основы παῖς из *παφίδ-); ср. кипрскую форму род. п. Φιλοπαῖος и, с потерей сонанта, δίπας (Швицер 683, стр. 333).

§ 101. К основам на *-и- примыкает в греческом языке группа основ на *-εῦ-, соответствия которой в других

индоевропейских языках найти трудно. Эти основы типа *βασιλέως* не обнаруживают чередования огласовки, но в именительном падеже единственного числа и в дательном множественного формы **βασιλῆος*, **βασιλῆοι* фонетически перешли в *βασιλέος*, *βασιλέοι*. В остальных падежах дигамма между гласными обозначена в нескольких древних кипрских надписях; в идалийской таблице (Коллиц 60) встречается род. п. ед. ч. *βασιλέος*, дат. п. *Εδαλέῃ*, им. п. мн. ч. *Εδαλέες*; с выпадением *μ* между гласными она встречается в лесб. *βασιλῆος* (Коллиц 214), в фессал. *βασιλῆος*, где *ει* означает *ε* (Коллиц 345). Тип склонения у Гомера: им. п. ед. ч. *βασιλέος*, зват. п. *βασιλεῖ* (образовался от именительного путем утраты конечного *ς*; относительно уединения см. *Ζεῦ*), вин. п. *βασιλῆα*, род. п. *βασιλῆος*, дат. п. *βασιλῆῃ*, им. п. мн. ч. *βασιλῆες*, вин. п. *βασιλῆοις*, род. п. *βασιλῆοι*, дат. п. *βασιλῆοστι*, им.-вин. п. дв. ч. *βασιλῆε*. Слитные формы редки и сомнительны (ср. вин. п. ед. ч. *'Οδυσῆ*, τ 136). С другой стороны, некоторые собственные имена имеют флексию с *ε*, обусловленную, повидимому, метрикой; так, *'Ατρέος οἰδες* (В 23).

Пиндар употребляет те же формы, что и Гомер, но в лаконских надписях встречаются слияния, как, например, вин. п. ед. ч. *γραμματῆ* (I. G. V, 1,1111) и др. В аркадском диалекте употребителен винительный падеж единственного числа вторичного образования *ἱερεῦ* (Швицер 654) и образованный от этой формы им. п. *ἱερῆς* (I. G. V, 2, 115).

В некоторых диалектах *η* в зиянии сокращалось в *ε̄*: род. п. ед. ч. *βασιλέος* (Геродот, ионийские надписи, дорийский диалект) и, со слиянием, *ἱαρεὺς* (мегарский диалект; Коллиц 3025), вин. п. мн. ч. в критском диалекте *δρομεῖς* и даже им. п. мн. ч. *δρομεῖς* (Коллиц 4991, VI, 36).

§ 102. Приводим образец аттической флексии:

	Ед. ч.	Мн. ч.	Дв. ч.
Им.	<i>βασιλέος</i>		
Зват.	<i>βασιλεῖ</i>	<i>βασιλῆος</i> , позднее <i>βασιλεῖς</i>	
Вин.	<i>βασιλέα</i>	<i>βασιλέας</i> , позднее <i>βασιλεῖς</i>	
Род.	<i>βασιλέως</i>	<i>βασιλέων</i>	
Дат.	<i>βασιλεῖ</i>	<i>βασιλεῦσι</i>	

Некоторые из этих форм объясняются перестановкой количества: *βασιλέως* восходит к *βασιλῆος*; наряду с этим мы находим и формы *βασιλέα* и *βασιλέας*, обычно употребляемые трагиками (ср., однако, *φούέα*; Еврипид, Нес. 882). Слияние *Ἄχιλῆ* наблюдается в виде исключения лишь в поэзии (Еврипид, Ел. 439). В род. п. мн. ч. *βασιλέου* перестановка количества быть не могло, так как вторым гласным было *ω*. В род.-дат. п. дв. ч. *βασιλέοιν* (Эсхил, Septem 820), вероятно, не представляет древнего написания, и рукописное чтение *βασιλέων* у Эсхила (Suppl. 297) может быть истолковано как форма дв. ч. *βασιλέων* с перестановкой количества. Дат. п. ед. ч. *βασιλεῖ* — форма не фонетическая и объясняется обобщением *ε*, принадлежащего другим падежам. Им. п. мн. ч. *βασιλῆς* (из *-ῆες*) представляет собой древнюю форму, преобладающую в надписях приблизительно до 350 г. до н. э. По аналогии с *ε* остальной флексии были образованы формы на *-ῆς* (надписи около 400 г.), *-έες* (аттические поэты; возможно, ионизм), наконец, со слиянием, *-εῖς*, обычная новоаттическая форма. В винительном падеже множественного числа вместо *-έῖς* иногда встречается *-ῆς* (по аналогии с именительным ?), например Софокл, Аи. 390; *-εῖς* (по аналогии с именительным; см. *πύχεις*, *πόλεις*) засвидетельствовано в надписях с 307 г. до н. э. Нельзя сказать с уверенностью, следует ли исправлять эту форму в тех случаях, когда она встречается в рукописях ораторов или Ксенофонта. Форма эта обычна в койнэ, например в Новом завете. Им.-вин. п. дв. ч. *βασιλῆ* — слитная форма из *βασιλῆες*.

Примечание. У имен на *-εός* формы на *-εω-* и *-εα-* чаще всего подвергаются слиянию: род. п. ед. ч. *ἀλιώς*, род. п. мн. ч. *ἀλιῶν*, вин. п. ед. ч. *ἀλιᾶ*, вин. п. мн. ч. *ἀλιᾶς*.

СИСТЕМА ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО Склонение

§ 103. В индоевропейском языке склонение прилагательных не отличается от склонения существительных; единственная характеризующая его черта — это различие родовых форм (остающееся, однако, неполным): основа мужского и среднего рода допускает одновременно образование форм обоих этих родов в тех падежах, где их формы различны. Наряду с этой основой наблюдается основа жен-

ского рода, которая в некоторых типах флексии отчетливо выступает как производная.

Первый тип прилагательных представлен в аттическом диалекте флексией ἀγαθός, ἀγαθή, ἀγαθόν или ἐρυθρός, ἐρυθρά, ἐρυθρόν, в которой мужской и средний род принадлежат к типу на *-ο*, а женский — к типу на *-η* или на *-ά*.

Примечание. 1. Некоторая часть прилагательных представляет в функции женского рода тематическую флексию мужского рода; сюда относятся преимущественно сложные слова, как *ταλαιπωρός*, *ἀδεξός*, *σύνθετος* и т. п., а также некоторые простые: *βάρβαρος*, *ἔρερος*, «ручной», *ἔτυμος*, «истинный», *ἔπιλος*, «спокойный», *κίρδηλος*, «поддельный», *ἴρωχος*, «спокойный», *ἷλας*, «милоственный» и др.

2. Форма женского рода прилагательных точно следует флексии типа *ἥμερα* или *τιγῆ*, за исключением родительного падежа множественного числа. У Гомера встречается окончание *-ῶν*: *ἄπαλάῶν* (Σ 123), *πολλάῶν* (В 117), иногда в ионийской форме *-έων*: *πρωτέον* (О 656), *πολλάέων* (В 131), местоимение *ἀότέων* (М 424); ту же форму мы находим и у Геродота: *ἄλλών*, *λοιπέων*, *μαρχέων* и т. п. Дорийский диалект требует соответствующую слитную форму на *-ῶν*: *ἄλλῶν* (Пиндар, ОI. VI, 25), *ποτάῶν* (ОI. XIII, 46) и т. п. В аттическом диалекте форма родительного падежа множественного числа мужского рода распространялась и на женский род: от *φῦῃ* родительным падежом множественного числа служит не ожидаемая форма **φῦῶν* (§ 35), а *φῦῶν*.

Однако в тех случаях, когда форма женского рода на *-ά* противостоит атматической основе мужского рода (§ 104), она, разумеется, имеет слитное окончание *-ῶν*: *μελαγάῶν*, *ταῦῶν*, *λοιζῶν* и т. д.

3. Относительно склонения слитных прилагательных см. § 26 и 40.

§ 104. В греческом языке существуют различные типы атматических прилагательных, соответствующие различным типам существительных. Согласные основы с сигматической формой именительного падежа мужского рода: основы на **-п* — *μέλας*, *μέλανα*, *μέλαν*; основы на **-пt* — *χαρίεις*, *χαρίεσσα*, *χαρίεν*; атматические причастия — *διδός*, *διδόσσα*, *διδόν*; причастие перфекта — *εἰδός*, *εἰδόσσα*, *εἰδός* (§ 334); с асигматической формой именительного падежа: *φέρων*, *φέροντα*, *φέρον*. Гласные основы с сигматической формой именительного падежа мужского рода: *γλωχίς*, *γλωχεῖα*, *γλωχόν* (о склонении см. § 90). Все эти основы характеризуются в женском роде словообразованным суффиксом **-јэ/-јā*, в греческом — *-ια/-ιā* (переворот краткого и долгого *α*; см. § 39), который служил в индоевропейском языке для образования слов женского рода. Следует отметить, что тематические причастия (как *ἴων*, *ἴων*) образуют форму именительного падежа единственного числа

мужского рода удлинением гласного, предшествующего окончанию (ср., с другой стороны, лат. *legēns*, характеризующееся окончанием *-s*), а атматические — сигматическим окончанием: *δεῖξας*, *διδός*, *βάς* и т. д.¹ О флексии причастий см. § 65.

§ 105. Общей для всех этих типов прилагательных проблемой является способ образования формы женского рода. У основ на **-и-* ступень *ε* гласного, находящегося перед суффиксом, обобщена уже в общегреческом: *γλωχία* восходит к **γλωχε-јā*; это распространение огласовки *ε* составляет, повидимому, отличительную черту греческого языка.

Прилагательные типа *χαρίεις* образованы с помощью суффикса *-ειτ-*. Форма женского рода содержала в индоевропейском языке нулевую ступень огласовки суффикса; ср. санскр. *-vatī* из **-vati*. В греческом языке аналогия мужского рода, имевшего *ε* во всех падежных формах, повела к созданию **-ειτ-јā*²: коркир. *стоуфесса* (Коллиц 3189), беот. *χαρίεттав* (Buck, Gr. Dialects², стр. 119), гомер. *стоуфесса* и т. д.

Примечание. Этот тип прилагательных скучно представлен в аттическом диалекте, который употребляет *φωνήεις* без слияния, но со слиянием — *μελτόης*, *μελтотта*.

Древнее чередование сохранилось в прилагательном *πίων*, у которого суффиксу на *п* форма мужского и среднего рода соответствует в форме женского рода суффикс на *г*: *πίων*, *πίειρα*, *πίον*, ср. санскр. *rīvan-*, ж. р. *rīvagī* (о следах чередования гласных в суффиксе причастия см. § 65 и 334).

§ 106. В образовании слов женского рода с суффиксом **-јэ/-јā*, греч. *-ια/-ιā*, конкурировали форманты *-ιδ-* и *-αδ-*,

¹ В этом параграфе терминология автора несколько сбивчива: говоря об атматических прилагательных, он имеет в виду прилагательные, склоняющиеся по атматическому типу, а говоря о тематических и атматических причастиях — причастия, образованные от глагольных корней, соответственно, при помощи тематического гласного и без него. Таким образом, как атматические причастия, так и тематические причастия оказываются частным случаем атматических прилагательных. — *Прим. перев.*

² Аналогичными являются также и формы косвенных падежей мужского рода: фонетически закономерным был бы род. п. **χαριտός* <**χαριтос*, как и им. п. ж. **χαριтса* <**χαρитса*. — *Прим. перев.*

рассмотрение которых относится скорее к области словообразования, чем к морфологии в тесном смысле слова. Чаще всего -ιδ- (с дублетом -ιο-) служит для образования форм женского рода существительных, изменяющихся по родам (так называемые *substantiva mobilia*); женский род от *ἀλητήρ* иногда имеет форму *ἀλητρία*, но чаще *ἀλητρίς*. Но в ряде случаев этот суффикс образует и настоящую родовую форму прилагательных. Гомер говорит *θεόρος* 'Арт.' (E 507), но в женском роде — *θεόριδος ἀλκῆς* (E 718).

Возможно, что по аналогии с -ιδ- роль суффикса женского рода, даже в системе прилагательного, играет иногда -ιδ-: *ἀμοιβάς* „сменная“ (§ 521) как эпитет *χλαιγα* служит формой женского рода от *ἀμοιβές*.

§ 107. Наконец, имеется тип прилагательных, в котором противопоставление мужского и женского рода вовсе не выражено. Это относящиеся к атематическому склонению основы на *s: *ἀληθής*, *ἀληθής*, *ἀληθές*, *συγγενής*, *συγγενής* и т. д. Однако для некоторых прилагательных этого типа иногда создавалась особая форма женского рода: *ἐπτέτης* „семилетняя“ (Аристофан, *Thesm.* 480), женский род от *ἐπτέτης*; *συγγενής* „родственница“ (Лука I, 36), женский род от *συγγενής*.

§ 108. В новогреческом языке существуют различные типы прилагательных, из которых одни унаследованы от древнегреческого, другие образованы вновь. Общей тенденцией является четкое противопоставление форм мужского, женского и среднего рода. Тип *συγγενής* сохранился только в ученом языке и принял следующую форму: м. р. *συγγενής*, ж. р. *συγγένισσα*, спр. р. *συγγενικό*.

§ 109. Некоторые прилагательные имеют неправильное склонение. *Μέγας* в ряде падежей получает расширение основы на l, встречающееся также в некоторых германских формах. Склонение у Гомера и в аттическом диалекте: им. п. ед. ч. м. р. *μέγας*, им.-вин. п. спр. р. *μέγα*, вин. п. м. р. *μέγαν*. Все остальные падежи образуются от тематической основы, содержащей упомянутое l: *μεγάλου*, *μεγάλωι*, *μεγάλοι*, *μεγάλα* и т. д. Женский род имеет формы *μεγάλη*, *μεγάλην* и т. д. В качестве звательного падежа мужского рода употребительно либо *μέγας* (Софокл, *Oed.* Col. 1471), либо *μεγάλε* (Эсхил, *Sept.* 822).

Прилагательные на -ος, имевшие архаическую и трудную флексию, иногда заменялись производными прилага-

тельными: *χράτυς* засвидетельствовано несколько раз у Гомера в именительном падеже, но обычной формой было производное *χρατέρος*. Аттическая форма ж. р. *τραῖα* „смиренная“ предполагает основу на *-ι-, и такая основа действительно существует: им. п. ед. ч. м. р. *τράīς* (Пиндар, *Pyth.* III, 71), вин. п. *τράīου* (Пиндар, *Pyth.* IV, 136). Но в аттическом диалекте *τράīς* было заменено основой на e/o: *τράīος*, *τράīον*, *τράīου* и т. д. Некоторые формы от основы на *-ι все же употребительны: им. п. мн. ч. *τραῖες* наряду с *τράīοι*, им.-вин. п. мн. ч. спр. р. *τραῖα* (но *τρᾶ*, Аристотель, *De animal. hist.* 488 b). В родительном падеже множественного числа употребительно *τράīων*, но иногда *τραῖεων* (Ксенофонт, *Anab.* I, 4, 9); дательный падеж множественного числа всегда *τραῖεστ*. Атематическая флексия также существует еще в койнэ: в Новом завете часто встречается *τραῖς*.

§ 110. В склонении *πολύς* также объединены две основы. Аттические формы следующие:

	М. р.	Ж. р.	Ср. р.
Ед. ч. Им., зват.	<i>πολύς</i>	<i>πολλή</i>	<i>πολύ</i>
Вин.	<i>πολύν</i>	<i>πολλήν</i>	<i>πολύ</i>
Род.	<i>πολλοῦ</i>	<i>πολλῆς</i>	<i>πολλοῦ</i>
Дат.	<i>πολλῷ</i>	<i>πολλῇ</i>	<i>πολλῷ</i>
Мн. ч. Им., зват.	<i>πολλοί</i>	<i>πολλαί</i>	<i>πολλά</i>
Вин.	<i>πολλούς</i>	<i>πολλάς</i>	<i>πολλά</i>
Род.	<i>πολλῶν</i>	<i>πολλῶν</i>	<i>πολλῶν</i>
Дат.	<i>πολλοῖς</i>	<i>πολλαῖς</i>	<i>πολλοῖς</i>

У Гомера каждая из этих основ дает полное склонение: с одной стороны, *πολύς*, вин. п. ед. ч. *πολύν*, род. п. *πολέος*, им. п. мн. ч. *πολέες*, вин. п. *πολέας*, род. п. *πολέων*, дат. п. *πολέστ*, *πολέεσσι*, *πολέσσι*; с другой — *πολλή*, *πολλόν* и т. д. У Геродота склонение нормализовано: *πολλός*, *πολλή*, *πολλόν*. Происхождение основы с двойным согласным неясно; возможно, здесь мы встречаемся с экспрессивным удвоением¹.

¹ Нет оснований отказываться от обычного объяснения этой основы как результата аналогического распространения основы ж. р. *πολλα-* <**polʃja-/a-*> [ср. Ф. § 57, 42]. — Прим. перев.

Степени сравнения

§ 111. Прилагательное образует так называемые степени сравнения. Сравнительная степень выражает, что определяемое данным прилагательным лицо или вещь обладает соответствующим качеством в более высокой степени, чем другое определенное лицо или вещь; но вместе с тем ей свойственно и значение интенсивности, и в этом случае она приближается по значению к наречию „достаточно“ или „слишком“. Превосходная степень выражает то же, что сравнительная, но по отношению к нескольким лицам или вещам — так называемая относительная превосходная степень; вместе с тем она служит и для выражения того, что определяемое обладает тем качеством, которое обозначено данным прилагательным, в весьма высокой степени — так называемая абсолютная превосходная степень; в этом случае она соответствует по значению наречиям „очень“, „весьма“.

Эти значения сравнительной и превосходной степеней выражаются в греческом языке, как и в латинском, особыми суффиксами, унаследованными от indoевропейского. Сравнительная и превосходная степени с понижающим значением („менее мудрый“, „наименее мудрый“), а также степень, означающая равенство („равно мудрый“ или „столь же мудрый“), не имеют особых формантов и выражаются наречиями.

a) Суффиксы *-jes- и *-istho-

§ 112. Греческий язык использовал для образования сравнительной степени древний суффикс *-jes-/*-jos¹, засвидетельствованный в латинском в форме -ios- в род. п. ед. ч. melioris (из *melioses) и в форме -jos- в им.-вин. п. ср. р. melius (из melios). В греческом языке этот суффикс засвидетельствован в вин. п. ед. ч. м. и ж. р. ἐλάσσω из *élaχ-joſ-a, в им.-вин. п. мн. ч. ср. р. ἐλάσσω

¹ Более полный ряд чередующихся ступеней огласовки этого суффикса дают латинские формы, образованные от корня mag-: maioris < *magiōses, maius < *magiōs, maiestas < *magiestās, magis (с вокализацией сонанта в нулевой ступени суффикса [ср. Э. § 98, 102]. — Прим. перев.)

и в им. п. мн. ч. м. и ж. р. ἐλάσσον² из *élaχ-joſ-eς, причем последняя форма употребительна и в функции винительного (§ 55). Повидимому, *-jos- могло уже в индоевропейском языке принимать форму *-jōs-, откуда ἥδιος, γλοχή и т. п. Что касается склонения в целом, то слитные формы этого сигматического суффикса хорошо сохранились в аттическом диалекте, особенно в единственном числе; они встречаются до сравнительно позднего времени в большом числе в аттических надписях. Имеются они и у Гомера, а также в ионийском и дорийском диалектах. Напротив, койнэ Нового завета их избегает.

§ 113. С этими формами уже в гомеровском языке конкурируют формы, образованные посредством носового суффикса. В аттическом диалекте наряду с приведенными выше формами употребительны также ἥδιον, ἥδιονται, ἥδιονται; в остальных падежах формы, образованные посредством этого суффикса с назальным расширением, оказываются единственными. Действительно, греческий язык унаследовал наряду с суффиксом *-jos- формант с назальным расширением -io-ou->-iou, где -io- представляет нулевую ступень суффикса *-jes-/*-jos-. Этот же формант обнаруживается и в герм. -izan. Именно этот носовой суффикс и употребителен в греческом языке, но по аналогии с *-jes-/*-jos- он выступает как в форме -iou-, так и в форме -io-ou-. Таким образом, наряду с γλοχίων или ἥδιον мы встречаем и такие формы, как μείζων или ἐλάσσων с суффиксом -io-ou-. Иногда одно и то же прилагательное образует обе формы сравнительной степени: от βραχός „короткий“ существовало βραχίων (Гесихий) и βράσσων (К 226).

П р и м е ч а н и е. Количество гласного ι в окончании -iou в метрических текстах колеблется: он долг в аттическом диалекте, долг или краток у Гомера, краток у Пиндара.

§ 114. Флексия форм с носовым сходна с флекссией типа δαίμων; но так как в нее включены для некоторых падежей слитные формы сигматического происхождения, то парадигма приобретает следующий неправильный вид:

	М. и ж. р.	Ср. р.
Ед. ч. Им.	ἡδίων	ἡδίον
Вин.	ἡδίῳ и ἡδίονα	ἡδεον
Род.	ἡδίονος	ἡδίονος
Дат.	ἡδίοι	ἡδίοι
Мн. ч. Им.	ἡδίοις и ἡδίοις	ἡδίω и ἡδίονα
Вин.	ἡδίοις и ἡδίονας	ἡδίῳ и ἡδίονα
Род.	ἡδίονων	ἡδίονων
Дат.	ἡδίοσι	ἡδίοσι

Следует отметить, что женский род не отличается здесь от мужского, как и в других индоевропейских языках (ср. лат. *melior*): основа сравнительной степени не является в собственном смысле прилагательным; она производится не от соответствующего прилагательного, а непосредственно от корня, содержащего обычно ступень огласовки *e*; ср. ион. *χρέσσων* при *χράτης* и *χράτερος*.

§ 115. Этой форме сравнительной степени соответствует превосходная степень на *-ιστός*, что восходит к **-is-tho-* (ср.санскр. *-iṣṭhaḥ*); здесь элемент *-is-* представляет собой суффикс сравнительной степени **-jēs-/*-jōs-* в нулевой ступени; ступень огласовки корня, повидимому, также была нулевая; ср. *χράτιστος* при ион. *χρέσσων*.

§ 116. Иногда основа сравнительной степени не имеет соответствия ни с одной из основ прилагательного, образованных от того же корня: положительной степени *ἀγαθός* соответствует сравнительная степень *ἀμείνων* неясной этимологии; *βελτίων* и *βέλτιστος* — формы, заимствовавшие, повидимому, свое τ от параллельной формы сравнительной степени *βέλτερος*; *ἀρείων* имеет превосходную степень *ἀριστός* (ср. *ἀρετή?*); наконец, *λῶν* и *ληστός*. Для *κακός*, помимо *κακίων* и *κάκιστος* (и относящегося сюда же гомер. *κακώτερος*), существуют формы сравнительной степени *χείρων* (и гомер. *χερείων*) и превосходной *χείριστος*, образованные от основы, засвидетельствованной в гомеровских формах *χέρῃ* (А 80), *χέρτες* (о 324) и т. д. В качестве сравнительной и превосходной степеней для *ὅλυς* и *μικρός* (помимо *ὅλεῖων*, *μείων*, ср. ниже, — *ἐλάσσων*, § 117) были образованы от корня гомер. *ῆχα*, “тихо” формы *ῆσσων* и *ῆκιστος*; соответствующая ионийская форма была,

вероятно, *ἔσσων* (по аналогии с *χρέσσων*?): хотя рукописи Геродота дают обычно *ῆσσων*, но ионийский производный глагол имеет форму *ἔσσοῦσθαι*. От основы гомеровского наречия *ῥέια* (*ῥέα*) были образованы формы *ῥάϊων* и *ῥάϊστος*, служащие степенями сравнения для прилагательного *ῥάϊδος* „легкий“.

В некоторых случаях ясно видно, что огласовка сравнительной степени первоначально имела ступень *e*: от корня прилагательного *πολύς* имеем *πλείων* и *πλείστος* из **plē-is-on-*, **plē-is-tho-*; ср. санскр. *prāyaḥ*. Основа **plē-is-* с нулевой ступенью огласовки суффикса и без назального расширения заключена, возможно, в аттич. *πλεῖ* (вместо **πλεῖς* под влиянием *πλείον*). Не обнаруживается суффикс **-is-* в гомеровских формах *πλέες*, *πλέας* (В 129, А 395); наконец, аркад. *πλός* (I. G. V (2), 3) остается неясным (о краткое или долгое?). От *ὅλυς* существует сравнительная степень *ὅλεῖων*, встречающаяся в древних аттических надписях (I. G. I², 76, ср. также у Гомера Σ 519), но превосходная *ὅλιγιστος*. От корня, который в расширенной форме встречается также в лат. *minor*, имеем *μείων* „меньший“ (Гомер, аттический диалект). От корня древнего прилагательного *χράτης* и более позднего *χράτερος* были образованы ионийская форма сравнительной степени *χρέσσων* „более сильный, лучший“ и превосходная степень *χράτιστος*; позднее от этой превосходной степени вторично образованы дор. *χάρτων* (Крит, Гортинское законодательство I, 15) и *χάρρων* из **χάρσων* (Алкман 78 D; Эпихарм 165) вместо *χρείττων* (см. ниже). От *μέγας* — сравнительная степень *μέζων*, форма, употребительная в ионийском (Геродот и др.), эолийском (Сапфо), дорийском (Эпихарм и др.) диалектах, и превосходная степень *μέγιστος* (ионийский, аттический и др.).

Вместо *χρέσσων* и *μέζων* в аттическом диалекте употребительны составляющие его особенность формы с дифтонгом *ei* — *χρείττων* и *μείζων*; происхождение их неясно (возможно, по аналогии со связанными с ними по значению *ἀμείνων* и *ὅλεῖων*).

В форме сравнительной степени с огласовкой *a* наблюдается удлинение, происхождение которого трудно определить и которое, повидимому, является вторичным.

В случае *ἄσσων*, *ἄσσοτέρῳ* (ср. § 126) „ближе“, ср. *ἄγχι*, *αγχίστος*, удлинение, возможно, является фонетическим (из

**αγχ-ιον-* > **αντσον-*). Кроме того, *θᾶσσων*, ср. р. *θᾶσσον* (аттич. *θᾶττων*, *θᾶττον*) „более быстрый“, ср. *τάχις*, *τάχιστος* [Ф. § 32]; *μᾶλλον* „больше, скорее“ (но *μᾶλον* с кратким *α* у Тиртая 9, 6 D), ср. *μᾶλα*, *μᾶλστα*.

§ 117. Сравнительная степень архаического типа на *-ιων/-ιον* и превосходная степень на *-ιστος* часто образуются от прилагательных на *-ις*. Происходящие от *ἐλαχίς* формы *ἐλάσσων*, *ἐλάχιστος* служат степенями сравнения для *μηρός*. Кроме того, можно отметить *βάσσων* (Эпихарм 188 Kaiб.) и *βαθίων* (аттич.), *βάθιστος* (θ 14 и др.) от *βαθίς* „глубокий“; *βραδίων* (Гесиод, Ор. et. d. 528), *βάρδιστος* (Ψ 310) от *βραδίς* „медленный“; *βράσσων* (К 226), *βράχιστος* (Пиндар, Isthm. VI, 59) от *βραχίς* „короткий“; *γλυκίων* (ι 34) и *γλύσσων* (Ксенофант, 34 D), *γλυκιστος* (койнэ) от *γλυκής* „сладкий“; *ἡδίων*, *ἡδιστος* (ион.-аттич.) от *ἡδύς* „сладкий, сладостный“; *πάσσων* (ζ 230 и др.), *πάχιστος* (II 314) от *παχίς* „толстый“. От *πρειγυς* (аттич. *πρέσβυς*) „старый, почтенный“ в критском диалекте встречаются неясная по образованию сравнительная степень *πρειγών* (Гортинское законодательство XII, 34) и превосходная *πρειγυτος*; (там же, VII, 18); *ῶμιστος* (Ο 238 и др.), превосходная степень от *ῶμος* „быстрый“. Однако обычно в ионийско-аттическом диалекте, за исключением *ἡδίων*, употребляются от прилагательных на *-ις* формы сравнительной степени на *-βτεροс* и превосходной на *-βтатоs*, вытеснившие старые формы: *βαθύτεροс*, *-татоs*; *βραδύтεрοс*, *-татоs* и т. д.

§ 118. Другие примеры сравнительной и превосходной степеней этого типа: *αἰσχίων*, *αἰσχιστοс* (Гомер, ион.-аттич.) от *αἰσχρός* „постыдный, безобразный“; *ἔχθιων* (аттич.), *ἔχθιστοс* (Гомер, ион.-аттич.) от *ἔχθρός* „враждебный“; *χρῖων* (Еврипид, Alc. 960), *χριστοс* (Гомер) от *χιρός* „славный“. Эти формы образованы от корней слов *αἰσχός* „безобразие“, *ἔχθος* „вражда“, *χρῆσ* „слава“, а не от происходящих от них производных прилагательных на *-ροс*. Так же: *ἄλγιων*, *-ιστοс* (Гомер, аттич.), ср. τὸ *ἄλγος* „боль“; *χαλλίων*, *-ιστοс* (Гомер, аттич.), ср. τὸ *χαλλός* „красота“; *χερδίων*, *-ισтoс* (Гомер), ср. τὸ *χερδός* „выгода“; *ρύγιων*, *-ισтoс* (Гомер), ср. τὸ *ρύγος* „дрожь, холод“. Эти примеры показывают, что сравнительная степень на *-ιων* представляет собой первичное образование и не производится от основы при-

лагательного. *Φέριστοс* „могучий, превосходный“ (Гомер, поэты) образовано от корня глагола *φέρω*; *φιλίων* (Гомер) — от корня прилагательного *φίλος*.

б) Суффиксы **-tero-* и *-tato-*

§ 119. Наряду с суффиксами **-jes-* и **-istho-* в индоевропейском языке существовал суффикс **-tero-*, выражавший противопоставление. С его помощью образовались такие местоименные формы, как *πότεροс* „который из двух“ (§ 146), *ἡμέτεροс* „наш“ (§ 160). Древнее значение суффикса отчетливо выступает в аркад. *ἀρεύτεροс* (I. G. V, 2, 262) „мужской“ в противопоставлении „женскому“; в том же значении *ερευαίτεροс*, в противопоставлении *θηλύτεροс* „женский“, например, в элейской надписи *ματε ερευαίτερα*, *ματε θηλύτερα* (Швицер 424); *θηλύτεροс* мы находим у Гомера, например в формуле *γυναικῶν θηλύτεράων* (Φ 166 и др.). *Ὀρέστεροс*, производное от *ὄροс* (Х 23), означает „горный“ в противопоставлении „равнинному“, *ἀγρύτεροс* (В 852) „полевой“ — в противопоставлении „домашнему“ (о животных); *κοιράτεροс* (Δ 316) противопоставляет „молодых“ „старым“. Первоначальное значение суффикса привело к тому, что он стал служить для образования производных слов, выражающих характеристику по положению: *πρότεροс* „прежний“ от *πρό*; *δεξιτεροс* „правый“, ср. *δεξιός*; *ἀριστεροс* „левый“; *βότεροс* „последующий“. То же в латинском языке: *dexter*, *exterus* и т. п. [Э. § 98].

Как и в санскритском языке (*-tara-*), суффикс *-теро-* стал употребляться в той же функции, что и первоначальный суффикс сравнительной степени *-ιων*, и постепенно его вытеснил. Употребление *-теро-* обычно для производных основ и для основ на *ε/о*.

§ 120. Наряду с этим суффиксом сравнительной степени употреблялся формант превосходной степени *-атоs*, *-татоs*. Он произошел от суффикса порядковых числительных *-тос*; *δέκαтοs* противопоставляет „десятого“ всем остальным, подобно тому как превосходная степень противопоставляет кого-либо или что-либо всем или всему остальному. Суффикс *-атоs* встречается в некоторых формах „превосходной степени“ с местным значением: *ἔτζαтоs*

„крайний“ (Гомер и др.), *μέσσατος* „средний“ (Гомер), *βπατος* „верхний“ (Гомер). Обычная форма *-татос* содержит расширение *τ* (ср. также *τρίτατος*), которое мы находим и в санскр. *-तामा-*, лат. *-timus* наряду с *-itus* [Э. § 99].

§ 121. В тех случаях, когда суффиксы *-терос* и *-татос* присоединялись к основам на *ο/ε*, тематический гласный (поскольку греческий язык избегал последовательности трех кратких слогов) удлинялся в *ω*, если (как, например, в случае *σφός*) предыдущий слог был краток; таким образом, мы имеем *ῳδητερος*, *μιχρητερος*, но *σοφητερος*. Исключения объясняются просто: аттические формы *κευθέτερος*, *στευθέτερος* обусловлены тем, что в общегреческом языке эти сравнительные степени имели форму **κευθέτερος*, **στευθέτερος*. Наконец, удлинение не наблюдается в относительно поздних формах сравнительной степени на *-терос* от основ на *υ*: *βαρθέτερος*, *βραχθέτερος*, *γλυκθέτερος* сохраняют краткость этого *υ* (ср. Аристофан, Ach. 467).

§ 122. Некоторые тематические прилагательные на *-αιος* образуют степени сравнения не на *-αιτερος*, *-αιтатос*, как можно было бы ожидать, а на *-αιтерос*, *-αιтатос*. Исходным пунктом этой системы послужили, вероятно, формы *παλαιτερος*, *παλαιтатос*, образованные не от *παλαιος*, а от наречия *πάλαι*. Отсюда *γεραιτεροс*, *-татос* от *γεραιοс*, *σχολαιτεροс*, *-татос* от *σχολαιοс*. По аналогии это окончание было распространено и на некоторые другие сравнительные и превосходные степени, например аттич. *πρωιτεροу*, *-тата* от *πρωι* „рано“, по образцу *παλαιтепрос*; далее, по образцу *πρωιτερου* было образовано *ἔφαитεροу*, *-тата* (Платон, Ксенофонт) от *ἔφε* „поздно“; также *μεσαιтепрос*, *-татос* (ион.-аттич.) от *μέσος*; *πλησιαιтепрос*, *-тата* (Ксенофонт) от *πλησίος* „близкий“; *ἴσαιтепрос* (Фукидид, Ксенофонт) от *ἴσος* „равный, равноправный“; *προηρηιтепрос* „выгоднее“ от *προηργοу*; *ἥσυχαιтепрос* (аттич.) от *ἥσυχος*, но иногда встречается и *ἥσυχθепрос*, а также прилагательное *ἥσυχαιοс*; *ψιλαιтепрос* (Ксенофонт, Anab. I, 9, 29), *-татос* (Ксенофонт, Hell. VII, 3, 8), *ἴδιαιтепрос*, *-татос* от *ἴδιοс* „собственный, своеобразный“ (начиная с Аристотеля).

§ 123. К основам, оканчивавшимся на согласный, суффиксы *терос*, *-татос* присоединялись непосредственно: *μάχтатос* от *μάχαρ*, *τερέутепрос* от *τέρηγу*, *-εнос*.

Некоторые затруднения возникали для основ, оканчивавшихся на переднеязычный: *χαρίστεροс* от *χαρίειс*, *-εнос* может рассматриваться либо как фонетически закономерная форма, либо как форма, возникшая под влиянием *χαρίσса*; следует отметить *πενέстепрос* от *πένηгс*, *-татос* „бедный“ с *ε*, объясняющимся аналогией сравнительных степеней на *-έстерос* (§ 124).

Иногда основа подвергалась изменениям: от *ἐπιλήσμων*, *-οнос* „забывчивый“ встречаем один раз *ἐπιλησμόтатос* (Аристофан, Nub. 790); от *πίων* „тучный“ — *πόттерос* (Нумп. in Ar. 48 и др.) и *πικтатос* (I 577 и др.); от *πέπων* „зрелый, мягкий“ — *πεπαίтепрос*, *-татос* (Эсхил, комик Алексид), по аналогии с *πεπαίωн* и со сравнительными степенями на *-αιтерос*.

§ 124. Этот суффикс образовывал окончание *-έстерос*, *-έстатос* в случае *χαρίστεροс*, особенно же у прилагательных с основой на *-εс-*: *ἄληθέстерос*, *-έстатос* и т. п. В дальнейшем это окончание получило некоторое распространение: оно послужило в аттическом диалекте для образования степеней сравнения от *εύδαιμωн* — *εύδαιμοнέстерос*, *-татос* (под влиянием *εύτυχέстерос*?); *ἐπιλησμόнέстерос* (Ксенофонт) от *ἐπιλήσμωн*. Кроме того, мы находим его в *ἀκρατέстерос*, *-татос* (Платон, Phil. 53 а, Гиперид) от *ἀκραтос* „несмешанный, чистый“; *ἀφονέстерос* (Пиндар, Ol. II, 104; Платон, Resp. 460 b) от *ἀφονοс* „щедрый“, хотя в аттическом диалекте встречается и форма *ἀφονώтепрос*. Часто мы находим этот суффикс и у сложных прилагательных. От основ причастий отметим: *ἐρρωμέнέстерос*, *-татос* (Платон, Symp. 181 с, Resp. 477 с) от *ἐρρωμέнос* „здоровый“; *ἀσημέнестата* (Платон, Resp. 329 с, 616 а) от *ἀσημенос* „радостный“, но с вариантом *ἀσμεуатата*.

Этот тип сравнительной и превосходной степеней распространен в ионийском и дорийском диалектах: *εύωνέстерос* (Эпихарм 121 Kaib.) от *εύωνос* „дешевый“; *ἀπογέстепрос* (Пиндар, Ol. II, 68) от *ἀποнос* „беструнный“; *αιδοиестатос* (Пиндар, Ol. III, 42) от *αιδонос* „почтенный“ (под влиянием *ἀναιδέстепрос*?). Уже у Гомера появляется вариант *ἀνιηρέстерос* (β 190) от *ἀνιηρос* „тяжостный“. У Геродота: *σπουδа́е́стерос* (I, 8) от *σπουдайос* „серъезный“, *βγιηρέстатос* (II, 77) от *βγιηρόс* „здоровый“ (под влиянием *βγιέстатос*?). Иногда из самого контекста видно, как могло распространяться

по аналогии *-εστατος*: ως γάρ δή διεξέλθοι ὁ κῆρυς πωλέων τὰς εὐειδεστάτας τῶν παρθένων, ἀνίστη ἀν τῷ ἀμορφεστάτῃ (Геродот I, 196). Появление формы *ἀμορφεστάτην* от *ἀμορφός* „некрасивый“ обусловлено аналогией формы *εὐειδεστάτας*.

§ 125. Наконец, имеется несколько примеров суффикса *-ιστερος*, *-ιστατοс*, который употреблялся преимущественно у прилагательных, обозначающих какую-либо отрицательную черту или свойство: *γαστριστερος*¹ (Платон комик, 195 К), повидимому, получилось фонетически из *γάστρις*, *-ιδοс* „обжора“. Отсюда по аналогии *ποτισταтос* (Аристофан, Thesm. 735) от *πότης* „любитель выпить“; *χλεπτιστатос* (Аристофан, Plut. 27) от *χλέπτης* „вороватый“; *λαλιστερоs* (Аристофан, Ran. 91) от *λάλοс* „болтливый“; *μονοραγισтатоs* (Аристофан, Vesp. 923) от *μονοραγός* „обжора“; *πτωχιστеrоs* (Аристофан, Ach. 425) от *πτωχός* „нищий“. Эти формы первоначально служили, вероятно, степенями сравнения для имен женского рода на *-ιδ-*; так, *ποτισταтаi* (Thesm. 735) собственно превосходная степень для *πότιс*, *-ιδοс* „любительница выпить“; для *χλεπтiстатоs* также существует положительная степень *χλέптис*, но превосходная степень засвидетельствована в форме м. р. *χλεпtистатоs* (Plut. 27).

§ 126. Примечания: 1. Суффиксы *-тероs*, *-татоs* могут присоединяться непосредственно к корню: *βελтeрoс*, *βeлтатоs* (Гомер), сравнительная и превосходная степени для *ἄγαθoс* (относительно *βeлtиw* см. § 115), *φeрteroс*, *-татоs* (Гомер и др.), ср. *φeрoв*; *φlтeroс*, *-татоs* (Гомер, аттич.) от *φlлoс*, но наряду с ними существуют, однако, и формы *φilтhteroс* (Ксенофонт, Мем. III, 11, 18), *φlаitерoс* (§ 122), *φlлiw* (§ 118).

2. Суффикс *-тероs*, будучи экспрессивным, может присоединяться к основам существительных: *βaилеутероs* „более царь“ и *κύnteroн* „более собака“ у Гомера, *δoубlóтероs* „более раб“ у Геродота. Встречается также *-татоs* с основами, которые по своему значению не должны было допускать степени сравнения: *μoуtатоs* „единственныйший“ (Фукидид, Аристофан), *αvтатоs* „он самейший“ (Аристофан, Plut. 83).

3. Суффикс сравнительной или превосходной степени мог присоединяться как к основам, уже содержащим в себе суффикс *-теро-* или *-тато-*, например *πoтterатеrоs* (Аристофан, Equ. 1165), *χoнtepáteroс* (Ферекрат 106 К), *κoнtататоs* (Евбул 85 К), так и к основам, содержащим суффикс *-ιω-*: *άxтteroс* от *άxtoн* (ρ 572, τ 506), *άmeиtteroс* (Мимнерм 13 D). В койнэ *μeilóтерoс* (3 послание Иоанна, 4), *elaxiстóteroс* в функции превосходной степени (Послание к эфесцам III, 8 и др.).

4. В койнэ, где превосходная степень постепенно выходит из употребления, встречается несколько новых форм на *-тероs*, *-татоs*,

1 Из **γaстризтероs* [см. Ф. § 30]. — Прим. перев.

заменивших старые формы: *άγaфtтерeсs* (Септуагинта), *-татeс* (Гелиодор V, 15), *aiσхpóтatоs* (Афиней XIII, 587 b), также в папирусах (Par. Alex. IX, 2).

5. На протяжении всей истории греческого языка возможен был также аналитический оборот с наречиями *πάλλoн* и *πάлlota*, конкурировавший с суффиксальными формами сравнительной и превосходной степеней. В новогреческом языке изредка встречаются сохранившиеся формы сравнительной степени на *-терeс*, как, например, *χaлtтерeс* „лучший“ (др.-греч. *χaлlоw* „более красивый“), но обычно сравнительная и превосходная степени образуются посредством наречия *πiб*; употребляется и оборот *πiб χaлtтерeс*.

НАРЕЧНЫЕ ФОРМЫ

§ 127. Своебразную черту греческого склонения составляет наличие некоторых образований полунаречного характера, продолжающих древнее индоевропейское употребление.

§ 128. Одним из наиболее ясных примеров его служит гомеровское окончание *-φi*. Это, помимо Гомера не встречающееся, окончание является собственно эолийским, как показывает беот. *ἐπιπaтpófou* „отчество“ (Швицер, 462 A, 28), производное от **εpi πaтpоf*. Основная особенность этого окончания, родственного индоевропейским формантам орудийного падежа на *-bh-*, состоит в том, что оно может быть использовано как для единственного, так и для множественного числа в функции различных падежей — орудийного, местного, дательного, родительного-отложительного и даже родительного приименного. Значение орудийного падежа четко выступает в некоторых формулах, например в выражении *(f)φi (f)anássseu* „мощно властвовать“ (A 38 и др.), где *(f)φi* — орудийный падеж древнего первообразного имени, соответствующего лат. *vis*. Но это же окончание присоединялось и к другим основам, где оно получало различные синтаксические функции. Часто ощущается его наречное значение: *θbρpφi* „за дверью“ (! 238), *θreсφi* „в горах“ (A 474). Вместе с тем форма на *-φi* заменяла родительный и дательный падежи там, где этого требовала метрика: *di'θreсφi* „по горам“ (K 185) вместо *di'θreоu* и т. п. Так же: *δaжpбφi* (P 696) вместо *δaжpбoу* или *δaжpбoи*, *θteбφi* (μ 45) вместо *θteбoу*, *δeбiбφi* и *άpteстeрφi* (N 308 и 309) вместо *δeбiбoу* и *άpteстeрoу*, *Πiбφi* (Ф 295) вместо *Πiбoу*; с распространением окончания *-φi*: *έσχaрφi* (ε 59) вместо *έσхaрηс*, *жoтuлθboуφi*

(ε 433) от *κατυληδών*; с распространением окончания -εσφι: *κράτεσφι* (К 156) вместо род. п. *κράτος* от *κάρα*.

§ 129. Кроме того, мы находим еще окончания на -θ-, с помощью которых образовывались преимущественно наречия местного значения. Суффикс -θεу, выражавший происхождение, отправной пункт, встречается в древних наречных образованиях, например *ἐνθεу*, *ἐντεῦθεу* (ион. *ἐνθεῖθεу*); далее, в формах, образованных от местоименных основ, например *πόθεу*, а также в собственных именах, как *ἀθύρψεу* „из Афин“ (аттич.), и, наконец, в нарицательных именах: *οἴκοθεу* „из дома“ (Гомер, аттич.) и у Гомера и трагиков *θεόθεу* „от бога“, *οὐραύθεу* „с неба“ и даже *ἔξ οὐραύθεу* (Θ 19). В эолийском диалекте и у Гомера -θεу служило окончанием родительного падежа дляличных местоимений (§ 148).

Примечание. От этого окончания родительного-отложительного падежа надо отличать суффикс -θε, входящий в наречия места без отложительного значения: *ἄπερθε* „наверху“, *ἄπιθε* „сзади“, *πρόθε* „впереди“ (с вариантами *προθε* и *πτιθε* в дорийских диалектах; ср. также аттич. *ἔνθε*).

§ 130. Параллельно этому, со значением обстоятельства места на вопрос „где“?, существовал суффикс -θι, не встречающийся в аттическом диалекте, но лишь у Гомера и подражающих ему писателей: *ἄλλοθι* „в другом месте“, *θῶ* „где“, *Κορινθόθι* „в Коринфе“, *οἴκοθι* „дома“ и в выражениях более искусственного характера: *Ἴλεύθι* *πρό* „перед Илионом“ (Θ 561), *ἡδόθι* *πρό* „на заре“ (Λ 50), *οὐραύθι* *πρό* „перед небом“ (Γ 3). Кроме того, этот суффикс засвидетельствован в надписях на аркадском диалекте (Бехтель I, стр. 376).

§ 131. Этимология этих суффиксов, как и этимология большей части наречных суффиксов, часто обнаруживающих расхождения от диалекта к диалекту, неясна. Одним из более ясных суффиксов является -θε, присоединяющее к форме винительного падежа и выражющее перемещение по направлению к данному пункту: гомер. *θύρας* (из *θυραθε) „за двери“, Олимп *θύρα* „на Олимп“, гомер. и аттич. *οἴκαθε* „домой“ от древнего имени-корня *οἴκε, соответствующего по значению более позднему тематическому *οἴκος*, аттич. *Αθύρας* (из *Αθύρας θε) [Ф. § 77]

и др. Другой, более редкий суффикс, выражающий перемещение, -θε: *πάγωθε* „во все стороны“, *τηλόθε* „в даль“, *κοχλόθε* „вокруг“.

§ 132. Для образования наречий могли служить различные падежи: возможно, именительный для *ἄταξ* и т. п.; винительный — *ἀρχήν*, *μάτην* (от существительного *μάτη?*); формы с суффиксами -θου в *σχεδόν*, *ἀγέλθόν* и т. п., -θηу в *βάθην*, *σποράθηн* и т. п., -да в *μίγδα*, *κρύβδα*, *ψύγδα*; далее, родительный — *ἀριστερᾶς*, *δεξιᾶς*, *ἔνης* „послезавтра“, причем, с точки зрения греческого языка, с этими родительными падежами следует, возможно, сопоставить наречия места на -οу (на вопрос „где?“), гораздо более частые, чем наречия на -θе: *ποθ*, *οθ*, *ἔμοι* и т. п.; дательный — *ἀνάγκη*, *χοριδῆ* „совсем“. Однако с дательным падежом могли конкурировать некоторые формы орудийного падежа; эти формы не содержат „приписной“ иоты, и некоторые из них оканчиваются на общегреч. е.

Для отдельных наречий рукописная и грамматическая традиция колеблется между формой с : и формой без :; более надежно засвидетельственным у Гомера является, повидимому, *ἀμαρτῆ* „вместе“ (Е 656), а не *ἀμαρτῃ*; *ἢ* „там, где“ следует, вероятно, писать без приписной иоты. Дорийский диалект хорошо показывает сложность происхождения этих форм: наряду с дательными падежами женского рода на -α, например *στα* „там, где“, „как“ (Горгинское законодательство II, 35), соответствующими аттическому типу *ἐπτι*, *ἰδια* и т. п., существуют формы на -α, например *ταυτα* „так“ (Швицер, 12), соответствующие аттическому типу *λάθρα* — форма, употребляемая наряду с *λάθραι*. Наконец, в дорийском диалекте имеются наречия на *-ε: *στε* „где“ (Горгинское законодательство I, 42 и др.), *ταυτε* (элейский диалект; Швицер 418) и др.

С другой стороны, в греческом языке существует тип наречий на -ω, в котором слились формы орудийного падежа на *-ο (чередующееся с *-ε) и формы отложительного падежа на -θο (лат. *poplicōd*). С древним орудийным падежом мы встречаемся в *ῶδε* „так“, *οὕτω(ς)*; сюда же принадлежит и ряд наречий образа действия на -ωс типа *σορθως* (с прибавлением *ς*). Вместе с тем дорийский диалект дает некоторое число примеров наречий на -ω, представляющих древние отложительные падежи: *γοικω* „из

дому” (Дельфы, надпись Лабиадов, С 23), ὁ „откуда“ (надписи и Феокрит III, 11), τρῆς „оттуда“ (Феокрит III, 25) или, с прибавлением суффикса -θεν или -θε, τρῆθε (Феокрит III, 10) и ταῦταθεν „отсюда“ (Феокрит IV, 48).

Наконец, некоторые наречия на -οι и на -ει, например οἴκοι и т. п., представляют собой древние формы местного падежа (§ 23). Также, возможно, древними местными падежами являются и некоторые неясные диалектные наречия; таковы лесб. πέλμα „издали“ (Салфо 1, 6), аргосск. и крит. ἡσποι „где“ (Швицер 83, А, 14 и Гортинское законодательство IV, 15); с добавлением σ, родос. οἷς „пока не“ (Швицер 301), сиракуз. πᾶς „где“ (Софрон 5 и 75 К).

МЕСТОИМЕНИЯ

§ 133. Рассматривая местоимения, мы должны различать две категории: с одной стороны, местоимения указательные, относительные, вопросительные и неопределенные, которым свойственно различение грамматического рода, с другой — местоимения личные, у которых этого различия нет.

Местоимения первой группы имеют обычно основы на *-ε-/ο- для мужского и среднего рода и на *-ά- для женского. Они обладают некоторыми чертами, составляющими их характерную особенность. В индоевропейском языке средний род характеризовался окончанием *-d в именительном-винительном падеже единственного числа; в греческом языке конечное δ отпало, но τό восходит к *τοδ, τί — к *τιδ;ср. лат. illud, quid, санскр. tat. Некоторые окончания, первоначально принадлежавшие только местоимениям, как, например, *-οι именительного падежа множественного числа мужского рода, *-αι — женского, *-āsōn (греч. -ᾱων, -ῶν) родительного падежа множественного числа женского рода, уже в общегреческом языке распространились и на именные основы в такой степени, что своеобразие местоименной флексии в этом отношении уже не может быть обнаружено на греческом материале.

Указательные местоимения

§ 134. Основы указательных местоимений часто представляют ту особенность, что изменяются от одного грамматического рода к другому: ὁ, ὡς, τό; οὗτος, αὕτη, τοῦτο.

Этимология их иногда неясна; там же, где она доступна, обнаруживается, что к ним могут присоединяться некоторые частицы, в начале (например, ἐκεῖνος) или в конце (например, ὅδε). Эта черта наблюдается и в других языках —ср. русск. *этот*, лат. hic [Э. § 111], франц. *celui из ессе illui*.

Основа артикля ὁ, ὡς (общегреч. ὁ), τό¹ представляет собой древнее указательное местоимение, как это видно у Гомера и в некоторых определенных аттических выражениях, например: ὁ μέν, ὁ δέ.

	M. p.	Ж. р.	Ср. р.
Ед. ч.	Им. ὁ Вин. τόυ Род. τοῦ Дат. τῷ	ὁ τόν τῆς τῇ	τό
Мн. ч.	Им. οἱ Вин. τούς Род. τῶν Дат. τοῖς	οἱ τάς τῶν ταῖς	τά
Дв. ч.	Им., вин. τώ Род., дат. τοῖν	τώ (ταῖ) τοῖν (ταῖν)	τώ τοῖν

Им. п. ед. ч. м. р. ὁ не имеет окончания (санскр. sa); указательное местоимение οἵ в выражении καὶ οἵ и т. п., вероятно, представляет собой вариант ὁ с сигматической характеристикой именительного падежа (санскр. saḥ). Форма им. п. ед. ч. ср. р. τό восходит к *τοδ (санскр. tat). Остальные падежные формы образованы по типу ἀγαθός, -ή, -όν; однако формы двойственного числа женского рода обычно совпадают с формами м. и ср. р. τώ, τοῖν (имеется несколько исключений; ср. τά, Аристофан, Equ. 424, 484, Софокл, Ant. 769; ταῖν, Лисий XIX, 17, Платон, Polit. 260 с). Форма родительного падежа женского рода восходит, как это понятно, к τάων, засвидетельствованному у Гомера; отсюда ион.-аттич. τῶν, дор. τάν и т. д.

¹ Отсутствие графического обозначения ударения в формах им. п. ед. ч. м. и ж. р. ὁ, ὡς представляет собой чисто орфографическую традицию, опирающуюся здесь на орфографию рукописей византийской эпохи и не находящую подтверждения у античных grammaticorum.—Прим. перев.

Формы именительного падежа единственного и множественного числа представляют варианты основы. Им. п. ед. ч. *ό*, *η*, *τό* имеет соответствие в санскр. *sa*, *sā*, *tat*. В именительном падеже множественного числа древней основы было *τοί*, *ταί*, *τά*, что соответствует санскритским формам. Древние формы *τοί*, *ταί* сохранились в части дорийских говоров (в беотийском и фессалийском), у Гомера, где они составляют эолизм, и в общем во всей западной диалектной группе, кроме Крита. Однако формы ед. ч. *ό*, *η* вызвали во множественном числе появление форм *οί*, *αι* в значительной части диалектов: именно эти формы и употребительны в ионийском и аттическом диалектах, а также в аркадском и кипрском, в лесбосском (Алкей, Сапфо и др.), отчасти в фессалийском и на Крите.

§ 135. Местоимение *οὗτος* в известной мере соответствует по значению лат. *iste*, являясь в основном указательным местоимением 2-го лица. Его флексия в ионийско-аттическом диалекте и у Гомера имеет следующий вид:

	М. р.	Ж. р.	Ср. р.
Ед. ч.			
Им.	<i>οὗτος</i>	<i>αὕτη</i>	<i>τοῦτο</i>
Вин.	<i>τοῦτον</i>	<i>ταύτην</i>	<i>τοῦτο</i>
Род.	<i>τοῦτου</i>	<i>ταύτης</i>	<i>τούτου</i>
Дат.	<i>τοῦτῳ</i>	<i>ταύτῃ</i>	<i>τούτῳ</i>
Мн. ч.			
Им.	<i>οὗτοι</i>	<i>αὕται</i>	<i>ταῦτα</i>
Вин.	<i>τοῦτοις</i>	<i>ταύτας</i>	<i>ταῦτα</i>
Род.	<i>τοῦτων</i>	<i>ταύτων</i>	<i>τούτων</i>
Дат.	<i>τοῦτοις</i>	<i>ταύταις</i>	<i>τούτοις</i>
Дв. ч.	Им., вин. <i>τούτω</i>	<i>τούτω (ταύτα)¹</i>	<i>τούτω</i>
	Род., дат. <i>τούτοιν</i>	<i>τούτοιν (ταύταιν)²</i>	<i>τούτοιν</i>

Эта основа не имеет ясной этимологии и носит экспрессивный характер. Ее первый элемент, *ού-*, *αύ-*, *τού-*, *ταύ-*, вероятно, заключает в себе основу артикля с расширением *ο*, вторым элементом является *το-*, *τα-*. Таким образом, распределение форм, не содержащих начального *τ*, и форм, содержащих его, т. е. начинающихся с *το-* или *τα-*, соответствует флексии артикля (единственное исключение

¹ *ταύτα*, повидимому, нигде надежно не засвидетельствовано.
² *ταύταιν*; Платон, Pol. 260 с.

в аттическом диалекте составляет род. п. мн. ч. ж. р. *τούτων* — форма мужского рода, получившая употребление со значением женского рода). В именительном падеже множественного числа наблюдается тесный параллелизм со склонением артикля: в западных диалектах (Кос, Дельфы, Родос) *τούτοι*, *ταύται*, но в ионийском, аттическом и лесбосском *οὗτοι*, *οὗται*. С другой стороны, беотийский диалект обобщил во всей флексии основу именительного падежа единственного числа мужского рода: вин. п. ед. ч. м. р. *οὗτοι* (I. G. VII, 685), ср. р. *οὗτο*, им. п. ед. ч. ж. р. *οὗτα* (Коринна 5, 80 D). Были также колебания и между основами *το-* и *τα-*. В дорийском диалекте родительный падеж множественного числа женского рода имеет закономерную форму *ταύταν* (Крит, Гортинское законодательство V, 20) вместо ион.-аттич. *τούτων*, представляющего собой новообразование (см. выше). Распространение основы *τούτο-* мы имеем в им.-вин. п. мн. ч. ср. р. *τούτα* (ион. I. G. XII, 9, 189, Дельфы; надпись Лабиадов B, 21) и вин. п. ед. ч. ж. р. *τούτας* (Дельфы); с другой стороны, распространение основы *ταύτα-*: род. п. мн. ч. ср. р. *ταύτων* (Элея; Швицер 424) по типу *ταύτα*.

П р и м е ч а н и я: 1. В новогреческом языке обобщена основа *τούτο-*: *τούτος*, *τούτη*, *τούτο*. Отдельные примеры этого наблюдаются уже в поздней койне.

2. Часто встречается, особенно у аттиков (ораторов и Аристофана), расширение местоимения *οὗτος* указательной частицей *τ*: *οὗτοί*, *αὕτη*, *οὗτοι*; с частицей *γε*: *αὕτηγε*, *τούτογε*; относительно этой частицы *-ī ср. лат. haec [Э. § 112].

§ 136. ‘Оде, ὥδε, τόδε, указательное местоимение 1-го лица, состоит из основы артикля, за которой следует указательная частица *-δε*. В ионийском диалекте (Гомер, Геродот) встречается дат. п. мн. ч. *τοῖσθεσι*¹ с распространением флексии за частицу; в эолийском — род. п. мн. ч. *τῶιδεσθ* у Алкейя (отр. 126 В). В аттическом диалекте употребительно также *όδι* с указательной частицей *-ī. В койне это местоимение почти не употребляется и исчезло в новогреческом.

П р и м е ч а н и е. Некоторые диалекты употребляли вместо *όδε* указательные местоимения, образованные при помощи других частиц: фессал. *οὐε*, аркад. *οὐη*, аркад.-кипр. *οὐω*.

¹ В современных изданиях в соответствии с указанием сколов к в 258 принято написание *τοῖσθεσι*, *τοῖσθεστι*. — *П р и м. перев.*

§ 137. С основой артикля связаны также: *τόσος*, ср. р. *τάσον, τοσόδε*, ср. р. *τοσόνδε* „такой по величине“ (ср. лат. *tot* и *ōsos*, *pīōsos*); *τοῖος*, ср. р. *τοῖον* „такой по качеству“ (ср. *ōios* и *pīōios*); *τηλίκος*, ср. р. *τηλίκου; τηλιχόδε*, ср. р. *τηλιχόδε* „такой по возрасту“ (ср. *ἡλίκος, πηλίκος*). Все эти вторичные образования имеют форму среднего рода на *-ου*, как прилагательные, а не на *-ο* соответственно местоименному типу. Путем соединения с *οὗτος* возникли *τοσοῦτος, τοσάντη, τοσότο(у)* „такой по величине“, мн. ч. *τοσοῦτο, τοσαῖται, τοσαῖται*, с тем же распределением форм на *-ου* и на *-αυ-*, что и в *οὗτος* (род. п. мн. ч. ж. р. *τοσούτῳ*). Такую же флексию имеют *τηλιχότος, -άντη, -ότο(у)* „такой по возрасту“, *τοιοῦτος, -άντη, -ότο(у)* „такой по качеству“. У этих местоимений форма среднего рода чаще всего оканчивается на *-ου*, особенно у Гомера и в аттических надписях. В аттическом литературном языке (ср. Геродиан I, 349) иногда бывает представлена и форма на *-ο*; ср. Демосфен XVIII, 259 и др.

§ 138. Для указания на отдаленный предмет в аттическом диалекте служит местоимение *ἐκεῖνος*¹, склоняющееся как прилагательные типа *ἄγαθός*, с тем лишь отличием, что форма именительного-винительного падежа среднего рода всегда имеет местоименное окончание *-ο*. В ионийском диалекте обычно употребляется *κεῖος* (Гомер, Геродот), засвидетельственное также в рукописях Пиндара. Это доказывает, что элемент *ἐ-* не принадлежит основе (указательная частица?). *Κεῖος*, повидимому, также является составным и содержит указательную частицу **κε-* (ср. лат. *cedo*) и указательное местоимение **ἔντος* (ср. ст.-слав. *вънъ*), сохранившееся в греческом языке только в нескольких выражениях, как, например, *εἰς ἔντη* (Аристофан, Ach. 172) „на третий день“. В лесбосском и дорийском диалектах иногда встречается с ожидаемым слиянием *κῆος* (Сапфо, критские, родосские и косские надписи). Но собственно дорийской формой является *τῆος*, где местоименной частице *-εῦος* предшествует другая указательная частица (ср. гомер. *τῇ* „на!“). Эта форма засвидетельствована в Дельфах, Гераклее, Аргосе и Мегаре и в литературном

¹ Частица *ἐ-* в начале этого местоимения, повидимому, та же, что и в русск. *этот*. — Прим. перев.

дорийском диалекте Сицилии (Эпихарм 35 К; Софон 56 К; Феокрит I, 1, 8; II, 60, 84 и др.).

П р и м е ч а н и е. Высказывалось предположение, что указательное местоимение **ἔντος* содержит также и в *δεῖνα* „такой-то“; в этом объяснении исходят из формы мн. ч. ср. р. **τάδε έντα* „это (и) то“, которая стала восприниматься как *τὰ δεῖνα* [Ф. § 19]. Склонение этого нового местоименного образования следующее: *δεῖνα, τὸν δεῖνα, τοῦ δεῖνες* (но *τοῦ δεῖνα*, Аристофан, Thesm. 622), *τῷ δεῖνι, σρ. р. τὸ δεῖνον*; мн. ч. *οἱ δεῖνες, τοὺς δεῖνας, τῶν δεῖνων*. В сиракузском диалекте встречается *δεῖν* (Софон 58).

§ 139. Местоимение *αὐτός*, не принадлежащее собственно к указательным местоимениям и выполняющее преимущественно роль личного местоимения 3-го лица, вероятно, должно быть сближено с *αὐ*, *αὐτ-* и т. п. Склонение его сходно со склонением *ἐκεῖνος*: *αὐτός, αὐτή, αὐτό-*. Форма ср. р. *αὐτόν* встречается в аттическом диалекте в *ταῦτόν* из *τὸ αὐτό*; равным образом форма *αὐτού* встречается в критском диалекте (Гортинское законодательство III, 4).

П р и м е ч а н и е. В ионийском и дорийском литературных диалектах мы находим представленную в виде анафорической энклитики, по значению равносильной форме *αὐτόν*, основу на *i*, структура которой неясна: *μι* в ионийском диалекте, особенно у Гомера и Геродота, *νιν*¹ в дорийских надписях (Эпидавр, I. G. IV², 1, 121), у Пиндара и у трагиков. Эти формы, повидимому, надо сблизить с глагоссой Гесихия *ἴν· αὐτή, αὐτόν, Κύπροι;* ср. лат. *is, im* [Э. § 124]. Индоевропейский язык также, очевидно, имел анафорическое местоимение на **i*, и возможно, что *μι* представляет собой такое местоимение с основой, соответствующей санскритскому указательному местоимению *āmañ*, а *νιν* — с основой, обнаруживаемой в греческих частичках *νή, ναł*, лат. пат.

§ 140. К этому же типу флексии относится и местоименное прилагательное *ἄλλος, ἄλλη, ἄλλο*² „другой“, соответствующее по форме и значению лат. *alius, alia, aliud*. Прочие местоимения входят в категорию прилагательных, например *ἐκαστος, -η, -ου* „каждый“ и, с противопоставительным суффиксом *-τερος* (§ 119): *ἐκάστερος, -α, -ου* „и тот и другой“. Заслуживает упоминания также *ἕτερος* „alter“.

¹ По значению *νιν* отличается от *μι* тем, что может относиться как к единственному числу, так и ко множественному и не имеет встречавшегося иногда для *μι* рефлексивного значения. — Прим. перев.

² Первоначальное окончание формы ср. р. *-δ* (ср. лат. *aliud < *aliod*) сохранено в производном *ἄλλοδατής* „чужеземный“. — Прим. перев.

Его первоначальная форма сохранена в дор. *ἄτερος*, ср. аттическую форму с красисом *θάτερον* из тò *ἄτερον*; оно образовано от корня **sem-* с нулевой степенью огласовки; ср. *εῖς*, *ἄπαξ* и т. п.

Относительные местоимения

§ 141. Греческое относительное местоимение имеет форму *ὅς*, *ἥ*, *ἃ¹*, что соответствует санскр. *yaḥ*, *yā*, *yat*, тогда как в латинском языке использована в относительном значении другая основа. К местоимению *ὅς* примыкает несколько относительных местоименных прилагательных (со средним родом на -ou), например *οὗος*, *οὗος*.

Относительное местоимение часто соединялось с частицами: *ὅς γε*, *ὅτερ*, Гомер. *ὅς τε*; о неопределенном местоимении *ὅτις* см. § 144.

Примечания: 1. С относительным местоимением во многих диалектах конкурировала основа артикля *ὅ*, *ἥ*, *ἳ*. Такое употребление наблюдается в языке Гомера, где параллельно засвидетельствованы основа относительного местоимения и основа артикля, в лесбосском диалекте (у Алкея и Сапфо), в аркадско-кипрском, иногда в дорийском (особенно в Геракле и у Эпихарма), в литературном ионийском (но не в надписях); флексия Геродота — им. п. ед. ч. *ὅς*, *ἥς*, *ἣ*. В остальных падежах основа артикля, кроме случаев положения после предлогов, допускающих элизию: *ἐφὅς* и т. п.; также и после некоторых выражений, равносильных союзам: *ἔτις ὅ* „с тех пор как“, *ἔτις ὅτι* „в то время как“, *ἔτις ὅτις ὅ* „до тех пор, пока (не)“.

2. В новогреческом языке относительное местоимение заменено для большей части случаев его употребления относительным наречием *τούς*.

Вопросительные и неопределенные местоимения

§ 142. Индоевропейский язык обладал основой, характеризовавшейся начальным лабиовелярным звуком и имевшей двоякую функцию — неопределенного местоимения, когда она была энклитикой, и вопросительного, когда она несла на себе ударение. Эта основа имела две формы **k^u-i-* и **k^u-e-/o-*. Приводим ее аттическую флексию:

¹ Первоначальная форма ср. р. **όδος* (ср. **τοῦδος*; § 134) сохранена (с ассимиляцией конечного δ последующему глухому) в Гомер. *ὅτις* (§ 144). — Прим. перев.

	Ед. ч.	Мн. ч.	Дв. ч.
Им.	<i>τίς</i> , ср. р. <i>τί¹</i>	<i>τίνες</i> , ср. р. <i>τίνα</i>	<i>τίνε</i>
Вин.	<i>τίνα</i> , ср. р. <i>τί</i>	<i>τίνας</i> , ср. р. <i>τίνα</i>	
Род.	<i>τίνος</i> или <i>τοῦ</i>	<i>τίνου</i>	<i>τίνουν</i>
Дат.	<i>τίνι</i> или <i>τῷ</i>	<i>τίνι</i>	

§ 143. Более употребительной в общем является основа на *τ*. В винительном падеже единственного числа древняя форма **τίν* (авест. *čim*) получила дополнительное окончание *α* для усиления падежной характеристики (ср. *Zῆνα* и *Zῆν*; § 99). От этой формы, где *τ* стало восприниматься как принадлежащее к основе, были произведены формы вторичного образования *τίνος*, *τίνι* и т. д. Дат. п. мн. ч. *τίνι* представляет, возможно, первоначальную форму от основы на *τ*.

Древняя форма им.-вин. п. мн. ч. ср. р. **κτίζε-* (лат. *quia*) обнаруживается в мегарск. *σά* (Аристофан, Ach. 757) и беот. *τά* (Пиндар, Ol. I, 82) [Ф. § 48]; ион. *ἀσσα* (*τ* 218 и др.) и аттич. *ἄττα* произошли от неправильного словоиздела: *ὅτοις σσα* было расчленено на *ὅτοίς ἄσσα* под влиянием относительного *ἄσσα*, дублета *ἄ τίνα*. Наряду с формами от основы на *-i* в косвенных падежах существует основа на *e*: род. п. ед. ч. Гомер. *τέο* (π 305), образованный с окончанием *-so (ср. ст.-слав. *чесо* и т. п.), характерным для местоименной системы; *τέο* сливаются в *τεῖ* в ионийском диалекте (Гомер, Геродот) и в *τοῖ* в аттическом; однако последняя форма исчезает в надписях к 300 г. до н. э. и не встречается никогда ни в Септуагинте, ни в Новом завете. По образцу *τέο* у Гомера и Геродота возник дат. п. ед. ч. *τεῖτι* (Π 227 и др.) и *τοῖτι* (Α 299 и др.), в аттическом диалекте *τοῖ* (до 300 г. до н. э.). Во множественном числе род. п. *τέων* (Ω 387 и др.; Геродот), дат. п. *τοῖσι* (κ 110); относительно *τεῖων*, *τοῖσι* см. склонение *ὅτις*. В аттическом диалекте тематическая флексия засвидетельствована во множественном числе только для *ὅτις*; отметим, однако, *τοῖσι* вместо *τοῖτι* у Софокла (Trach. 984). У Гомера в косвенных падежах как единственного,

¹ Для этого местоимения также сохранена первоначальная форма ср. р. **τιδ* в производном *οὐτίδανος* „ничего не стоящий“. О начальном τ см. Ф. § 5; о чередовании двух основ ср. Э. § 133. — Прим. перев.

так и множественного числа основа на *-e/-o представлена чаще, чем основа на *-i.

Примечания 1. В ионийском диалекте от основы *τε-* были образованы род. п. ед. ч. *τεού* (Архилок 45 D) и, возможно, им.-вин. п. ед. ч. ср. р. *οὐτεού* от *οὐτε-* (Парменид VIII, 46 D).

2. В лесбосском диалекте встречаются *τίῳ* (Сапфо 127 D) и *τίοις* (Сапфо 168 B) — формы, повидимому, вторичного образования, произведенные от *τίς*.

3. В качестве отрицательного местоимения со значением „никто“ у Гомера и в ионийском диалекте употребляется *οὐτες*, *μήτις*. Но уже в гомеровскую эпоху возникла экспрессивная форма *οὐθείς*, широко распространившаяся в аттическом диалекте. В IV в. в аттическом диалекте появляется форма *οὐθείς* в результате нового расчленения *οὐθείς* на *οὐδ'* *εῖς* и утраты звонкости δ под влиянием придыхания.

4. В новогреческом языке *τις* исчезло и заменено в качестве неопределенного местоимения числительным *ἕνας—εῖς* и в качестве вопросительного — местоименным прилагательным *ποιός*; однако форма ср. р. *τι* с вопросительным значением сохранилась.

§ 144. В греческом языке существовало также сложное относительное местоимение *ὅτις* или *ὅτις*. Первая форма его состояла из относительного *ὅς* в соединении с неопределенным *τις*, причем оба элемента склонялись; вторая форма, где склонялось только *τις*, заключала в себе, возможно, в качестве первого элемента форму относительного местоимения ср. р. **ὅδ*, ср. гомер. *ὅττι*. В аттическом диалекте первый элемент *ὅ-*, представленный исключительно в формах с основой на *-e/-o, не склоняется.

	М. р.	Ж. р.	Ср. р.
Ед.ч. Им.	ὅτις	ὅτις	ὅ τι
Вин.	ὅτιγα	ὅτιγα	ὅ τι
Род.	{ ὅτιγος ὅτου	{ ὅτιγος ὅτου	{ ὅτιγος ὅτου
Дат.	{ ὅτιγι ὅτωι	{ ὅτιγι ὅτωι	{ ὅτιγι ὅτωι
Мн. ч. Им.	οἵτιγες	αἵτιγες	{ ὅτι γα ὅττα
Вин.	οἵτιγας	αἵτιγας	{ ὅτιγα ὅττα
Род.	{ ὕτιγιων ὅτων	{ ὕτιγιων ὅτων	{ ὕτιγιων ὅτων
Дат.	{ οἵτιγισι ὅτοισι (ὅτοις)	{ αἵτιγισι (αἵτιγισι)	{ οἵτιγισι ὅτοισι (ὅτοις)

Дв. ч. Им., вин. *ὅτιγε*
Род., дат. *οἵτιγοι*

ὅτιγε
οἵτιγοι

ὅτιγε
οἵτιγοι

§ 145. Формы *οὐτείος* и *ὅτιγι* редки и почти не встречаются ни в эпиграфических, ни в литературных текстах ранее IV в. до н. э. “*Ἄττα* восходит к *ἀ***κῆγια* (§ 143). У Гомера формы с двойной флексией встречаются только в именительном и винительном падежах единственного и множественного числа: *ὅτις*, *ὗτιγα*, *οἵτιγες*, *οἵτιγας*, *ὅττα*. В остальных падежах употребляются: род. п. ед. ч. *ὅττεο*, *ὅττου* и *ὅττι*, дат. п. ед. ч. *ὅττεω* (и *ὅττι*), род. п. мн. ч. *ὅττεων*, дат. п. мн. ч. *ὅττοισι*. Наконец, примеры с основой на **-i* и с несклоняемым первым элементом встречаются у Гомера в им. п. ед. ч. *ὅτις*, вин. п. ед. ч. *ὅτιγα*, вин. п. мн. ч. *ὅτιγες*, им.-вин. п. ср. р. *ὅττα*. Последние формы, аттическому диалекту не свойственные, встречаются также в лесбосском и дельфийском диалектах.

Примечания 1. Из диалектных форм заслуживает упоминания критский дат. п. ед. ч. *οτεῖ* (Гортинское законодательство VII, 51; VIII, 19) с окончанием, встречающимся в санскр. *kasmin* и т. п. Засвидетельствованы в критском диалекте и такие формы этого местоимения, в которых первый элемент склоняется, а второй τι остается неизменяемым (Гортинское законодательство II, 47).

2. В койне *ὅτις* уже почти не отличается по значению от простого относительного местоимения *ὅς*; склонение его отмирает, и мы находим в нем только формы именительного падежа единственного и множественного числа.

§ 146. Некоторые местоименные прилагательные были образованы от основы вопросительно-неопределенного местоимения с огласовкой ο; поэтому они имеют в начале губной звук [Φ. § 5]. Сюда относятся: *πότερος*, -α, -ου „который из двух“ (ср. лат. *utrum*), *πότος* „какой по величине (или количеству)“, *ποῖος* „какой по качеству“; в косвенном вопросе им соответствуют *ἐπότερος* (гомер. *ἐππότερος*), *ἐπότος* (гомер. *ἐππότος*), *ἐποῖος* (гомер. *ἐπποῖος*), где первый элемент тот же, что в *ὅτις*, *ὅτου*. В критском диалекте, однако, вместо *ἐποῖος* находим *οτεῖος* (Гортинское законодательство IV, 52) с огласовкой ε в основе.

Личные местоимения

§ 147. Личные местоимения в системе индоевропейской именной флексии стоят особняком. Они не имеют различий по грамматическому роду. Для каждого лица един-

ственное, множественное и двойственное числа выражаются различными корнями: ἔγώ, ἡμεῖς, γῶ; и действительно, ἡμεῖς означает не „многие я“, а „я и другие“. Флексия личных местоимений отличается от флексии других местоимений и флексии существительных; именительный падеж может иметь основу, отличную от основы других падежей. Тем не менее флексия личных местоимений содержит в себе много черт, объясняющихся влиянием именной флексии. Наконец, во многих падежах проводится противопоставление форм тонической и энклитической.

Первое лицо.

Ед. ч.	Мн. ч.	Дв. ч.
Им. ἔγώ	ἡμεῖς	γώ
Вин. ἐμέ и με	ἡμᾶς и ἡμας	
Род. ἐμοῖς и μοῖς	ἡμῶν и ἡμων	
Дат. ἐμοὶ и μοὶ	ἡμῖν и ἡμιν	γῶνу

Таково склонение этого местоимения в аттическом диалекте.

§ 148. Именительный падеж единственного числа характеризуется основой, противостоящей остальным падежным формам: ἔγώ, ср. лат. *ego*. Эта форма могла получать расширение в виде различных частиц. Так, во многих греческих говорах к ней прибавляется -υ: в дорийском, лесбосском и у Гомера перед гласными ἔγώνυ, в беотийском τῷ (ослаблением интервокального γ); в других диалектах — частица -υτ: лаконск. εὐωνυ, беот. τῷνει. В аттическом диалекте к ней часто прибавляется частица γε: ἔγώγε. В дорийском γα присоединяется к ἔγώ: ἔγώγα (Алкман); точно так же и в беотийском — τῷνα (Коринна 15 D; ср. Аристофан, Ach. 898).

В винительном падеже обнаруживается та основа, от которой образованы все падежи, кроме именительного, без окончания: энклитическую форму надо сближать с лат. *me* (содержащим долгий гласный); тоническая форма ἐμέ имеет, повидимому, соответствие в армянском языке. Противопоставление тонической и энклитической форм наблюдается во всех остальных падежах, кроме именительного.

В родительном падеже от основы ἐμέ образована форма по образцу тематической флексии на -οι: гомер. ἐμεῖο, ἐμέο (К 124); гомер. и у Геродота ἐμεῖ, μεν; аттич. ἐμοῖ и μοῦ; с прибавлением οι, заимствованного от атематической флексии, дор. ἐμέος (Эпихарм 144), беот. ἐμοῖς (Коринна 37 B); наконец, в эолийском диалекте (Гомер, А 525 и др.; Сапфо) употребительна тоническая форма ἐμένυ со значением родительного-отложительного падежа, образованная при помощи элемента, служившего первоначально наречной характеристикой; ср. πόθεν и т. п.

Дат. п. ἐμοὶ и μοὶ содержит тот же дифтонг, который предполагает санскр. *me*; энклитическая форма, повидимому, играет иногда у Гомера роль родительного падежа (ср. κλῆθε μοι, Е 115). В дорийском диалекте употребляется энклитическое μοι, но в качестве тонической формы — ἐμίν (Эпихарм 99; Аристофан, Ach. 733; Швицер 263, 8), содержащее, повидимому, долгое ι (ср. Феокрит II, 144); тарент. ἐμίνη (Ринтон 13) содержит ту же частицу, что и εγώγη. Эти формы на -ι напоминают такие формы дательного падежа множественного числа, как ἡμῖν и т. п.

§ 149. В объяснении флексии множественного числа, совершенно независимой от флексии единственного, надо исходить из древней формы винительного падежа, которая представлена эол. ἄμμε (чему соответствует авест. ah̊ma), засвидетельствованным у Гомера и у Сапфо. К основе с нульевой огласовкой ήs, соответствующей лат. *nos*, присоединена частица *-me или *-sme, откуда и возникает эол. ἄμμε; ожидаемая дорийская форма с долгим α (аспирация которого должна объясняться внутренним s формы *ηsme) засвидетельствована, например, у Эпихарма (173) и у Аристофана (Lys. 95) [Ф. § 67].

От этого винительного падежа в эолийском диалекте образован им. п. ἄμμες (Гомер, Алкей), дор. ἄμμες (Эпихарм 42; Аристофан Lys. 168) — формы, характеризуемые конечным ο именительного падежа атематического склонения (*χόρακες*).

В родительном падеже те же диалекты присоединяют окончание -ου к основе на -ε, откуда лесб. ἄμμέων (Алкей 147 D), дор. ἄμμέων (Алкман 20 D) или ἄμμου (Аристофан, Lys. 168).

Дательный падеж оканчивается на *-μι(γ)*, что напоминает некоторые санскритские местоименные формы на *-smiñ*. В эолийском диалекте он имеет форму *ἄμι* и *ἄμιγ* (Гомер, Сапфо), в дорийском — *ἄμιν* с кратким *ι* (Алкман 17, 21 D; Аристофан, Lys. 1081) или *ἄμιν* с долгим (Аристофан, Ach. 821; Феокрит VII, 145).

Примечание. 1. Рукописи Пиндара никогда не дают дорийской формы, а только эолийскую: *ἄμφε*, *ἄμψιν* и т. д.

2. Заслуживают упоминания следующие диалектные формы: крит. им. п. *ἄμεν* (Коллиц 5155 — аналогия глагольного окончания 1-го лица мн. ч. ?); лесб. дат. п. *ἄμφεσιν* (Алкей 18 D).

§ 150. Ионийско-аттическая флексия построена иначе. В именительном и винительном падежах к основе *ήμε-* (из **ῆμε-*) присоединены заимствованные от именной флексии окончания *-ες* и *-ας*, откуда им. п. *ήμεταις*, вин. п. *ήμέας* (Гомер, Геродот) и *ήμας* (аттич.), где *ά* не фонетическое (аттич. *εα > η*).

Родительный падеж имеет форму *ήμέων* (Геродот), *ήμην* (аттич.); так как *ήμέων* не могло войти в эпический стих, то Гомер употребляет либо двусложное *ήμέων* (Г 101 и др.), либо *ήμείων* (Е 258 и др.), где *ει* объясняется метрическим удлинением и аналогией формы *έρειο*.

Дательный падеж множественного числа всегда содержит назальное окончание и обычно долгое *ι*: *ήμιν* (Гомер, Геродот, аттич.); реже *ι* бывает кратким: *ήμιν* (Р 415), *ήμιν* (Софокл, Ant. 253 и др.). Возможно, что окончание с долгим *ι* является вторичным и более поздним, чем форма с краткостью.

Примечание. Во множественном числе, как и в единственном, существовали энклитические формы со вторично возникшим начальным ударением: *ήμας*, *ήμην*, *ήμιν* (В 339) и с кратким *ι*: *ήμιν* (Р 415, № 569 и др.).

§ 151. Основа им.-вин. п. дв. ч. *υό* соответствует авест. *na*. Эта основа засвидетельствована в аттическом диалекте и у Гомера; встречается у Гомера также *υῷ*, где *ι* неясно, а у Коринны (9 D) — *υῷε*, получившее окончание атематических имен. Родительный-дательный падеж имеет форму *υῷν* (аттич. *υῷν*). Однако II 99 *υῷν*, повидимому, должно быть истолковано как форма именительного-винительного падежа.

Второе лицо

§ 152. Аттическое склонение.

Ед. ч.	Мн. ч.	Дв. ч.
Им. <i>σύ</i>	<i>ὑμεῖς</i>	<i>σφώ</i>
Вин. <i>σέ</i> и <i>σε</i>	<i>ὑμᾶς</i> и <i>ὑμας</i>	
Род. <i>σοῦ</i> и <i>σου</i>	<i>ὑμῶν</i> и <i>ὑμων</i>	
Дат. <i>σοί</i> и <i>σοι</i>	<i>ὑμῖν</i> и <i>ὑμιν</i>	<i>σφῶν</i>

Во 2-м лице противопоставление между именительным падежом и остальными различием в основе не выражено. Древняя форма именительного падежа — **τί* (ср. лат. *tū*): дор. *τό* (Пиндар, Ol. I, 85; Эпихарм 34), беот. *τού*, с краткостью гласного¹ (Коринна 5, 83 D). Долгота засвидетельствована только в гомер. *τόνη* (Е 485). Частицы *-ν* и *-η* (ср. *έγών* и *εγώη*) встречаются также в беот. *τού* (Аполлоний Дискол, De pron. 50, 27) и лаконск. *τόνη* (Гесихий). В ионийско-аттическом и лесбосском диалектах именительный падеж имеет форму *σύ*, которая, хотя и может быть объяснена фонетически, но, вероятнее, обусловлена аналогией форм *σέ*, *σοῦ*, *σοί*.

Остальные падежи образованы, вообще говоря, от основы с начальным *τί*: *σέ*, *σοῦ*, *σοί*. Однако в винительном падеже дорийский диалект дает несколько примеров и энклитических форм *τε* (Пиндар, Ol. I, 48; Алкман 113 D) и *το* (I. G. IV², 1, 121 [Эпидавр]; Аристофан, Ach. 730; Феокрит I, 68); наконец, встречается также *τίν* в значении винительного падежа (Феокрит XI, 39, 55, 68; аналогия *μίν* и *ιν?*).

Родительный падеж сходен с соответствующей формой от *έγώ*: *σείο*, *σεῦ* (Гомер), *σεῦ* (Гомер, Геродот); в эолийском диалекте и у Гомера есть форма род. п. *σέθεν*, ср. *έμέθεν*. Дорийский и беотийский диалекты пользуются также основой **τε-*: *τεύ* (Феокрит V, 19); с окончанием атематических имен *ς*: *τεύς* (Софрон 83), *τεῦς* (Феокрит II, 126). Наконец, от основы **τετε-*: *τετοί* (Θ 37), *τεοῦ* (Эпихарм 90), *τεοῦς* (Софрон 59).

Древняя энклитическая форма дательного падежа была *τοί* (из **τοι*; ср. санскр. *te*). Форма эта употребительна у

¹ Беотийское написание *τού* представляет собой, следовательно, лишь орфографический вариант дорийского *τό*. — Прим. перев.

Гомера, в ионийском и дорийском диалектах; в аттическом она сохранилась только в значении усилительной частицы. Тонической формой было *σοί* (из **θοί*), но аттический диалект ввел новшество, употребляя *σοί* и в качестве энклитики. Дорийский диалект употребляет в качестве тонической формы *σοί* (Пиндар), но наряду с этим *τίν* (ср. ἐμίν; Алкман 24 D; Пиндар, Pyth. I, 29) с *ι* кратким (Пиндар, Pyth. I, 29) или долгим (Феокрит II, 20 и др.); тарентинский — *τίνη* (Ринтон 13), ср. ἐμίνη. Наконец, с огласовкой *ε*: *τέν* (из **τεργ*?) у Гомера (Λ 201, δ 619 и др.); ср. беот. *έν* (§ 156).

Формы множественного числа параллельны соответствующим формам 1-го лица, но корнем в них служит **us-* (ср. лат. *vōs*) или **ius-*. Исходить надо из основы **usme-* (ср. санскр. *uṣṭamān*). Винительный падеж: эол. *ὑμε* (Гомер, Сапфо), дор. *ὑμέ* (Алкман 4 D; Софрон 52; Аристофан, Ach. 737). Именительный падеж: эол. *ὑμες* (Гомер, Сапфо), дор. *ὑμές* (Софрон 60; Аристофан, Ach. 760), крит. *ὑμεν* (ср. *αμεν*; § 149). Родительный падеж: эол. *ὑμέων* (Алкей 147 D), дор. *ὑμέων* (Софрон 46), гомер. *ὑμέων* и двусложное *ὑμέων*. Дательный падеж: *ὑμι* и *ὑμιν* у Гомера и у лесбосских поэтов; дор. *ὑμίν* (Софрон 92). Как и в 1-м лице, рукописи Пиндара никогда не дают дорийской формы, а только эолийскую.

В ионийском и аттическом диалектах склонение идет параллельно склонению местоимения 1-го лица: им. п. *ὑμεῖς*, вин. п. *ὑμέας* (Гомер и Геродот), аттич. *ὑμᾶς*. Дательный падеж обычно имеет *ι* долгое и ударение на окончании: *ὑμῖν*. С кратким *ι*: *ὑμίν* (Софокл, Ai. 864, 1242).

Примечание. Тоническим формам противостоят энклитические со вторично появившимся начальным ударением: *ὑμας*, *ὑμων*, *ὑμιν* (Ω 33, α 373 и др.).

§ 153. Основа двойственного числа неясна по происхождению: им.-вин. п. *σφώ* (Гомер, Софокл), иногда *σφοῖ* (Гомер); род.-дат. п. *σφῶν* (Гомер) и *σφῶν* (δ 62, аттич.).

§ 154. В койнэ склонение личных местоимений 1-го и 2-го лица почти не изменилось (помимо исчезновения двойственного числа).

В винительном падеже единственного числа в надписях и папирусах встречаются формы *ἐμέ*, *σέν*, где *-ν* объясняется аналогией именной флексии; новогреческие формы — *ἐμένα*, *σένα*. Но в византийскую эпоху и в новогреческом языке основы множественного числа подверглись коренному изменению: по образу *ἐμέ* и *με* было образовано *ἐμεῖς* и *μεῖς*, а во 2-м лице — *ἐσεῖς* и *σεῖς*.

Третье лицо

§ 155. В индоевропейском языке для 3-го лица существовала основа **sece-*, **sue-*, **se-*, образовавшая формы со значением возвратности или без него и представлявшая параллель основе 2-го лица **tece-*, **tce-*, **te-*; мы находим ее, например, в лат. *scē*. Для этой основы противопоставление тонических форм энклитическим было весьма существенным; так, у Гомера тонические формы обычно имеют возвратное значение, энклитические же несут анафорическую функцию. В аттическом диалекте это местоимение составляет уже отмирающий архаизм (ораторы его не употребляют).

Нередко оно встречается в анафорическом значении у трагиков как подражание Гомеру, но аттическая проза заменяет его в анафорическом употреблении косвенными падежами местоимения *αὐτός*. В качестве прямо-рефлексивного оно заменяется сложными формами *ἐαυτοῦ*, *σφῶν αὐτῶν* (§ 159); однако в косвенно-рефлексивном значении оно изредка встречается (например, Платон, Symp. 174 d, 175 c).

	Ед. ч.	Мн. ч.
Им.	—	<i>σφεῖς</i> (ср. р. <i>σφέα</i>)
Вин.	ἐ и σ	<i>σφᾶς</i> (ср. р. <i>σφέα</i>)
Род.	οῦ и οῦ	<i>σφῶν</i>
Дат.	οῖ и οῖ	<i>σφίσι</i> и <i>σφισι</i>

§ 156. Формы вин. п. *ἐ* с возвратным значением и *έ* с анафорическим значением (из **sue*) часто встречаются у Гомера; форма *έε* (из **sece*) — Γ 171, Ω 134. Помимо Гомера, пример *έ* в анафорическом значении — Пиндар, Ol. IX, 15; *έ* в косвенно-рефлексивном значении — Платон, Symp. 175 a.

Родительный падеж: гомер. *έο* и *εῖο*; энклитические формы *έο* и *εῖν*; *εῖ* также у Геродота (III, 135); тоническое

ἔθεν мы находим у Гомера и в лесбосском диалекте: *μέθεν* (Алкей 9 D); дор., локр. *μέσ* (I. G. IX, 1, 334, 33); аттич. *οὗ*, редко, в косвенно-рефлексивном значении (Платон, Symp. 174 d); беот. *έοῖς* (Коринна 11 D), от основы **seze-*;ср. *έροῖς* (§ 148).

Дательный падеж: гомер. энклитическое *οῖ* в анафорическом значении, тоническое *οῖ* в возвратном значении; тоже у Геродота; эол. *ϝοῖ* (Сапфо 3 D); дор. *ϝοῖ* (Дельфы, надпись Лабиадов D 14); кипр. *ϝοῖ* (Швицер 680); в аттическом диалекте мы находим как анафорическое *οῖ* у tragedиков, так и косвенно-рефлексивное *οῖ* (Платон, Symp. 174 e и др.); с огласовкой ε: гомер. *έօῖ* (N 495, δ 38). В дорийском диалекте, кроме того, существует *ϝι*, повидимому, с кратким ι (Гортинское законодательство II, 41; Пиндар, Pyth. IV, 36); беот. *έύ* (из **seqin*), Коринна 36 B.

§ 157. Основа множественного числа менее ясна. Возможно, что вся флексия извлечена из дат. п. *σφη*, состоящего из основы в нулевой ступени **s-* и окончания орудийного падежа, которое содержится в *αὐτφι* и т. п. (§ 128). У Гомера *σφι(υ)* энклитично и не имеет возвратного значения (которое выражается его сочетанием с *αὐτοῖς*); эта же форма встречается у Геродота и в дорийском диалекте, а также у Пиндара и в надписях (Аргос, Швицер 92); сиракуз. *φιν* (Софрон 93); лесб. *ἄσφι* (Сапфо 125 D) неясно. Обычно вместо этой формы употреблялось *σφίσι(υ)*, ударное или энклитическое, образованное прибавлением к ней окончания именного склонения -σι (Гомер, Геродот, Пиндар; в аттическом диалекте, Фукидид IV, 8 и др., эта форма имеет косвенно-рефлексивное значение).

Все склонение построено на основе *σφ-*. Древняя форма винительного падежа — *σφε* (Гомер, Пиндар, tragedии), ср. *ἄμφε*; сиракуз. *φέ* (Софрон 94), лесб. *ἄσφε* (Алкей 16 D). От *σφε* была произведена форма вторичного образования *σφέας* (Гомер, Геродот), ср. *ἡμέας*; аттич. *σφᾶς* (I. G. I², 101, 3; Фукидид) и энклитическое *σφᾶς*.

Родительный падеж: гомер. *σφείων*, *σφεων* и *σφῶν* (в сочетании с *αὐτῶν*), аттич. *σφῶν* (I. G. I², 39; Фукидид I, 120 и др.).

Им. п. *σφεῖς* (ср. *ἡμεῖς*), очевидно, наиболее поздняя форма: она засвидетельствована только у Геродота (VII, 168 и др.) и в аттическом диалекте; значение ее исклю-

чительно косвенно-рефлексивное, т. е. она служит подлежащим в придаточном предложении.

Примечания: 1. В ионийском диалекте была образована форма им.-вин. п. ср. р. *σφε* (Геродот I, 46 и др.), явно вторичного происхождения.

2. В поэзии архаизирующее употребление основы *σφε* имеет искусственный характер, и некоторые формы этого множественного числа иногда получали значение единственного: *σφιν* (Софокл, Oed. Col. 1490), *σφε* (Эсхил, Rgtol. 9; Софокл, Oed. Col. 40 и др.).

3. Относительно „свободного“ употребления возвратного местоимения см. § 161.

§ 158. У Гомера для этого местоимения существует двойственное число: им.-вин. п. *σφωε*; род.-дат. п. *σφωγι*; эти формы всегда энклитичны, и косвенные падежи не могут быть смешаны с соответствующей формой 2-го лица.

§ 159. В анафорической функции основу **σφε* заменило местоимение *αὐτός* (§ 155); то же *αὐτός* в сочетании с ε послужило для образования нового возвратного местоимения *έαυτόν*. Возникновение этих форм наблюдается в гомеровских сочетаниях: ἐ αὐτόν, οἶ αὐτῷ! (II 47), мн. ч. *σφῶν* αὐτῶν (M 155) и т. д. В дальнейшем, в результате слияния, получилась новая основа, от которой образовались аттические формы: *έαυτόν*, *έαυτος*, *έαυτη*, *έαυτή*, *έαυτης*, *έαυτητι*. Можно предположить, что, например, в дательном падеже *έοῖ αὐτῷ* слилось в *έαυτῷ* (ср. ταῦτο из τὸ αὐτό), а затем основа была распространена и на другие падежи. Точно так же в 1-м и 2-м лице мы находим *έμαυτῷ* и т. д., *σεαυτῷ* и т. д. В ионийском диалекте (Геродот, надписи), с другим слиянием (ср. τωῦτο из τὸ αὐτό), дат. п. *έωυτῷ*, *έμωυτῷ*, *σεωυτῷ*, откуда вин. п. *έωυτόν* и т. д. Во множественном числе и в аттическом диалекте употребительны формы: *ἡμῶν αὐτῶν*, *ὑμῶν αὐτῶν* и т. д., в 3-м лице: *στρᾶς αὐτός*, *στρῶν αὐτῶν*, *σφίσιν αὐτοῖς*. Однако эти формы, почти единственны в архаических надписях и преобладающие у Фукидиса, позднее заменились встречающимися также у Фукидиса формами *έαυτούς*, *έαυτῶν*, *έαυτοῖς*, образованными от *έαυτος* и т. д.

В результате слияния *έαυτος* перешло в *αὐτοῦ*, *σεαυτοῦ* в *σεαυτοῖς* и т. д. В надписях после 300 г. до н. э. преобладание получает *αὐτοῦ*, но в койнэ употребительны только формы с начальным ε-.

Примечания: 1. В аттическом диалекте множественное, а иногда и единственное число от *έαυτοῦ* употреблялось нередко и для 1-го и для 2-го лица (Эсхил, Ag. 1142; Лисий VIII, 5). Следует отметить также употребление *έαυτῶν* и т. д. в смысле *ἄλλοικον* „друг друга“ и т. д. (Фукидид IV, 25, 9 и др.).

2. Кроме того, мы находим возвратное местоимение другого типа, образованное посредством повторения форм от *αὐτός*. Примеры этого встречаются и в аттическом диалекте. Эсхил (III, 233) ставит в непосредственную близость *αὐτός* от *αὐτός*: *καταλέπει τὸν αὐτόν αὐτόν δυσαπελαν.* То же у трагиков 1: *τὸν αὐτόν αὐτόν πατέρα τὸν ἄπλασας* (Oed. Col. 1356). В дорийском диалекте, таким образом, возникло сложное возвратное местоимение; многочисленные примеры его имеются в Дельфах: *αὐτοσαυτον* (Коллиц 1749). Первый элемент сложения *αὐτός* остается неизменным: *αὐτοσαυτας* (Дельфы, Швицер 336), род. п. мн. ч. ж. р. *αὐτοσαυτον* (Швицер 335), *αὐτοσαυτον* (Гераклейские таблицы I, 124), *αὐτοσαυτος* (Крит, Швицер 195). Другие формы того же местоимения: *αυταιτον*, *αυταιτας* в Сицилии (Эпихарм 172), *αυταιτοн* (Эгина, I. G. IV, 156); наконец, *αυσαυтоν*, объясняющееся, повидимому, редукцией конечного слога первого элемента: *бет. αυσато [=έαυτον]* (Швицер 503 а), дельф. *αυσаутон* (Коллиц 1713).

§ 160. От основ личных местоимений в греческом языке были образованы местоименные прилагательные с притяжательным значением, которые дают тонические формы, противопоставляемые оборотам с энклитическим родительным падежом местоимения: *ὁ ἐμὸς πατέρων*, с одной стороны, и *ὁ πατέρων μου* — с другой.

Первое лицо ед. ч.: *ἐμός*; мн. ч.: лесб. *ἄμρος*, дор. *ἄμρος* (употребительное у трагиков, но часто получающее у них значение *ἐμός*); с суффиксом *-τερος*: лесб. *ἄμρέτερος*, дор. *ἄμρέτερος*, ион.-аттич. *ἡμέτερος*.

Второе лицо ед. ч.: гомер., аттич. и др. *σύς* из **τ्यο-*, ср. санскр. *tva-*, но в некоторых диалектах со степенью е основы *τέβς* (гомер., лесб., дор.) из **τεко-* (ср. лат. *tuus*), откуда бет. *τος*. Во множественном числе формы, параллельные формам 1-го лица: дор. *ὑμός*, лесб. *ὑμρος* и с суффиксом *-τερος*: дор. *ὑμέτερος*, лесб. *ὑμρέτερος*, ион.-аттич. *ὑμέτερος*.

Там, где требуется оттенить в притяжательном местоимении возвратный смысл, употребляется родительный

¹ Иногда в тексте встречаются варианты, создающие колебание между типами *αὐτός καθ' αὐτὸν* и *αὐτός κατ' αὐτόν*; ср. Эсхил, Pers. 415, *αὐτοί δητ' αὐτῶν*.

падеж местоимений *έμαυτοῦ*, *σεαυτοῦ*, *έαυτοῦ*, а во множественном числе чаще *ἡμέτερος αὐτῶν*, *ὑμέτερος αὐτῶν*, чем *ἡμῶν αὐτῶν*, *ὑμῶν αὐτῶν*.

§ 161. От основы возвратного местоимения **σε-* также было образовано притяжательное местоименное прилагательное с возвратным значением '(*f*) *σε* из **σε-*; ср. санскр. *sva-*. Эта основа употребляется у Гомера с возвратным значением „свой“. В той же форме она засвидетельствована у трагиков, Пиндара, Сапфо и в надписях (Гортинское законодательство I, 18 и др.). Наряду с ней существует и форма *έσ* из **seos* (ср. лат. *suis*), засвидетельствованная у Гомера, в дорийском диалекте (часто у Пиндара), бет. *ιος* (Коринна 5, 73 D). От основы мн. ч. *σφε* было образовано *σφές*, „свой“ (Гомер, Сапфо, Пиндар). Кроме того, у Гомера и в аттическом диалекте встречается форма *σφέτερος*, употребляемая как в прямо-рефлексивном, так и в косвенно-рефлексивном значениях (Фукидид III, 68 и др.), часто в сочетании с *αὐτῷ*. Чаще всего в аттической прозе употребляется в значении возвратно-притяжательного местоимения форма род. п. *έαυτοῦ*, *έαυτῆς*, *έαυτῶν*, занимающая положение между артиклем и именем, а в значении притяжательного местоимения — форма *αὐτοῦ*, *αὐτῆς*, *αὐτῶν*, не занимающая этого положения.

Примечание. Употребление возвратно-притяжательного местоимения и притяжательного местоимения 3-го лица *ές*, *σφές*, *σφέτερος* в архаическом или архаизирующем языке поэтов представляет большое разнообразие. Возможно, что в индоевропейском языке, как показывают ведический санскрит и, повидимому, гомеровский диалект, местоимение *ές* (вед. *sva-*) служило возвратно-притяжательным для всех трех лиц. Гомеровские примеры иногда допускают двоякое истолкование (ср., однако, I 28 и V 320); в других случаях имеются варианты (ср. A 393). В послегомеровской поэзии в употреблении *ές* наблюдаются существенные колебания; так, *ές* употреблено по отношению ко 2-му лицу единственного числа у Гесиода (*Op. et d.* 381); то же в различных случаях такого же характера наблюдается и у Аполлония Родосского. *Σφέτερος* иногда употребляется по отношению к 3-му лицу единственного числа (Псевдо-Гесиод, *Scutum*, 90; Пиндар, *Ruth.* IV, 83 и др.) и ко 2-му лицу множественного числа (Гесиод, *Op. et d.* 2). Многочисленные примеры этого рода встречаются у Аполлония Родосского. Меньшие колебания наблюдаются в употреблении лично-возвратного местоимения *έ*; однако *σφές* употреблено, повидимому, по отношению ко 2-му лицу множественного числа в К 398 и по отношению к 1-му лицу множественного числа у Аполлония Родосского (II, 1278). Об употреблении в аттической прозе *έαυτοῦ* вместо *ἡμῶν αὐτῶν*, *ὑμῶν αὐτῶν* см. выше, § 159, прим. 1.

ИМЕНА ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

§ 162. Ниже приводится перечень числительных с их буквенными обозначениями:

Количественные		Порядковые
1 α'	εἰς, μία, ἕν	πρῶτος, -η, -ον
2 β'	δύο	δεύτερος -α, -ον
3 γ'	τρεῖς, τρία	τρίτος, -η, -ον
4 δ'	τέσσαρες, -α	τέταρτος, -η, -ον
	(аттич. τέτταρες)	
5 ε'	πέντε	πέμπτος, -η, -ον
6 ζ'	ἕξ	ἕκτος, -η, -ον
7 ζ'	έπτά	έβδομος, -η, -ον
8 η'	όχτω	όγδοος, -η, -ον
9 θ'	έννεα	ένατος, -η, -ον
10 ι'	δέκα	δέκατος, -η, -ον
11 ια'	ἕνδεκα	έγδεκατος
12 ιβ'	δώδεκα	δωδέκατος
13 ιγ'	τρεῖς (τρία) καὶ δέκα	τρίτος καὶ δέκατος
14 ιδ'	τέσσαρες (-ρα) καὶ δέκα	τέταρτος καὶ δέκατος
15 ιε'	πεντεκαίδεκα	πέμπτος καὶ δέκατος
16 ιι'	έξκαιδεκα	ἕκτος καὶ δέκατος
17 ιζ'	έπτακαίδεκα	έβδομος καὶ δέκατος
18 ιη'	όχτωκαίδεκα	όγδοος καὶ δέκατος
19 ιθ'	έννυζακαίδεκα	ένατος καὶ δέκατος
20 ιχ'	εἴκοσι(ν)	εἴκοστός
21 ιιχ'	εἰς, μία, ἕν καὶ εἴκοσι	εἰς, μία, ἕν (или πρῶτος, -η, -ον) καὶ εἴκοστός, -η, -ον
22 ςρ'	δύο καὶ εἴκοσι	δεύτερος καὶ εἴκοστός
30 λ'	τριάκοντα	τριάκοστός
40 μ'	τεσσαράκοντα	τεσσαρακοστός
	(аттич. τετταράκοντα)	(аттич. τετταρακοστός)
50 υ'	πεντήκοντα	πεντηκοστός
60 ξ'	έξηρκοντα	έξηρκοστός
70 ο'	έβδομήρκοντα	έβδομηρκοστός
80 π'	όγδοήρκοντα	όγδοηρκοστός
90 ορ'	ένενήρκοντα	ένενηρκοστός
100 ρ'	έκατον	έκατοστός
200 σ'	διακόσιοι, -αι, -α	διακοσιοστός
300 τ'	τριάκόσιοι	τριάκοσιοστός
400 υ'	τετρακόσιοι	τετρακοσιοστός

500 φ'	πεντακόσιοι	πεντακοσιοστός
600 χ'	έξακόσιοι	έξακοσιοστός
700 ψ'	έπτακόσιοι	έπτακοσιοστός
800 ω'	όχτακόσιοι	όχτακοσιοστός
900 ς,	ένακόσιοι	ένακοσιοστός
1000 α,	χίλιοι, -αι, -α	χιλιοστός
2000 β,	δισχίλιοι	δισχиллиостός
3000 γ,	τρισχίλιοι	τρισχиллиостός
4000 δ,	τετραχίλιοι	тетрахиллиостός
5000 ε,	πενταχίλιοι	пентакихиллиостός
6000 ζ,	έξακισχιλιοι	έξахисхиллиостός
7000 ζ,	έπτακισχιλιοι	έπтакисхиллиостός
8000 η,	όχτακισχιλιοι	όхтакисхиллиостός
9000 θ,	ένακισχιλιοι	энакисхиллиостός
10000 ι,	μύριοι, -αι, -α	мурюстός
20000 ς,	δισμύριοι	дисмурюстός
100000 ρ,	δεκακισμύριοι	декажисмурюстός

Числительные количественные

§ 163. Первые четыре числительных склоняются, и эта черта морфологии числительных восходит к индоевропейскому языку. Числительное со значением „один“ образовано от основы *sem-, которую мы находим также в лат. *semel*, *simplex* и в элементе *ā-* (из *s̥p̥t̥-), входящем в состав *ἄπαξ*, *ἀπλοῦς* и т. п. Формы м. р. εἰς, εὐθέα, спр. р. ἔν, ἔνθες восходят к *sem>*é, откуда *ν* было распространено на всю флексию [Ф. § 24]. Форма ж. р. μία восходит к *smiјe с нулевой степенью корня и флексией типа δέξα (§ 39); относительно ударения см. § 10. Кроме того, в греческом языке существовала и другая форма женского рода, очевидно древняя, но неясного происхождения, *ια*, *ιᾶς* (Гомер, Алкей, Коринна). От этой формы образован дат. п. спр. р. *ιῶ* (Ζ 422). Форма *ιῶ* засвидетельствована также в критском диалекте (Гортинское законодательство VII, 23).

„Два“: им.-вин. п. δύο, род.-дат. п. δυοῖν. Женский род, как форма двойственного числа, сходен с мужским. Краткое о формы δύο неясно, но у Гомера встречается и форма δύω с ожидаемым окончанием (ср. вед. d(u)vā). Позднеаттическая форма δυεῖν возникла, повидимому, в результате фонетического развития. Флексия подвергалась раз-

личным изменениям: в лаконском диалекте (Швицер 13 A) и в Эретрии (Швицер 800) им.-вин. п. δύε (по образцу κόραξ); в ионийском диалекте, где двойственное число исчезло, род. п. δυῶν, дат. п. δυοῖσι (Геродот I, 32, 94); в позднеаттическом, по аналогии с τρισί, дат. п. δυσί (Аристотель; надписи начиная с III в. до н. э.); форма дат. п. δυοῖς встречается у Архимеда и в критском диалекте (Гортинское законодательство VII, 46), δύεσι — в эолийском (по свидетельству Евстафия 802, 28). У Гомера δύο иногда служит дательным или родительным падежом; несколько примеров того же рода можно найти в аттическом диалекте. В новогреческом языке δύο не склоняется.

В словосложении древней формой того же значения является δι- или δισ-; ср. διψήκης, δισχίλιοι.

„Арфо „оба“ склоняется как δύο, но имеет окончание -ω (ср. лат. ambō); постепенно вытесняется формой ἀμφότερος.

„Три“: им.-вин. п. τρεῖς, τρία, род. п. τριῶν, дат. п. τρισί — основа на *-i. Форма именительного падежа восходит к *treies [Ф. § 37] (ср. крит. τρεες; Гортинское законодательство IX, 48), винительного — к *trins, откуда киренск. τρὶς, крит. τριὺς (Гортинское законодательство V, 54) по аналогии с τριῶν? Тρίς служило и именительным падежом в беотийском диалекте, в Дельфах, в Гераклее (Гераклейские таблицы I, 23). В аттическом диалекте, наоборот, τρεῖς служит и винительным падежом. Отметим в ионийском диалекте форму дат. п. τρισίσι у Гиппонакта (47 D). В словосложении τρι-: τρίποις и т. п.

„Четыре“. Основой в индоевропейском языке было *kʷet̪wəg- (-ц-, возможно, отсутствует в τέτορες и т. п.) с чередованиями огласовки начального элемента (редуцированная ступень в гомер. πέσαρες, как в лат. quāttuor; помимо этого, ступень е) и элемента, предшествующего окончанию: огласовка о, которую этот элемент имеет в лат. quattuor, встречается в западногреческой форме τέτορες (Эпихарм, 149; Феокрит XIV, 16; Гесиод, Op. et d. 698; Гераклейские таблицы I, 115 и др.). Нулевая ступень с различными фонетическими отражениями встречается в гомер. τέσσαρες, аттич. τέτταρες, эол. гомер. πέσαρες (Op. 680 и др.), лесб. πέσαρες¹ (Швицер 633 g); в ионийском ди-

лексте находим форму с огласовкой ε (возникшей в результате ассимиляции?) τέσσερες (Геродот, надписи), вошедшую в норму койнэ; она же сохранилась и в новогреческом языке. Флексия имеет следующую форму: им.-вин. п. τέτταρες, τέτταρα, род. п. τέτταρων, дат. п. τέτταραι (Исократ XII, 3); но существует и другая древняя форма дат. п. τέτταραι (Пиндар, Ol. VIII, 68 и др.). Можно отметить также встречающуюся в одной надписи койнэ форму, τέτταροις (I. G. IX, 1, 32).

В словосложении τέτταρα-: τέτταρόις и т. п.

§ 164. Начиная с „пяти“ числительные в индоевропейском языке не склонялись. Зарождение вторичной флексии обнаруживается в эолийском диалекте в формах род. п. πέμπτου (Алкей 50 D), διογκαδέκαν (Алкей 133 D), на Хиосе πεντήκοντου (Швицер 688 d) и у Гесиода τριγράντου (Op. et d. 696).

„Пять“: индоевропейскому *repnk^he, лат. quīnque, санскр. pañca соответствует общегреч. πέντε, эол. πέμπτε.

„Шесть“: ион.-аттич. ἔξι, беот. εξ, но крит., геракл., дельф. ἥξ; повидимому, в индоевропейском языке были две формы — *sex (лат. sex) и *s̥ix (галльск. chwech).

„Семь“: ἑπτά из *sept̪i; ср. лат. septem.

„Восемь“: ὀκτώ, ср. лат. octō; элайск. ὀπτό (Швицер 419), геракл. ὀκτώ (Гераклейские таблицы I, 34) под-

τέσσαρες, τέτορες и т. д. остальных диалектов, с другой, представляет собой один из наиболее сложных вопросов греческой фонетики. Делались попытки представить это расхождение как „нефонетическое“, т. е. объясняющееся имевшим место в эолийских диалектах нарушением фонетической закономерности, обусловленным в случае τέσσαρες аналогическим воздействием следующего за ним в ряду числительных πέντε (ср. начальное д- в русск. *девять*, которое заменило индоевропейское начальное п-, обнаруживаемое в лат. *noctem*, нем. *nacht* и т. д., под аналогическим воздействием начального д- в слове *девять*). Однако это расхождение наблюдается и в таких случаях, где затруднительно указать факторы возможного аналогического воздействия (например, лесб. πέλλι «далеко» — ион. τύλε; лесб. φύρ «зверь» — аттич. θύρ). Вместе с тем оно ограничено лишь определенным рядом слов, которому противостоят случаи эолийской трактовки индоевропейского κ_u, совпадающей с общегреческой (например, τε; ср. лат. -que). Именно это обстоятельство и не позволяет удовлетворительно объяснить всю совокупность относящихся сюда фактов. Представляется все же возможным предположить, что в них в какой-то мере отражены фонетические расхождения, относящиеся еще к индоевропейской эпохе.—
Прим. перев.

¹ Объяснение расхождения в трактовке индоевр. κ_u, наблюдающегося между эол. гомер. πέσαρες, лесб. πέσαρες, с одной стороны, и

верглись в различных формах влиянию со стороны ἑπτά; беот. ὁκτώ (I. G. VII, 2421) — со стороны δέκα.

„Девять“: ἐννέα (дельф., киренск. εννη, геракл. ήεννεα по аналогии с ἡεπτά, ήοχτώ) из *nept̩ (ср. лат. novem), но с протетическим гласным, как арм. տին; объяснение -у- вызывает споры.

„Десять“: δέκα соответствует лат. decem и т. д.

§ 165. Числительные от „одиннадцати“ до „двенадцати“ образованы из обозначений единиц в сочетании с обозначением „десяти“: ἑιδέκα (несклоняемое), δέδεκα (относительно δέ- ср.санскр. dva), но также δυώδεκα (Гомер, дор. [Кос, Швицер 249] и др.); у Гомера и в койнэ зафиксировано δυοκαίδεκα. Остальные числительные образованы при помощи καὶ: τρεῖς καὶ δέκα, τέτταρες καὶ δέκα и т. д. В койнэ распространен тип δεκαδός, δεκατρεῖς и т. д.; в новогреческом языке он является нормой.

§ 166. Обозначение десятков. Название „двенадцати“ образовано из префикса *ци (из *dci-?), обозначающего „два“, и основы *kīpt (из dkīpt, ср. δέκα), получившей окончание -i или ī, как в греческом (ср. лат. vīgīntī, авест. visaitī). Древнюю форму мы находим в дор., беот., фессал. γεικατί (Гортийское законодательство IV, 13 и др.; I. G. VII, 3193; IX, 2, 1014); εἰ в γεικατί (Гераклейские таблицы II, 55) объясняется влиянием аттич. εἴκοσι. В ионийско-аттическом, лесбосском и аркадском диалектах имеем εἴκοσι. Переход -t- в -s- фонетически закономерен [Ф. § 47]; огласовка σ обусловлена аналогией других числительных, обозначающих десятки; начальное εἰ восходит к εφι-, где ε в протетическом: за гомер. εἴκοσι скрывается древнее *εφικοσι. У Пиндара единственной формой является ион.-аттич. εἴκοσι; у Феокрита рукописи дают дор. εἴκατι (IV, 10; V, 86).

Остальные числительные, означающие десятки, образованы при помощи -κοута, формы множественного числа среднего рода от основы *dkomt. Отсюда τριάκοута (ион. τρίάκοута; относительно α см. § 7), τέτταράκοута (ион. и койнэ τεσσεράκοута), беот. πετταράκοута, дор. (Гераклейские таблицы I, 20) τετράκοута (ср. лат. quadrāginta). Следующие далее обозначения десятков образованы при помощи общегреческого расширения η: πεντήκοута, ἔξικοута,

έβδομήκοута и δύδομήκοута (откуда δύδομήκοута в ионийском диалекте [В 568; Геродот I, 163] и, возможно, в дорийском: Феокрит IV, 34); ἐνεγήκοута (Гомер, ион.-аттич. диалект) содержит неясное удвоение, но встречается также ἐνήκοута на Делосе (I. G. XI, 2, 199 В) и один раз у Гомера ἐνήκοута (τ 174).

§ 167. Обозначение сотен. Εκατόν представляет собой по происхождению имя среднего рода, ставшее несклоняемым (из *dkiptom; ср. лат. centum); έ, повидимому, появилось (в результате диссимиляции? или аналогического воздействия со стороны εῖς?) вместо ἀ- (ср. ἀπαξ и т. п.). Прочие обозначения сотен представляют собой произведенные от -κατον прилагательные на -τοι и склоняются. Древняя огласовка сохранена в дор. и беот. -κάτοι, аркад. -κάστοι; в ион.-аттич. -κόστοι огласовка о заимствована от обозначений десятков. Отсюда διάκατοι, ион. διάκόστοι (по аналогии с τριάκατοι вместо *διάκατοι?), τριάκατοι, ион. τριγάκατοι (τριά— по аналогии с τριάκοута), τετράκατοι, ἑπτακατοι, ἐνακατοι, ион. είνακατοι (из. *ευγα-; ср. ἔνατος, § 169); содержащееся в этих формах конечное α первого члена сложения было обобщено: πεντακατοι (но гомер. πεντηκατοι по аналогии с πεντήκοута), ἔξικατοι (но фессал. ἔξεικατοι; Suppl. epigr. II, 264), ὅκτακατοι, ἐνάκατοι.

§ 168. „Тысяча“ имеет в различных индоевропейских языках разные обозначения. Греческая форма восходит, повидимому, к *χεσλοι (ср. санскр. sahasram), откуда фессал., лесб. χέλλοι, ион., беот. χελμοι, аттич. χέλμοι (с ассимиляцией гласного?); χέλμοι засвидетельствовано также в рукописной традиции Гомера и Геродота.

При меч ани я: 1. Иногда обозначения сотен и тысяч употребляются в единственном числе с собирательным значением единственного числа существительного: ἵππος χιλη (Геродот V, 63), ἵππος διακοσία (Фукидид I, 62).

2. Μέριο, -α, -α (иногда употребляемое в единственном числе) имеет основное значение „бесчисленный“, в дальнейшем оно стало обозначать „десять тысяч“; первый пример τρίς μέριοι (Гесиод, Ор. et d. 252).

Числительные порядковые

§ 169. Порядковые числительные, всегда склоняющиеся, как правило, образуются от количественных. Некоторые из них содержат архаические черты, напри-

мер *έρδομος*, с неясной звонкостью согласных, образованное от основы *έπτά* посредством тематического гласного (дельфийские надписи Лабиадов D, 6 *ηερδομες*); то же и *όγδοος* (**ογδοος*), произведенное от *όκτω* (ср. лат. *octavus*). Прочие порядковые числительные образованы при помощи суффикса *-τος* (иногда *-ατος* или *-τατος*), который упоминался выше (§ 120) в качестве суффикса превосходной степени: *τρίτος* и гомер. *τρίτατος*, *τέταρτος* и гомер. *τέτρατος* (ср. *тетра-* в словосложении), лат. *quartus*; *πέμπτος*, ср. лат. *quintus* (из *квиптус*); *έκτος*, ср. лат. *sextus*; наряду с *έρδομος* и *όγδοος* — гомер. *έρδοματος* и *όγδεκατος*; *ένατος* (гомер. *ένιατος*) от основы *ευφα-* вместо *έννέα*, которую мы встречаем также в словосложении; *δέκατος* противостоит более древнему типу, представленному лат. *decimus*.

Первые два порядковых числительных образованы не от соответствующих им количественных. В значении „первого“ в греческом языке использованы производные от *πρό* „впереди“: ион.-аттич. *πρώτος* из **πρωτος*; дор., беот. *πράτος* (надписи, Эпихарм 88) восходит, возможно, к **ρήτος* [Ф. § 4]; с присоединенным к *-τος* суффиксом *-ιστος* — *πρώτιστος* (Гомер). Наконец, с тем же суффиксом *-то-*, что в лат. *prīmus*, мы находим *πρώμος* (Гомер, трагики) и, возможно, *πράμος* (Аристофан, *Thesm.* 50). Для выражения признака „первый из двух“ употребляется форма с суффиксом противопоставления **-τερο-* (§ 119): *πρώτερος*.

Порядковое числительное *δεύτερος* не связано этимологически с *δύο*, но должно быть сближено с глаголом *δεύομαι* „отставать в чем-либо“; ср. также *δέκατος* „последний“.

Порядковые числительные „одиннадцатый“ и „двенадцатый“ образованы от соответствующих количественных: *ένδεκατος*, *δωδέκατος*. Далее следуют числительные, состоящие из двух порядковых форм: *τρίτος καὶ δέκατος*, *τέταρτος καὶ δέκατος* и т. д.

От названий десятков образуются порядковые типа *τριάκοστος* и т. д. из **kont-tos*; так же и *είκοστος*, беот. *εἴκαστος* (I. G. VII, 3172, 109) от *εἴκαστι*. Это окончание *-οστος*, осмысленное как порядковый суффикс, прибавлялось и к названиям сотен: *διακοσιοστος* и т. д.; так же образовано и *χιλιοστος*.

Часть вторая

ГЛАГОЛ

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

§ 170. Индоевропейская глагольная система обладала своеобразной структурой. Она представляла собой не единое „спряжение“, а ряд самостоятельных глагольных основ; глагольные основы, принадлежащие к одному и тому же корню, существовали независимо друг от друга, не имея между собой определенных необходимых связей. Это состояние в значительной степени сохранилось и в греческом языке, особенно в языке Гомера. Но и в аттическом диалекте в таких случаях, как наст. вр. *πάσχω*, буд. вр. *πείσομαι*, аор. *ἔπαθον*, перф. *πέπονθα*, ни одна из форм не позволяет предугадать какую-либо из остальных, хотя все они и происходят от одного и того же корня.

§ 171. В других случаях отдельные корни по своему значению были по преимуществу пригодны для образования от них определенной временной основы — или настоящего времени, или аориста, или перфекта. В результате этого оказалось возможным использовать для различных временных основ с одним и тем же вещественным значением различные корни: для значения „видеть“ мы находим наст. вр. *οράω*, но буд. вр. *ὄφομαι* (ср. *όφαλος* „глаз“ и т. п.), аор. *εἶδον* (тот же корень, что в *οἶδα* „знать“ и в лат. *vidēre*); наконец, перфект производился, смотря по диалекту, то от корня наст.. вр. *έφραχα*, то от корня будущего времени, по иному типу, чем *έφραχα*, и притом различному для действительного и среднего залогов, *βπωτα* и *ἄμμα*.

Можно указать в греческом языке немало и других случаев „сущностивности“: *τρέχω* „я бегу“ и *έδραμον* „я побежал“, *έσθιω* „я ем“ и *έφραγον* „я съел“, *έρχομαι* „я иду“, но *εἰμι*, представляющее собой в сущности основу настоящего времени, *я пойду* и *ήλθον* „я пришел“.

Для одного и того же времени, настоящего, аориста и т. д., греческий язык иногда располагает несколькими параллельными основами с некоторым различием в оттенке значения. Древним аористом со значением „я сказал“ было *εἶπον*, гомер. *ἔειπον* (§ 198); в настоящем времени соответствующее действие обозначалось двумя основами: *ἀγορέω*, производное от *ἀγορά* „место собрания“, что означает собственно „выступать публично“, и *λέγω* с основным значением „перечислять“, почти совершенно чуждое Гомеру в значении „говорить“. Будущее время произошло от третьего корня (того же, что в лат. *verbum*): *ἐρῶ*. Этот же корень послужил и для образования перфектов — страдательного *εἴρημαι* и действительного *εἴρηκα*, а также страдательного аор. *ἐρρήθη*. От наст. вр. *λέγω* были произведены формы вторичного образования — буд. вр. *λέγω*, перф. буд. *λελέξομαι*, аор. *ἔλεξα*, страдательный аор. *ἔλέχθη* — с привходящим оттенком значения „излагать, рассказывать“. Другие примеры см. § 173.

Примечание. Новогреческий язык сохранил несколько случаев супплетивного спряжения: *βλέπω*, *εἴδα* „видеть“; *ἔρχουμαι*, *ἔρθω* „идти“; *λέω*, *είπα* „говорить“; *τρώω* (*τρώγω*), *ἔφαγα* „есть“.

§ 172. Тремя главными временными основами являются настоящее время (вариантом которого надо считать и будущее; ср. § 293), аорист и перфект. В этом отношении греческий язык архаичнее латинского, который знает только противопоставление инфекта и перфекта [Э. § 163]. Различие этих трех основ имело собственно не временной, а видовой характер: они выражали не столько время, в которое происходило действие (это выражалось дополнительными средствами, а именно, наличием или отсутствием приращения и формой личных окончаний), сколько характер самого процесса. Форма настоящего времени обозначает действие как длящийся процесс; аорист обозначает его в полном отвлечении от длительности; перфект, стоящий несколько особняком и постепенно утрачивающий в греческом языке свое первоначальное значение, а затем и вовсе исчезающий, обозначает состояние субъекта или объекта действия.

Если основа перфекта обладает своей особой структурой, то основы настоящего времени и аориста, по крайней мере для некоторых типов, имели сходное образова-

ние. Правда, *ἔλεπον* и *ἔληπον* противостоят друг другу, различаясь по огласовке корня, причем тип *ἔληπον* составляет норму именно для аориста *α*, с другой стороны, структура *ἔδεξα* характерна для аориста и ничего сходного с ней в настоящем времени не существует; однако ничего в структуре *ἔγραψον* не указывает, что это основа настоящего времени, а не аориста, как *ἔδρακον* „я взглянул“, или, наоборот, что *ἔγενόμην* — это аорист, а не имперфект, прошедшее время от основы настоящего, как *ἔτρεψόμην*. Наконец, имперф. *ἔρη* ничем не отличается по своей структуре от аор. *ἔτη*. Наиболее общее определение аориста, охватывающее действительно все случаи, состоит в том, что основа аориста дает в изъявительном наклонении только прошедшее время, а не настоящее и прошедшее, как основа настоящего времени. В противоположность этому перфект самой структурой и своими личными окончаниями выходит из рамок обычной нормы спряжения. Его втягивали в себя в ходе истории греческого языка, в двух противоположных направлениях, и система настоящего времени и система аориста: *ἔστη* „я стою“ или *οἶδα* „я знаю“ близки по значению к основам настоящего времени; напротив, *ἔφαρκα* „я погубил“ довольно близко к аористу и в определенных случаях играет роль своего рода экспрессивного аориста — „я погубил, и результат этого сохраняется“. Таким образом, перфекту суждено было исчезнуть. Правда, в новогреческом языке мы находим сложный перфект *ἔχω φέρει*, сходный по значению с французским сложным прошедшим *j'ai porté*, но в нем нет уже ничего общего с древним перфектом. В то же время новогреческий язык сохранил и развел противопоставление между настоящим временем и аористом, характеризующее всю его глагольную систему. Это противопоставление по виду отчетливее всего выступает в употреблении имперфекта и аориста в рассказе о прошлом: Ксенофонт (Hell. IV, 4, 1) *εἰρήγετέ πεθύμησαν καὶ συνιστάμενοι ἐδίδασκον ταῦτα ἀλλήλους* „у них явилось стремление к миру, и они, сходясь вместе, говорили об этом между собой“ (относительно собственного значения перфекта см. § 209).

§ 173. Важностью этого противопоставления по виду объясняются, как мы уже говорили, некоторые случаи

супплетивности, то есть объединения нескольких корней в общей системе спряжения (§ 171). Те корни, которым свойственно дуративное значение, оказываются наиболее пригодными для образования основы настоящего времени; другие, выражающие действие само по себе, безотносительно к дуративности, дают основы аористов. Так как корень **ed-* „есть“ выражает длиющееся действие, то различные индоевропейские языки для образования аориста использовали другие корни: в греческом языке наряду с гомер. ἔδευα и аттич. ἔσθιον находим ἔραγον. Дуративен по своему значению и корень **bher-* „нести“, почему аорист заимствуется от другого корня. Как в латинском языке *tetuli* и *tulī* объединены с *fētō*, так и в греческом существуют для фέρω аористы τηγευχον, τηγευχα, τηγευχα (относительно этих формср. § 184, 198); впрочем, новогреческий язык противопоставляет настоящему времени φέρω аорист ἔφερα. Так же объясняются ὄφάω/είδων, λέγω/είπον и др. (§ 171).

§ 174. Это противопоставление глагольных форм по виду, то есть по характеру протекания действия, определяет всю древнейшую структуру греческого глагола. Оно играет роль и внутри самой системы настоящего времени. Для одного и того же корня греческий язык в ряде случаев располагает при одном аористе несколькими основами настоящего времени. Одни из них выражают действие безотносительно к его цели, например φέρω „несу“, μέω „остаюсь“; другие, которым ряд исследователей, по примеру А. Мейе, дают название „определенных“, имеют в виду цель действия, например μίμω „ожидаюсь“. Таким образом, от одного и того же корня **tep-* древнейший греческий язык имел два настоящих времени, несколько различных по значению: μέω и μίμω; точно так же ἰσχω „сдерживаю“ наряду с ἔχω „держу“. Продуктивность этого различия довольно скоро была утрачена, но оно позволяет объяснить наличие таких пар, как μίμω и μέω, ἰσχω и ἔχω, ἐρέχω и ἐρέω, σμήνω и σμᾶ (σμάω), τρέχω и τρέω, φυτιύω и φύτυω, πλένω и πέμπλημι, ἀνύω и ἀνύω, αἴξαω и αἴξω. Даже в тех случаях, когда противопоставления двух различных основ настоящего времени нет, значение определенных суффиксов все же остается ощутимым: достижение цели действия имеется в виду в значении таких форм настоящего времени, как

τυγχάνω „достигаю“, ἀμαρτάνω „совершаю промах“, ἀμβλίσκω „рождаю преждевременно“ и т. п.

§ 175. Все эти черты свидетельствуют о наличии в языке гибкой системы, построенной на трех временных основах, главным образом на основах настоящего времени и аориста, поскольку перфект играет лишь вспомогательную роль¹. Тот или иной корень может по своему значению оказаться пригодным лишь для образования основы настоящего времени, но не основы аориста, и наоборот. Помимо того, в настоящем времени древнейший греческий язык иногда располагал двумя основами, представляющими действие в различных „видах“ (ср. μέω и μίμω и т. п.).

Таким образом, мы не находим здесь ничего соответствующего тому, что принято называть „спряжением“, то есть целостного ряда основ, из которых каждая выражала бы определенное „время“ или „вид“ действия и которые выводились бы одна из другой при помощи простых морфологических средств. Но это древнейшее состояние уже очень рано начало изменяться. Греческий язык установил определенную смысловую, а часто и формальную связь между различными унаследованными им от индоевропейского языка основами, так что для каждого глагольного корня возникла та стройная и законченная система, которая носит название спряжения. Для

1 Следует при этом иметь в виду, что само развитие настоящего времени, аориста и перфекта как определенных грамматических категорий теснейшим образом связано с развитием системы спряжения, в которую эти категории входят как взаимно обусловленные в своем содержании. До возникновения системы в целом значения составивших ее форм не имели того абстрактного характера, который присущ категориям как времени, так в не меньшей степени и вида в их полном развитии, а были значительно ближе к вещественному значению соответствующих глагольных основ. Сравнительно поздним по отношению к образующим их формам возникновением временно-видовых категорий греческого спряжения объясняется разнородность вошедших в них формальных элементов (ср. ниже), особенно типов основ настоящего времени и аориста. При этом остатки древнейших более конкретных значений тех или иных форм сохранены в ряде случаев с достаточной отчетливостью; таковы, например, формы настоящего времени с удвоением, о котором говорится в § 174, или сigmatические формы будущего времени, для которых в ряде случаев можно обнаружить следы первоначального дезидеративного значения.—Прим. перев.

ее создания язык мог использовать архаические элементы: *εἶδον* и *ἔπωτα* осознаются как аорист и перфект от. наст. вр. *έράω* совершенно так же, как *ἔρασιλευτα* и *βερασιλεύχα* служат правильно образованными аористом и перфектом от *βασιλεύω*; однако уже аттический диалект создал перф. *έβραχα*.

§ 176. Ощущение „корня“ и чередований огласовки, характеризующих различные основы, мало-помалу исчезло. В глаголе: *λείπω*, *λέιπου*, *λέλοιπα* мы находим один корень с чередованием огласовки *λείπ-*, *ληίπ-*, *λοιπ-*. Однако в историческую эпоху греческий язык уже не создает более новых форм по этому образцу и обнаруживает тенденцию к устранению унаследованных; существует, например, аор. *ἔλειψα* в койнэ и даже у Аристофана (отр. 965 К). Для афинянина классической эпохи, как мы уже указывали, формальная связь, сводящая к одному и тому же корню *πάσχω*, *πείσσωται*, *ἔπαθον*, *πέπουθα*, была утрачена. Если супплетивные глаголы *έράω*, *εἶδον* оказались устойчивыми, то все же общая тенденция языкового развития была направлена к установлению правильных парадигм: *βασιλεύω*, *βασιλεύσω*, *ἔρασιλευτα*, *βερασιλεύχα*. Легче всего позволяли провести это образование законченного ряда основ производные глаголы. В частности, отыменные, то есть производные от имен глаголы, которые в индоевропейском языке имели только основу настоящего времени, получили в греческом формы аориста, будущего времени и перфекта действительного, среднего и страдательного залогов. Они постепенно вытесняли древние первообразные глаголы. Гомер употребляет форму *ἔλπομαι* „надеюсь“, но аттический диалект — *ἔλπίζω*, производное от *ἔλπεις*; древний глагол *ἔρυμι* заменен глаголом *έρμαω*, производным от *ἔρμή*, и т. д.

§ 177. Спряжение, заключая в себе, как и именная флексия, различие трех чисел (тогда как различие родов глагольной системе, помимо причастий, чуждо), противопоставляет друг другу три лица, характеризующиеся различными окончаниями. Оно содержит, далее, три залога — действительный, средний, страдательный (§ 339). Оно располагает различными основами наклонений — изъявительного, повелительного, сослагательного

и желательного (именные формы — инфинитив и причастие — не принадлежат к спряжению в собственном смысле). Наконец, оно имеет четыре временные основы: основу настоящего времени (для настоящего времени и имперфекта), основу будущего времени (представляющую собой в сущности древнюю разновидность основ настоящего времени), основу аориста (с особой основой для аориста страдательного залога) и основу перфекта (с перфектным прошедшим и перфективным будущим).

Рассматривая эти глагольные формы, необходимо различать формы тематические, типа *λείπω*, *λείπομεν*, содержащие перед окончанием гласный *ε/ο*, и образования атематические, типа *εἰμί* (из **εσμί*), *ἔσμεν*, где окончания присоединяются непосредственно к корню; вместе с тем атематическая флексия характеризуется наличием чередования в огласовке корня в пределах форм, образуемых от одной и той же основы: 1-е л. ед. ч. *τίθημι*, но 1-е л. мн. ч. *τίθεμεν*. Атематическая флексия вообще постепенно вытеснялась тематической флексией. В новогреческом языке атематических глаголов больше нет.

Среди глагольных основ наибольшее разнообразие представляют основы настоящего времени. Часто обнаруживается, что основа настоящего времени имеет вторичный характер, будучи образована от основы аориста, и только для отыменных глаголов настоящее время составляет исходный пункт всей глагольной системы. Поэтому будет уместно начать изучение временных основ с аориста, который находится как бы в центре всего спряжения.

АОРИСТ

§ 178. Греческий язык использовал различные типы: аористов, существовавшие в индоевропейском языке аористы корневые атематические, аористы корневые тематические, аористы на **-s-*, аористы на **-ē-* (*-η-* и *-θη-*).

Аорист атематический

§ 179. Начиная с индоевропейской эпохи группа атематических аористов непрерывно сокращалась. Самая флексия этих аористов оказалась глубоко изменившейся уже в наиболее древних текстах, где сохранились только

следы чередования огласовки, противопоставляющего ступень в единственном числе действительного залога нулевой ступени во множественном и двойственном числе и в среднем залоге. Наконец, в действительном залоге только определенные типы корней допускали атематическое образование аориста: здесь всегда наблюдается долгий гласный перед окончанием как в случае „односложного“ корня (тип. *έστη*), так и в случае „двусложного“ (тип *έγκου*).

§ 180. Лучше всего сохранились из числа этих аористов следующие: 1) аористы, образованные от односложных корней, с остатками чередования: дор. *έβαν*, ион.-аттич. *έψη*, ср. санскр. *agām*, и со следами чередования в гомеровской форме дв. ч. *βάτη* (Л 327); *έψη* со следами чередования в гомеровском причастии *φθάμενος* (Е 119 и др.); без следов чередования дор. *έσταν*, ион.-аттич. *έστη* (ср. санскр. *asthām*); 2) двусложные корни: дор. *ἀύπταν* (Софокл, *Ant.* 1307), ион.-аттич. *έπτη*, но в среднем залоге, с нулевой ступенью, *έπτατο* от *πέτομαι*; без следов чередования дор. *έτλαν*, ион.-аттич. *έτλη*, ср. *τελαμών*, *έταλασσα*; *ἀπέδραν* (аттич.), ср. *ἀποιδέρασκω*; аттический инфинитив *ἀποσχῆμαι* „высохнуть“ (Аристофан, *Vesp.* 160), ср. *σχλόρβος*, *σχελετός*; гомер. *ἔυμβλήμεναι* „встретиться“ (Ф 578) — рядом с формой среднего залога *βλήτο* „он был ранен“, от корня *βάλλω*, *βέρληκα*, *βέλεμνον*; *έριων*, ср. *βίος* „жизнь“; *έρρων* (*Нушп. in Ar.* 127), ср. *βιρρώσκω* и *βάραθρον*; *έγων* от *γιγώσκω*. Аористы от двусложных корней, содержащие *έ* без чередования: *έψη* от *φύομαι* „расти“ (ср. лат. *fui*); *έδη* от *δύομαι* „погружаться“.

Примечание. У аористов на долгий гласный преобладает непереходное значение. Это вытекает из самого значения глагола для *έψη*, которому, однако, противостоит фактитивное *έψησαι*; показательными примерами являются: *έστη* (от *ἵστημαι*), *έψη* от *φύομαι*, *έδη* от *δύομαι*, *έσκη* от *σχέλλομαι*.

§ 181. С некоторыми аористами связаны особые проблемы. Три аориста содержат в единственном числе действительного залога расширение *-χ-*, вероятно, то же, что и в перфекте (§ 224): *έδωκα* от *δίδωμι*, *έθηκα* от *τίθημι* (ср. лат. *feci*), *ήρα* от *ἴημι* (ср. лат. *iēci*). В отличие от приведенных выше эти аористы сохранили как норму

чередование огласовки: *έθηκα*, *έθεμεν*, средний залог *έθέμην*; *ήρα*, *ήμεν* (из **ε-έμεν*), средний залог *είμην*; *έδωκα*, *έδομεν*, средний залог *έδημην*. Расширение *χ*, посредством которого устраивались односложные формы, наблюдается во всех диалектах (исключение — беот. 3-е л. ед. ч. *αυεδεῖ*; Швицер 472, В, 14). При этом основа на *χ* распространялась на множественное число и на средний залог в ионийском диалекте (уже у Гомера иногда встречается *έθηκαν*, *θήκατο*, *ήραν*, *έδωκαν* и один раз *έν-ήραμεν*, μ 401). Все эти формы, обычные у Геродота, появляются в аттических надписях начиная с 385 г. до н. э. и становятся в них постоянными начиная с 300 г., равно как и позднее, в койнэ папирусов, Нового завета и т. д. В позднюю эпоху (не ранее III в. до н. э.) для этих трех глаголов появляются сигматические аористы. Формы новогреческого языка — *έθεσα*, *έδοσα*, *άφησα*.

§ 182. Примечание. Некоторые формы представляют собой изолированные остатки атематического спряжения. От основы **χτά-* „отнимать“ мы находим атематический аорист — прич. *ἀπτόρας* (А 356 и др.), 3-е л. ед. ч. изъяв. накл. *ἀπτόρῳ* (где ο — долгое приращение [см. § 356 и сноска к § 185]; ср. Z 17 и др.) с эолийским конечным ο. Однако это ο было истолковано как результат слияния в имперфекте (тип. *έψαι*), в результате чего появилась форма 1-го л. ед. ч. *ἀπτόρῳ* (I 131). Формы повел. накл. *χλόθι* и *χλότε* (А 37, В 56 и др.), в которых долгое ο не вполне ясно (ср. *χλό:σ*), оказались включенными в ряд тематического аориста вторичного образования; сходным образом наряду с *έπτοι*, *τίθι* (Аристофан, *Vesp.* 1489) появились формы с другой огласовкой корня — лесб. *πῶ*, *πῶθι* (Алкей 105 D), ср. *πέτωκα*, лат. *pōtus*. Возможно, вторичными являются и другие аористы: от глагола *κτένω* „убивать“ существует древний аор. *κτάτο*, *κτάμενος* (Г 375 и др.) со страдательным значением формы среднего залога; от этого медиального аориста и были произведены формы действительного залога: гомер. инф. *κτάμεναι* (Е 301); 3-е л. мн. ч. изъяв. накл. *κτάται* (т 276); наконец, 3-е л. ед. ч. *έκτα* (О 432, λ 410), очевидно вторичное, с кратким α.

§ 183. Формы среднего залога (ср. выше *πτάτο*, *κτάτο*, *βλήτο*) представляют различные огласовки. Среди двусложных корней надо отличать у Гомера: *πλήττο* „наполнился“ (Р 499), ср. *πύπτλημι*, от *πλήττω* „приблизился“ (Ξ 438), ср. *πελάσσω*, и др. В *έπριατο*, служащем аористом к *φύεται* („покупать“), мы также имеем дело с двусложным корнем (ср. санскр. *kṛi* — „покупать“), но другой структуры.

Существуют атематические аористы среднего залога, образованные от односложных корней с нулевой ступенью

огласовки (ср. выше *κτάτο*, *κτάμενος*): *λύμην*, *λύτο* (δ 703 и др.) от *λύω*; *σύτο* и *ἔργυτο* (В 809 и др.) от *σεβόμαι*; *ἔρθιτο* (Σ 100), *φθίμενος* (θ 359) от *φθίνω*; *χύτο* (Н 544 и др.) от *χέω*.

Некоторые основы от корней, оканчивающихся на смычный или плавный, должны быть истолкованы как основы атематических аористов. При этом часто наблюдается (как и следует ожидать) нулевая степень согласовки: от *μίσγω* (§ 257) — *ἔμπτο* „смешался“ (А 354); от *ἄλλομαι* — *ἄλτο* „прыгнул“ (А 532), *ἐπάλμενος* (Н 260), где отсутствие придыхания указывает на эолийское происхождение этих форм; от *ἀραρίσκω* — *ἀρμενος* „приложенный“ (Σ 600). С обобщенной согласовкой о находим: *βρτο* „бросился“ (Е 590) от *βρυμε*; с согласовкой *ε*, которая представляется неожиданной: *κατέπτρκτο* „был воткнут“ (А 378); *ἔλεκτο* „улегся“ (И 565) от корня **legh-*, ср. *λέχος*; *γέγυτο* „взял“ (θ 43), ср. *γέμω*, и др. Все эти формы определяются как аористы лишь в силу отсутствия форм настоящего времени, образованных от соответствующих основ. *Δέκτο* „получал“ или „получил“ (В 420 и др.), с такой же формальной структурой, вероятно, и было первоначально формой от основы настоящего времени (§ 241).

П р и м е ч а н и я. 1. Большая часть этих средних аористов — архаизмы, после Гомера уже не засвидетельствованные; с *μέκτο* еще у Гомера конкурируют формы *ἔμπητη* и *ἔμπιθη*. Некоторые известны только как гlossenы: от корня **gʷʰneH₂* „ударять“ (ср. *πέφυον*) образован сохраненный у Гесиах аорист среднего залога *ἀπέφιτο* · *ἀπέθαυεν*. С другой стороны, в послегомеровской поэзии встречаются атематические аористы, представляющие собой, вероятно, искусственно образованные формы: от *γέγυμαται* — *ἔγεντο* (Гесиод, *Theog.* 705; Пиндар, *Pyth.* III, 87 и др.).

2. В койнэ корневой атематический аорист явно приходит в упадок: вместо *ἔβλω* появляется *ἔβρα*, вместо *ἔδου* — *ἔδρα*, вместо *ἔφυ* — *ἔφύη*.

§ 184. К атематическим аористам надо причислить корневые аористы, усвоившие тип флексии сигматических аористов и не содержащие чередования согласовки: *ἔχει* „я налил“, гомер. *ἔχεια*. *ε* является, повидимому, древним в 1-м лице единственного числа и в 3-м множественного: *ἔχει* из **έχει-п*, *ἔχεια* из **έχει-пт*. Этот тип аориста наблюдается у корней, оканчивающихся на *ε*: гомер. *ἔσσεια*

(ср. *σύτο*), гомер. *ἔχεια*, аттич. *ἔχεια*, ср. *χύτο*; гомер. *ἔκησ*, аттич. прич. *κέας* (Аристофан, *Rax* 1133). От корней, оканчивающихся на смычный: гомер. ион. *ἔνεικα* и *ἔνεικα*, лесб. *ἔνικα* (I. G. XII, 2, 15), служащее аористом для *φέρω*, ср. ион. аорист страдательного залога *ἔμιχθη* (Швицер 766 а). По аналогии с *ἔνεικα* аттический аор. *ἔνεγκον* (§ 198) получает обычную флексию *ἔνεγκα*, *ἔνεγκας* и т. д. (Софокл, Е1. 13 и др.). Другой тематический аорист *εῖπον* (§ 198) также имеет многочисленные параллельные формы типа *εῖπα*, *εῖπας* и т. д.; чаще всего из этих форм встречаются 2-е л. ед. ч. изъяв. накл. *εῖπας* и 2-е л. мн. ч. повел. накл. *εῖπατε* (уже в гомеровской вульгаре); в критском диалекте от этого глагола находим форму повел. накл. *προεπιτάτο* (Гортинское законодательство II, 28). В койнэ *εῖπα* продолжало развиваться. В новогреческом языке аорист от *λέω* (*λέγω*) имеет форму *εῖπα*.

П р и м е ч а н и е. В настоящее время в греческом языке все корневые аористы имеют эту флексию: *εἶδα* „я увидел“, *ῆρθα* „я пришел“, *ἔφαγα* „я съел“ и т. д.

Непереходные аористы на -τη, -θη

§ 185. К атематическим аористам следует отнести также и непереходные аористы с расширением **-έ/-ό-* без чередования. К этому типу принадлежит форма *ἔσλω¹* „я был взят в плен“ от *ἄλσκομαι*, хотя с греческой точки зрения она не отличается от *ἔγιων*. Точно так же, с согласовкой *ε*: *ἔσθη* „я был погашен“, рядом с *σφέννυμι* и *ἔσβεσσα*, очевидно, содержит элемент *έ*; однако в конечном итоге оно оказывается сходным с *ἔσχλη*, происходящим от двусложного корня.

Вместе с тем в греческом языке существует определенная группа аористов, где расширение *έ* обнаруживается со всей отчетливостью. Этот элемент *έ*, засвидетельствованный в славянских и балтийских языках и давший в латинском языке группу основ настоящего

¹ Из **ηγλωμ*: долгое *ε* в качестве слогообразующего приращения составляет особенность глагольных основ, начинавшихся с *ε* (см. § 356). Примерами этого, кроме приведенного в тексте, являются аттические формы имперф. *ἔσφω*, аор. *ἔσθη*; долгота второго гласного возникла в результате „перестановки количества“ после исчезновения *ε* (из **ηγλωμ*, **ηγλωμ*, **ηγλημ*). — *Прим. перев.*

времени со значением состояния, например *iacere*, *latere* и т. п. [Э. § 216], служил и в греческом языке для образования аористов, выражавших состояние. Эти аористы рано вошли в систему страдательного залога, хотя первоначально и не были по существу страдательными: ἐχάρηγ „я обрадовался“ соответствует наст. вр. *χαίρω* и перф. *χεχάρτκα*; ἐρρόγ „я потек“ служит у Гомера и в аттическом диалекте аористом к *ρέω*; ἐμάνηγ „я был охвачен безумием“ (ср. ст.-слав. *мынъхъ*) соответствует наст. вр. *μαίνομαι*. Не исключен даже и такой случай, когда подобная форма сопровождается винительным падежом прямого дополнения: ἐδάηγ „я узнал“ противостоит тематическому аор. *δέδων* „я научил“: *ψήγην εδάηγ* (Г 208); ἐδράχηг встречается в качестве дублета к *ἐδράχου* от *δέρχομαι* „видеть“: *δράχεντες εὐφρύναν* (Пиндар, Nem. VII, 4).

Что касается их морфологической структуры, то эти формы первоначально имели ударение на суффиксе (ср. именные формы *μανεῖς*, *μανῆναι*) и нулевую ступень огласовки корня. Кроме приведенных примеров, отметим: ἐτράψηг (*τρέψω*), ἐψθάρηг (*ψθείρω*), ἐδάρηг (*δέρω*); ἐπάγηг (*πήγυμι*); ἐρράгηг (*ρήγυμι*); ἐσάгηг (*σήπομαι*); ἐπλάгηг (*πλήσσω*), но также уже у Гомера, где эта форма обусловлена размером, ἐπλήгηг; возможно, ἐλίгηг от *λείπω* (II 507)¹; с чередованием *ī/ī*: ἐπιγήг от *πνίγω*, ἐτρίгηг от *τρίβω*.

§ 186. Собственное значение этих форм, как мы уже говорили выше, было непереходное: ἐφάнηг „я явился“ соответствует медиальному *φαίνομαι*, подобно тому как ἐφηг „я явил“ соответствует фактитивному *φαίω*. Там, где это определялось смыслом корня, аорист на *η* получил отчетливое страдательное значение: ἐτόπηг, ἐπλήгηг „я был ударен“. В древнейшую эпоху для выражения страдательности мог, правда, служить корневой или сигматический медиальный аорист: *βλῆтο* от *βάλλω* (Δ 518), *ἀπέκταтο* от *κτείνω* (О 437) и даже *ἐπέξαтο δι κρίσ* „баран был расчесан“ (Симонид 22 D) от *πέχω*. Однако среди этих форм большинство составляли архаические и малоупотребительные; формы же сигматического аориста были

¹ Чтение Аристарха 3-го л. мн. ч. *λίπεν*, вместо которого, однако, в современных изданиях принято чтение большинства рукописей и Зенодота *λίπον*. — Прим. перев.

мало пригодны для того, чтобы за ними сохранилось страдательное значение¹. В противоположность этому, аорист на *-ē-*, несмотря на свою активную флексию, широко использовался для выражения категории страдательного залога. Позднее эта форма стала продуктивной: ἐμίγηг „я смешался“, ἐάγηг „я был сломан“, ὑλλάгηг „я был изменен“ от *ὑλλάσσω*; ср. *ἀλλαγή*. С огласовкой *ε*: ἐθέρηг „я был согрет“ (ρ 23) от *θέρωμαι*; *συνελέгηг* „я был собран“ (Геродот VII, 173) от *λέγω*; *ἐκλίγηг* „я лег“ содержит нововой звук, заимствованный от формы наст. вр. *κλίνω* и появляющийся также в *ἐκλίγα* (ср. в противоположность этому *κέκλιμαι*).

§ 187. Аорист на *η* сохранился в употреблении еще в койнэ (§ 191). Однако суффикс *η* представлял то неудобство, что присоединение его к корневому элементу, оканчивающемуся на гласный звук, вызывало затруднения. Это неудобство было устранено заменой суффикса *-η-* суффиксом *-θη-*. Происхождение этого последнего суффикса неизвестно. Он появляется уже в древнейших греческих текстах. Однако, хотя у Гомера число примеров его употребления и довольно велико, все же многое свидетельствует о том, что форма на *-θη-* не является древней; от атематических глаголов *ἴημι*, *τίθημι*, *δίδωμι*, *ἱστημι* формы аористов на *-θη-* засвидетельствованы у Гомера лишь по одному или два раза, и притом в местах, имеющих, возможно, „позднее“ происхождение: *παρείθη* (Ψ 868), *ἀμφιτεθεῖσα* (К 271), *δοθείη* (β 78), *ἐστάθη* (λ 243, ρ 463). Некоторые аористы на *-θη-* засвидетельствованы только в Одиссее, но не в Илиаде, например *κορέσθη* (δ 541), *ἐθέλχθη* (κ 326).

§ 188. Этот тип страдательного аориста возник в ходе развития, протекавшего в период между индоевропейской эпохой и временем создания древнейших греческих текстов. Поэтому мы лишены возможности проследить его

¹ Едва ли правильно усматривать в тех или иных специфических чертах форм сигматического аориста основание считать их „малопригодными“, чтобы получить страдательное значение; дело сводится к тому, что язык выработал специальную форму, которая могла быть противопоставлена как страдательная медиальному значению этих форм. — Прим. перев.

оформление. Были выдвинуты два возможных отправных пункта для развития аориста на -θην: 1) предположительная форма 2-го л. ед. ч. среднего залога на -θης, соответствующая санскритской форме на *thaḥ*. Под влиянием ἐμίχθη, ἐμίχ-то могло быть заменено формой ἐμίχθη, что и повело далее к созданию всей флексии этого типа; 2) можно предположить также связь его с суффиксом *dh-e/o, обнаруживаемым в аористах на -θου; в этом случае ἐσθέθη так же относилось бы к ἐσχεθοу, как ἐτράφη к ἐτραφοу. Как то, так и другое объяснение недоказуемы. В пользу существования аористического суффикса *-dh-, вступившего в соединение с элементом ё, можно указать то, что форма на -θηн более отчетливо выражает означаемое глагольным корнем действие как таковое, чем форма на -ηн, и что ей в большей мере свойственно чисто страдательное значение: ἐστάθη противополагается корневому аор. ἐστη „я стал“ значением „я остановился, я был остановлен“, например πορφύρεον δ' ἄρα κῦμα περιστάθη (λ. 243) „волниение остановилось вокруг“. Комментаторы усматривают у Платона различие между ἐμίγη, выражавшим по преимуществу состояние смешанных веществ, и ἐμίχθη, выражавшим самый процесс смешивания.

§ 189. Аорист на -θηн был причастен ко всей области употребления аориста на -ηн и первоначально выражал состояние, конкурируя, таким образом, с медиальным аористом: гомер. νεμεσούθη „вознегодовал“, φριπήθη „бросился“, аттич. ἐδυνήθη „смог“, ион. ἀπεκρίθη „ответил“ вместо аттич. ἀπεκρίνατο. Не исключена и конструкция с винительным падежом: αἰδεσθεὶς ἐντῆν (Δ 402) „устыдившись попреков“; наряду с ἐπούήσατο „сработал“ существует и ἐπούήθη: коркир. τοδε σάμα κασιγνετοι πονέθε „сделал этот памятник своего брата“ (Швицер 133; ср. Архилог 10 D). Однако эти случаи редки, и аорист на -θηн развивался в направлении собственно страдательного значения.

§ 190. Аорист на -θηн уже вполне усвоен гомеровским языком, являясь нормальным типом для всех спряжений нового образования: ἐλόθη конкурирует у Гомера с атматическим λόμη; те же формы образуются в ионийском и аттическом диалектах от отмыенных глаголов: ἐφιλίθη

от φιλέω, ἐτιμήθη от τιμάω, ἐδηλώθη от δηλώω, ἐτελέσθη от τελέω¹, ἐνομίσθη от νομίζω и т. д. Новые аористы сохраняют огласовку настоящего времени: гомер. ἐπλέχθη, ἐστρέψθη от πλέχω, στρέψω; ион. -аттич. ἐκλέψθη от κλέπτω, ἐλείψθη от λείπω, тогда как более древние образования содержат нульевую ступень: ἐχέθη от χέω, ἐσχέθη от ἔχω, ἐστάθη от ἐστη и т. д. У двусложных корней обычно наблюдается та же ступень огласовки, что в перфекте и в прилагательном на -τος: дор. ἐδράθη, ион.-аттич. ἐδμήθη от δάμνημ, ср. δέδμημαι; ἐκράθη, ср. κέκραμαι (*κεράνυμι*); ἐπράθη, ср. πέπραμαι (*πέρνυμι*). У некоторых глаголов основа страдательного аориста содержит элементы, заимствованные от основы настоящего времени, и это расширение наблюдается во всем спряжении: ἐψάνθη, ср. φαίνω, ἐργα, гомер. ἐκλίνθη, ср. κλίνω, ἐκλίνα, но также ἐκλίθη и κέκλιμαι. Иногда также наблюдается и распространение неэтиологического σ (§ 367): ἐτανόσθη от τάνυμαι; ср. ἐτάνυσαι и τετάνυσμαι.

§ 191. Суффиксы -η- и -θη- оказались конкурирующими, и нередки случаи, когда обе формы засвидетельствованы для одного и того же глагола: ἡγγέλη (Еврипид, Iph. Taur. 392; I. G. I², 76) и ἡγγέλθη; ἡξαλίψην и -αλείψθη (следует заметить различие в огласовке); ἡλλάγη и ἡλλάχθη; ἐβλάβη и ἐβλάφθη; ἐδάμην и ἐδμήθη; ἐδράχη и ἐδέρχθη (с различием в огласовке); ἐτάψη (аттич.) и ἐθάψθη (Геродот II, 81, без диссимиляции придыхания); ἐκάγη и ἐκαύθη; ἐκλάπη (Фукидид VII, 85) и ἐκλέψθη (Геродот V, 84; с различием в огласовке); ἐκλίνη и ἐκλίθη или ἐκλίνθη (единственные гомеровские формы); ἐκρύψη (Софокл, Ai. 1145) и ἐκρύψθη; συνελέγηн и συнелέгθη (с огласовкой е в обоих случаях); ἐμίγη и ἐμίχθη; ἐπάγη и, с долгой огласовкой, ἐπίγχθη; ἐπλάχη (Платон, Tim. 83 d) и ἐπλέθη (Tim. 80 c) с различием в огласовке; ἐπλάγη, ἐплάγη и ἐπλήχθη (Еврипид, Tr. 183); ἐρρίψη (Платон, Phil. 16 c) и ἐρρίψθη (Leg. 944 d); ἐστέρη (Еврипид, Нес. 623) и ἐστερήθη; ἐστράψη, ἐστράψθη (Геродот I, 130) и ἐστρέψθη (Гомер, Платон, Polit. 273 e) с огласовкой е; ἐσφάγη и ἐσφάχθη; у самого Гомера существуют рядом ἐτάρπη, ἐτάρψθη и ἐτέρψθη (с огласовкой е)

¹ Из *τελεσίω (ср. § 281 и 367). — Прим. перев.

от *τέρπομαι*; *ἐτράπην*, *ἐτράφθην* (о 80; Геродот IX, 56), аттич. *ἐτρέφθην* (с огласовкой е) от *τρέπω*; *ἐτράφην* и *ἐθρέφθην* (Платон, Polit. 310 а) с огласовкой е и без диссимилияции придыхания, от *τρέψω*; *ἐτρίβην* и *ἐτρίφθην*; *ἐφάγην* и *ἐφάνθην*, причем только последняя форма в прозе имеет ясно выраженное страдательное значение (ср. Демосфен V, 9); *ἔψυχην* и *ἐφύγθην*.

§ 192. Как мы видели, аористы на -θη имели вообще более позднее происхождение по сравнению с аористами на -ην. Некоторые формы на -θη были образованы в койнэ, например *ἐπιχθῆν* (Аретей). Наиболее важная из них — *ἐγενήθην* вместо *ἐγένεμην*; она появляется в конце IV в. в аттических надписях, в ионийском (I. G. XII, 8, 262) и дорийском (Эпихарм 209) диалектах и употребительна в языке Нового завета наряду с *ἐγένετο*. Однако аорист на -η также обнаруживает устойчивость, особенно в ионийском диалекте и в койнэ: *ἐφράχην* (Гиппократ, Mil. I, 80) и *ἐφρέχην* (Гиссенские папирусы, 160^в, 12) от *φρέχω*; *ταγῆναι* (Диодор Сицилийский IV, 19; папирусы) вместо *ταχθῆναι*; *ἡγιάγην* от *ἀνοίγω* (Марк VII, 35); заслуживает внимания *ἔφην* вместо *ἔφην* (Гиппократ VI, 182 [Литтре]; Лука VIII, 7 и др.); следует также отметить распространение характерной для аориста на -η звонкости согласного: *φρέγην* (Матфей XXIV, 43) от *φρέσσω*; вместо древнего аор. *ἔφύγην* встречается *ἐφύγην* (Аристотель, Probl. IX, 54, 4); вместо *ἐκρόφην* — *ἐκρόβην* (Матфей V, 14).

П р и м е ч а н и я: 1. Страдательные аористы на -η и -θη продолжают существовать в новогреческом языке в форме -ηна и -θηна: *κάπη* от *καίω*, *φέρθη* от *φέρω* „нести“.

2. В дорийских говорах засвидетельствовано несколько переходных аористов на -ῆ: лаконск. *ἀπεσσῆ* (= *ἀπέσσυτο*) „отошел“ (Ксенофонт, Hell. I, 1, 23), *ἔσερρῆ* (Эпидавр, Швицер 109, 3) от глагола *ρέω* как эквивалент ион.-аттич. *ἔρρη*, и др.

Аорист тематический

§ 193. Тематические аористы, характеризующиеся наличием тематического гласного е/о перед окончанием, нулевой ступенью огласовки корня и ударением на тематическом гласном, составляют древний индоевропейский тип. В греческом языке этот тип относительно хорошо сохранился, но в системе греческого глагола ударение

осталось на прежнем месте только в именных формах *λιπεῖν*, *λιπώ* и в нескольких случаях в повелительном наклонении; *ἔλπον*, как и *λιπεῖν*, отчетливо противостояло настоящему времени *λείπω* и перфекту *λέλοιπα*.

§ 194. Архаические аористы с нулевой ступенью обычны у Гомера: *ἄδε*, *εἴσαδε*¹ (*ἀνδάνω* „нравиться“); *ἄρετο* (*ἀρνιμαι* „приобретать“); *δίε* (*δείδω*, *ἔδεισα* „бояться“); *ἔδραχε* (*δέρκομαι* „видеть“); *τρίκε* (*ἐρείκω* „ломать“); *ὑρίπε* (*ἐρείπω* „рушить“); *ἔγρετο* (*ἐγείρω* „будить“); *κτύπε* (*κτυπέω* „ударять“); *κύδε* (*γιδέω* 16 от *κεύθω* „скрывать“; ср. *κέκυδε*, § 198); *λάχε* (*λάζκω* и *ληχέω* „кричать“); *ἔπλετο* (*πέλομαι* „находиться, быть“); *ἔπραθε* (*πέρθω* „разрушать“, другой аорист *ἔπερσα*); *ἔτιχε* (*στείχω* „шествовать“); *ἔτυγον* (*στυγέω* „ненавидеть“); *τάρπετο* (*τέρπομαι* „наслаждаться“), *ἔτραπε* (*τρέπω* „обращать“, другой аорист *ἔτρεφα*); *ἔτραφε* (*τρέφω*, *ἔθρεφα* „питать“); *ἔδασε* (*δαῦδανω* „вмещать“). Часто эти архаические формы бывают засвидетельствованы только в нескольких местах у Гомера, а затем они исчезают. Одна изолированная форма сохранена также у Пиндара: *δραπῶ* (Pyth. IV, 130) от *δρέπω* „срывать“.

Некоторые аористы этого типа, обычно засвидетельствованные у Гомера, сохранились в ионийско-аттическом диалекте: *ἔμαρτου* (эол. гомер. *ἔμβροτον*) от *ἀμαρτάνω* „ошибаться“; *ἔδαχον* от *δάχω* „кусать“; *κατέδραδον* от *καταδαρθάνω* „засыпать“; *ἔδραμον* — супплетивный аорист к *τρέχω* „бежать“; *σπέζαι*, *σπέμενος* от *ἔπομαι* „следовать“ (ср. *ἔσπομη*, § 198); *ὕριγε* от *ἔρυγγάνω* „изрыгать“; *εἴδον*, *ἰδεῖν* — супплетивный аорист к *όράω* „видеть“, ср. *οἶδα*; *ἔλαφον* от *λαυράνω* „брать“; *ἔλαθον* от *λαυθάνω* „быть скрытым“; *ἔλαχον* от *λαγχάνω* „получать по жребию“; *ἔμτον* от *λείπω* „оставлять“; *ἔδαθον* от *μαυθάνω* „учиться“; *ἔπιθόμητο* от *πείθομαι* „быть убеждаемым, повиноваться“; *ἔποθμήτο* от *πουθάνομαι* или *πεύθομαι* „получать сведения“; *ἔπταρον* от *πτάργομαι* „чихать“; *ἔλχον* от *ἔλω* „иметь, держать“ (корень *seg̚h-, с нулевой ступенью огласовки *sg̚h-); *ἔτυχον* от *τυγχάνω* „падать в цель, получать в удел“; *ἔφυγον* от *φεύγω* „убегать“; *ἔραγον* — супплетивный аорист к *ἔσδιω* „есть“. *Ἐγίγνον* от *θιγγάνω* „трогать“ существует в аттическом диалекте, но не встречается у Гомера.

¹ Вместо **έππαδε* < **έσπαδε* [ср. Ф. § 68]. — Прим. перев.

Эти архаические аористы иногда обладают в отличие от других основ непереходным и внезалоговым значением: ἤριτε, ἤρικε, ἤτραφε. В некоторых случаях они, очевидно, служили отправным пунктом для образования основы настоящего времени; так, ηττιπέω, στιγέω явно происходят от аориста; равным образом и ряд основ настоящего времени на -άω: ἄμαρτάω, δαρδάω, λαμβάνω (§ 255).

Некоторые аористы образованы от двусложных корней: ἔκαμον (κάμινο „установить“, κάματος); ἔβαλον (βάλλω, βέβληκα „бросать“); гомер. и др. ἔταμον (τάμινο, τέτμηκα „разрезать“), но в аттическом диалекте новая форма ἔτεμον (ср. τέμιω); ἔθαυον (θυγίσκω „умирать“, θάυατος). Эти корни могли иметь и атематический аорист (ср. βλῆτο), и возможно, что тематический аорист ἔβαλον происходит от формы 3-го л. мн. ч. ἔβαλον (с нулевой ступенью огласовки и окончанием *-οντ; § 352). Для других корней представляется возможным или вероятным, что тематический аорист занял место существовавшего ранее атематического аориста: ἔκταυον (ср. ἔκτατο); ἔκλιον (ср. κλῖθι); ἔπιον (ср. πῆθι).

§ 195. Некоторые древние аористы содержат огласовку *ο*, соответствующую огласовке *ω* других временных основ: ἔπολον „я пришел“ (βλώσκω); ἔπορον „я доставил“ (πέπρωται „суждено“); ἔθορον (θρόσκω „прыгать“); ὠλέμητη, ὀλέσθαι „погибнуть“ не имеет соответствия с какой-либо основой, содержащей огласовку *ω*; ὄφλον, ὄφλετη „задолжать“ связывается с ὄφλισκάω.

Приведем несколько аористов с огласовкой *ε*. Эти основы могли служить аористами только в тех случаях, когда существовала особо охарактеризованная основа настоящего времени: ἔγενύμην от γίγυμαι (двусложный корень; ср. γένεσις и т. п.); ἔπεσον от πίπτω „падать“ (двусложный корень; ср. πέπτωжа); общегреческая форма ἔπετον (Пиндар, ОI. VII, 69; Алкей 68 D), аттич. ἔπεσον неясно (влияние πεσέμαι?); ἔθενον „я ударил“ (θείω, ἔπεψον, ἔθενα)¹; ηρού (εύρισκω „находить“); εἵλον (супплетивный аорист к αἴρω „брать“); ὄφελον (φείλω „быть обязанным“). Относительно ηλθον, ἀπηχθόμην см. § 265.

¹ С различными отражениями начального лабиовелярного звука корня в положении перед *ε* и перед *α* или согласным; ср. русск. гнать [Ф. § 5]. — Прим. перев.

По мере утраты семантической функции чередования гласных возникала возможность использовать в качестве аористов основы с огласовкой *ε*. С другой стороны, основы с нулевой ступенью огласовки стали получать значение настоящего времени (§ 246). Иногда мы имеем возможность наблюдать это развитие в ходе истории греческого языка. Так, от аор. ἔκλιον „я услышал“ было образовано наст. вр. κλίω (Гесиод, Op. et d. 726 и др.); κιέ „он пошел“ — древний аорист (прич. κιών), но Эсхил (Ch. 680) употребляет форму наст. вр. κιεῖς; λιτόμην „я умолил“ у Гомера служит аористом (наст. вр. λιτόμοι), но существует и наст. вр. λιτόμαι (Нутт. in Ascl. 5; Аристофан, Thesm. 313).

§ 196. Как видим, система тематического аориста в целом расщатывалась. В единичных случаях мы находим в койнэ новые образования, как ἔγγειλον (Аппиан, Bell. Civ. I, 121; Anth. Pal. VII, 614), но чаще всего тематические аористы заменялись аористами на *-σα*. В новогреческом языке в тех случаях, когда корневой аорист сохранился, он перешел к типу εἴπα. Уже в койнэ находим ἔπεσσα, εύρα (§ 184, прим.).

§ 197. В греческом языке, как и в санскрите, существовали тематические аористы с удвоением — тип, имеющий параллель в основах настоящего времени с удвоением (§ 247). Для греческого языка этот тип является уже только пережитком, и большинство относящихся сюда форм засвидетельствовано лишь у Гомера. Некоторые из этих аористов происходят от корней, начинающихся с гласного, и удвоение состоит в повторении перед корнем этого гласного со следующим за ним согласным: ἄφαρεψη „приладить“ представляет собой древнее образование (арм. agar), ср. ἄφαρίσκω; другой пример: ὄφροε „возбудил“, ср. ὄφτο, ὄφυμι. Среди образований от корней, оканчивающихся на смычный, мы находим несколько экспрессивных глаголов, как ἥκαχε „огорчил“, ἥταφε „обманул“; от этих аористов были образованы основы наст. вр. ἀκαχίζω и ἀταφίσκω; настоящему времени ἔνεγίπε и ἔγγίπε, структура которых подчеркивает их экспрессивный характер. Тот же тип

удвоения наблюдается в составляющем аттическую норму аористе *ἄγαγον*, *ἀγαγεῖν* от *ἄγω*.

§ 198. Аористы, образованные от корней с согласным звуком в начале, характеризуются огласовкой е в удвоении и нулевой ступенью огласовки корня: *δέδαε* „научил“ (ср. *διδάσκω* и *ἔδαην*; § 185); *ἐκέχελετο* „обратился с поощрением“ (*κέλομαι*); *κεκύθωσι* от *κεύθω* „скрывать в себе“; *λελάχωσι* от *λαγχάω* „получать в удел“ (но со значением „давать в удел“ в отличие от аориста без удвоения *ἔλαχον*); *λέλαθον* „заставить забыть“ (с отличием в значении от аориста без удвоения *ἔλαθον*); *ἀπτεπαλώ* „размахнувшись“; *πεπιθών*, *πεπίθευν* „убедить“; *πεπόθοτο* „получить сведения“; *τεταγών* „ухватив“ (А 591, О 23) без соответствующей основы настоящего времени (ср. лат. *tetigī?*); *τετάρπετο* (Т 19) от *τέρπομαι* „наслаждаться“; *πεφιέσθαι* (Ф 101) от *φείδομαι* „щадить“; *ἔπεφυον* „убить“ (Г 281), древний аорист от корня **għi-ep-* „ударять“, ср. *φόνος* (другие аористы от этого корня: *ἔλευον*, *ἔλευα*, наст. вр. *θείω*, перф. страдат. залога *πέφαται*; ср. § 195); *πέφραδον* (К 127) от *φράξω* „указывать“; *κεχάροτο* от *χαίρω* „радоваться“ наряду с *ἔχάρτη*.

Эти архаические аористы обнаруживают склонность к фактитивному значению: *δέδαε*, *λέλαθον*, *λέλαχον*, *πεπιθεῖν*. Все они рано исчезли. В аттическом диалекте мы находим *πεπάγονε* от корня глагола *πάγωμι* (Евполид 435 К) — явление, совершенно изолированное. Глагол *ἔπομαι* (корень **sekh²*) имел аорист с удвоением *ἔπόμην*, *ἔπέσθαι*, от основы **se-sk²-e-* (Л 472; Пиндар, ОI. VI, 72; Платон, Polit. 280 б), но эта основа все более и более вытеснялась формой *σπέσθαι* (§ 194). Единственными действительно живыми формами в аттическом диалекте остаются *εἰπεῖν* (корень **ceik²-*, ср. *ἔπος*: **це-цк²-*, которое в результате диссимиляции дало **цеик²-*, откуда (*f*) *εἰπεῖν*, и *ἐνεγκεῖν*, супплетивный аорист к *φέρω*, образованный от корня **enepk-* (ср. *δουργηκές*, К 357). Относительно *εἴπα* и *ἔνεγκα* см. § 184.

Аорист сигматический

§ 199. Сигматический аорист представляет собой древний индоевропейский атематический тип с чередованием огласовки. Санскритский язык дает нам понятие о весьма

архаичной структуре этой основы. Действительный залог содержит здесь во всех лицах и во всех наклонениях долгую ступень, что представляет необычную черту: *avākṣam* „я повез на колеснице“, ср. лат. *vēxī*. Наоборот, средний залог содержит нулевую ступень: *adikṣi*, тогда как в греческом языке находим *ἔδειξάμην*. Латинский язык в своемperfekte сохранил формы этого типа, содержащие обычно долгую ступень (ср. *vēxī*, *traxī*). Возможно, что и греч. *ἔδειξα* восходит к древней форме (в санскритском языке от этого корня также употребительна сигматическая форма) и что *δεῖξ-* явилось результатом фонетического развития **deiks-*. Но греческий язык никогда не противопоставляет по огласовке действительный залог среднему; помимо того, аорист содержит здесь, как правило, ту же огласовку, что и настоящее время: в одних случаях аорист получил огласовку настоящего времени, например *ἔγραфа* — огласовку *γράψω*, в других — настоящее время, очевидно, было оформлено под влиянием аориста, например *δείχνωμι* при *ἔδειξα*, *μείγωμι* при *ἔμειξα*. Двусложные корни обычно имеют в сигматическом аористе двусложную форму: *ἐκέρασα*, *ῆμεσα*, ср. *κεράννωμι*, *ἔμει* и т. п. Но наряду с *ἔστρεσα*, откуда *στρέψωμι*, существует и форма *ἔστρωσα*, откуда *στρώγγυμι*. Изолированное положение занимает аор. *ἔταλασα*; ср. *ἔτλην*.

§ 200. С другой стороны, флексия этого аориста была первоначально атематической: в санскритском языке 3-е лицо, соответствующее 1-му л. *avākṣam*, имеет форму *avāt* (из **avākṣt*). В греческом языке об атематическом характере этого аориста свидетельствуют формы сослагательного наклонения с кратким гласным (§ 304). Но в изъявительном наклонении присоединение личных окончаний к основе вело к глубоким изменениям. В 3-м лице ед. ч. действительного залога **δεῖχτ* должно было дать **δεῖξ* [Ф. § 24]: не опираясь в системе спряжения ни на какую другую форму, эта форма совпадала бы к тому же с формой 2-го лица (**δεῖξ* из **δεῖχτς*). В среднем залоге 3-е л. ед. ч. **δεῖχτο* приводило к **δεῖχθο* [Ф. § 62], что также стояло бы вне всякой системы. В 1-м лице ед. ч. действительного залога конечное с основы аориста в соединении со вторичным окончанием *η* (§ 340, 341) давало *-σα*. В 3-м лице мн. ч. окончание **s-ητ* также переходило в **σα*; для боль-

шей ясности к этому окончанию было прибавлено *υ*, заимствованное от типа *ἔφερον*, *ἔλιπον*. Наконец, в причастии **-σητ-* давало **-σατ-*, но **-σατ-* было изменено в *-σατ-* для придания большей ясности суффиксу причастия (ср. *φερούτ-* и т. п.). Эти формы на *-σα*, *-σαν*, *-σατ-* создавали впечатление, что основа сигматического аориста оканчивается на *α*. По образцу *ἔδειξα*, *ἔδειξαν* были вторично образованы остальные формы флексии: *ἔδειξας*, *ἔδειξαμεν*, *ἔδειξατε*¹. В 3-м лице единственного числа возникало затруднение: **ἔδειξατ* должно было бы дать **ἔδειξα*. Под влиянием перфекта, где 1-му лицу на *-α* соответствует 3-е лицо на *-ε*, возникла форма *ἔδειξε*. В результате вместо древнего атематического аориста с чередованием появилась основа на *-σα*, вполне ясная и дающая легко образуемые формы.

§ 201. Однако аорист на *-σα* не мог бы оказаться устойчивым, если бы аналогия не удержала характеризующее его *σ* там, где оно подвергалось изменениям. После смычного *σ* сохранялось: *ἔδειξα*, *ἔτριψα*, *ἔσχισσα*, рано упростившееся в *ἔσχισα* (*σχιδ-*); так же после *σ*: *ἔτέλεσσα*, в дальнейшем *ἔτέλεса* (ср. *τέλος*), *εῦσα* от *εῦω*² (корень **eis-*; ср. лат. *igō*, *ussi*). По аналогии сохранялось *σ* и между гласными, как в тех формах, которые, по всей вероятности, являются древними, например *ἔτεισα* от *τίγω*, так, тем более, и в формах позднейшего происхождения, как, например, *ἔτιμησα*, *ἔφιλησα*, *ἔδήλωσα*, *ἔρασιλευσα*, поскольку выпадение интервокального *σ* предшествовало эпохе образования этих аористов от отыменных глаголов.

П р и м е ч а н и я: 1. В тех пелопоннесских говорах, где *σ* вторичного происхождения в свою очередь также перешло в *η*, аналогия не сохранила *σ* в аористе: лаконск. *εὐχῆσθε* (Швицер 12), *επισῆσθε* (Швицер 14) и т. д.

2. Для корней, оканчивающихся на *σ* или на переднеязычный звук, общегреческий язык должен был допускать в аористе две формы: *ἔτέλεσσα* и *ἔτέλεσα*, *ἔσχισσα* и *ἔσχισα*, причем эти дублеты наблюдаются в различных диалектах (но не в ионийско-аттическом). В эолийском диалекте и у Гомера это чередование, имевшее значение для ритма, было распространено и на основы, оканчивающиеся на краткий гласный, обычно от двусложных корней: *ἡλέσσα* и *ἡλέσα*; *δέσσα* и *δέσσα*; *δάμησσα* и *δάμησα* (Гомер и лесбосский диалект; Швицер 623, 47).

¹ С формантом желат. накл. *δείξαντι*, повел. накл. 3-е л. ед. ч. *δείξάτω*, но 2-е л. ед. ч. *δείξου*.

² Относительно происхождения придыхания в *εῦω* см. Ф. § 61.

и *κάλεσσα* (Гомер, Алкей 99 D); *φισσα* (Гомер; фессалийский диалект; Швицер 614, 25) и *φρεσσα* (Гомер; лесбосский диалект; Швицер 632, А, 16). В атическом и ионийском диалектах двойной согласный не встречается [Ф. § 64].

§ 202. Единственные основы, где произошло фонетическое исчезновение *σ* — это основы на *υ* и *μ*, а в некоторых диалектах, в том числе в ионийско-аттическом, — на *ρ* и на *λ* [Ф. § 80]: ион.-аттич. *ἔφηρα* (из **εφαυσα*), *ἔτειρα* (из **έτειμα*), *ἔνεμρα* (из **ενεμσα*). Отдельные диалекты обнаруживают закономерную фонетическую трактовку: дор. *ἔρανα*, лесб. *ἔκρινα*, фессал. *ἔμενα*. У аористов, восходящих к общегреч. *-λσα* и *-ρσα*, в ионийско-аттическом диалекте наблюдается выпадение *σ* с заменительным удлинением: *ἔρθειρα*, *ἔτειλα*, *ἔγγειλα*. Соответственным образом: крит. *ἀποστηλαυσας* (Коллиц 5101, 25), *τραυτας* (Коллиц 5015, 8); лесб. *ἐπαγγελάμευον* (I. G. XII, 2, 526 а), *ἀέρρατε* (Сапфо 123 D). Повидимому, однако, древнейшая трактовка состояла в сохранении *-λσ-* и *-ρσ-*. Эта трактовка хорошо засвидетельствована у Гомера, особенно для тех аористов, которых нет в атическом диалекте: *ἔπηρσε* от *ἀραρίσκω* (Ξ 167), *φρεσε* (Α 10) от *φρυνι*; *ἔκυρσε* (Ν 145) от *χόρω*; *ἀπόρεσε* (Ζ 348), по происхождению связанное с *ἀπτύρα*; сослагат. накл. *φρεσω* (σ 21) от *φρω*; от *κείρω* гомеровская вульгата дает и *ἔκερσε* (Ν 546) и *κατέκειρα* (Φ 356); *κέλσαι* (κ 511) от *κέλλω*; *ἔλσαι* (Α 409) при наст. вр. *εἰλέμευος*.

Формы этого типа, встречающиеся в ионийском диалекте и в атической поэзии, объясняются влиянием Гомера: *κέλσαι* (Эсхил, Suppl. 16); *κεράμευος* (Эсхил, Pers. 952); *ἔνέκυρσε* (Геродот IV, 125); следует отметить *ἔφερεσε* от *φειρω* (Ликофон 1402). Та же трактовка наблюдается и в будущем времени (§ 296).

§ 203. Аористы (и будущее время) отыменных глаголов типа *τιμάω*, *φιλέω*, *δηλώω* образуются от основ на долгий гласный: *ἔτιμησα*, *ἔφιλησα*, *ἔδήλωσα*. Приводимые в школьных грамматиках „исключения“ объясняются просто: *ἔτέλεса* образовано от отыменного глагола другого типа, восходящего к основе на *s* (*τέλος*); *ἔγινεσα* от *αἴγεω* и гомер. *πέθεσα* (при аттич. *ἔπεθησα*) от *ποθέω*¹ обусловлены

¹ По поводу *ποθέω* ср. § 287; относительно различных отражений начального лабиовелярного в формах *ποθέω* и *θέσασθαι* см. Ф. § 5. — **Прим. перев.**

лены тем, что *αιγέω* и *ποιέω* не являются в действительности отыменными глаголами.

§ 204. Аорист на *-σα* постепенно становился „нормальной“ формой греческого аориста. Это единственная форма, засвидетельствованная для отыменных глаголов, например *τίμάω*, *βασιλεύω*, *ἐλπίζω* и т. д. Помимо того, наблюдается вытеснение корневых аористов сигматическими. Так, от *πείθομαι* „повиноваться“ мы находим у Гомера аор. *ἐπιθέμην*, но прич. *πιθήσας*; от фактитивного *πείθω* существует аор. *πεπιθεῖν*, но также *ἔπεισα*, который становится аттической нормой. Другие примеры: *δίε*, но *ἔδεισα*; *ἀμπεπαλών*, но *πῆλε*; *ἔπραθον*, но *ἔπερσα*; *ἔτραπον*, но *ἔτρεψα*; *ἔτυχον*, но прич. *τυχήσας*; наряду с *ἔπεφιον*, которое перестает ощущаться как связанное с наст. вр. *θείω*, у Гомера существует *ἔθεινα* (относительно *ἔθενον* см. § 195). Это развитие продолжается и позднее: в аттическом диалекте мы находим *ἔφασσα* (Фукидид III, 112 и др.) наряду с *ἔφηγον*; *ἔρρεισσα*, появляющееся вместо *ἔρρητη* начиная с Аристофана (Eq. i. 526); *ἔβισσα* (Геродот I, 163; Платон, Phaed. 113 d) и *ἔξησα* (Гипократ, Плутарх) вместо *ἔβιων*; *δέσαι* уже у Антифона (V, 46) вместо *ἀγαγεῖν*; *ἔλειψα* вместо *ἔλπου* (уже у Аристофана, отр. 965 K); *ἡμάρτησα* вместо *ἡμαρτον* (Эмпедокл 115 D).

В позднем языке число этих форм возрастает: *ἔβλαστησα* (Матфей XIII, 26) вместо *ἔβλαστον*; *ἔδησα* (Псевдо-Лукиан, Luc. 9) вместо *ἔδαхον*, с огласовкой буд. вр. *δήσομαι*; *ἔκραξα* (Иоанн XII, 44 и др.) вместо *ἔκραгον*; *ἔχεισσα* (Anth. XIV, 124) вместо *ἔχεа*.

§ 205. Одной из особенностей сигматического аориста было то, что он давал формы с фактитивным значением: *ἔτησα* „я поставил“ (Гомер и др.) противополагается *ἔστη* „я стал“, как и *ἔφτη*, противополагается *ἔφάνη* (Гомер и др.); уже у Гомера находим также: *βῆσα* „я заставил вступить“ (*ἔρη* „я пощел“); *ἔδησα* „я погрузил“ (*ἔδην* „я погрузился“); *ῶλεσα* „я погубил“ (*ῶλμην* „я погиб“); *ἔφησα* „я вырастил“ (*ἔφυ* „я вырос“); *ἔσβεσα* „я погасил“ (*ἔσβη* „я погас“); в среднем залоге *ἔγεινοτο* „родил(а)“ (*ἐγένετο* „родился“). Это противопоставление продуктивно и в дальнейшем, особенно в ионийском диалекте: *ἀγέγωσα* „я убедил“ (Геродот I, 68), ср. *ἔγων* „я признал“; *ἔπισα* „я

напоил“ (Гиппократ, Mnl. I, 59), ср. *ἔπιον* „я выпил“, откуда было образовано фактитивное наст. вр. *πιπέσκω*.

§ 206. Некоторые формы представляют морфологические проблемы. Основы настоящего времени на *-σσω* (аттич. *-ττω*) и *-ζω* образуются от корней, оканчивающихся на смычный звук, заднеязычный или переднеязычный, однако сама основа настоящего времени не позволяет распознать место артикуляции этого смычного: *-σσ-* может восходить и к *-τι-*, *-θι-* и к *-χι-*, *-χι-* [Ф. § 43, 48]; *-ζ-* может происходить и от *-δι-* и от *-γι-* [Ф. § 49]. В аористе (и в будущем времени) это различие должно было обнаруживаться; так, содержащие заднеязычный звук *πατάσσω* (ср. *πάταξ*), *χτρόσσω* (*χτροῦξ*) и *ἄρπαζω* (*ἄρπαξ*) образуют *ἐπάταξα*, *ἐχτρίσσα*, *ἄρπαξα* (Г 444, но ср. ниже); наоборот, *ἐρέσσω* (ср. *ἐρέτης*), *βλίσσω* (ср. *μέλιτος*), *ἔλπιζω* (ср. *ἔλπιδος*) образуют *ῆρεσσα*, *ῆβλισσα*, *ῆλπισσα*.

Гомер дает примеры аористов на *-ξα* от глаголов на *-ζω* как там, где основа оканчивается на заднеязычный, например *ῆρπαξα* или *μάστιξα*, ср. *μάστιξ*, так и в тех случаях, где затруднительно установить наличие этимологического заднеязычного звука: *δαΐξαι* (В 416), ср. *δαΐζω*; *ἐνάριξα* от *ἐναρίξω*; *χτερέιξα* от *χτερέῖςω*; *πολέμιξα* от *πολεμίζω*. Действительно, оформленвшись в качестве суффиксов, *-άξω* и *-ζω* оказываются уже новыми грамматическими элементами, и в таких, например, глаголах, как *ἔργάζομαι* или *ὄπλιζω*, нет смысла ставить вопрос, имеем ли мы заднеязычную или переднеязычную основу.

Ионийский и аттический диалекты обобщили аорист на *-σα*; *-ξα* сохранили только те глагольные основы, которые имели ясную связь с именной основой на заднеязычный, например *ἐσάλπιγξα* от *σάλπιζω* (ср. *σάλπιγξ*)¹. Но уже у Гомера наряду с *ῆρπαξα* мы находим и *ῆρπασσα*, причем последняя форма возобладала в аттическом диалекте. То же относится и к *ῶπλισσα* от *ῶπλιζω*, *εἰργασάμην* от *ἔργαζομαι* и т. п.

По аналогии с производными глаголами на *-ίζω* у корневого глагола *ζω* (§ 247) также произошла замена его древнего аор. *είσα* (корень *sed-), прич. *ἔσας*, новообразованием *ἴσα*, *ἴσας*, откуда аттич. *ἔκάθισσα*, *καθίσσας*.

¹ *σάλπιζω* < **σαλπιγόω* [Ф. § 77] < **σαλπιγδω* < **σαλπιγγω* [Ф. § 49]. — Прим. перев.

Западные диалекты обобщили основу на заднеязычный: беот. *εκομέμαεθ* (I. G. VII, 1737), фессал. *εργάξατο* (I. G. IX, 2, 602); особенно дорийский диалект, где примеры *εὐθάψια* вместо аттич. *ἐφύρισα* весьма многочисленны; так же *εμερίξα* (Гераклейские таблицы I, 10), *ορχίξατο* (Анданния, Швицер 74, 1), *δικαξασθαι* (Крит, Коллиц 5040, 48). Аргосский диалект дает форму на *σ*, когда предшествующий слог содержит заднеязычный звук, и на *ξ* в обратном случае: в одной эпидаврской надписи (Швицер 109, 32 и 34) мы имеем рядом *σχίσας* от *σχίζω* и *παρενεψακεῖς* от *παρεμψακίω*.

Дорийский литературный диалект дает примеры аористов на *-ξα*: у Феокрита *καθίξας* (I, 12) от *καθίζω*, *ἔπαξε* (XIV, 22) от *παίξω*. Но Пиндар употребляет преимущественно аорист на *-σα* (отметим, однако, *κωμάξατε*, Нем. II, 24).

П р и м е ч а н и е. В койнэ встречается несколько аористов на заднеязычный: *ἴνόσταξα* (Матфей XXV, 5) вместо аттич. *ἴνόσταξα* и *ἔπαξα* от *παίξω* вместо аттич. *ἔπαξα*, которое представляло то неудобство, что совпадало с аористом от *πάιω*. В новогреческом языке мы находим аорист на *-ξα* от ряда производных глаголов, например *φόσηξα* от *φύσω* „дуть“.

§ 207. Сигматический аорист составляет нормальный тип аориста в новогреческом языке. Следует отметить формы *φέρεσα*, *πλάνεσα*, соответствующие ион.-аттич. *ἐφέρησα*, *ἐπλάνησα*. Относительно *ἔθεσα*, *ἔδοσα*, *ἄψησα* см. § 181. Аористы типа *εἶπα*, *ἔβαλα*, *ἔρερα*, хотя и не содержат характерного для этого аориста *σ*, следуют той же флексии и в конечном итоге должны быть отнесены к той же категории.

Сигматический аорист с тематической флексией

§ 208. Эпический язык представляет ряд форм, имеющих вид сигматических аористов, образованных посредством тематического гласного, например *δύσετο* (В 578), *βήσετο* (Г 262). Эти своеобразные формы, которые в древних формулах часто сочетаются с имперфектом (β 388: *δύσετό τ' ἡλίος σκιώνυτο τε πᾶσαι ἀγυιαί*) и, помимо Гомера, нигде не встречаются, первоначально были, повидимому, имперфектами от дезидеративных образований на **-s-*, давших формы буд. вр. *βήσωμα*, *δύσωμα*! (§ 294). Но в даль-

нейшем они стали ощущаться как аористы и послужили отправным пунктом для образования в эпическом языке нескольких тематических аористов на **-s-*, в особенности форм повелительного наклонения и инфинитива, обладавших удобной метрической структурой: *λέξεο* „ляг“ (I 617); *ὅρεο* „воспрянь“ (Г 250); *ἀξετε* „приведите“ (Г 105); *ἀέμεν*, *-έμευαι* „привести“ (Ψ 50); *οἰστετε* „принесите“ (Г 103), *οἰσέμεν* „принести“ (γ 429). Наконец, в изъявительном наклонении: *ἄξουτο* „они привели“ (Θ 545) и *ἴσου* „они пришли“ (Е 773 и др.).

ПЕРФЕКТ

§ 209. Перфект — это атематическая форма, обнаруживающая весьма оригинальные и архаические черты. Перфект выражает собственно состояние в настоящем, являющееся результатом прошедшего действия; *οἶδα* означает „я знаю, потому что я видел“ (ср. *ἰδεῖν*); *τέθυήκα* обозначает состояние смерти и может поэтому противопоставляться не только настоящему времени, но и аористу: *τέθυάσιν οἱ θανάτες* „умершие мертвые“ (Еврипид, Alc. 541); *τέτοκα* (от *τίκτω*) обозначает состояние женщины, которая только что произвела на свет ребенка.

Перфекту было свойственно непереходное значение: *πέποιθα* „я доверяю“ находится в соответствии с *πείθομαι*, а не с *πείθω*; *ἔστηκα* „я стою“ находится в соответствии с *ἴσταμαι*, *ἔστη*, а не с *ἴστημι*, *ἔστησαι*; *πέρικα* „я являюсь по природе“ — в соответствии с *φύομαι*, *ἔριν*, а не с *φύω*, *ἔρισσα*; *γέγονα* „я являюсь по рождению“ — перфект к *γέγονομαι* (но ионийский и аттический диалекты имеют также *γέγενημαι*¹); от *φύείρω* у Гомера имеется только один пример перфекта, при этом также с непереходным значением — *διέφθορας* „ты погиб“ (О 128). Перфект может иметь дополнение в винительном падеже (даже у Гомера), но и тогда сохраняет значение, в котором выражено состояние подлежащего. Так, в стихе В 272 перфект сопровождается винительным падежом *ἡ δὶ μορί Οδυσσεὺς ἐσθὺλα* (*ἡ δὶ μορί Οδυσσεύς*); однако и здесь имеется в виду прежде

¹ Структура корня представляет трудности в обеих формах: в *γέγονα* корень односложный, тогда как *γέγενημαι* (ср. *γένεσις*, *-γυγτός*) имеет „двусложный“ корень; в среднем залоге огласовка *γεγεν-* в двухсложном корне — неправильная, мы ожидали бы *γεγ-*.

всего состояние подлежащего: „да, у Одиссея немало подвигов“. Такое значение перфекта в дальнейшем становится все менее ясно выраженным, но оно в полной мере проявляется у Гомера, и им отчасти объясняется своеобразие флексии.

§ 210. Противопоставление действительного и страдательного залогов не имело первоначально места в перфекте. Некоторые из древних перфектов имеют непереводное значение при „действительной“ форме спряжения. Окончания „действительного“ перфекта представляли в индоевропейском языке особую систему (§ 341, 343 и др.), и если их своеобразие и не обнаруживается полностью в греческом языке, то объясняется это тем, что сегматический аорист получил частично окончания перфекта. Другие перфекты имеют „медиальную“ флексию, поскольку собственное значение перфекта благоприятствует его использованию в страдательном залоге: *έδειγηται* „он укрощен“ является страдательным перфектом от *δάμνημ्*, который связан со страдательными аористами *έδάμημ्* и *έδηγήθη*. У Гомера сосуществование перфекта действительного и перфекта среднего является исключением. Действительному *έπιορε* „получил долю“ (A 278) соответствует в плюсквамперфекте *εἴμαρτο* „получено от судьбы“ (ε 312). *Βέβληται* „он поражен“ имеет соответствие в действительном плюсквамперфекте *βεβλήκει* „он поразил“. Последний случай показывает нам дальнейший путь развития перфекта, тогда как сочетание настоящего времени среднего залога с перфектом „действительного“ залога дает нам представление о древней роли перфекта: *φεύρομαι* — *έφυρα* „я истреблен“.

§ 211. Перфект, выражаящий состояние, включается в систему настоящего времени и может сочетаться с настоящим временем: *ζόμαι καὶ γέγηθα* (Аристофан, *Pax* 335). „Ολώλε означает „он мертв“, *ἀπελήλυθε* — „он находится вдали“, *ἔρριγε* — „он дрожит“, *γέγραπται* — „это написано и имеется в написанном виде“. Но это состояние в настоящем является результатом прошедших действий: „Πρη, τίπτε βέβρικας „Гера, почему ты пошла и находишься здесь?“ (O 90); *κακὰ πολλὰ πέπονθα* „я человек, претерпевший много бед“ (ρ 284). Таким образом, перфект

как бы тянули к себе в противоположных направлениях время настоящее и время прошедшее.

Это обстоятельство имело важные последствия для флексии. Уже у Гомера на основании перфекта *ἄνωγει* были образованы формы настоящего времени: *ἄνωγει* (Z 439) и т. д. Из плюсквамперф. *έγεγώει* был выведен имперф. *έγεγώεον* (ρ 161), откуда — слитное неопред. накл. *γέγωνει* (M 337).

Переход к флексии настоящего времени был осуществлен в разных пунктах распространения дорийских диалектов, в частности в сиракузском диалекте: родос. *γεγοει*, *διατετελεσει* (Швицер 295); сиракуз. *γεγάμει* (Эпихарм 109); повел. накл. *ἀνεστάχετω* (Архимед I, 298), прич. *ἀνεστάχούσας* (Архимед I, 284); об. *ἴσαι*: см. § 217.

В эолийском диалекте переход к флексии настоящего времени наблюдается только в причастии: лесб. *λελάθω* (Алкей 46 D), *πεφύγω* (Алкей 232, Рейнак), происходящее от *φυγάνω*, с носовым инфиксом, взятым из настоящего времени; фессал. *πεφεράχοτες* вместо аттич. *τεθῆραχτες* (Швицер 596); беот. *απειλθεούτες* (I. G. VII, 1748) вместо *ἀπελληλυθότες*. В гомеровском языке мы находим один или два случая этого типа, например *κεκλήγοτες* (M 125) вместо *κεκληγότες*, принадлежащее к числу гомеровских эолизмов. Можно, кроме того, привести и несколько особых форм, свойственных эпическому языку: *βεβάοτα* (Ε 199), *γεγαῶτας* (B 866), *μεμαῶτος* (Θ 118), *τεθυγῆτος* (I 633), *κεκμηῶτα* (κ 31), где ω обусловлено метрикой. Возможно, что эти формы были введены ионийскими аэдами вместо старых эолийских форм типа *βεβάοута* и т. п.

§ 212. Помимо окончаний, перфект характеризуется удвоением и чередованиями в огласовке. Удвоение имеет тембр е: *λέλοπτα*, *πέφικα* (иначе в лат. *didicī*, *mōmōrdī*, *tūtūdī*). Там, где корень заключает в себе два согласных, удваивается только первый из них: *γέγραψα*, *πέπτωκα*, *μέμβλωκα* от [μ]βλώσκω.

Если корень имеет начальное s, то в удвоении остается придыхание: *έστρηκα*; в группе *sl-: *είλημματ* восходит к *se-slābh-¹; в группе *su-: *είωθα* от *ses-

¹ Этот старый перфект от *λαρβάνω* был заменен в разных диалектах аналогичными формами: *λελάψκα* (ионийский диалект, Геродот IV,

χόδη⁻¹ (в последних двух случаях нужно отметить утрату начального приыхания вследствие диссимиляции [Ф. § 32]); в группе *sm-: мы имеем у Гомера ёмдре из *se-smог- (эолийская трактовка, псилоза и удвоение μ [Ф. § 67, 71]), но ёмарто (ионийская трактовка)².

В корнях с начальным *f* имеем: (*f*έ(*f*)οίχα, (*f*έ(*f*)οργα; аттич. ёбрάχа восходит к *фεғораж; гомер. (*f*ειρήμαι от *фεғрημαι, ср. арг. фεғрēμενος (Швицер 98).

В корнях, начинающихся с гласного, за которым следует сонант *l*, *m*, *n*, *r*, удвоение в индоевропейском языке заключалось в повторении первого гласного и первого сонанта и в удлинении корневого гласного. У Гомера: ἄριρμαι, ἄρηρα, ἐλύλαμαι, εἰλήλουμα (ει- представляет собой свойственное Гомеру ритмическое удлинение, аттич. εἴλυμνα), ὅλωλα, δρώρα; ёγρήγора (от ёγέρω) является неправильной формой, обязанной своим возникновением смешению типа *γγόρα (санскр. jāgāra) с многочисленными формами, начинающимися с ёгр-: ёγρόμην, ёγρήσω и т. п. Это образование распространилось затем на корни, оканчивающиеся на смычный: гомер. ὅδωδα, ὅπωπα, ἐδήδως (от ёδμενа „есть“), ἀγήγερμαι. Иногда корневой гласный остается без удлинения: ἀλάλημαι, ἀλαλήτημαι, ἀκάχημαι, но ἀκήγεαται.

Этот тип удвоения часто встречается в ионийско-аттическом диалекте: ἀλήλημαι от ἀλείφω, ἀλήλεσμαι от ἀλέω, ἀλήλεγμαι от ἀλέγχω, ёмήреха от ёмέω, ёрήреисма от ёреидω, δρώρυμαι от δρύσσω, ἀκήρкоа от ἀκόνω, εὐγήροха от ёнек-, ср. юнегхон. Но были образованы и новые формы: δρώργη (Геронд) от δρώω; ἀραιρημαι (Геродот) от αἱρέω, где дифтонг второго слога не был удлинен и где в начале имеется гласный *a* вместо *ai*; дор. ἀγήγοха (Фера, Швицер 227, В 25) от ёгω; конечное -οха, повидимому, заимствовано от εὐγήροха; после диссимиляции звуков γ это

79; аркадский (Швицер 656); дорийский, Эпидавр (Швицер 109 g), лέлорба в критском (Швицер 206 g). Наоборот, старый перфект от λαγχάνω — лέлугха был заменен в аттическом диалекте формой εἴληχа под влиянием είληφα. Отметим также появление формы δειλημαι (от δειλέγома), корень лεγ- по образу εέρημαι.

¹ Но в локрийском диалекте фεғабéхста (от *s^huād-), как если бы начальным звуком здесь было *f* (Швицер 362, 38).

² На основании наст. вр. μείρομαι в позднее время были образованы μέιρομαι (Etymologicum magnum 312, 46), μειρημένος (Аполлоний Родосский III, 1130).

слово продолжало существовать в койнэ в форме ἀγήροχа (Септуагинта, Товия XII, 3 и др.).

§ 213. Уже в индоевропейском языке удвоение не было обязательным (ср. лат. ēgī, vīdī). Старый перфект, соответствующий лат. vīdī и санскр. véda,— (*f*οίδα не имеет удвоения; точно так же нет удвоения и в οίχα (дорийский диалект, Алкман 107 D, ионийский диалект, Геродот, ср. IV, 82) и, возможно, в аттическом прич. εϊχώς; гомер. ἀμφιλαχυῖα (В 316) от iάχω; ἄνωγа (содержавшее префикс ἀν-); ёрхато от ёργω „запирать“ (Р 354); крит. καταғελμένος (Гортинское законодательство XI, 13), но у Гомера εελμένος.

§ 214. Многие перфекты с начальным гласным характеризуются долгой огласовкой корня без удвоения: ḥύμαι от ḥώ, δύμα! от δράω, образованное от корня *δ-т- глагола δπωτα, и т. д. Если корень начинается с группы согласных, то удвоение заменяется, повидимому, звуком ε. Если корень начинается с этимологически обнаруживаемого s, то это ε может заменять собой древнее *he- из *se: ёсχημαι, ёстармай, ёсжедасмай. Также встречается это ε перед двойным согласным, где его следует понимать как протетический гласный. Следовательно, мы и здесь имеем перфекты без удвоения: ёзевумай, ёфеусмай, ёφθора, ёρфто, ёγюжа. Иногда наблюдается колебание между формой с удвоением и формой с начальным ε. От κτάμαι мы имеем в аттическом диалекте κέκτημαι, а у Гомера (I 402) и у Геродота ёкτημαι; аттич. γέγραπται в критском диалекте соответствует εγραπται (Швицер 175); наряду с βεβλάστηжа встречается ёβλάστηжа (Еврипид, Iph. Aul. 594). В основах с начальным φ (из *sg- или *ug-) перфект дает ε, которое, в сущности, может представлять собой развитие удвоения he- или fe-, но, вернее, должно быть истолковано как протетический гласный — ёρρημαι, ёρφωга и т. п. То же наблюдается иногда в глаголах, имеющих начальное σ: от σεύδомай (где σ восходит к *k^hи-) гомеровский перф. ёссымай. Для корней всех этих различных типов в языке имеются удвоенные перфекты, которые едва ли являются очень древними: перфектом от σύπτηма с гомеровской эпохи служит σέσγηпе, от ρυπόω — ёριπωμένа (ζ 559); у Пиндара встречается φεριφθαι (отр. 318, Шредер);

в позднее время — ἀπορέρηκται (Орибазий), ἐχρεευκώς вместо ἔξερρυγκώς (Герон).

§ 215. Отъменные глаголы подобно прочим глаголам уже в самых древних текстах имеют перфекты с удвоением; так, δεδείπτυγκα встречается уже у Гомера. Также было введено удвоение и в сложные глаголы: δεδιστύχγκα, πεπαρρησίασμα. Однако если первый элемент восходит к наречию, то удвоение следует за ним: ἐπιλέοιπα и т. п. Исключения: κεκάδικα (Диодор Сицилийский XVII, 115) от καθίζω; μεμετιμένος, причастие перфекта страдательного залога от μεθίημι у Геродота (V, 108; VI, 1).

§ 216. Чередование огласовки играло первоначально большую роль в флексии перфекта. При этом там, где это позволяла структура корня, единственное число действительного залога имело огласовку о, а множественное число действительного залога и средний залог — нулевую огласовку. Некоторые следы чередования наблюдаются и в других наклонениях, особенно в причастии.

§ 217. Древний перф. οἴδα ясно показывает эту систему чередований огласовки:

Изъяв.	Повел.	Сослагат.	Желат.	Неопредел.	Прич.
οἴδα		εἰδῶ	εἰδεῖην	εἰδέναι	εἰδώς,
οἴθα	ἴσθι	εἰδῆις	εἰδείης		εἰδύτια,
οἴδε	ἴστω	εἰδῆι	εἰδείη		εἰδός
ἴσμεν		εἰδῶμεν	εἰδεῖμεν		
ἴστε	ἴστε	εἰδῆτε	εἰδεῖτε		
ἴσασι	ἴστων	εἰδῶσι	εἰδεῖσεν		
ἴστου	ἴστον	εἰδῆτον	[εἰδεῖτον]		
ἴσтоу	ἴσтων	εἰδῆτον	[εἰδείτην]		

Аттический диалект противопоставляет огласовку о в единственном числе изъявительного наклонения нулевой огласовке множественного числа изъявительного и повелительного наклонений и огласовке ε в сослагательного и желательного наклонений, а также неопределенного наклонения и причастия.

2-е л. οἴσθα восходит к *foið-θa; относительно окончания см. § 343. Во множественном числе, с нулевой

огласовкой: ίστε восходит фонетически к *f!ðtē; 1-е л. ίσμεν имеет σ по аналогии со 2-м лицом: закономерная форма ίδμεν засвидетельствована у Гомера и у Геродота; 3-е л. мн. ч. ίσασι (дор. (f)!saūt; Эпихарм 53, Феокрит XV, 64) построено на аналогической основе ίσ-, к которой добавлено окончание -σtūt.

Это отступающее от нормы спряжение подверглось упрощению в разных направлениях. Так, ионийский диалект обобщил основу с огласовкой ο — οίδα: 2-е л. ед. ч. οίδας (Нумп. in Merc. 456; Еврипид, Alc. 780); во множественном числе οίδαμεν (Геродот II, 17), οίδατε (Антология XII, 81), οίδασι (Геродот II, 43). Койнэ употребляет, как правило, οίδας, οίδαμεν, οίδατε, οίδασι. В дорийском диалекте аналогия воздействовала иначе: из ίσαστι была извлечена основа ίσα-: 1-е л. мн. ч. ίσαμεν (Пиндар, Nem. VII, 14), 1-е л. ед. ч. с долгим гласным (ср. ίσταμι) ίσαμι (Эпихарм 254; Пиндар, Pyth. IV, 248): здесь мы находим основу атематического настоящего времени, происходящую от ίσαστι (§ 211). Отметим еще несколько форм, помимо изъявительного наклонения, например причастие в дат. п. ίσαστι (Пиндар, Pyth. III, 29).

Формы повелительного наклонения можно объяснить фонетически, исходя из корня (f)!ð-. Относительно неправильного ударения в сослагательном наклонении и гомер. εϊδομεν см. § 304, 306. О желат. накл. εϊδείτη см. § 310.

В инфинитиве эпический язык знает только одну форму — с нулевой ступенью корня ίδμεναι и ίδμεν; ион.-аттич. εϊδέναι является, повидимому, новообразованием.

Флексия причастия имеет ясно выраженный архаический характер. Мужской род имеет ступень ε (ср. εϊκώς, § 213). В женском роде гомеровский язык обнаруживает нулевую ступень корня и суффикса: τί η τοι ταῦτα (f)!δούῃ! πάγτ αγρεύω (A 365).

§ 218. В некоторых архаических перфектах мы находим чередование: ступень ο/нулевая ступень в изъявительном наклонении и несколько примеров нулевой ступени в женском роде причастия, мужской род которого представляет обычно ступень ο, как, например, πεπουθώς, а иногда нулевую ступень, как гомер. γεγαώς, μεράως.

Помимо οίδα, чередование огласовки более или менее ясно представлено и в некоторых гомеровских перфектах.

С огласовкой о в единственном числе изъявительного наклонения: (*τ*)^έ(*τ*)*οίκα*, дв. ч. (*τ*)^έ(*τ*)*ιχτού*; прич. (*τ*)^{ε-}(*τ*)*οίκως*, ж. р. (*τ*)^ε(*τ*)*ικοῖς* (Г 386), с нулевой степенью; *εἰκώς* (Ф 254) может восходить к (*τ*)^ε(*τ*)*ικώς* (нулевая степень) или к (*τ*)*εικώς* (ступень е без удвоения); в среднем залоге прошедшее вр. *ἔπειτο* (Ψ 107) или *ἔπειτο* (δ 796), где *η* неясного происхождения; — *πέποιθα*, плюсквамперф. *ἐπέποιθεν* (В 341), повел. накл. *πέπισθι* (Эсхил, Ент. 599, в рукописях *πέπεισθι*); средний залог *πέπεισθαι* представляет собой вторичное образование по образцу *πείθω*, *ἔπεισο*; — *πέπονθα*, 2-е л. мн. ч. *πέπασθε* (Г 99 Аристарх, рукописи — *πέποσθε*) от **πεπαθ-тε*, прич. *πεπουθως*, ж. р. (один раз) *πεπαθυίη* (ρ 555); — от корня **μεп-*, *μέμονα*, мн. ч. *μέμασεν* (I 641), *μεμάσαι* (К 208 и др.), прич. ж. р. *μεμαυία* (Δ 440 и др.); мужской род также содержит нулевую степень — *μεμαώς* (Е 301 и др.); — от корня иной структуры (ср. *γένεσις*, *κασίγνητος* и др.) уже в индоевропейском языке были образованы сходный перф. *γέγονα*, *γεγάστ* (Δ 325), плюсквамперф. дв. ч. *ἔγεγεάτη* (κ 138), прич. ж. р. *γεγανία* (Г 199), прич. м. р., также с нулевой степенью, *γεγαῦτα* (I 456 и т. д.); относительно ω см. § 211; — от корня *δει-* „бояться“ форма с нулевой степенью типа *δει-*: гомер. 1-е л. мн. ч. *δείδιμεν* (И 196), аттич. *δέδιμεν* (Фукидид III, 53); уже в гомеровскую эпоху эта огласовка была распространена и на ед. ч. *δέδια*, а также на причастие и на инфинитив; огласовка о встречается в единственном числе в гомер. *δείδω*¹ (из **δεδοј-а*) и в форме с *κ* — гомер. *δείδοικα*, аттич. *δέδοικα*, мн. ч. *δεδοίκαμεν*. — В корнях с дифтонгом на *ι* огласовка о обычно бывает устранена. Правда, в случае глагола *εἴλουνθα* гомеровский язык даже обобщил огласовку о: *εἴλήλουθμεν* (I 49), но в нем, как и в аттическом, имеется также *εἴληλονθα* с нулевой степенью; — от такого архаического настоящего времени, как *φεύω*, мы имеем средний залог *περιγρένως*, но в действительном залоге только *πεφευώς*, *πεφευγα*. — В одном корне с долгой гласной имеется след чередования *έ/ο*: глаголу *ἔρρωγα* „я разбит“ соответствует в дорийском (Гераклейские таблицы, *passim*) прич. ж. р.

¹ Вторичный характер конечного ω в форме *δείδω* сказывается в том, что это ω ни разу не встречается в сильном времени стопы. — Прим. перев.

ερρηγεῖα „пахотная земля“, в котором огласовка е, повидимому, заимствована из мужского рода (ср. *χατερρηγῆτες*, *χατερρηγένεις*, Гесихий).

§ 219. За исключением *οἶδα*, в действительном залоге чередование в аттическом диалекте исчезло. Даже у Гомера многочисленные перфекты имеют огласовку о без чередования: *λέλοιπα*; *λέλογχα*; *δέδρομα* (перфект от *τρέχω*, *ἔδραμον*); (*τ*)^έ(*τ*)*οίπα*; от *τρέψω* непереходный *τέτροφα* (Ф 237); от *χανδάνω* плюсквамперф. *χεχύδει* (форма, сохранившаяся в одном папирусе, Ω 192), но прич. *χεχαύδότα* (Ψ 268); *ἔπεφρβει* (Нүпп. in Merc. 105). В ионийско-аттическом диалекте: *πέπορδα*, *χέχρα*, *τέτοχα*; для корней с долгим гласным — *ἔρρωγα*, *είωνα*. Это образование оказалось продуктивным: сицилийский диалект создал *πέποσχα* (Эпикхарм 11, Стесихор 89 В) от наст. вр. *πάσχω*.

В то время как для всего действительного залога огласовка о была обобщена, атематический характер перфекта изменился вследствие распространения на множественное число звука α, который ощущался как соединительный гласный. Правда, аттический диалект дает (помимо *ἴσμεν*) и несколько форм без α: *ἔπιγμεν* (Софокл, Аι. 1239; Еврипид, Cycl. 99)¹, *ἔλήλυθμεν* (Кратин 235 К)². Обычными формами являются *ἔοίκαμεν*, *ἔληλυθαμεν*, *πεπόνθαμεν* и т. д.

§ 220. В среднем залоге норму составляет нулевая огласовка: наряду с гомер. *ἔμφρε* мы находим гомер. *εἴμαρτα*, *είμαρμένη*. Другие примеры: *πέπαρμαι* от *πείρω*; *ἔσταλμαι* от *στέλλω*; *τέταμαι* от *τείνω*; *τέτραμαι* от *τρέπω*; *τέθραμαι*, ср. *τρέφω*, *τέτροφα*; *ἔφθαρμαι*, ср. *φεύρω*, *ἔφθορα*; *πέφαται* „он убит“ (Τ 27), ср. *θείω* и *ἔπεφνου*; *χέχυμαι* от *χέω*. Иногда огласовка перфекта тождественна с огласовкой настоящего времени: *ἔστιγμαι* от *στίζω*; *πέπισθαι* у Гомера соответствует наст. вр. *πεβθημαι*, а в аттическом диалекте — наст. вр. *πινθάνομαι*. Наоборот, огласовка е наст. вр. *λείπω* распространилась на *λέλειμμαι* (но действительный залог *λέλοιπα*).

¹ Отметим редкое 3-е л. мн. ч. *εἴσσαι* (Аристофан, Nub. 341 и др.), выделяющееся своей огласовкой е; в нем ί можно объяснить аналогией с *ἴσσαι*.

² Или *ἔληλυθμεν*? ω по существу не принадлежит корню (§ 265).

§ 221. Примечание. Корни с ё или Ѻ, чередующимися с э, имеют закономерные формы среднего залога: εἴμα (из *εἰέμα) для έγιμι, δέδομαι от δέδωμι, соответствующее действительному залогу δέδωκα; по образцу εἴμα от τίθητι была создана редкая и поздняя форма τέθειμαι (Демосфен XXI, 49). От έγιμι должен был существовать перфект действительного залога с огласовкой ѻ; он зафиксирован в III в. до н. э.—ἀρίσκω (Zenon, Pap. 59502). Позднее он повлек за собой образование среднего залога — ἀφέωσθαι, ἀφέωνται (аркадский диалект, Швипер 656, 14; Новый завет, Иоанн XX, 23). Относительно εἴλη и τέθειμαι см. § 230.

От корня особой структуры *ρό(i)-/ρο(i)- образовано πέπτωται (наст. вр. πέπτω), которое повлекло за собой создание по аналогии: εδήδοται от εδθίω, εδμεναι (х 56).

Но ἔρρημαι имеет огласовку наст. вр. ρήγγυμι.

§ 222. Корням на ю огласовка тембра о не свойственна. Здесь наблюдается чередование ю (ион.-аттич. η)/α краткое: ἔστηκα, мн. ч. ἔσταμεν; βέβηκα, гомер. мн. ч. βέβαμεν. Имеются также следы чередования и в причастии: μεμηχώς, μεμαχυῖα (Δ 435); λεληκώς, λελαχυῖα (μ 85); τεθηλώς, τεθαλυῖα (I 208). Однако сέστηπα и τέτηρκα не обнаруживают никакого чередования. В среднем залоге кратким гласным представлена нулевая ступень; по образцу ἔστηκа был создан средний залог ἔσταμι с непереходным значением (кайнэ, ср. также Платон, Tim. 81 d).

§ 223. Для двусложных корней нормальной огласовкой является нулевая ступень в первом слоге и долгая ступень во втором. С огласовкой ο: ἔγυωκα; πέπτωκα и — с чередованием тембра — прич. πεπτηώς (Симонид 125 D), откуда гомер. πεπτεώς (Ф 503)¹. От корней на ю: κεκρηώς, τεθυνώς, τετηλώς. По образцу βέβηκα, βέβαμεν были созданы формы с кратким гласным: τεθυαθ! (Х 365), τετηλαμεν (в 311).

Примечание. Ион. γεγένημαι с двумя последовательными огласовками е (γεντ-) является аномалией.

§ 224. Некоторые из приведенных нами форм, как, например, βέβηκα и ἔστηκα, имеют х, которое играло важную роль в образовании перфекта. Поскольку в корнях, оканчивавшихся на гласный, добавление окончаний единственного числа действительного залога, начинавшихся на гласный, представляло известные трудности, для образования этих форм прибегали к х, значение которого

¹ Πεπτηώς „припавший“ (§ 354) относится к корню глагола πτάζω.

состояло в том, что оно подчеркивало целенаправленность процесса; оно встречается в некоторых случаях настоящего времени и в трех аористах — έθηκα, έδωκα, ήκα. У Гомера мы находим это х только в корнях, оканчивающихся на гласный, и притом, как правило, в единственном числе: ἔστηκα, βέβηκα, τέτηρκα, τέθυηκα; βεβλήκει — плюсквамперфект; δείδηκα, δέδηκα, πέψηκα, τετύγηκα и т. д. В единичных случаях х было распространено на 3-е лицо мн. ч.: ἔστήκασι (Δ 434), τέθυηκασι (О 664), πεφύκασι (η 114), τεθαρπήκασι (I 420), или на причастие, где древний суффикс был -ροτ-: δεδαρκώς (β 61), ἀδηρότες (К 98), βεβρωκώς (Х 94). Для некоторых архаических глаголов аттический диалект сохранил во множественном числе формы без х; так, в аттическом диалекте мы находим τέθυαμεν (Платон, Gorg. 492 e), τεθνάσι (Фукидид III, 113), τεθνάμαι (Аристофан, Ran. 1012), τεθνεώς из τεθνηώς (Лисий XII, 18). Равным образом от έστημι древняя аттическая проза употребляет чаще всего ἔσταμεν, ἔστατε, ἔστάσι, ἔστάγαι, ἔστώς, ἔστωται (из ἔστατός), ср. р. ἔστως (тогда как закономерным было бы ἔστώς) по аналогии с λελοπός.

Конечное -κα стало общей характеристикой перфекта: λέλυκα, в отыменных глаголах τετηρκα, δεδήλωκα; после согласных — ἔρθαρκα (относительно развития результативного перфекта на -κα см. § 230).

Примечание. Этот тип перфекта развился более или менее быстро в различных говорах. Для беотийского диалекта надписи дают формы без -κ: αποδεσούθι (Швипер 526, 35); в причастии — καταθειαν (I. G. VII, 3055), απειλθειστες (I. G. VII, 1748), но изъяв. накл. διεσειλθεικε от перфекта, равнозначащего ἔλληθι. В других диалектах х было внесено довольно рано даже в причастие: аркад. εφθορκος (Швипер 656, 10), локр. φερθεστα (Швипер 362, 38), тогда как у Гомера имеем ἔσδότα.

В корнях, оканчивающихся на смычный, греческий язык не мог использовать х (относительно λελάρηκα, γεγράφηκα см. § 365): от λείπω перфектом является λέλοιπα, от τήρω — τέτηρκα, древний перфект от πράσσω—πέπραγα „я имел удачу“ (что, повидимому, указывает на корень πράγ- и на вторичность формы πράσσω¹), от χέζω — κέχροκα.

¹ Закономерной формой настоящего времени от корня πράγ- было бы *χράζω (ср. § 270 и Ф. § 49). — Прим. перев.

§ 225. В новоаттическом диалекте был образован новый перфект с придыханием; он возник на основе некоторых форм среднего залога, вообще игравшего в перфекте значительную роль. В среднем залоге перфектов на губной и на заднеязычный мы не можем распознать у большей части форм природу конечного согласного корня: *λέλειμμαι*, *-φαι*, *-πται*, *-μιέθα*, *-φθε*, как и *τέτριμμαι*, *-Φητ* и т. д., *τέθραμμαι*, *-Φαι* и т. д.— от наст. вр. *λείπω*, *τρίψω*, *τρέψω*; то же наблюдается и у *δρόφρεγμαι* от *δρέγω* и у *ἐλέλυμαι* от *ἐλίσσω*. И только 3-е л. мн. ч. на *-atai* (§ 354) могло бы позволить распознать конечный согласный: от *ἀφίκηνομαι*, *ἀφύμαι* мы имеем *ἀπίκατο* (Геродот VIII, 6); однако в действительности мы не встречаем ни **τετριβαται*, ни **πετραγαται*, ни **λελειπатаи*. Корни, оканчивающиеся на аспирату, имеют формы типа *ἐστράφατο* (Геродот I, 166); от *θάπτω* (ср. *ταφή*, корень *θαφ-*) имеем *τετάφαται* (Геродот VI, 103), от *τεύχω*—*τετεύχαται* (N 22). Эта аспирата — φ или χ — распространялась на перфекты на β, π, γ и κ по аналогии с формами 2-го лица множественного числа и неопределенного наклонения: от *τρέπω*—по образцу *τέτραφθε*, *τετράφθαι*—*τετράφαται*; также у Гомера *δρωρέχαται* от *δρέγω*, *ἔρχαται* от *ἔέργω*; у Геродота *τετρίφαται* от *τρίψω*, *μεμίχαται* от *μεγύνουμι*, *εἰλίχατο* от *ἐλίσσω*, *-δεδέχαται* от *δέκομαι*, *ἐσεσάχατο* от *σάσσω*, *διατετάχατο* от *τάσσω*.

Фукидид (III, 13 и V, 6) употребляет еще *τετάχαται* и *ἐτετάχατο*.

Примечание. Отметим в дорийском языке *γεγράφαται* (Гераклейские таблицы I, 121) вместо *γεγράφαται*, где σ, возможно, заимствовано из *γραфа*, что позволило избежать следования друг за другом трех кратких слогов.

§ 226. Образование перфектов среднего залога от глаголов на переднеязычные также связано с некоторыми проблемами. Переднеязычный перешел в σ перед всеми другими переднеязычными: перфектом от *πεύθομαι* и *πινδάμομαι* является 3-е л. ед. ч. *πέπυσται*, от *φράζω*—*πέφρασται*. После образования этих форм σ распространялось на формы, где его появление не может быть объяснено фонетическими причинами — *πέπυσμαι*, *πεπισμένος*, *πέφρασμαι*, *πεφρασμένος*, но Гомер употребляет *κεκοριθμένος*, Пиндар — *κεκαδμένος* (гомер. *κεκασμένος*), Гесиод — *πεφραδμένος* (о распространении σ в спряжении см. § 367).

В 3-м лице множественного числа глаголы с основой, оканчивающейся на δ, имеют окончание *-δαται*: от *ἐρείδω*—*ἐρτρέδαται* (Ψ 284, 329), от *ἀγωίζω*—*ἀγωιδαται* (Геродот IX, 26), от *σκευάζω*—*ἐσκευάδαται* (Геродот, IV, 58), от *χωρίζω*—*κεχωρίδαται* (Геродот I, 140)¹. По образцу этих форм, где δ объясняется этимологией, окончание на *-δαται*, *-δато* распространялось на третью лица множественного числа глагольных основ, оканчивающихся на гласный. У Гомера — *ἐρράδαται* (M 431, υ 351) от *ραίω*; *ἐληλάδατο* (η 86) от *ἐλαύω*; у Геродота — *κατακεχύδαται* вместо *κεχύугтаи* (II, 75), *ἐσταλάδατο* (VII, 89) от *ἔσταλμαι*.

Эти формы наблюдаются только у Гомера и в ионийском диалекте.

§ 227. Аттический диалект заменил их описательными формами, образованными из причастия перфекта и 3-го л. мн. ч. глагола *εἰσι*: *τετραμμένοι εἰσι* от *τρέπω*, *μεμίχαμενοι εἰσι* от *μεγύνωμι*, *κεχωρίσμένοι εἰσι* от *χωρίζω* и т. д. Приведем тип аттического спряжения на губной, заднеязычный и переднеязычный в аттическом диалекте (отметим 3-е лицо множественного числа и σ в *κεχώρισμαι*, *-μέθα*, *-μένοι* (ср. § 367):

<i>τέτραμμαι</i>	<i>μέμιχμαι</i>	<i>κεχώρισμαι</i>
<i>τέτραφαι</i>	<i>μέμιξαι</i>	<i>κεχώρισαι</i>
<i>τέτραπται</i>	<i>μέμικται</i>	<i>κεχώρισται</i>
<i>τετράμμεθα</i>	<i>μεμίγμεθα</i>	<i>κεχώρισμεθα</i>
<i>τέτραφθε</i>	<i>μέμιχθε</i>	<i>κεχώρισθε</i>
<i>τετραμμένοι εἰσι</i>	<i>μεμιγμένοι εἰσι</i>	<i>κεχώρισμένοι εἰσι</i>

Аттический диалект распространил описательные формы и на перфекты глаголов с корнями на ρ, γ, λ. Флексия в последних имеет следующий вид:

<i>ἐσταλμαι</i>	<i>ἐσταρμαι</i>	<i>πέφασμαι</i>	<i>παρώδυμαι</i>
<i>ἐσταλσαι</i>	<i>ἐσταρσαι</i>	[<i>πέφανσαι</i>]	[<i>παρώδυνσαι</i>]
<i>ἐσταλται</i>	<i>ἐσταρται</i>	<i>πέφανται</i>	<i>παρώδυνται</i>
<i>ἐσταλμεθα</i>	<i>ἐσταρμεθα</i>	<i>πέφασμεθα</i>	<i>παρώδυμμεθα</i>
<i>ἐσταλθε</i>	<i>ἐσταρθε</i>	<i>πέφανθε</i>	<i>παρώδυνθε</i>
<i>ἐσταλμένοι εἰσι</i>	<i>ἐσταρμένοι εἰσι</i>	<i>πεφασμένοι εἰσι</i>	<i>παρώδυμένοι εἰσι</i>

1 Окончание на *-atai* засвидетельствовано только после одной переднеязычной, а именно, после δ: **πεπυθαται* не существует, есть только *πεπυσμένοι εἰσι*.

Примечание. Отметим в основах на *υ*: 1) сохранение носового в формах 2-го л. мн. ч., где *σ* выпадает, и 2-го л. ед. ч. (где, впрочем, нет ни одного надежного примера); 2) различие между флексией *τέφαται* и *ταρόψαται*, причем первая перед окончаниями с *μ* содержит *σ*, не имеющее этимологического объяснения.

§ 228. Формы среднего залога 3-го л. мн. ч. на *-χαται*, *-χαται* (§ 225), хотя и исчезнувшие в аттическом диалекте, все же оказали решающее влияние на структуру перфекта действительного залога глаголов с корнями на губной и на заднеязычный. К V в. в греческом языке развился тип перфекта с новым значением. Древний перфект обозначал главным образом состояние субъекта (§ 209). Впоследствии, отправляясь от оборотов вроде *ὅσα ἔστησε* „все, что у него сделано“, стали пользоваться перфектом для выражения результата уже не по отношению к субъекту, а по отношению к объекту. Так, Фукидид заменяет аор. *ἔγραψε* перфектом *γέγραψε* там, где он хочет подчеркнуть результат: *γέγραψε καὶ ταῦτα ὁ αὐτὸς Θουκίδης ἀθροῖτος* (V, 26). На древние перфекты действительного залога со значением настоящего времени и непереходным, как, например, *δέδορχα* „у меня открыты глаза“, *μέμρυτα* „у меня помутившийся ум“, *τέτροψε* „образовал сгусток“ от *τρέψω* в одном примере у Гомера (*Φ 237 πολλὴ περὶ χροὶ τέτροψεν ἀλλητην*) наслаждается новая категория переходных и результативных перфектов.

§ 229. В глаголах с корнями, оканчивающимися на губной или заднеязычный, была использована основа на придыхательный, заимствованная у перфекта среднего залога¹. Комики и ораторы употребляют много перфектов этого типа. Некоторые из этих перфектов содержат нулевую ступень, как и перфект страдательного залога, от которого они образованы: *τέταχα* от *τάσσω* (ср. *τετάχαται*), *ῆχα* от *ἄγω*, *δέδιωχα* от *διώχω*, *δέδειχα* от *δείκνυμι*, *δέδίδαχα* от *διδάσκω*, *κέχρυχα* от *κήρυσσω*, *πεψύλαχα* от *ψυλάσσω*, *τέτραψα* (Демосфен XVIII, 296) от *τρέψω* (ср. *τετράψαται*), *τέτριψа* от *τρίψω*, *ἀλήμιψа* от *ἀλείψω*, *βέβλαψа* от *βλάπτω* и т. д.

У некоторых глаголов, под влиянием древних перфектов типа *λέλοιπα*, перфекты с придыхательным получили огласовку *ο*: *τέτροψа* от *τρέψω* (Софокл, Trach. 1008;

¹ Отметим, что древние перфекты, например *λέλοιπα*, *τέτρηχа*, никогда не получали придыхательного.

Андрокид I, 131) является, повидимому, более древней формой, чем *τέτραψа*, но она была неудобна, поскольку ее можно было смешать с *τέτροψа*, перфектом от *τρέψω* (Софокл, Oed. Col. 186); кроме того, мы имеем *πέπομψа* от *πέπτω*, *κέχλοψа* от *χλέπτω*, *πέπλοχа* от *πλέχω* и т. д. Вторичный характер этого перфекта ясно показывает форма *πέπράχа* (Ксенофонт, Hell. V, 2, 32 *ταῦτα ἐπεπράχει* „такие меры он принял“), противостоящая древнему непереходному перф. *πέπραγα* (Аристофан, Plut. 629 *ὡς μαχαρίως πέπράγατε* „как вы удачливы“).

Примечание. Образованный от корня аориста *ἔντεγκον* перфект среднего залога *ἔντεγμα* является древним; действительный залог *ἔντεγχα* (Исократ VI, 60 и др.) произведен от *ἔντεγμα* по типу перфектов с придыхательным и огласовкой *ο*. По образцу *ἔντεγχα* в дорийском диалекте была создана форма *ἄγαγοχа* от *ἄγω* (§ 212).

§ 230. Перфект на *-χα* развился преимущественно как перфект результативный (относительно происхождения этого перфекта см. § 224). Огласовка в *δέδωχа*, *πέπωχа* отличается от огласовки в *δέδομαι*, *πέπομαι*, но чаще эта огласовка в действительном залоге взята из среднего залога: по образцу *είμαι* от *ἴημι* — *ἀφείχα* (Ксенофонт, Anab. II, 3, 13), по образцу *τέθειμαι*¹ — *τέθειχα* (Еврипид, El. 7)²; от *δέω* „связывать“ по образцу *δέδεμαι* — *δέδεχα*. В более позднее время от *ἔσταμαι* было образовано переходное *ἔσταχα*, отличное от *ἔστριχα* (Гиперид, Euxenippus 28; Псевдо-Платон, Axioch. 370 d). От корней иной структуры мы находим: *ἐδήροχα*, образованное от *ἐδήρομαι*, *κέχλιχα*, *τέθιχα*, *λέλιχα*, *κέχρυχα* (Менандр 781 K).

Хорошие примеры дают корни на *λ*, *ν*, *ρ*: *ἔσταλκα* по образцу *ἔσταμαι*; *διέφυλαρχа* (Еврипид, Med. 226) — форма, вытесняющая форму *διέφυρο* (Софокл, El. 306), — от *ἔφυλαρμα*; *τέταχα* от *τέταμαι*; *ἀπέκταχа* (Менандр 344 K), вытеснившее более древнюю форму *ἀπέκτοναι*; *πέραψча* (Динарх I, 15) от *πέρασμαι* и *ψάινω*. От двусложных корней: *διμόροχа*, *ἐλήλαχа* от *διμόρομαι*, *ἐλήλαμαι*; *ἀπολώλεχа* (ср. *ῳλεσα*) имеет переходное значение в отличие от *ஓλωλα*.

¹ Которое и само также является аналогической формой (см. § 221).—
Прим. перев.

² Существует, однако, и форма *τέθηχа* (I. G. II, 2490).

Примечания: 1. Если окончание *-xa* присоединялось к основе глаголов на *-ζω*, то переднеязычный исчезал бесследно: ἤραντι *от ἀράνιζω*, ἀλάκτιка *от λακτίζω*, ἥπτика *от ἔπιζω*, ἔγήтака *от εξετάζω*.

2. В дорийском диалекте на суффикс *-xa* в некоторых случаях распространялось прилихание от *τέτχα* и т. п.: сиракуз. εκερατηριχμες (Софрон 106) — от *κρατηρίζω*; арг. δεδωχε и в койнε ειρηχа (Швицер, стр. 772).

§ 231. В конце эволюции перфекта в новоаттическом диалекте самостоятельная основа перфекта, которой обладал индоевропейский язык, была окончательно включена в спряжение: в спряжении *λύω* активный и результативный перфект *λέλυχа* противостоит страдательному *λέλυμαι*. Однако при этом перфект потерял свое своеобразие. Он постепенно превратился в одно из прошедших времен и приблизился к аористу, став его экспрессивной заменой, так что мог употребляться параллельно с ним: οὐκ ἐλάττω λύον ταῦλα διεῖών ἀνήλικον καὶ τὰ πλεῖστα κατεφεύγατο μου (Демосфен, XVIII, 9).

Эта эволюция перфекта привела к его отмиранию. Так, в Новом завете перфект употребляется уже реже, чем в аттическом диалекте, причем самое спряжение его изменилось. Перфекты со значением настоящего времени становятся редкостью и имеют тенденцию перейти в систему настоящего времени: γρηγορεῖ (Матфей XXIV, 42 и др.) — образование от *ἐγρήγορε*, плюсквамперф. *ἐγρηγόρει*; στήχω (Марк XI, 25 и др.), образованное от *ἔστηκα* и продолжающее существовать в новогреческом языке в форме *στέχω*. В других случаях результативные перфекты со значением прошедшего получили вторичные окончания: *ἔβραχαν* (Лука IX, 36), *ἔγυγχαν* (Иоанн XVII, 7). Таким образом, перфект перестал отличаться от аориста и был обречен на исчезновение. В новогреческом языке мы находим, с одной стороны, причастие на *-μένος*, γραμμένος „написанный“, πεθαμένος „умерший“, с другой — в действительном залоге такую форму, как *βρήχα* „я нашел“, которая является продолжением др.-греч. *εὑρήκα*, но играет роль аориста. Греческий язык создал себе сложный перфект, сходный с французским составным прошедшим временем и образуемый с помощью перфектного причастия: *ἔχω δεμένο*. Однако более обычной является форма типа *ἔχω φέρει* „я понес“, где *φέρει* — именная основа, образованная от аориста.

Примечание. Уже в древнегреческом языке обнаруживалось стремление подчеркивать экспрессивное значение перфекта путем употребления описательных форм (*τετραμένοι εἰσ;* § 227). Известны модальные формы типа *εἴη πεποικώς* (Геродот III, 119), *ἀφρητότες ξωτί* (Геродот IV, 66). В языке трагиков, особенно у Софокла, употреблялось причастие аориста с глаголом *ἔχειν*: λήξαντ' *ἔχει* (Софокл, Оed. Rex 731)¹. Первый пример такой перифразы находим у Гесиода (Op. et al. 42); в прозе она встречается редко (Фукидид I, 68; Геродот I, 27). В действительности, однако, эта попытка получила лишь очень ограниченное развитие.

§ 232. В связи с тем, что перфект первоначально выражал собой вид, а не время, греческий язык имел тенденцию выражать в пределах форм, образуемых от основы перфекта, различие между настоящим, будущим и прошлым временем (относительно будущего см. § 300). В качестве прошедшего времени плюсквамперфект среднего залога строго параллелен перфекту среднего залога, но имеет вторичные окончания: гомер. εἴμαρτο, βέβλητο и др.

Плюсквамперфект действительного залога представляет больше трудностей. Эпический язык дает во множественном и двойственном числе некоторые атематические формы, аналогичные формам перфекта: *ἐπέπιθμεν* от *πέποιθα* (В 341), *γεγάτην* (х 138) от *γέγονα*; в 3-м л. мн. ч. с окончанием *-ταν*: *ἔστασαν* (В 177) от *ἔστηκα*, *μέμασαν* (В 863) от *μέμονα*, *ἴσαν* (Σ 405) от *οἴδα*, ср. *ἴσασι*. В аттическом диалекте сохранилось несколько форм этого типа: *ἐτέθυασαν* (Андрокид I, 59), *ἔσταμεν*, *ἔστατε*, *ἔστασαν*, составляющие обычную норму; наконец, в прошедшем времени от *οἴδα* — *ἔισμεν* (Аристофан 149 К), *ἔιστε* (Софокл, отр. 340, Пирсон), *ἔισαν* (Еврипид, Cyc. 231) были, повидимому, обычными; кроме того, в двойственном числе единственные засвидетельствованные формы — *ἔιστον* и *ἔιστη*.

Как правило, однако, основа плюсквамперфекта имеет расширение *η* или *ε*:

<i>ἔδη</i>	новоаттический	{	<i>ἔδειν</i>
<i>ἔδησθα</i>	диалект		<i>ἔδει</i>
<i>ἔδη</i>	позднегреческий	{	<i>ἔδειμεν</i>
<i>ἔδεμεν</i>			<i>ἔδειτε</i>
<i>ἔδετε</i>	язык	{	<i>ἔδεισαν</i>
<i>ἔδεσαν</i>			

¹ В этом сочетании *ἔχει* имеет непереходное значение („находиться в каком-либо состоянии“). Ср. Sophokles Electra, erkl. v. G. Kaidel, прим. к ст. 590.—Прим. перев.

З-е л. ед. ч. у Гомера — *ηιδη*, древнейшей формой основы является *ειδη*- (ср. буд. вр. *ειδησω*). Во 2-м л. ед. ч. древней является форма *ηιδησθα* (т 93; Софокл, Ant. 447); кроме того, у Гомера есть также форма *ηειδης* (X 280; относительно приращения см. § 356). В 1-м л. ед. ч. гомеровская форма *ηιδεα* (Ξ 71; Геродот II, 150), где *-α* представляет собой вокализованное вторичное окончание *-ηι*, а *ε* может быть сокращением *η* перед *-α*; аттич. *ηιδη* основано на слиянии *-εα*.

Во множественном числе аналогия форм с чередованием гласных была причиной создания в ионийско-аттическом диалекте форм *ηιδεμεν* (засвидетельствована слабо, введена как исправление формы *ηιδεμεν* у Софокла, Oed. R. 1232), *ηιδετε* (Еврипид, Bacch. 1345), *ηιδεσαν* (Геродот VII, 175 и др.). Далее, аналогия привела к созданию в 3-м л. ед. ч. формы *ηιδεε* (B 409; Геродот II, 100), откуда аттическая форма 3-го л. ед. ч. *ηιδει*, которая является обычной, затем — в новоаттическом — 1-е л. ед. ч. *ηιδειν* (Демосфен XVIII, 66), 2-е л. ед. ч. *ηιδεις* (Аристофан, Thesm. 554). Наконец на множественное число была распространена основа *ηιδει-*: *ηιδειμεν* (Эсхин III, 82), *ηιδειτε* (Демосфен LV, 9), *ηιδεισαν* (Септуагинта, Gen. XLII, 23). Эта флексия на *ει* и засвидетельствована в Новом завете.

Аттические плюсквамиперфекты спрягаются по следующему образцу: *ἐλεύθη* (-*ειν*), *-ηις* (-*εις*), *-ει*, *-ειμεν* (-*ειμεν*), *-ειτε* (-*ειτε*), *-εισαν* (-*εισαν*).

Примечание. У Гомера находим несколько изолированных примеров плюсквамиперфектов, образованных при помощи тематического гласного *ε/ο* наподобие *ἔλειπον*; например, *ἔρειπον* (ι 439).

НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

§ 233. Основы настоящего времени могут иметь в греческом языке весьма разнообразную структуру. Большая часть индоевропейских типов продолжает существовать и в греческом языке, по крайней мере в виде следов. Некоторые из основ — корневые, т. е. элементы флексии непосредственно присоединяются к корню; другие — суффиксальные, т. е. к корню добавляется формирующий элемент, свойственный настоящему времени и характеризующий последнее в противоположность другим основам. Отдельные основы имеют удвоение. При этом существо-

стуют два совершенно различных типа спряжения: спряжение атематическое, где окончания *-μι*, *-σι*, *-τι* и т. д. присоединяются к основе без каких бы то ни было промежуточных элементов и где гласный допускает принципиально чередование полной ступени и ступени редуцированной; и спряжение тематическое, в котором между корнем и окончанием находится тематический гласный *ε/ο* (ср. *λόγος* в именной системе). В общем была тенденция заменить атематическую флексию флексией тематической, например форму *δείχνυμι* формой *δείχνω*.

Таким образом, не все типы настоящего времени являются одинаково древними. Некоторые из них могли произойти от аористов, например *δείχνυμι* от *ἔδειξα*, *στυγέω* от *ἔστυγον*, а иногда также и от других основ, например *δηλώω* от *δηλώτε*. Настоящее время не следует считать центром древней глагольной системы. Но спряжение производных глаголов — *φιλήσω*, *ἐφιλήσα*, *πεφιλήθη*, *πεφιλῆμα* — является вторичным образованием, имеющим своей отправной точкой настоящее время типа *φιλέω*.

Корневое атематическое настоящее время без удвоения

§ 234. Этот тип является пережитком и заключает в себе только резко аномальные глаголы, относящиеся обычно к числу наиболее употребительных. Легче всего поддается истолкованию *ειμι* „я иду“. Чередование гласных ясно видно в изъявительном наклонении — ед. ч. **ει-*, во мн. и дв. ч. *i*: *ειμι*, *ει* (из **ει-σι*), *εισι* (из **ειτι*), *ημεν*, *ητε*, *ησαι* (§ 351), *ητων*.

Соответствующий имперфект имеет в аттическом диалекте более сложную структуру:

Ед. ч.	Мн. ч.	Дв. ч.
<i>ηια</i> , новоаттич. <i>ηιειν</i>	<i>ηιμεν</i> , корней <i>ηιειμεν</i>	
<i>ηιεισθα</i> , новоаттич. <i>ηιεις</i>	<i>ηιτε</i> , корней <i>ηιειτε</i>	<i>ηιτων</i>
<i>ηιει</i>	<i>ηισαν</i> и <i>ηιεισαν</i>	<i>ηιτη</i>

Аттические формы становятся понятными только при сопоставлении с гомеровскими; нулевая ступень засвидетельствована в дв. ч. *ητων* (A 347) и 3-м л. мн. ч. *ησαι* (A 494). Приращение *ε* (§ 356) появляется в 1-м л. ед. ч.

ἢα (где -α представляет собой окончание *-η₁) и в 3-м л. мн. ч. ἤσαν, которым точно соответствуют аттические формы.

Другое 3-е л. мн. ч. ἤσου (ф 370, ф 501), восходящее к *έ-i-ont (относительно окончания см. § 352), послужило отправным пунктом для возникновения тематической флексии ἤε (А 47), ἤε (Г 383), ἤμεν (х 251).

В аттическом диалекте формы ἤα, ἤμεν, ἤτε, ἤσαν ясны. Под влиянием ἤδη (отметим омонимию ἤσαν „они знали“ и ἤσαν „они шли“) этот имперфект перешел во флексию плюсквамперфекта.

В аттическом диалекте εἰμί употребляется как будущее время. В ионийском диалекте и в койнэ буд. вр. εἰμί заменено формой ἐλέθεμα, а имперфект ἤα — формой ἤρχθη.

Наклонения построены на нулевой ступени основы: ἔθι, ἔθω, ἔθηται, ἔνει, ἔω.

§ 235. Глагол εἰμί „я есмь“ имеет более сложную структуру. Корень ед. ч. *es- чередовался в индоевропейском языке с нулевой ступенью *s- во множественном числе (санскр. smaḥ, лат. sumus).

В греческом языке корень ясно виден в 3-м л. ед. ч. ἔστι¹; 1-е л. εἰμί (эол. εψιμ, дор. ἤμι) происходит из *es-mi, 2-е л. εἴ происходит из *esi (ср. санскр. asi), поскольку двойное s в *es-si упростилось уже в индоевропейском языке; однако позднее была восстановлена форма ἔστι, засвидетельствованная у Гомера и в западногреческих диалектах (Софрон 134; Пиндар, Ol. VI, 90); ионийский диалект создал на основе εἴ с помощью вторичного окончания с форму εἰς (ρ 388, Геродот).

Множественное число подверглось более серьезным изменениям. В 3-м лице дор. ἔντι (Пиндар, Nem. I, 24; Феокрит XI, 45), ион.-аттич. εἰσί может быть возведено к *s-entí (с окончанием, имеющим огласовку e; ср. оск. sent); *heντι по аналогии с εἰμί перешло в ευτι; в конце концов создалось впечатление, что форма содержит в себе корневое e (относительно ἔστι см. § 351). По образцу εἰμί, ἔστι 1-е и 2-е лицо мн. ч. имеют ступень e: 2-е л. ἔστε; 1-е л.— ион. εἰμέν, дор. ἤμεν, аттич. ἤσμέν, возникшее по аналогии с ἔστέ. Дв. ч. ἔστον.

¹ С ортотонической формой ἔστι.—Прим. перев.

П р и м е ч а н и я. 1. Дорийский диалект иногда употребляет ἤα как 3-е л. ед. ч. (Родос, Швицер 284; Феокрит I, 17 и др.), ср. ἤу в ионийско-аттическом.

2. Относительно ударения в εἰμί см. Vendryes, Traité d'accentuation grecque, стр. 108 и 115.

§ 236. Аттическое спряжение имперфекта:

Ед. ч.	Мн. ч.	Дв. ч.
ἤ (староаттич.)	ἥμεν	
ἥ (новоаттич.)		
ἥσθα	ἥτε	ἥστον
ἥ	ἥσαν	ἥστη

За основу следует принять *ēs-; 1-е л. ед. ч. ἤ является слиянием из гомер. ἤα (Е 808), которое объясняется как *ēs-η. Но эта форма казалась недостаточно охарактеризованной, и к ней было добавлено вторичное окончание -η. 2-е лицо имело окончание -θα; в позднее время была создана форма ἤς (Псевдо-Платон, Axioch. 365 d; Новый завет; Септуагinta).

Во множественном числе форма 1-го л. ἤμεν объясняется фонетически. 2-е л. ἥτε возникло по аналогии с ἥμεν (фонетически закономерная форма ἥστε—Платон, Symp. 176 a; Аристофан, Pax 821). 3-е лицо имеет у Гомера и в ионийско-аттическом диалекте типичное ионийское окончание -σαν, но дорийский диалект, повидимому, использовал форму ἥη из *ēs-ent (Эпихарм 46; Дельфы, Швицер 326, В 30).

Самым неясным является 3-е л. ед. ч. Дорийские и эолийские диалекты дают ожидаемую форму ἤς из *est (Эпихарм 102; Феокрит II, 90; Дельфы, Швицер 326, В 38; Алкей 26 D). Но эта форма, отличавшаяся от всех известных форм 3-го л. ед. ч. и создававшая возможность смешения с формой 2-го лица, была устранена в ионийско-аттическом диалекте. Ее заменила у Гомера форма 3-го л. мн. ч. ἥεν из *ēs-ent (А 381 и др.). Употребление этой формы в качестве 3-го л. ед. ч. могло начаться с таких фраз, как ἔνθα μάλιστα μάχῃ καὶ φύλοπις ἥεν (N 789) или δῆτε τετελεσμένα ἥεν (Σ 4). Слитная форма ἥη, засвидетельствованная у Гомера, является единственной формой, употребительной в ионийско-аттическом диалекте. В эпическом языке имеются две другие формы—ἕη (В 217 и др.) и реже—ἥη (А 808, ф 343). Перед согласным пер-

вая могла бы означать **es* — с корнем в краткой ступени, но она встречается и перед гласным. У Гомера и Геродота имеется несколько форм с кратким начальным гласным: 1-е л. ед. ч. *ēā* из *ēa*, повидимому, в результате перестановки количества (Δ 321; Геродот II, 19), 3-е л. мн. ч. *ēzau* (Δ 267). У Геродота от *ēā* были произведены 2-е л. ед. ч. *ēas* (I, 187), 2-е л. мн. ч. *ēate* (IV, 119). У Гомера есть тематическая форма 1-го л. *ēu* (Δ 762, Φ 643).

Формы наклонений и именные формы. Повел. накл. *ēθi*, *ēstw* см. § 314. В сослагательном наклонении *ēō* и т. д. основывается на корне **es-*, но аттич. *ō*, *ēis*, *ēi* предполагают корень с нулевой ступенью **s-* и утратой придыхания¹; относительно желат. накл. *ētū* см. § 310. Об инфинитиве *eīai* см. § 325. В причастии различие между гомер. *ēōu* и аттич. *ōu* объясняется так же, как и различие в сослагательном наклонении.

§ 237. Примечание. В новогреческом языке спряжение глагола *eīi* подверглось глубокому изменению. В настоящем времени 3-е л. ед. и мн. ч. *eīai* происходит, повидимому, от *ēi* (частица, эквивалентная *ēnesti*, часто встречающаяся в койнэ). С другой стороны, глагол перешел в средний залог. У Гомера есть повел. накл. *ēsso* (α 302 = γ 200); в имперфекте находим *ētūn* в рукописях Лисия (VII, 34) и Ксенофонта (Сугор. VI, 1, 9). Этот имперфект среднего залога хорошо засвидетельствован в Септуагинте и в Новом завете (Матфей XXIII, 30). В настоящем времени новогреческая форма *eīai* появляется в IV в. н. э.

§ 238. Формы (дор. *φāmī*), *φīc*, *φītī*, *φāmēv*, *φatē*, *φāsī* дает закономерное чередование гласных (корень **bhā-*,ср. лат. *fāgi*). Относительно 2-го л. ед. ч. *φīc* см. § 343. Относительно ударения см. Vendries, *Traité d'accentuation*, стр. 115. Чередование наблюдается также в имперф. *ērūn*, *ērāmēv*. Флексия среднего залога играла большую роль в спряжении этого глагола у Гомера: *φātō* (Δ 188 и др.), *φāmēvōs* (Ε 290 и др.); на основании *φīmī* были образованы буд. вр. *φītō* и аор. *ērūsa*. В настоящем времени с этой основой конкурировала производная основа *φāskhō*.

¹ Проще и правдоподобнее объясняются аттические формы как результат слияния гласных в формах *ō*, *ēis* и т. д. Следует отметить в контексте этого глагола отступление от атматического типа; формы с кратким тематическим гласным нигде не засвидетельствованы (§ 304). — Прим. перев.

§ 239. С *φīmī* сближалось *ēmī* „я говорю“ (Аристофан, Nub. 1145), 3-е л. ед. ч. *ētī* (Гермипп I К). Имперфект в аттическом диалекте: *ētū dēγō*, *ētū ūō*. Самой древней формой является 3-е л. ед. ч. имперф. *ētō*, встречающееся у Гомера (Α 219). Предполагают, что она произведена от заднеязычной основы **tkt* (ср. лат. *aiō*, *adāgiūm*). На основании *ētō* были образованы некоторые другие формы по типу *φīmī*.

§ 240. Два распространенных средних атматических глагола имеют точное соответствие в индоиранском языке; это — *xeīta* „он лежит“, ср. санскр. *çete* (относительно 3-го л. мн. ч. см. § 354; относительно сослагательного наклонения — § 304, 305), и гомер. *ēsta* „он сидит“, санскр. *äste*. Этот глагол (корень **es-*) в древнее время спрягался по типу гомер. *ēsta*, *ēsthe*, но *ēma*, *ēmeda* с выпадением *ē* перед *μ*, 3-е л. мн. ч. гомер. *ēata*. По аналогии с *ēma* были образованы формы *ēta*, *ētai*, которые обычно употребляются в аттическом диалекте в составном глаголе *xādētma*. Начальное придыхание, возможно, является результатом предварения придыхания, которое могло возникнуть в *ēma* из **ētma*, **ētma*; возможно также, что оно появилось по аналогии с *ēsma*.

Эти две основы настоящего времени не имеют чередования гласных.

Греческий язык сохранил также атматические формы настоящего времени среднего залога, происходящие от двусложных корней без чередования: *ātāma*, гомер. и ион. *ērāma*, *khērāma*, *pētāma* „летать“ (Пиндар, Pyth. VIII, 90; Nem. VI, 48), гомер. *diēra*, гомер. (*F*)*ēma* „я устремляюсь“ (Θ 301), которое первоначально отличалось от *ēma* (Δ 77), среднего залога от *ētī*.

Эти архаические глаголы мало употребительны; те же из них, которые образованы от употребительных корней, вытеснились другими образованиями (ср. *ērāw* вместо *ērāma*!).

§ 241. В качестве пережитков язык сохранил несколько форм атматического настоящего времени действительного и среднего залога. Сюда относятся: инф. *āmēna* „дуть“; — инф. *ēmēua* „есть“ (Δ 345), ср. лат. *esse* „есть“, однако в соответствии с прич. *ēdōu* (§ 334) и 3-м л. мн. ч.

éðouj (§ 351) было создано 3-е л. ед. ч. тематического наст. вр. éðe! (0 636); — óssai „ты порицаешь“ (ρ 378); — óratai „они спасают“ (Σ 515), éðužðai (ε 484) наряду с óroraí и éðóraí; — déxatai „они получают“ (M 147) представляет собой атематическую форму 3-го л. мн. ч. от *déymat, причем придвижение появилось здесь под влиянием 2-го л. мн. ч. déxðe и инф. déxðai (A 23); существуют и тематические формы — ион. déxomaí, где появляется исконная форма корня, и аттич. déxomaí, в котором аспирация происходит от déxatai; dékto (B 420), déymenɔ̄ относится, таким образом, к основе настоящего времени. Таким же образом и аор. ýéuto и lékto (§ 183) могут представлять собой древние основы настоящего времени, употребляемые в качестве аористов.

Прич. xtímeiɔ̄ (B 501) является атематической формой, существующей наряду с xtízɔ̄; — также и инф. ámœuaí „насыщать(ся)“ (Φ 70) наряду с áw.

От корня *ȳes- (ср. лат. vestis, греч. eí̄ma) греческий язык унаследовал атематическое настоящее время, соответствующее санскр. vaste: гомер. eí̄maí (τ 72), éssai (ω 250); однако прич. eí̄menɔ̄ (A 149 и др.), с ударением на предпоследнем слоге, доказывает, что основа эта рассматривалась как перфект. Относительно атематической флексии слитных глаголов см. § 291.

Атематические формы настоящего времени с удвоением

§ 242. В греческом языке существуют четыре весьма употребительные атематические основы настоящего времени с удвоением: díðom̄i (санскр. dadāmī; ср. лат. dō); tíðom̄i (санскр. dadhāmī, ср. лат. faciō); íðmi, восходящее к *j̄-j̄-mī (корень лат. iaciō); íst̄om̄i (дор. íst̄omi), которому за пределами греческого языка соответствуют тематические формы, как лат. sistō. В отличие от индоиранского удвоения на e греческий язык имеет удвоение на i.

Эти основы настоящего времени имеют одинаковое спряжение, представляющееся, с точки зрения греческого языка, аномальным. Мы встречаем здесь закономерное предчередование гласных, с нулевой ступенью (которая пред-

ставлена в этого рода корнях кратким гласным) в двойственном и множественном числе действительного залога и во всех формах среднего залога: díðom̄i, díðomeu, díðom̄ai; tíðom̄i, tíðemeu, tíðemai; íðmi, íðmeu, íðmai; íst̄om̄i (дор. íst̄omi), íst̄ameu, íst̄amaí. В имперфекте глагол íst̄om̄i закономерно противопоставляет 1-е л. ед. ч. íst̄u формам 1-го л. мн. ч. íst̄ameu и 1-му л. ед. ч. среднего залога íst̄am̄u, но у других глаголов долгая ступень может быть представлена дифтонгом: мы имеем, с одной стороны, ét̄íðηu, ét̄íðemei, ét̄íðei, íðu, íðe, íði, противопоставляемые формам ét̄íðemeu, ét̄íðei, íðemeu и т. д.; с другой — édíðou, édíðou, противопоставляемые формам édíðomeu и т. д. В 1-м л. ед. ч. имперфекта от tíðom̄i и íðmi находим также иногда формы на -eū, например áfíeū (Платон, Euth. 293 а). Нельзя ли предположить, что формы с дифтонгом возникли под влиянием повелительных наклонений tíðei!, íðe!, díðou?

Это изменение повлекло за собой важные последствия для флексии глаголов данного рода. В гомеровской вульгате имеются в настоящем времени формы типа 2-го л. ед. ч. áñieiɔ̄ (E 880), mēðeis и 3-го л. ед. ч. tíðei (N 732), которые рассматривались в ионийском диалекте как слитные; ср. tíðei (Геродот I, 113), áñiei (Геродот III, 109) и др. От наст. вр. díðom̄i имеем формы díðeis (I, 164, Геродот V, 18), díðeis (I 519; Геродот I, 80), тождественные с формами слитных глаголов на -o. Эти различные формы опираются на 3-е л. мн. ч. tíðeis (II 262, Геродот), íðeis (Γ 152, Геродот), díðobos (B 255), которое восходит к tíðeu, íðeut, díðout и получило в ионийском диалекте ударение, свойственное слитным глаголам.

Глагол íst̄om̄i также перешел в ионийском диалекте на слитную флексию: 3-е л. ед. ч. имперф. íst̄a (Геродот II, 106), 3-е л. ед. ч. наст. вр. íst̄ai (Геродот II, 143). В койнэ имеются примеры íst̄aw.

Примечания: 1. По аналогии с этими формами были созданы и другие: 3-е л. мн. ч. имперф. ét̄íðeo, (Деяния апостолов IV, 35), 1-е л. ед. ч. наст. вр. tíðō (Лукиан, Осур. 43, 81); 3-е л. мн. ч. édíðou, засвидетельствованное уже у Гесиода (Op. et d. 139); однако здесь, несомненно, следует восстановить édíðou (§ 352). Слитная тематическая флексия в ионийском диалекте распространилась на инфинитив: tíðeu (Эретрия, Швицер 808), díðou (Ороп, Швицер 811, 21), súmeiu (Феогнид 565).

2. Ионийский диалект дает примеры 1-го л. ед. ч. ét̄íðea (Геродот III, 155), образованного от ét̄íðei по образцу плюсквамперфекта.

Относительно повелительного наклонения см. § 315 и сл.; относительно сослагательного — § 306; ниже указывается, что формы сослагательного наклонения произошли из слияния, откуда *τίθω*, *ἰω*, *διδῶ*, *ἴστω*. Относительно форм инфинитива см. § 325.

Общую черту структуры этих основ составляет обнаруживающийся во всех наклонениях, кроме изъявительного, параллелизм между удвоенными основами настоящего времени и основами аориста без удвоения: *ἴστω* и *στῶ*, *τίθω* и *θῶ* и т. д. Исключения: 2-е л. ед. ч. повелительного наклонения, где *ἴστη*, *τίθει*, *ἰει*, *δίδοι* отличны от *στήνθι*, *θές*, *ἔς*, *δός*; инф. *ἴσταναι*, *τίθεναι*, *ἰέναι*, *δίδυναι*, но *στήναι*, *θεῖναι*, *εἶναι*, *δοῦναι*. В среднем залоге отметим в изъявительном и повелительном наклонениях различие между *ἔτίθεσσο*, *τίθεσσο*, *δίδοσσο* и *ἔθου*, *θοδ*, *δοδ*. В флексии *ῆμι* имеем *ἴεσσο* для имперфекта и повелительного наклонения настоящего времени, а в аористе — изъяв. накл. *εἴσο* и повел. накл. *οὐ*. Существовала тенденция устранить эти неправильные глаголы. В койнэ, кроме слитных форм, имеются еще тематические формы, например *ἔδιδετο* (Деяния апостолов IV, 35) или *ἴστανω* вместо *ἴστημι*. В новогреческом языке эти глаголы заменены тематическими глаголами, обычно производными *θέτω*, *ἀφίγω* (= *ἀφίημι*), *δίγω* и *στήρω*.

§ 243. Греческий язык обладал и некоторыми другими примерами настоящего времени с удвоением такого типа, но менее употребительными: *διδήμι*, 3-е л. мн. ч. *διδέασι* (Ксенофонт, Anab. V, 8, 24); *δύνημι* (удвоенная основа с приставкой), средний залог *δύνηματι*; дор. *βίβαυτι* (Поллукс IV, 102), Гомер. прич. *βίβάς* (II 213), являющиеся древними, ср. санскр. *jīgāti*; *ἄηθι* (γ 380, π 184), *ἷματι* (Нунц. in Рана 48), представляющие собой, вероятно, формы настоящего времени (от **si-slē/ə*), но эол. *ἔλλαθι* (Вакхилид X, 8), повидимому, перфект.

Без чередования и с долгим гласным в среднем залоге — *δίζημι* (Гомер, Геродот) от **di-diā*, ср. *ζητέω*.

Удвоение может иногда содержать в себе носовой звук: в аттическом диалекте есть глагол *κίχραμι* (Демосфен LIII, 12), средний залог *κίχραμαι*; диалектные формы с крат-

¹ Из **σε-σλα-θι* [Ф. § 71]. — Прим. перев.

кой ступенью на *ε* (несомненно, древней; ср. *χρή* с древним *ē*); в дельфийском — *κιχρετώ* (Швицер 324, 20), в фессалийском — инф. *εσκιχρεμεν* (Швицер 617), но в критском — форма с носовым *κιχρητή* (Коллис 5112). Некоторые основы настоящего времени всегда имеют удвоение с носовым звуком: *πίμπλημι*, *πίμπλαμεν*, *πίμπλαμαι*, где корень первоначально был на *η/ε*, ср. *πλήρης*, лат. *plenus* и ион. прич. ж. р. *πιμπλεῖσαι* (Гесиод, Theog. 880); *πίμπρημι*, 3-е л. мн. ч. наст. вр. *ἐπιμπράσαι* (Фукидид III, 74), 3-е л. мн. ч. имперф. *ἐπίμπρασαν* (Фукидид VI, 94).

В сравнительно позднее время были образованы: *εἰσπιφράγματι* „заключать во что-либо“ (Аристотель) на основании аор. изъяв. накл. *ἐπεισέφραγμε* (Еврипид, El. 1033), который происходит, повидимому, из *ἐπι*, *εἰς*, *πρό*, *γέ* (аорист от *γῆμι*); далее, в койнэ *τίτρημι*, *τίτραναι*. Форма *ἵπταμαι* „лечь“ (Бабрий 65, 4) также была создана поздно на основании *πέτομαι*, по образцу *ἴσταμαι*.

Эти атематические формы настоящего времени подверглись изменению еще скорее, чем часто употреблявшиеся глаголы *ἴστημι*, *τίθημι* и т. д. Некоторые рано перешли к тематической слитной флексии: *πιμπλάω* (Гиппократ, Epid. VI, 8, 7 и др.)

Корневое тематическое настоящее время

§ 244. Тип корневого настоящего времени без удвоения широко представлен в греческом языке. Флексия его была проста и поэтому могла не только сохраниться, но и получить дальнейшее распространение.

Есть основания считать этот тип древним для тех основ, которые имеют в корне огласовку *ε*, и сравнительная грамматика дает иногда возможность найти соответствующие формы и в других языках. Примеры: *γέρω*, *δέρω*; *δρέπω*; *ἔλκω*; Гомер. *ἔνυετε* „скажи“ (лат. *insece*); *ἔπομαι* „следовать“ (лат. *sequor*); *ἔπω* „заниматься чем-нибудь“ (санскр. *sapati*, родственное лат. *sepelio*); *ἔρειδω*; *ἔρείχω*; *ἔρείπω*; *ἔρέψω* (лат. *serpō*, санскр. *sarpati*); *εῦω* (от **eusō*, ср. лат. *igō*); *ἔχω* „держать“ наряду с другим наст. вр. *ἔχω* (санскр. *sahate*); в памфилийском диалекте есть основа настоящего времени от другого корня *μεχω* „возить“, повел. накл. *μεχετό* (Швицер 686, 24; лат. *vehō*); *θέω* „бежать“ (санскр. *dhavate*); *κέλομαι* наряду с *κελεύω*; *λέγω*

„собирать, говорить“ (лат. *legō*); *λείψω* (в латинском языке настоящее время иного типа — *libāre*); *λείπω* (лит. *lēkiū*) наряду с *λιπάνω* (лат. *linquō*); *λέπω*; *μέλπω*; *μένω* наряду с *μίμω* (лат. *mimēō* — другого типа); *νέμω*; *νέμομαι*, корень **nes-* (санскр. *nasate*), *νέστος* (относительно *νισσοραι* см. § 294); *όρέγω*; *πείθομαι* (лат. *fīdō*); *πέχω*; *εὐλόμαται* (корень **k^hel-*; ср. санскр. *carati*, лат. *colō*, где о является результатом латинского фонетического развития); *πέμπω*; *πένομαι*; *πέρδομαι* (санскр. *pardate*); *πέρθω*; *πεύθομαι* (санскр. *bodhati*) наряду с *πυνθάνομαι*; *πλέω* (санскр. *plavate*); *πνέω*; *ρέπω*; *ρέω* (санскр. *sravati*); *σέφομαι* (санскр. *tyajati*); *σπένδω* (в латинском — итеративное *spondeō*); *στέγω* (лат. *tegō*); *στείψω*; *στείχω* (готск. *steigan*); *στέψω*; *στρέψω*; *τέρπω*; *τρέμω* (лат. *tremō*); *τρέπω* (лат. *trepit*); *τρέχω*; *τρέω* (санскр. *trasati*); *φέρομαι* наряду с фактитивным *φορέω*; *φείδομαι*; *φέρω*; *χέω* (в латинском языке с другим образованием основы наст. вр. *fundō*); *φέγω*.

Такое настоящее время может быть иногда построено на расширенных корнях: от корня, давшего в латинском языке *volō*, греческий язык имеет одновременно (*F*)*έλ-δ-ομαι* и (*F*)*έλ-π-ομαι*.

Иногда тематическое настоящее время бывает образовано от корней с долгим гласным: *ἡδομαι*, *χήδω*, *λήθω*, *σήπω*, *τήχω*.

§ 245. Не всякое тематическое настоящее время является древним. От корня **ed-* глагола *έδμευμαι* „есть“ на основании 3-го л. мн. ч. *έδουσι* (из *έδ-ουτι*) были образованы формы *έδεις* (π 431), *έδει* (θ 636). Глагол *φέρω* представляет собой другой случай. Он имел, повидимому, уже в индоевропейском языке тематические и атематические формы; в латинском языке — *fer*, *ferte*, *ferre*, в санскритском — *bharti*, представляющие собой атематические формы. В греческом языке флексия тематическая, но у Гомера мы находим пример атематического повел. накл. *φέρτε* (I 171).

Сравнительная грамматика позволяет противопоставить греческому *ἀμέλγω* атематическое санскр. *mārṣī*, греческому *λείχω* атематическое санскр. *rephi* (в латинском языке настоящее время иного типа — *linguō*), греческому *στέψω* атематическое санскр. *stanīti*. Расхождение в настоящем времени различных индоевропейских языков позволяет думать, что *φέγω* представляет собой продолжение древ-

него индоевропейского атематического настоящего времени (ср. лат. *fugīō*); то же относится и к глаголу *φλέγω*, основа которого обнаруживает несовпадение огласовки с лат. *fulgō* или *fulgeō* и санскр. *bhrājate*. Сближение (*F*)*είχω* „уступаю“ с герм., др.-сакс. *wikan* (которое предполагает индоевр. *g*) дает, повидимому, основание думать, что мы имеем здесь дело с древним атематическим глаголом.

§ 246. Довольно важную группу образуют основы с огласовкой *α*: некоторые из них, например *ἄγω* (лат. *agō*), *ἄγγω* (лат. *angō*), вероятно, следует считать древними.

В некоторых случаях настоящего времени наблюдается нулевая огласовка, тогда как вообще такая огласовка характерна лишь для аориста (§ 193); таковы: *γλύφω*, *γράφω*, являющиеся техническими терминами. Эти основы настоящего времени с нулевой огласовкой происходят, по крайней мере частично, от древних аористов: *χίω*, *χλώ*, *λίτοραι* (§ 195).

П р и м е ч а н и е. В дорийском диалекте для корней с сонантом *γ* часто бывает засвидетельствована в настоящем времени огласовка *-α-*; вместо *τρέπω*, *τρέφω*, *τρέχω*, *στρέφω*, *σφέρω*, в дорийском диалекте мы находим *τράπω* (Гесихий), *τράφω* (Пиндар, Руθ. IV, 115), *τράχω* (Пиндар, Руθ. VIII, 32; Феокрит II, 147), *στράφω* (I. Г. XII, 3, 92), *φάρω* в локрском (Коллиц 1478), элейском (Коллиц 1168), фокидском (В. С. Н. 1899, стр. 611).

Огласовка *ο* в корне встречается в единичных случаях: гомер. *βόλομαι* (λ 319, α 234, π 387) является редкой формой и, возможно, вытеснило древнее атематическое образование (относительно *βούλομαι* и *δήλομαι* см. § 294); *όρομαι* „надзирать“ (γ 471, ξ 104), ср. лат. *vereor* и *όράω*; *οἴχομαι*. С огласовкой *ω*: *τρώω* „пронзать“, *τρώγω* „грызть“.

§ 247. В отличие от тематического корневого настоящего времени тематическое настоящее время с удвоением является древним; оно представлено немногими глаголами, имеющими „определенное“ значение. Будучи параллельно тематическому аористу с удвоением, оно может иметь нулевую ступень корня, но удвоение у него не на *e*, а на *i*. Этот тип является древним и представлен в лат. *sistō*. Греческому *γίγνομαι* соответствует лат. *gignō*, греческому *ἴω* — лат. *sido* (из **si-sdō*). Значение

этих основ можно хорошо определить в тех случаях, когда они конкурируют с настоящим временем иного типа. Они употребляются там, где имеется в виду целенаправленность выражаемого глаголом процесса. Глаголу *μένω* „оставаться“ противопоставляется *μίμω* „оставаться до конца, стойко дожидаться“; у Гомера глагол *μίμω* употребляется применительно к воину, „выдерживающему написк неприятеля“. Такая же противоположность наблюдается и между *ἔχω* и *ἴσχω* (из **si-sghō*); *ἔχέμεν* *ἵππους* (Δ 302) означает „держать коней“, а *ἴσχειν* *ἵππους* (О 456) — „сдерживать коней“. Этот оттенок завершения процесса ясно виден в наиболее употребительных основах настоящего времени такого типа: *γέγομαι* „рождаться“, *ἴω* „сажать“, *πέπτω* „падать“, с огласовкой *ī* в удвоении (по аналогии с *ῥίπτω* „бросать“?), *τίκτω* „рождать“ (из **τί-τκω*, ср. *ἔτεκον*).

Такие основы имеют иногда дублеты, осложненные различными суффиксами: *ἰζάω*, *ἰσχάω*, *μιμάζω*.

Основы настоящего времени с носовой характеристикой

§ 248. В индоевропейских языках различные типы настоящего времени характеризовались носовым звуком. Так, индоевропейский язык имел атематические основы настоящего времени, характеризовавшиеся назальным элементом *-пe-/п-, включенным в виде инфиксса в корень нулевой ступени. Этот тип иллюстрируется санскр. *यु-पा-क-ति* (корень **yeug-*), 3-е л. мн. ч. *यु-प-ज-anti*. Он сохранился только в индиранском языке; латинский язык заменил его тематическим наст. вр. *iungō*; греч. *ζεύγουμι* представляет еще один отличный от других тип (§ 250).

Образование с назальным инфиксом возможно было и в случае двусложного корня. Например, в корне **dēmə-/dīmā-* „укрощать“ назальный инфикс появлялся перед звуком э. Такое образование наблюдается в архаическом наст. вр. *δάμυημι* (**d⁰m-pe-э-*), *δάμυαμεν* (**d⁰m-n-э-*).

В соединении с расширением и назальный инфикс дал тип на *-пeи-/пи- (санскр. *स्त्रिपति*, где о означает -ei-, 1-е л. мн. ч. *स्त्रिपतिः*), давший в греческом языке в результате изменения настоящее время на υ/ү: *στρόμημι*, *στρόμαμεν*. Этот тип играл известную роль в системе гре-

ческого глагола. Наконец, существовал тип тематического настоящего времени, характеризовавшийся суффиксом *-пe-/пo-; ср. лат. *serpō*, *linō*, греч. *δάκω*. Этот формант имел фонетический дублет *⁰n^e/n^o, который дает в греческом -άω, например в *ἀμαρτάω*. Настоящее время на -άω заменило в греческом языке древнее настоящее время с назальным инфиксом. Так образовалось в греческом языке настоящее время на -άω с назальным инфиксом, например *ποιθάωματι*. Обе категории настоящего времени на -άω были в греческом языке продуктивными.

§ 249. Греческий тип *δάμυημι* — наиболее архаический. В *δάμυημι* от корня **dēmə-/dīmā-* „укрощать“ (ср. *δαμάω* и *δαμάζω*, аор. *ἐδάμασα* и т. д.) назальный инфикс *-пe- в сочетании с конечным э корня дает в общегреческом языке -үā- в единственном числе действительного залога (в настоящем времени и в имперфекте); во множественном и двойственном числе и во всей флексии среднего залога (в настоящем времени и в имперфекте) назальный инфикс в его нулевой ступени п в сочетании с конечным э корня дает -үa- с кратким а. Таким образом, это спряжение дает закономерное чередование количества: ступень е, которую представляет -үā- (ион.-аттич. -үη-) в единственном числе действительного залога, и нулевая ступень, которую представляет -үa- во всех прочих формах. Следует отметить, что этот тип настоящего времени наблюдается только для двусложных корней, допускающих¹ ступень огласовки ă. Огласовка корня² при этом бывает нулевой. Представление об этой флексии может дать гомер. *δάμυημι* (Е 893 и др.): 1-е л. ед. ч. *δάμυημι*, 1-е л. мн. ч. *δάμυαμεν*, средний залог *δάμυαμαι*; имперф. *ἐδάμυημι*, *ἐδάμυαμεν*, *ἐδάμυαμαι*. Флексия параллельна флексии *ἴστημι*. Только в среднем залоге: гомер. *μάρυαμαι* (аттические надписи — *βάρυαμαι*); возможно, *δύναμαι*, но этимология здесь неясна, и все спряжение построено на основе настоящего времени; буд. вр. *δυνήσομαι*, аор. *ἐδυνήθημαι* и т. д.

У некоторых глаголов нулевая ступень корня имеет в греческом языке редкую особенность, а именно, глас-

¹ В элементе, содержащем инфикс. — Прим. перев.

² Здесь имеется в виду главный элемент корня, предшествующий инфиксам. — Прим. перев.

ный *ι*: *χίρυημι* „смешивать“ (π 14) — корень *kegə-/ *krā- (ср. ἐκέρασα и κέχραιμα); *χρίμημι* „подвешивать“ (Пиндар, Pyth. IV, 25; Еврипид, El. 1217), ср. *χρέμαμαι*, *ἐκρέμασθαι*; *πλύνωμαι* „приближаться“ (Т 93), ср. *πελάζω*, *πλήτη* и т. д.; *πίτυημι* „простираять“ (λ 392, Φ 7), ср. *ἐπέτασθαι*; *σκίδημι* „разбрасывать“ (Ε 526, Ω 2, Геродот VIII, 23), ср. *ἐσκέδασθαι*.

Наст. вр. *πέρυημι* „продавать“ (Σ 292, Χ 45, несколько примеров в аттическом диалекте), ср. *πέρασθαι* (Φ 102), и аттический перф. *πέπράμαι* соответствуют др.-ирл. *te-pim*; основа содержит гласный звук *e*, несомненно заимствованный от аориста (закономерным было бы **πάρυημι*), но в эолийском диалекте находим нулевую ступень с закономерной фонетической трактовкой *ποργάμεναι* · *πωλόμεναι* (Гесихий).

Примечания: 1. Эти формы настоящего времени были заменены различными другими типами: *πελάζω* вместо *πλύνωμαι*, *πιτράσθω* вместо *πέρυημι*, *δαράζω* вместо *δάμνωμαι*; относительно *κεράνωμαι*, *κρεμάνωμαι*, *πετάνωμαι*, *σκέδανωμαι* см. § 251; с другой стороны, ионийский диалект иногда заменял флексию на *-μι* типом на *-άω*: *δαμνάω* (Феогнайд 1888), *κεράω* (Геродот IV, 66).

2. Некоторые случаи тематического настоящего времени, например *χάψω* или *τάψω*, возможно, заменили собой древнее атматическое настоящее время (§ 253).

§ 250. Греческое настоящее время на *-ῦμι* является, как указывалось выше, продолжением индоевропейского типа *-nei-/ni-*: санскр. *śtr̥ṇotī* (где о означает *eu*), 1-е л. мн. ч. *śtr̥ṇimāḥ*. По аналогии с чередованием *ā/a* (*φάμι*, *φαμεν*; *δάμναμι*, *δάμναμεν*), *η/ε* (*τίθημι*, *τίθεμεν*), *ῳ/o* (*δίδωμι*, *δίδομεν*) вместо *eu* появилось *ι*. Таким образом, мы имеем *στόρυμι*, *στρόνυμεν* и в имперфекте *ἐστόρυην*, *ἐστρόνυμεν*. В среднем залоге имеем, как и ожидается, краткое *ο*: *στόρυμαι* и т. д.

Древний тип с нулевой огласовкой в корне засвидетельствован только глаголами *ἀρνομαι* „добывать“ (Α 159 и др.), ср. арм. *արնում*; *πτάρυμαι* „чихать“; повидимому, также гомер. *τάνυται* (ср. санскр. *tanute*), которое, возможно, содержит не суффикс *-ni-*, а простое расширение *i* (корень **ten-*; отметим, что у этого глагола основа настоящего времени послужила для образования аор. *ἐτάνυσθαι* и др.); *ἄγυμι*; *ἄχυμαι*; гомер. *ἄνυμαι*, ср. санскр. *sanoti*.

В настоящем времени некоторые глаголы имеют огласовку *o*, не получившую удовлетворительного объяснения

(высказывалось предположение о влиянии аориста): *στόρυμι*, аор. *ἐστόρεσθαι*, ср. санскр. *śtr̥ṇotī*; гомер. *ὄρυμι*, *ὄρυμαται*, аор. *ὄρτο*, ср. санскр. *ṛṇotī*; *θύρυμι* (Софокл, отр. 1127, Пирсон), ср. *ἔθορην* — закономерная форма *θάρυμαται*, засвидетельствованная у Гесихия; *ὅλημι*, ср. *ὅλεσθαι*; *ὄμυμι*, ср. *ஓம்ஸா*; *ஓம்ருமி*, ср. *ஓமரேஷ்*; *ஓனுமி*, ср. *ஓஎஸா*. Четыре последние основы настоящего времени являются употребительными в аттическом диалекте.

§ 251. Несмотря на свой атматический характер, тип настоящего времени на *-ῦμι* получил некоторое распространение и породил ряд новообразований; так, у Гомера встречаем *δαίνυμι*, *δαίνωμαι* (Ι 70), представляющее собой, повидимому, вторичное образование вместо *δαίομαι*; *οἴγυμι* (Гомер и аттический диалект) является, возможно, менее древним, чем *δείγω* и *οἴγω*. Начиная с V в. (Аристофан) мы находим *φράγυμι* вместо древнего *φράσσω*. С другой стороны, ряд основ настоящего времени с огласовкой *e*, образованных от аориста, является, несомненно, греческим новообразованием; сюда относятся формы, засвидетельствованные уже у Гомера: *δείκυμι*, ср. *ἐδεῖξα*; *ἔνυμι* и ион. *εἴνυμι*, ср. *ἔσσα*, которое заняло место атматического наст. вр. *ἔσται* (§ 241); *ζεύγυμι* (ср. *ζεύεῖς*), занявшее место старого настоящего времени с инфиксом, санскр. *upakti*, лат. *iungō*; *ὁρέγυμι*, тогда как древней формой должно было быть *ὁρέγω*; *πήγυμι*; *ῥήγυμι*; *ἐέργυμι* (χ 238), являющееся редкой формой, существовавшей наряду с *ἐέργω*; *τείγυμαι* „карать“ (Γ 279), изображаемое в рукописях как *τίγυμαι*.

Аттический диалект заменил гомер. наст. вр. *μίσγω* (§ 257) формой *μείγυμι*, образованной от аор. *ἐμεῖξα*, а наряду с *κτείνω* создал форму *κτείγυμι* (Платон, Gorg. 469 а; Лисий XII, 7).

В *ἔνυμι* (ион. *εἴνυμι*) из **εσιуми* трактовка *υ* как *υ* является вторичной. В аттическом диалекте и в койна есть группа глаголов с настоящим временем на *-ῆμι*, образованным от сигматических аористов: *σφένημι* от *ἐσφέσθαι*; в позднее время — *καρένημι* от *ἐστόρεσθαι*, *ζένημι* от *ἐζέσθαι*. Таким же образом от аористов на *-ασθαι* было образовано в новоаттическом диалекте настоящее время на *-άνυμι*: *κεράνημι*, заменившее *χίρυημι*, *κρεμάνημι* вместо *πίτημι*. Так

же от *έξωσα* была произведена форма *ζύγημι*, которая встречается у Гомера; от *έστρωσα* — *στρώγημι* (Эсхил, Ag. 909 и др.), от *έρρωσα* — *ρύγημι* (Гиппократ).

В койнэ засвидетельствовано несколько форм на *-ίγημι*: *ἀποκτήγημι* вместо *ἀποκτείνημι* и даже *καθίγημαι* (Гиппократ, Fract. III, 8), образованное от *ἐκαθίσατο*, ср. *καθίζομαι*.

Приимечание. В фессалийском и беотийском диалектах наст. вр. *γύγημα*, превратившееся фонетически в *γύνημα*, перешло в тип *-υμα*: фессал. *γύνεμαν* (Швицер, 590, 45, беот. *γυνέμενον* (Швицер 516, 1).

§ 252. Под влиянием форм 3-го лица множественного числа или причастий, например *δεικνύοντι* (Геродот IV, 168), *δεικνύοντες* (Геродот III, 79), *-είνυν* (Ψ 135), *ζεύγημι* (Т 293), *δύνυν* (μ 303), *δρυγη* (М 142), ср. § 351 и 352, глаголы, имеющие в настоящем времени суффикс *-ημι*, перешли в тематический тип *-ύω*: *ἄργυρε* (φ 100; Пиндар, Ol. XIII, 12), повел. накл. *δύμητω* (Т 175), *δεικνύω* (Гесиод, Op. et d. 451), *όλλω* (Архилох 30 D), *σφευγη* (Пиндар, Pyth. I, 5), *κεραυγη* (комик Алкей 15 K). В койнэ продолжается постепенное устранение глаголов на *-ημι*. Относительно настоящего времени на *-ύω* см. § 253.

§ 253. Греческий язык унаследовал от индоевропейского тип тематического настоящего времени на *-ω*: *δάχω* (аор. *ἔδαχον*, буд. вр. *δέξομαι*); *ἔλαύω* построено на той же основе, что и *ἔλώ* — с расширением *-ι-*. В случае *πύω*, эол. *πῶω*, суффикс послужил для создания настоящего времени параллельно аористу, существование которого засвидетельствовано повел. накл. *πῆτι*, эол. *πῶθι* при тематической форме *ἔπιον*.

Можно предположить, что некоторое количество форм настоящего времени на *-ω* представляют собой вторичные образования вместо древних атематических форм от двусложных корней: *κάμω* (ср. *κάματος*, *κέκμηκα*, санскр. *सम्पीते*); гомер., ион., дор. *τάμω* (ср. *τέμαχος*, *τιμάτος*; в аттическом диалекте с новой огласовкой *ε* — *τέμω*; ср. § 194). Некоторые формы настоящего времени, содержащие суффикс *-υω*, являются, вероятно, результатом перехода *-ημι* в тематический тип. Они более архаичны, чем формы на *-ύω* (§ 252), и характеризуются тем, что после выпадения *ε* гласный, предшествующий группе

согласных, у Гомера и в ионийском диалекте удлиняется, а в аттическом остается кратким. Некоторые случаи вполне ясны: гомер. *ψήνω*, аттич. *ψήνω* с кратким *ι* (ср. Софокл, Trach. 558), аор. *ἔψητο*, возможно, заменившее собой атематическое настоящее время на *-ημι*, которое получило новую форму в *ψηνόθω*; гомер. *τίω* „платить“, аттич. *τίω* с кратким *ι*, ср. *τ(ε)ινομαι*; наряду с атематическим *ἄνωμαι* у Гомера существует *ἄνεται* (К 251) с долгим *α*, а в аттическом диалекте — *ἄνω* с кратким *α* и *άνω*. Такое же образование мы имеем и в *ψηνώ*, *κιχάνω*. Относительно настоящего времени на **-π-ι-* см. § 268.

§ 254. С другой стороны, греческий язык обладал суффиксом *-άω*, восходящим к **-o^{ne}/o-* и получившим довольно широкое распространение. Он входил прежде всего в древние основы настоящего времени с назальным инфиксом. Так, лит. *bundū* „я просыпаюсь“ в греческом языке соответствует наст. вр. *πυνθάνομαι*, „я осведомляюсь“ наряду с аор. *ἔπιθρόμη* и другим наст. вр. *πεύθομαι*; санскр. *तिष्ठति* „он оставляет“ и лат. *linquō* в греческом языке соответствует *λιψάνω* (Сапфо 96 D), представляющее собой дублет обычной формы наст. вр. *λείπω* (аор. *ἔλεπο*). Иногда носовой может принадлежать корню: *λαγχάνω* (ср. перф. *λέλογχα*). Относительно аттических форм *εἴληχα* и *λέξομαι* см. § 212, прим., и § 294; от корня **mendh-* наряду с аористом *ἔμαθον* произведено наст. вр. *μανθάνω*; так же и *χαύδανω*.

Другими примерами настоящего времени, образованного с помощью назального инфикса и суффикса *-άω*, являются: *τυγχάνω*, ср. *ἔτυχον*; *χαύδανω*, ср. *ἔσασον*; *λαυθάνω*, ср. *ἔλαθον* наряду с *λήθω* и *ληθάνω*.

У некоторых из этих глаголов рассматриваемый формант служит для выражения целенаправленности действия; такой характер имеют значения „получать“ (*λαγχάνω*, *τυγχάνω*), „узнавать, получать сведения“ (*μανθάνω*, *πυνθάνομαι*).

У Гомера встречается только шесть основ настоящего времени этого типа: *άνδανω*, *λαγχάνω*, *λαυθάνω*, *πυνθάνομαι*, *τυγχάνω*, *χαύδανω*. Но этот тип продолжал развиваться в ионийско-аттическом диалекте: ион.-аттич. *λαμβάνω*, образованное от *ἔλαθον*, заменило гомер. *λέξομαι*; таковы же *θηγάνω*, *ἐρυγγάνω* наряду с *ἐρεύγομαι*; наряду с *φεύγω* суще-

ствовало φυγάω, где идея целенаправленности действия выражена вполне отчетливо: ὅδε δεσμὸς φυγάω „так я избегну оков“ (Эсхил, Prom. 513).

Аналогичное влияние таких образований испытали удвоенные основы с носовым в удвоении: πιπλάχεται (I 679), κιγχάω вместо κιχάω (Эсхил, Choeph. 620).

Основы, поздно засвидетельствованные: δαγχάω „кусать“ (Геродиан I, 451), κινθάω „прятать“ (Гесихий), πανθάω „страдать“ (Etym. Magn. 98, 46).

§ 255. В другой группе глаголов рассматриваемый суффикс присоединялся к основам без носового: κευθάω (Г 453), ср. κεύθω; ληθάω (η 221), ср. λήθω; αἴξαω (ионийско-аттический диалект), ср. αἴξω; οἰδάω, в котором целенаправленность действия выражена яснее, чем в οἴδεω. Чаще всего суффикс -άω служил для образования настоящего времени от основ аористов: αἰσθάνομαι (от ησθόμην), ἀμαρτάω (от ἀμαρτού), καταδαρθόω (έδαρθον) и ἔδραθον), ἀπεχόμαι (ἀπέχθετο).

Иногда же этот суффикс просто присоединялся к настоящему времени, которое уже само по себе выражало целенаправленность действия: у Гомера ἵσχαω (Ξ 387) от ἴσχω; ἵζαω (К 92) от ἴζω; ἐρικάω (Ω 218) от ἐρύκω; ἀλυτκάω (χ 330) от ἀλύσκω; все эти основы настоящего времени имеют экспрессивный характер. В аттическом диалекте имеем: ὀφλίσκαω „задолжать“ с двумя суффиксами —ισκ^e/ο- и -αυ^e/ο-; приводимое у Свиды ὀφλίσκω неупотребительно.

§ 256. Суффикс наст. вр. -ω остался весьма продуктивным в новогреческом языке. С ним мы находим такие образования, как βάω (έβαλα) „класть“ (др.-греч. βάλω), φέρω (έφερα) „носить“ (др.-греч. φέρω), δίω (έδωσα) „давать“ (др.-греч. δίδωμι).

Настоящее время на -σκω

§ 257. Суффикс *-sk^e/ο- играл известную роль в различных индоевропейских языках. Однако в употреблении его были расхождения, и в самом ходе истории греческого языка значение его настолько изменилось, что трудно установить его первоначальный смысл: он подчеркивает

длительность действия и одновременно выражает его целенаправленность. Таково значение βάσκω в гомеровской формуле βάσκ' ύι (В 8) „ступай, иди“; в ионийском диалекте этот суффикс послужил для создания своеобразной категории итеративных глаголов (§ 261); наконец, он имеет начинательное значение в сравнительно новых производных глаголах, как γράσκω, образованное от ἔγραψα.

Некоторые гомеровские формы, утраченные аттической прозой, являются, повидимому, архаическими и имеют параллели в других индоевропейских языках. Так, глаголу βάσκω, рано вытесненному глаголом βαίω, соответствует санскр. gacchatī; μίσγω, замененное впоследствии формой μείγομαι, восходит к *μιγ-σκω и напоминает лат. misceō.

У глаголов, происходящих от односложных корней, корень имеет обычно нулевую ступень: φάσκω „утверждать решительно, повторять“, ср. φημί; λάσκω „кричать“ из *λαχ-σκω, ср. ἥλακου; πάσκω из *πᾶθσκω [Ф. § 63], ср. ἑπαθού; о в βάσκω „кормить“ противостоит ω в βότωρ. У двухсложных корней структура огласовки бывает различна: гомер. βλώσκω, ср. ἑμολού; гомер. θρώσκω, ср. ἑθορού (относительно τι в долгом дифтонге см. § 259); θυήσκω, ср. ἑθανού (относительно τι в долгом дифтонге см. § 259); ἀναβίωσκομαι (Платон, Phaed. 71 ε), ср. ἑβίων. С другой стороны, имеем: ἀρέ-σκω, ср. ἄρεσκα; κορέ-σκω (коине), ср. ἑκέρεστα.

§ 258. Суффикс -σκω часто сочетался с удвоенной основой: наряду с βάσκω мы находим βιβάσκω; διδράσκω в ἀπόδιδρασκω (ἀπέδραυ); βιβρώσκω (έβρων); μιμήσκω (дор. μιμῆσκω); τιτρώσκω; γιγνώσκω; гомер. κικλήσκω; ἡλάσκομαι (из *si-sla-); διδάσκω, построенное, вероятно, на корне *δης-, который дал аор. ἐδάη и δέδαε; буд. вр. διδάξω, аор. ἐδίδαξα, перф. δεδίδαγμαι были построены на основе с заднеязычным звуком, взятой от настоящего времени; в аористе и в будущем времени διδασκ-ο- дает διδαξ-.

Эти основы настоящего времени с удвоением являются экспрессивными и усиливают значение суффикса; они выражают действие, которое повторяется, чтобы достигнуть определенной цели: γιγνώσκω „постепенно ознакомляться“ (Ψ 470); κικλήσκω „звать повторными призывами“ (Ι 11); διδάσκω „научать повторными уроками“ (ср. Ι 442); τιτρώσκω „покрывать ранами“ (аор. ἑτορον).

Тип с удвоением дал новые формы, иногда с фактическим значением: πιπίσκω „поить“ (Гиппократ, *Mul.* I, 63). Фактивное образование от πίω, с аористом — ἔπισα; основу πέρνημι „продавать“ заменили формы страдательного залога πιπράσκεται (Лисий XVIII, 20) и действительного залога (Лукиан, *Asin.* 32).

§ 259. Суффикс -σκω присоединялся к засвидетельствованным преимущественно в аористе основам на -ι, чередующиеся с ё и ο (ср. χάιρω; § 267). Образовавшийся таким образом суффикс -ισκω получил распространение: ἀλίσκομαι, ср. ἄλλων; ἀναλίσκω; ἀμφίλισκω, ср. ἀμφίλωσθ; εύρισκω, ср. εύρησθ; ἥρηγκα; κυήσκομαι „зачать“, ср. κυήσθ; στερίσκω, ср. ἐστέργεται и ἐστέργηται; в ионийском диалекте ῥύσκομαι „течь“ (Архилох 142 В; Гелиодор II, 19), ср. ἐρρόηται; в койине γαμίσκομαι „жениться“ (Аристотель, *Pol.* 1335 а).

От основ с удвоением в гомеровском языке произведены: ἀπαρίσκω „обманывать“, ἀρερίσκω „прилагивать“: суффикс послужил для образования настоящего времени к аор. ἡπαφον и ἡραρον.

Наконец, в некоторых случаях суффикс -ισκω заменил собой простой суффикс -σκω. Отсюда лесб. и дор. θναίσκω, ион.-аттич. θνήσκω наряду с θνήσκω; лесб. μιγνάίσκω, аттич. μιμνήσκω наряду с μιμνήσκω, которое является формой, повидимому, лучше всего засвидетельствованной в аттическом диалекте. Без параллельной формы на -σκω: у Гомера и в аттической поэзии θρώσκω; ион. κληγίσκω (*Гиппократ*, *De corde* 8) вместо κιλήσκω; χρηγίσκομαι „нуждаться в чем-либо“ (Геродот III, 117), ср. χρηγίσθ.

§ 260. Наст. вр. γηράσκω „стареть“, встречающееся у Гомера (В 663 и др.), образовано от ἐγήρα (И 148) и имело начинательное значение. Оно послужило отправным пунктом для возникновения целого ряда начинательных глаголов (ср. в латинском языке такие начинательные, как obdormīscō „засыпать“). По образцу γηράσκω было образовано от ἕβάω — γέράσκω „становиться молодым человеком“, от γενειάω — γενειάσκω „начинать обрасти бородой“. Это начинательное значение наблюдается еще в μεθύσκομαι „пьянеть“ (Геродот, Еврипид, Демосфен) и μεθύσκω „опьянить“ (Платон, *Leges* 649 д).

§ 261. Гомеровский язык и ионийский диалект Геродота создали систему итеративных глаголов на -σκε, имеющих две наиболее заметные особенности: отсутствие приращения и отсутствие иных форм, кроме имперфекта и аориста. Были предложены разные объяснения возникновения этих глаголов; вероятно, мы встречаемся здесь с особым развитием суффикса. Отправным пунктом для этой системы, возможно, послужили глагол ἐφασκε (единственный в этой системе, имеющий настоящее время и формы с приращением), и ἐσκε, являвшийся экспрессивным имперфектом от εἰμί (Г 180, Z 153 и др.; Геродот I, 196; за пределами ионийского диалекта у Алкмана 84 Д имеем ἤσκε).

Имперфекты: ἀριστεύεσκε (Z 460); βοσχέσκετο (μ 355), образованное от βέσκω, в котором содержится уже суффикс -sk/-σκε; ἐθέλεσκε (I 353) и др. От атематических глаголов: ἴστασκε (τ 574); ῥήγυσκε (II 141); κέσκετο (ξ 521), своеобразным путем образованное от κεῖμαι. В структуре этих глаголов обнаруживаются неправильности и вариации. От настоящего времени на -έω были образованы: φύλεσκε (Ζ 15), καλέσκε (Ζ 402), но καλέσκετο (Ο 338), πωλέσκετο (Δ 490). Соответственным образом для настоящего времени на -άω: ναιετάσκου (Β 539), но μιάσκετο (υ 290). Некоторые построены совершенно свободно: ισάσκετο (Ω 607) образован от ισάζω, ρέπτασκου (Ο 23) — от ρέπτασθ; κρύπτασκε (Θ 272) — от κρύπτω.

Наиболее существенное нововведение состояло в том, что суффикс -σκε, который первоначально принадлежал основам настоящего времени, стал добавляться к любой основе аориста. Аористы тематические: εἵπεσκε (Β 271), ἐλεσκε (Ω 752), ἰδεσκε (Γ 217), φύγεσκε (ρ 316). Аористы сигматические: αἴξασκε (Ρ 462), αὐδήρασκε (Ε 786), στρέφασκε (Σ 546) и др. Аористы атематические: στάσκε (Γ 217), δόσκου (Ι 331). Наиболее замечательной формой является единственный глагол этого типа, построенный на аористе на ё, выражающем состояние: φάνεσκε (λ 587, μ 241), образованное от ἐφάνημαι; ё во втором слоге объясняется аналогией с многочисленными итеративными формами на -εσκε.

Эти экспрессивные итеративы встречаются часто целями группами в одном связном тексте (например, начало Ω или стихи 586 — 600 в λ).

Геродот широко пользовался этими образованиями: ἄγεσκου (Ι, 148), κλέπτεσκε (ΙΙ, 174), σπειρέσκου (ΙV, 42),

καταλίπεσκε и λάβεσκε (IV, 78). Встречающиеся у поэтов случаи употребления глаголов этого типа обусловлены подражанием Гомеру: ταιρεύεσκε (Софокл, Ant. 950), πατάγεσκε (Алкей 45 D), κράτεσκε (Пиндар, Nem. III, 52).

§ 262. Примечание. Новогреческий язык в некоторых случаях сохранил настоящее время на -θω, например βρίσκω (от εύρισκω), βόσκω, и создал новые формы, например πρέσκω, „надуваться“.

Основы на -γω, -κω, -χω, -τω, -θω

§ 263. В греческом языке было несколько суффиксов настоящего времени, характеризовавшихся смычным звуком, главным образом -γω, -κω, -χω, -τω, -θω. Эти образования являются пережитками, а не продуктивными типами. Они дают дублеты к другим типам настоящего времени, подчеркивая иногда целенаправленность действия и выражая, таким образом, тот видовой оттенок, который Мейе назвал „определенным“.

§ 264. Примеры заднеязычных суффиксов немногочисленны: -γω в ἀποτίγουσι (II 390), построенном на корне глагола τέμνω; -κω в ἔργκω „удерживать“ (Σ 126, Ω 470) с распространением суффикса на аорист (ἔργεια, ἔργακον) и смысловым отличием от ἔργω „тянуть“; διώγω „я преследую“ с распространением суффикса на аорист ἔδιωξα, дублет к διέμαι; коринф. φώγω (Швицер 122, 9) наряду с (f)εμαι; δέκω „губить“, образованное от δλεσσα. — Некоторые глаголы содержат заднеязычную аспирату, распространившуюся на будущее время и на аорист; сюда относятся такие дублеты, как σηγχω „скоблить“ (ζ 226) наряду с σηγη; τρύχω „истреблять“ (α 248) наряду с τρύω; φήγω „чистить скребницей“ (Ксенофонт, Equ. VI, 1) и φωγω „растрипать“ (Лука VI, 1) наряду с φῆγη; γήγω „плавать“ наряду с γέω; в глаголе στεγάχω „стонать“, существовавшем наряду с στέγω, суффикс послужил для создания замены старого атематического настоящего времени (ср. санскр. stanīhi, корень лат. tonare); ἔρχομαι, постепенно вытеснившее εῖμι, образовано, повидимому, от корня *ser-, который представлен в ἔρτω и в санскр. sisarti.

§ 265. Подобные пережиточные образования наблюдаются и с суффиксами на переднеязычный: -τω в аттич. ἄγυτω, ἄφτω наряду с ἀγύω, ἀφώ.

Суффикс -θω встречается в довольно значительном числе основ настоящего времени: πλήθω (ср. πέπλημι), πρήθω (πέπρημι). Некоторые из них дали новое настоящее время атематическим корневым глаголам: ἀλήθω „молоть“ наряду с ἀλέω; γήθω „ткать“, ср. γέω и лат. pēre; был также образован производный глагол от корня глагола ἔδμευσι „есть“: ρ 478 следует, повидимому, читать ἔσθι (f)έχηλος [Ф. § 55]; ἔσθι (из *εδ-θι) представляет собой закономерную форму повелительного наклонения, на основе которой развились производные ἔσθω (η 220 и др.) и гомер. и аттич. ἔσθιω. Наконец, несколько гомеровских основ на -θω противостоят исходным основам как формы с „целенаправленным“ значением: φθύνθω „гибнуть“ (μ 131) или „истреблять“ (α 250) наряду с φθύνω „захнуть“; особенно, с окончанием -εθω: φλεγέθω „пылать, воспламенять“ (Ρ 738, Σ 211), ср. φλέγω; τελέθω „приходить, оказываться кстати“ (Η 282, Ι 441), повидимому, связано с τέλομαι; θαλέθω „цветущий“ (Ι 467), ср. θάλλω.

Суффикс -θω, выражая целенаправленность действия, оказался пригодным и для образования форм аористов. Аористы на -θον у Гомера и трагиков: κίαθον (Λ 52) от κίω¹; ἔέργαθον (Ε 147) от ἔργω; ἡμύναθον (Европид, Andr. 1079) от ἡμύνω; ἔδιώκαθον (Платон, Gorg. 483 а) от διώκω. От корня глагола ἔχω образован, кроме ἔσθον, еще аорист на -θον, ἔσχεθον „я удержал“ (Ξ 428; Эсхил, Prom. 16 и др.). Этот анализ позволяет объяснить аорист от ἔρχομαι — ἥλθον, гомер. ἥλυθον, который построен на основе *el- или, с расширением, *elu- (ср. προσέλυ-τος и др.).

Примечание. В некоторых аористах звук θ, относящийся, с точки зрения греческого языка, к корню, мог первоначально принадлежать суффиксу: κατέδαρθον „я заснул“, ср. с другим формантом лат. dormīō; возможно, также ἀπέλθαμψη, служащее аористом к ἀπελθάμαρτα „становиться ненавистным“.

Настоящее время на -ιε/-ιο-

§ 266. Главным суффиксом, послужившим для построения настоящего времени в греческом языке, является суффикс *-ιε/-ιο-. Этот суффикс наблюдается и в основах, образованных от корня, и в основах вторичного образо-

¹ Собственно, от κίε; ср. § 195 и 246.—Прим. перев.

вания, в частности в отыменных глаголах. Поскольку индоевр. *i* в греческом языке не сохранилось ни в одном положении, то суффикс этот нельзя обнаружить в его первоначальном виде. Так как трактовка звука *i* зависит от природы предшествующего элемента, то суффикс *-je-/yo- образовал несколько типов, ставших независимыми друг от друга.

Основы, образованные от корней

§ 267. Суффикс *-je-/yo- мог присоединяться непосредственно к корням. Такое его употребление восходит к индоевропейскому языку. Сравнение с фактами языков славянских и литовского показывает, что суффикс *-je-/yo- в настоящем времени соответствует аористам на *ē*: в греческом языке *μαίνομαι* соответствует аор. *ἔμάυη*, *χαίρω* — аор. *ἔχάρη* [Ф. § 38]. Но эти пары не ощущаются как образующие определенный и продуктивный тип. Факты греческого языка показывают большое разнообразие вторичных типов, а именно, основ на -έω, -όω, -εσώ, -άω, -έω и т. д.; все они содержат суффикс *-je-/yo-, но получили независимое друг от друга развитие.

§ 268. С помощью этого суффикса было построено довольно много первичных образований, частично заменивших собой древнее атематическое настоящее время. С нулевой степенью корня: *δαίω* „зажигать“ из *δαγίω, *καίω* „жечь“ из *καғіω, *χλαίω* „плакать“ из *χλαғіω, *ναίω* „обитать“ из *ναғіω, *μαίσμαι* „искать“ из *μαғіомай, *οδύρομαι* „горевать“ из *οδυғірмай; так же *φύω* „замешивать“ из *φүріω, *βαίνω* из *gʷʰn̥tjo [Ф. § 41] (ср. также *ἔρη*, лат. *veniō* и др.), *ἄλομαι* „прыгать“ из *sal-jo-, *βάλλω* из *gʷʰl̥-io-; так же *θάλλω* „процветать“, *σχάλλω* „копать“, *σφάλλω*. С огласовкой е: *ἀγέρω* из *ἀγερіω, так же *δείρω*, *δεύρω* (наряду с *δέρω*), *εἴρω* „говорить“ (от корня *ceг- глагола *έρω* и т. д.), *κείρω* „стричь“, *σπείρω*, *τείρω*, *ψεύρω* (но дер. *ψεірѡ*), *στέλλω* из *στεլіω, *χέλλω* и *οχέλλω* „причаливать“, *μέλλω*, *δέλλω*, соответствующее в аркадском диалекте (Швицер 656, 49) глаголу *βάλλω*, *χτείνω* из *χτеніω, *θείω* „ударять“, *τείω*.

Этот суффикс сочетается иногда с назальным суффиксом, который в греческом языке распространился за пределы основ настоящего времени: *ιαίνω* (наряду с *ιάομαι*), ср. *Ἴην*

и *ιάνθη*; *δραίνω* (наряду с *δρᾶν*); *ὑφαίνω* (наряду с *ὑφάω*), ср. *ὑφηγα*; *φαίνομαι* и *φαίνω*, ср. *ἔφηγα*, *πέφηγα* и *φάος*; *χλίνω*, ср. *χλινῶ*, *ἐχλίνη*, *ἐχλίνη*, но *χέχλιμαι*, *ἐχλίθη*, *χλιτός*; *χρίω*, ср. *χρινῶ*, *ἐχρῖνη*, но *χέχριμαι*, *ἐχρίθη*, *χριτός*; *πλύνω*, ср. *πλυνῶ*, *ἐπλύνα*, но также *πέπλυμαι*, *πλυτός*; *όρινω*, ср. *ὄρινῶ*, *ῷρινη*, *φρίνη* и *ῷρτο*; *ὄτρύνω*, ср. *ὄτρυνῶ*, *ὦτρυνη* и *ὤτρηρός*.

§ 269. Если корень оканчивается на звонкий заднеязычный или переднеязычный смычный, то мы получаем основу на -έω. С заднеязычным: *ἄζομαι*, ср. *ἄγιος*, однако из вероятной близости его с лат. *sacer*, *sancio* можно вывести заключение, что для этого корня существовало атематическое настоящее время; *χλάζω* (ср. *χλάγιω*); *πλάζω* (ср. *ἐπλάγχθη*); *στόζω*; *στίζω*; с огласовкой е — *ρέζω* „делать, совершать жертвоприношение“, ср. *ἔρεξα*¹. — С лабиовелярным: гомер. *λάζομαι*, которое было заменено формой *λαζбáνω* и дало вторичное образование *λάζωμαι* (по образцу *αἴνωμαι?*), ср. Нутр. in Merc. 316, Еврипид, Med. 956; *νίζω* „мыть“, буд. вр. *νίφομαι*, откуда позднее было образовано наст. вр. *νίπτω*. С переднеязычным: *σχίζω* (ср. лат. *scindō*); *φράζω* (ср. *φράдмω*); *δέω* (*δδωδа*, ср. лат. *odor*); *ξέζω* (ср. *ξδօς*); *χέζω* (перф. *χέχδα*).

Если конечный смычный — глухой, то мы получаем -έω, в аттическом и беотийском диалектах — -ττω. С заднеязычным: *ταράσσω* и *θράσσω* (ср. *ταραχή*, двусложный корень); *όρύσσω* (ср. *όρυχή*); *φρίσσω* (перф. *πέφρικα*); *πλήσσω* (*ἐπλήξα*); *πτήσσω* (*ἐπτηξα*). С лабиовелярным: *πέσσω* от корня **рекъ-*, буд. вр. *πέψω*, откуда настоящее время вторичного образования *πέπτω* (Аристотель, Плутарх). С переднеязычным: *πλάσσω* (*ἐπλασα*, ср. *χωροπλάθος*).

§ 270. Так как произношение заднеязычного в отношении звонкости могло испытывать колебания, то иногда встречается настоящее время на -σσω там, где закономерным было бы настоящее время на -έω: *μάσσω* наряду с *μάζα*; *σάσσω* наряду с *σαғή*, *τάσσω* наряду с *ταғή*. Встречаются также дублеты: староаттич. *σφάζω* и новоаттич. *σφάττω*; наоборот, в тарентинском диалекте мы

¹ Дублет *ἔρδω* представляет особую фонетическую трактовку **Feгtjow*; ср. *ἔργον* и т. д.

имеем πλάζω вместо πλάσσω (Ап. Охоп. I, 62), в эолийском — πτάζω вместо πτέρασσω (Алкей 52 D), в критском — πρᾶδδω вместо πράσσω (Коллиц, 4985); первоначально эта основа оканчивалась на звонкий, ср. перф. πέπράγα.

Примечание. В новогреческом языке суффикс -ζω получил дальнейшее развитие: βράζω „кипятить“ вместо βράσσω; τάζω „давать обет“ вместо τάσσω; βάζω „класть“ соответствует аор. βάζει (βάλον).

§ 271. Суффикс -ζω уже в древнегреческом языке играл большую роль в образовании основ настоящего времени даже вне корней, оканчивающихся на звонкие переднеязычные и заднеязычные. Он служил для образования настоящего времени от двусложных и атематических корней: κτίζω, заменившее древнее атематическое настоящее время, от которого осталось причастие среднего залога κτίμενος; δαμάζω, ср. δαμάω и лат. domō; πελάζω, ср. πελάω; οὐτάζω наряду с ούτα, которое представляет собой, повидимому, древний аорист; βιβάζω наряду с прич. βιβάσθαι¹; καλήζω вместо καλέω в кипрском диалекте. Некоторые основы настоящего времени на -ζω являются, повидимому, продолжением древних основ на ι типа σόρβι и иногда имеют дублеты на -έω: κομίζω, ср. κομέω и κάμνω; γομίζω, ср. γέμω; πορίζω, ср. πείρω.

§ 272. Там, где корень оканчивается на губной, суффикс -ζω переходит в -τω: ἀπτώ, βλάπτω, κλέπτω, κόπτω, κρόπτω, σκέπτομαι соответствует формам σκέφθομαι и σκέψημην, но обычным настоящим временем является σκοπέω. В других случаях настоящее время на -πτω оказывается вторичным образованием; относительно γύπτω и πέπτω см. § 269. Кроме того, ἐρέπτω (Пиндар, Pyth. IV, 240) вместо ἐρέψω, δύπτω (Аполлоний Родосский I, 1008) вместо δύω.

Примечание. Новогреческий язык придал суффиксу наст. вр. -πτω (-ψτω) дальнейшее развитие: γράπτω вместо γράψω, κάρτω вместо κάψω и др.

§ 273. Рассмотренный тип образования настоящего времени наблюдается также у основ с удвоением — как на ι, например в глаголах τίταίνω, βιβάζω, так и в форме

¹ Так же и с другим суффиксом: βιβάζθω (N 809, O 676, II 534). — Прим. перев.

экспрессивного удвоения начального слога: γαργάρω, πορφύρω, μορμύρω, παμφαίνω, или же с дифтонгом на ι: μοιχόλλω, παψασσω, ποψασσω.

§ 274. Суффикс *-ιε/ο- служил, вероятно, также для образования настоящего времени от корней, оканчивающихся на гласный; однако от ι, выпавшего между двумя гласными, не осталось никакого следа, и зияние повлекло за собой здесь слияние (ср. § 286, 289, 290). Реально является ι только в эолийском диалекте, где оно сохранилось после υ: φύω вместо φύω (ср. ἔφυν) или ἀλύω „быть вне себя“ вместо ἀλύθω.

После других гласных интервокальное ι исчезло уже в общегреческом языке, не оставив никакого следа: ἀλάρμαι „блуждать“, ἄμάρω „собирать жатву“, γελάω „смеяться“, εάω „позволять“, ιάομαι „лечить“, ὄράω „видеть“, ср. ὄρομαι и лат. vegeror: необходимо предположить существование основы ὄρη- с общегреческим долгим ε, ср. гомер. ὄρηαι (ξ 343), лесб. ὄρημι (Сапфо 2). Единственную основу на -ώ мы находим в ἀρώω „пахать“, ср. лат arāre.

Особенно многочисленны глаголы на -έω: ἐμέω „блевать“, аор. ἴμεσα (двусложный корень, ср. санскр. vamiti); καλέω (ср. § 291); κινέω (ср. κίνυματ); ἀλέω „молоть“, аор. ἴλεσα (двусложный корень); δέω „связывать“, буд. вр. δήσω, аор. ἐδήσα, но ἐδέθη, δέδεμαι (от того же корня δίδημι); αἰρέω, αἴρησω, ἡγρημαι, но ἡγρέθη, повидимому, корневой глагол (этимология его неизвестна).

§ 275. Существует еще группа глаголов на -έω, образованных от корней с конечной дигаммой, которые, повидимому, не содержат в себе суффикса *-ιε/ο-, относясь, с точки зрения греческого языка, к типу ἀλέω: δέω „не иметь“, ἐδέησα, но ср. ἐπιδειής, δεῖνомαι; νέω „плавать“, ἐκνέυσα; πλέω, ἐπλέυσα; πνέω, ἐπνευσα; ρέω, ἐρρόη; χέω, ἐχεα. В спряжении настоящего времени и имперфекта у этих основ происходит слияние обоих гласных, если они имеют одинаковый тембр ε: однако слияние не происходит, если второй из гласных имеет тембр ο.

Таким образом, мы имеем χει „он льет“, но χέομεν; δέομεν „у нас нет“ отличается от δεῖμεν „мы связываем“.

§ 276. Следует, наконец, отличать от гласных корней корни, оканчивающиеся на ι: στάω „тянуть“, ср. σπαστός;

ζέω „кипеть“, ср. ζεστός; ξέω „обтесывать“, ср. ξεστός; τρέω „дрожать“, ср. ἀτρεστός.

§ 277. Некоторые основы заключают в себе долгий гласный. Наибольший интерес представляет основа, построенная на корне **gʷi̥jē-* наряду с **gʷi̥jō-* в аор. ἐβίωμы имеем **ξήφ-*, откуда аттич. ξῶ, ξῆκ, ξῆν и — с огла совкой о в расширении — гомер. и дор. ξῷ. Имеются и другие основы, менее ясные, но также содержащие ё и, возможно, заменившие древние атематические основы: *κῆγν* „скоблить“ (гомер. имперф. *κῆγ*) можно рассматривать как атематический), но под влиянием основ на -άω у Геродота *κῆγν*, в рукописях Аристофана ἐπικῆγες (Av. 1586); в аттическом диалекте *χῆγ* „прясть“ (ср. лат. *peō* и т. д.); кроме того, *σῆγν* „скоблить“, дор. *λῆγ* „хотеть“; *χρῆσθαι* „пользоваться чем-либо“ (но ион. *χρᾶσθαι*); впрочем, последняя форма может рассматриваться как отыменное образование от *χρή* „нужно“, представляющего собой собственно именной корень. Наконец, в аттическом диалекте к этой группе, дающей слияние на ё, примыкают глаголы, часть которых являются отыменными (§ 278): *διφῆγ* „испытывать жажду“ (*διφῆγ* в койнэ) и *πειγῆγ* „испытывать голод“ (*πειγῆγ* только в койнэ). Все эти формы являются, повидимому, продолжением древних основ на *α̥*, ср. гомер. διφάων (λ 584), πεινάων (Г 25), дор. πειγῆτι (Феокрит XV, 148), πεινᾶμες (Аристофан, Acharn. 751), и должны рассматриваться как отыменные образования от *πειγ-* и *δίφα-*. Основу на *α̥* представляет собой также гомеровский глагол *μάομαι* „думать“, образованный от того же корня, что и *μιμησκω* (не следует смешивать его с отыменным глаголом *μάομαι* „свататься“; ср. § 278).

Отыменные основы

§ 278. Особенно продуктивным оказался суффикс *-j^e/^o- в том отношении, что он дал большое число отыменных глаголов. Разграничение между глаголами корневыми и отыменными не всегда может быть произведено достаточно четко, так как в греческом языке были имена-корни, лишенные суффикса: πάσσω можно истолковать и как корневой глагол, и как глагол, произведенный от

имени-корня, род. п. πτυχής, дат. п. πτυχί и т. д. То же относится и к глаголу πάσσω, ср. πτώξ.

Необходимо отметить, что в то время как индоевропейский язык образовал от имен только основы настоящего времени, греческий язык создал для них целое спряжение; именно это спряжение новых отыменных образований и представляет собой наиболее полную парадигму. Некоторые архаические производные указывают, повидимому, на то, что корень в противоположность имени, от которого был произведен глагол, имел нулевую ступень: βλῆτω „выжимать мед“, происходящее от μέλι, μέλιτος, и μάομαι „свататься“ (μάασθαι, α 39 и др.), восходящее к **gʷi̥nā-* [Ф. § 5, 28], нулевой ступени основы существительного, имеющего в ионийско-аттическом диалекте форму γυγή, в беотийском — βαγā.

§ 279. К глаголам на -σσω, образованным от основ, оканчивающихся на глухой смычный, относятся: καρύσσω, καρψυς, ἐρέσσω (ἐρέτης), ἀγάσσω (ἀναξ), φωρήσσω (φωρηξ), ἀλλάσσω (ср. ἀλλαχοῦ, но также ἀλλαγή).

Особая группа глаголов на -σσω служит для обозначения болезненных состояний: ἀμβλωψσω, ἰδρώσσω, ἵτερώσσω, καρδιώσσω, λιμώσσω, δυειρώσσω, πτηλώσσω. Начало развития этой группы мы находим в глаголах τυφλώσσω „быть слепым“, ἀμβλωψσω „быть близоруким“ и т. д., которые содержат корень имени, обозначающего глаз **ok̥-* (ср. ὄψη, ὄφαται): τυφλώσσω и ἀμβλωψσω являются отыменными глаголами, происходящими от τυφλός и ἀμβλωψός. Именно они и дали суффикс -σσω для образования глагольных основ с общим значением „быть в болезненном состоянии“.

§ 280. В производных глаголах от основ, оканчивающихся на δ или γ, настоящее время имеет окончание -σω. Отправной пункт развития двух очень распространенных суффиксов -άξω и -ίξω находится либо в основах на заднеязычный, например ἀρπάξω (ср. ἀρπαξ), φορμίξω от φορμίγξ, либо в основах на -αδ- и на -ιδ-: μιγάζω от μιγάς (основа μιγαδ-), ἐλπίξω от ἐλπίς (основа ἐλπιδ-), ἐρίξω от ἐρίς (основа ἐριδ-).

Но суффиксы на -σω имеют и более широкое распространение: -άξω является, возможно, довольно древним в глаголах, произведенных от имен типа δύορα или

Фа́рма — *όνομά́ω* или *θαυμά́ζω* наряду с *ένομαίνω* или *θαυμαίνω*, представляющими собой закономерные формы¹. Кроме того, суффикс *-άζω* легко вступал в соединение и с другими основами, преимущественно содержащими краткое или долгое *α*, давая, таким образом, дублеты к настоящему времени на *-άω*: *άγιά́ω*, *βιά́ω*, *πικά́ζω* от *πίκα*, *γουά́ζομαι* от *γοῦνα*, *έργαζομαι* от *έργα*; от основ других типов — *άτιμά́ω* (*άτιμος*), *στασιά́ω* (*στάσις*). Точно так же суффикс *-ίζω* был извлечен из основ с *ι*, например *χαρίζομαι* от *χάρις*; затем он получил дальнейшее распространение: *άκοντί́ζω* (*άκων*), *όνειδί́ζω* (*όνειδος*). Греческий язык образовал около тысячи глаголов на *-άζω* и около двух тысяч глаголов на *-ίζω*.

§ 281. От основ на *σ* были произведены глаголы на *-έω*, чередующиеся у Гомера с *-είω*: *νεικέω* и гомер. *νεικείω* (от *νεῖξος*); *άλεόμαι* и гомер. *άλείόμαι* (от *άλος*), аорист страдательного залога *ήλεσθη*; *τελέω* (от *τέλος*), аорист страдательного залога *ήτελέσθη*; *άρκέω* (от *άρκος*); *αἰδέόμαι* (от *αἴδως*), аорист страдательного залога *ήιδέσθη*. Эти глаголы имеют будущее время на *-εσω* и аорист на *-εσσα*, но в спряжение некоторых проникает *-ησω*, *-ησσα*, например в *άλγέω* (*άλγος*), *άνθέω* (*άνθος*), *θαυμβέω* (*θάυμβος*), *θαρσέω* (*θάρσος*), *μισέω* (*μίσος*), *πευθέω* (*πένθος*), *ταρβέω* (*τάρβος*).

§ 282. Глаголы на *-άινω* и *-ύνω* (из *οὐιέ/-*) производились первоначально от именных основ на носовой. Глаголы на *-άινω*: от *πέπιον* — *πεπάίνω*, от *ένομα* — *ένομαίνω* (у Гомера этот глагол засвидетельствован только в аор. *ένομηγα*), от *σῆμα* — *σημάίνω*. Отсюда возник тип отыменных глаголов на *-άινω*, производившихся и от других основ, преимущественно от прилагательных: *αδαίνω* от *αδής*, *θερμαίνω* от *θερμός*, *ὑγραίνω* от *ὑγρός*, *χαλεπαίνω* от *χαλεπός*; иногда от существительных: *κιδαίνω* от *κῆδος*, *θυμαίνω* от

¹ *όνομαίνω* < **όνομη-γίω* [Ф. § 3, 38] образовано от первоначальной носовой основы **όνομη-* (ср. лат. *nōmen*), которая была впоследствии заменена основой *όνοματ-*, где конечное *τ* появилось в результате присоединения суффикса *-το-* (ср. лат. *cognōmentum* и т. п.); наличие параллельных форм **όνοματ-*, *όνομανω* и **όνοματα*, **όνοματων* (по тематическому склонению) повлекло за собой появление форм *όνοματον* (по согласному склонению) и далее полной парадигмы: *όνοματος*, *όνοματα* и т. д. Ср. также М. § 79.—*Прим. перев.*

θυμός, *υπαιίνω* от *υβοῖς*. Будущее время оканчивается на *-αύω*, аорист на *-ηγε*, аорист страдательного залога на *-άνθη*, перфект на *-ασματ-*, 3-е л. ед. ч. на *-αυτα*, то есть носовой распространился на все основы.

Глаголы на *-ύνω*. Эти отыменные глаголы первоначально были связаны с именными основами на *-ι-*. Назальное расширение, которое необходимо допустить для объяснения этих производных, в некоторых случаях засвидетельствовано в именной системе: от *ιθύς* мы имеем, с одной стороны, превосходную степень *ιθύτατα* (Σ 508), с другой — наст. вр. *ιθύω*. Так возникли фактитивные глаголы от прилагательных на *-ις*: *βαθύω*, *βαρύω*, *θαρσύω*, *ιδύω*, *δέευω*, *παχύω*, *ταχύω*. Далее, тот же суффикс появляется и за пределами засвидетельствованных в греческом языке основ на *-ι-*: *αἰσχύω*, ср. *αἰσχρός* и существительное *αἰσχος*; *ἄλγυω*, ср. существительное *ἄλγος*; *χαχυομαι*, ср. *χαχός*; *καλλύω*, ср. существительное *καλλός*; *μεγαλύω*, ср. *μέγας*, *μεγάλοι* и т. д.; *μηρύω*, ср. *μηρός* и существительное *μῆρος*. Суффикс *-ύνω* легко присоединялся к основам на *α*; с другой стороны, от основы на *υ* прилагательного *γλυκός* мы имеем *γλυκαίνω*.

В спряжении глаголов на *-ύνω*, как и глаголов на *-άινω*, носовой распространился на все временные основы: буд. вр. *δέευω*, аор. *δέευνα*, аорист страдательного залога *δέενθη*, перф. *δέευμαι*, 3-е л. ед. ч. *δέευται*.

§ 283. Суффикс **-ιε/-* наблюдается также в ряде производных от основ на *τ* и *ι*, обнаруживающих закономерную фонетическую трактовку: *έχθαίρω* от *έχθρός*, *ιμείρω* от *ιμερος*, *οικτίρω* от *οικτρός*, *μινύρομαι* от *μινύρός*. С другой стороны, *δαιδάλλω* от *δαιδαλος*, *ἄγγελλω* от *ἄγγελος*, *ναυτίλλομαι* от *ναυτίλος*, *αιδίλλω* от *αιδίλος*, *στωμάλλω* от *στωμάλος*.

§ 284. Суффикс **-ιε/-* присоединялся также к основам, оканчивающимся на гласный. Так возникли различные типы деноминативных глаголов: от основ на *ά* — тип **τύπα-ιω*, от основ на *ε/ο* — типы **φύλε-ιω* и **μισθο-ιω*. Эти три типа, в особенности два первых, получили широкое развитие за пределами тех именных основ, с которыми были первоначально связаны. На каждой из этих основ настоящего времени было построено целое спряжение, создание которого было облегчено существованием

древнего прилагательного на *-τές*: по образцу γράφω, γέγραψαι наряду с γραπτές были образованы τιμῆσω, ετίμησαι, τετίμημαι и т. д. наряду с τιμήτες.

§ 285. Уже в гомеровскую эпоху система отымененных глаголов на *-ώ* представляется вполне развитой: ἀγράψαι от ἀγρή, ἀράψαι от ἄρη, αὐδάω от αὐδή, ἑράω от ἑρή, μηχανάω от μηχανή, ὄρμάω от ὄρμή, τιμάω от τιμή и т. д. Распространение этого типа, включающего в себя в дальнейшем образования от других основ, относится больше к области лексики, чем к истории спряжения. Отметим среди продуктивных категорий группу основ, обозначающих болезни: по образцу κορυζᾶν „страдать насморком“ (от κορυζά) или παδαγρᾶν „страдать подагрой“ было образовано ὕδιγνᾶν (Септуагинта) от ὕδιγεις. Много названий болезней оканчивалось на *-ία*, а соответствующие отыменные глаголы — на *-τάν*: от αἰμωδία *„зубная боль“* — αἰμωδίαν, от ναυτία *„морская болезнь“* — ναυτίαν; по этому образцу было создано ἐλιγγιᾶν „страдать головокружением“ от ἐλιγγός и т. д. Отличную от этой группы составляют: στρατηγῖαν „домогаться стратегии“ (στρατηγία), σπουδαρχῖαν „домогаться должности“ (σπουδαρχία), откуда от μαθητῆς — μαθητᾶν „стремиться стать учеником“. Глаголы на *-ώ* составляют обширную категорию. С точки зрения греческого языка, существенного различия между таким первичным образованием основы настоящего времени, как ὄράω и δράω, с одной стороны, и отыменным типа τιμάω, с другой — нет. Однако в иных временных основах может быть расхождение: спάω (§ 276) и έώιμι имеют в будущем времени и в аористе краткое *α*, тогда как нормальное спряжение отыменных глаголов характеризуется долгим *α* в общегреческом языке и *η* в ионийском диалекте: τιμήσω, δρήσω (в аттическом фонетически получилось δράσω). Что касается настоящего времени, то возникает вопрос, не является ли краткое *α* в настоящем времени τιμάω греческим нововведением. Долгое *α* в настоящем времени засвидетельствовано в атематической флексии (§ 291).

Примечание. Некоторые образования на *-ώ*, примыкающие к отыменным на *-ώ*, таковыми в действительности не являются. Сюда относятся основы с огласовкой *-ω* в корне, например υφάω (ср. υφώ), гомер. φρέγχω (ср. φρέχω) и др.; равным образом основы на *-ώ*, например σκράω *„прыгать“* наряду со σκάρω (ср. также § 274).

§ 286. Флексия глаголов на *-ώ* заключает в себе известные трудности. В аттическом диалекте мы обнаруживаем слитные формы: *α+ο*, *α+ω*, *α+ου=ω*; *α+ε*, *α+η*, *α+ει* (ложный дифтонг в инфинитиве) = *αι*; *α+οι=ωι*; *α+ει* (в изъявительном наклонении настоящего времени), *α+ηι=αι*.

В эпическом языке наблюдаются такие формы, как ὄρώω (*α* 301 и др.), ὄράται (*Η* 448), ὄρβωται (*Μ* 312), ὄρβων (*Α* 350), ὄράσσε (*Ψ* 495), ὄσσωτο (*Ψ* 448), ὄράσσαται (*π* 107) и т. д. После того как первоначальные формы ὄρώω, ὄράεις, ὄράσσι подверглись слиянию в ионийском диалекте, они были введены в гомеровский текст. Однако дактилический гексаметр не допускал слитной формы, ритмически отличавшейся от нестяженных форм. Поэтому был введен лишь тембр слитной формы с сохранением ритма неслитных форм: ὄρώω, ὄράται указывают на формы ὄρω, ὄραται, второй слог которых равносителен краткому звуку, за которым следует долгий. Таким образом, мы встречаем здесь с метрическим написанием, применяемым в текстах, предназначенных для музыкального исполнения, и не имеющим никакого значения с точки зрения этимологии. Там, где *α*, предшествующее тематическому гласному, должно было скандироваться как долгое, мы встречаем написание с *ω*: ἔρώωται (*Ι* 446), ἔρώωτες (*χ* 6, *Ω* 604), ἔρώωσαι (*ε* 69).

Примечание. В дорийском и в северо-западных диалектах тип на *-ώ* часто переходит к флексии на *-ίω*: крит. μοικίων (Гортинское законоодательство II, 21) из μοιχέων вместо μοιχών; дельф. ἐπιτιμέοταις (Швипер 346); дельфийские надписи дают одновременно σύλεοται, σύλεων, σύλεων и σύλεωτο (из *σύλεστο). Такая же трактовка наблюдается иногда и в гомеровском языке: ἔντεον (*Η* 423) от ἄνταώ; μενούίεον (*Μ* 59) от μενονάών. В рукописях Геродота — τιμέοταις (*V*, 67), но в той же главе ἐπίλων; εἰρήτεον (*I*, 158), φοιτέοταις (*I*, 37); ἔρεω (*Αρχιλοχ 22 D*) вместо ἔραω. В дорийском диалекте Феокрита — ὀπτεόμενος (*VII*, 55). Эта трактовка обычно объясняется как диссимилиация *α* перед *ο* и *ω*. Но и помимо этого, типы на *-ώ* и *-ίω* тяготели к смещению друг с другом. В дорийском диалекте, в Агригенте, мы встречаем инф. τιμεύ (*Швипер 307, 16*), в ионийском — сослагат. накл. ἐπιτιμήται (*Швипер 709 a*). В конце колебание продолжалось; ср. импф. ἔρότεον от ἔρωτάω (Маттей XV, 23). Новогреческий язык смешал в одной флексии типы на *-ώ* и на *-ίω*: φωτίς, φωτή вместо ἔρωτής, ἔρωτή, но φωτούρει вместо ἔρωτορει.

§ 287. Тип на *-έω*, также получивший большое распространение, является продолжением двух древних катего-

рий индоевропейского языка, которые не всегда легко различить в греческом.

В индоевропейском языке существовали итеративно-фактивные глаголы с огласовкой *ο* и суффиксом *-εῑθ-*. Они могли либо выражать повторное или делящееся действие, либо — в противоположность корневому глаголу — играть роль фактитивных; это тип лат. *посеō*, *досеō*, *топеō* [Э. § 217]. Эти глаголы, иногда содержащие огласовку *ο* и имеющие вполне определенные отличительные признаки в индоиранском языке, в частности, определенное место ударения, в греческом языке лишь с трудом отличались от глаголов отыменных, происходящих от тематических имен с огласовкой *ο*. Некоторые глаголы, явно корневые, не могут входить в число отыменных: *δοκέω*, итеративно-фактивный от *δέχομαι* (аттич. *δέχομαι*), аор. *ἔδοξα* (но *ἔδεκτος* уже π 415, σ 93; Геродот, Пиндар); Гомер. *δύομαι* „ехать“ (ср. кипр. *μεχετώ*); *πότεομαι* „летать“ (ср. *πέτομαι* и *ποτάομαι*); *σοβέω* „пугать, прогонять“ (ср. *σέβομαι*); *στροφέω* (ср. *στρέψω*); *κομέω* (θ 109 и др.) „заниматься чем-либо“ (аттич. *κομίζω*) является итеративно-фактивным от *κάμω*. Итеративно-фактивным к *φέβομαι* был, вероятно, и глагол *φορέω* до того, как он стал ощущаться как отыменный от *φέβος*; *ποθέω* (аор. *ἐπόθεσα*) является итеративно-фактивным, соответствующим аор. *θέσσασθαι* „молить“ (Пиндар, Nem. V, 10), прежде чем стать отыменным от *πέθος*¹.

Однако мы не можем решить, являются ли глаголы *βρομέω*, *σκοτέω*, *τρομέω*, *τροπέω*, *φορέω* итеративными соответственно от *βρέμω*, *σκέπτομαι*, *τρέμω*, *τρέπω*, *φέρω* или отыменными от *βρόμος*, *σκότος*, *τρόμος*, *τρόπος*, *φέρος*. Несколько основ имеют долгий коренной гласный (ср. лат. *sōriō*): *ῳθέω* „толкать“ (ср. санскр. *avadhīt* „он ударили“), аор. *ἔωτα*; *πωλέομαι* (Λ 490 и др.) „расхаживать“, ср. *πέλομαι*; *πωλέω* „продавать“ имеет сходную структуру, но, несомненно, иной корень. С другой огласовкой: *ῥίγέω*, корневой перфект *ῥρήγα*, но аор. *ἔρρηγησα*.

Примечание. Итеративные глаголы на *-έω* иногда имеют дублеты с параллельной основой на *-ίζω*: *κομίζω* наряду с *κομέω*, *ϑήζομαι* наряду с *ϑέω*.

¹ О соотношении между начальным *θ* в слове *θέσσασθαι* и начальным *π* в слове *πέθος* (<**φέθος*) см. Ф. § 5 и 32.—*Прим. перев.*

§ 288. С другой стороны, тип на *-έω* дал большое число явно отыменных глаголов, рассмотрение которых относится к области лексикологии. К этому относятся прежде всего производные от тематических имен: *φιλέω* от *φίλος*, *τυραννέω* от *τύραννος*, *κτυπέω* от *κύπτω* и др. Кроме того, он послужил также для образования производных от других основ: *ἡγεμούέω* от *ἡγεμών* (по образцу *στρατηγέω* от *στρατηγός*); *ἀντέω* от *ἀντή*; *φωνέω* от *φωνή* (по образцу *κτυπέω* и т. п.). К отыменным на **-εյ-* присоединились отыменные от основ на *s* (§ 281).

Наконец, к отыменным и итеративным глаголам приымкали и разные основы другого характера. Так, нам известны основы настоящего времени на *-έω*, образованные от аористов: *στυγέω* от *ἔστυγον*. Наблюдаются и такие дублеты, как *κιρέω* и *κόρω* и т. п. (относительно корневых глаголов см. § 274).

§ 289. С точки зрения греческого языка, существует единая группа основ настоящего времени на *-έω*, для которой нормой является флексия на *-ήσω* и т. д. Некоторые глаголы, ощущаемые как „неправильные“, имеют в будущем времени и в аористе основы с *ε*; это либо древние отыменные глаголы от основ на *s*, например *αἰδέομαι*, *ἀκέομαι*, *ἀρέω*, *κειχέω*, *τελέω* (§ 281), либо корневые глаголы, представляющие собой результат перехода к тематической флексии атематических основ настоящего времени: *ἀλέω*, *ἐμέω*, *καλέω* (§ 275), либо производные от корней на *s*: *ζέω*, *ξέω*, *τρέω* (§ 276); *κοτέω* „гневаться“, представляющее собой, повидимому, отыменный глагол от *κότος*, *κότου*, также образует временные основы с *ε* (*ἐκβέτεσσα* и т. д.).

Некоторые глаголы имеют одновременно формы на *-έω* и *-ήσω*, *-εσσα* и *-ησσα*. Глагол *ποθέω*, являющийся итеративным, образует буд. вр. *ποθέσσομαι* и *ποθήσσω*, аор. *ἐπόθεσα* и *ἐπόθησα*; некоторые корневые глаголы, например *αἴρεω* и *δέω* „связывать“, образуют одни формы с *ε*, другие — с *η* (§ 274); *αἰνέω*, представляющее собой, повидимому, отыменный глагол от *αἴος*, имеет следующее спряжение: *αἰνέω*, *ηγιεσσα* (иногда *αἰνήσω* и *ηγιησα*), *ηγιεχε* (но *ηγιηματι*). В настоящем времени и в имперфекте все глаголы на *-έω* подчиняются в аттическом диалекте одинаковым

законам слияния: $\varepsilon + \eta = \eta$, $\varepsilon + \eta\! = \eta\!$, $\varepsilon + e = ei$, $\varepsilon + o = ou$, $\varepsilon + \omega = \omega$, $\varepsilon + ei = ei$, $\varepsilon + oi = oi$ (относительно встречающихся особенностей, обусловленных выпадением ε между двумя гласными, см. § 275).

§ 290. Глаголы на $-ō$ представляют собой отыменный тип, созданный греческим языком и не имеющий соответствия в других индоевропейских языках. Настоящее время этих глаголов является, повидимому, менее древним, чем другие основы, а средний залог более древним, чем действительный. В греческом языке существовали отглагольные прилагательные на $*-ōtos$, образованные от основ на $-e/o-$, например $\chiōlōtēs$ от $\chiōlos$, $stēfauōtēs$ от $stēfaus$. По этим формам были построены сначала перфекты страдательного залога $\chiēbōlōtai$ (α 69), $\dot{\chi}ētefānōtai$ (Σ 485), затем, аорист страдательного залога $\dot{\chi}ēbōlōdū$ (N 206), фактитивный сигматический аор. $\dot{\chi}ēbōlōsē$ (Σ 111), наконец, наст. вр. $\chiōlobōtai$ (θ 407); настоящее же время действительного залога со значением $\chiōlōbō$ „сердить“ появляется только в более поздней прозе. Историей этой системы объясняется тот факт, что основы настоящего времени на $-ō$ имеют, как правило, фактитивное значение: уже Гомер употребляет глагол $\dot{\delta}ēlōbō$ „опустошать“ (Λ 153), образованный от $\dot{\delta}ēlos$. Ионийско-аттический диалект проводит это образование последовательно: $\dot{\delta}ēlōbō$ „делать ясным“ от $\dot{\delta}ēlos$, $\vartheta aνatōbō$ „предавать смерти“ от $\vartheta aνatos$, $χakōbō$ „турно обращаться“ от $χakōs$, $mīθōbō$ „давать втаймы“ от $mīθōs$, $stēfauōbō$ от $stēfaus$ и др.

Аттическая флексия настоящего времени на $-ō$ определяется несколькими простыми правилами: $o + \omega = \omega$, $o + \eta = \omega$, $o + o = ou$, $o + ou = ou$, $o + e = ou$, $o + ei = oi$, $o + \eta\! = oi$, $o + ei = oi$ (но в инфинитиве $o + ei$ ложный дифтонг $= ou$).

П р и м е ч а н и я: 1. Корневой глагол $\dot{\alpha}rōbō$, вошедший в это спряжение (носр. § 274), имеет o в будущем времени и в аористе: $\dot{\alpha}rōbōs$, $\dot{\alpha}rōsē$.

2. В аттическом диалекте было два глагола на $-ō$ совершенно иного происхождения: $\dot{r}īgōbō$ „забыть“ и $\dot{l}ōrōbō$ „потеть“; слияние в них дает ω и ou вместо ou и o : инф. $\dot{r}īgōbō$, прич. ж. р. $\dot{r}īgōs$, сослагат. накл. 3-е л. ед. ч. $\dot{r}īgō$, желат. накл. 3-е л. ед. ч. $\dot{r}īgōtē$.

3. Глаголы на $-ō$ представляют собой отмирающий тип. В конце их сохранилось лишь немного. В новогреческом языке употребляются

фактивные глаголы на $-ōwō$: $\beta\varepsilon\betaaiōwō$ „подтверждать“ вместо $\beta\varepsilon\betaaiō$, $\gamma\mu\muōwō$ „обнажать“ вместо $\gamma\mu\muō$, $\vartheta aνatōwō$ „предавать смерти“ вместо $\vartheta aνatō$.

§ 291. Слияние в каждом из слитных типов происходит различно в зависимости от диалекта. Эолийский диалект имеет ту существенную особенность, что он спрягает слитные глаголы по атематическому типу. Такое спряжение является закономерным для корневых глаголов, где переход к тематической флексии — вторичное явление: $χāl̄m̄i$ (Сапфо 1, 16), гомер. инф. $χal̄meva$ (К 125); повел. накл. $χatōχrēntō$ (Швицер 620, 15) от эол. наст. вр. $\dot{a}rrēwō$; 3-е л. мн. ч. наст. вр. изъяв. накл. $χdlais$ (Алкей 30, 9 D) с окончанием $-ais$ из $-auti$ соответствует ион.-аттич. наст. вр. $χal̄awō$; прич. наст. вр. ж. р. $\gamma elaisōs$ (Сапфо 2, 5) позволяет установить корневое наст. вр. $\dot{y}elasi$; $ōr̄m̄i$ (Сапфо 2, 11), где следует отметить η , указывает на то, что $ōr̄m̄$ восходит к атематической форме (§ 274); $ār̄m̄eua$ (Гесиод, Ор. et. d. 22) наряду с $ār̄bō$.

Наконец, эолийский диалект имеет атематическую флексию на $-m̄i$ с долгим гласным для слитных отыменных глаголов. Этот тип может восходить, по крайней мере частично, к индоевропейскому языку, на что, повидимому, указывают лат. $fugās$, $fugāt$, $fugant$ и некоторые факты балтийских и германских языков¹. Такие формы хорошо засвидетельствованы, особенно в лесбосском диалекте. Глаголы на $āwō$: $āras̄ba$ (Сапфо 27 a, 22 D), $āsāmevo$ (Алкей 91 D); $φil̄m̄i$ (Сапфо 65 D), им. п. прич. $oīχei$; (Алкей 4 D); $φor̄m̄eθa$ (Алкей 30 D). Примеры глаголов на $-ōm̄i$ могут быть лишь результатом нововведения греческого языка; точно так же и соответствующий тематический тип не имеет никаких параллелей вне греческого языка: $δok̄im̄o$ (Сапфо 60 D). Несколько аналогичных фактов мы находим и за пределами лесбосского диалекта: Фессал. $st̄rataχeυtō$ (Швицер 578 B), аркад. $poēntō$ (Швицер 656, 9), кипр. $χiμerēva$, где основа на $ē$ соответствует аттич. $χiμerēnā$ (Швицер 685, 1). Наконец, Гомер употребляет в инфинитиве и в двойственном числе изъявительного наклонения несколько форм этого типа: $φor̄m̄eua$ (0 310), $φil̄m̄eua$ (X 265), $suλ̄ktēnā$ (N 202), $φoiτētēnā$ (M 266).

1 А. М е й е, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, 1938, стр. 234.

Помимо этого, в эолийском диалекте существуют тематические формы с долгим гласным, происходящие от древних атематических форм: *ποθήω* (Сапфо 20 D), *ἀδικέει* (Сапфо 1).

§ 292. Продуктивную группу составляли также основы на *-έω*. В основном это отыменные глаголы, происходящие от существительных на *-έος*: *ἴπτεω* образовано от *ἴπτείς*, *ἱερεῖω* от *ἱερεῖς*, *βασιλεῖω* от *βασιλείς*. Первоначальной формой суффикса было *-ηρ-* (§ 101), но перед согласным *-ηρ-* фонетически переходило в *ευ* [Ф. § 6], в частности во временных основах, производимых от основы настоящего времени: *βασιλεύω* и т. д. В большей части диалектов этот суффикс имеет вид *-έω*. В элейском настоящем времени типа *φυγαδείω* (Швицер 424) восходит к **φυγαδείω* и также содержит *ε*.

Этот суффикс *-έω* уже в гомеровском языке стал служить для образования глаголов от всевозможных основ. У Гомера он дал такие метрически удобные формы, как *ἷμοχεώ*, *ποιτοπορεώ* и др. В аттическом диалекте и в койнэ отыменные глаголы на *-έω* образуются в большом количестве от разного рода основ: *μάυτεύω* от *μάυτς*, *κολαχεώ* от *κόλας*, *παιδεώ* „воспитывать“ от *παις*, *δουλεώ* от *δοῦλος*; в койнэ — *αἰχμαλωτεύειν* от *αἰχμάλωτος*.

Эта группа глаголов на *-έω* позволяла построить правильное спряжение, неискаженное никакой морфологической аномалией или фонетической случайностью.

Примечания: 1. К отыменным глаголам на *-έω* примыкали глаголы различного происхождения: *εύω* „жечь“ (ср. лат. *игро*) и гомер. *σέοραι*, являющиеся корневыми глаголами. С другой стороны, некоторые основы на *-έω* содержат в себе, повидимому, расширение на *ε:* гомер. *ἄχεών* (Е 869) наряду с *ἄχεων* или *χελεών* наряду с *χελοραι*.

2. В новогреческом языке этот суффикс сохранил продуктивность: *φαρέω* „удить рыбу“ от *φάρη* „рыба“, аор. *φάρεψα*.

БУДУЩЕЕ ВРЕМЯ

§ 293. Все индоевропейские языки строили будущее время различными способами с тенденцией обновлять их, что объясняется экспрессивным характером этой основы. Греческое будущее время не имеет ничего общего с

латинским¹. В греческом языке способы его образования менялись; новогреческий язык для выражения будущего времени прибегал к новому, описательному способу².

Некоторые основы настоящего времени могли по смыслу употребляться в качестве будущего (je viens во французском языке может значить то же, что je viendrai). Таковы: *εἰμι* (Λ 169, Σ 333 и др. и постоянно в аттическом диалекте); *νέομαι* „я возвращусь“ (Σ 101), относительно *νίσσομαι* см. § 294; *γίγνομαι* (Геродот VIII, 102); *χέω* (Аристофан, Рах 169); крит. *τέλομαι* „я буду“ (Швицер 193, 46; по форме тождественно с гомер. *τέλομαι*, имеющим эолийский консонантизм); киренск. 3-е л. ед. ч. *τέγται* из **τέλται* — атематическая форма, обязанный своим возникновением влиянию *ἔσται* (Сольмсен-Френкель 39 А, 19); в более поздних текстах — *ἔρχομαι* (Новый завет, Иоанн XIV, 3).

Сослагательное наклонение, выражавшее первоначально волю, затем возможность, имеет иногда смысл, близкий к смыслу будущего: *καὶ πότε τις εἴπῃσι* (Ζ 459) „и когданибудь скажут“. Поэтому оно могло приобретать значение будущего времени: *πίσμαται* „я буду пить“ представляет собой аорист сослагательного наклонения с кратким гласным (ср. *ἔπιων*); *ἔδομαι* „я буду есть“ — сослагательное наклонение с кратким гласным атематического настоящего времени, засвидетельствованного инфинитивом *ἔδεισμαι* (§ 241). По образцу *ἔδομαι* в койнэ было образовано от аор. *ἔφαγον* буд. вр. *φάγομαι* (Лука XVII, 8 и др.) — форма, явно вторичная.

На основании этих фактов было высказано предположение, что будущее время на *-ώ* восходит к сослагательному наклонению сигматического аориста, имеющему краткий гласный. Действительно, такая форма, как *δείσω*, имеет двойственный характер: это — сослагательное наклонение в γ 344 или φ 217 и будущее время в μ 25. Все же морфологически обе формы остаются различными.

¹ Здесь имеется в виду, конечно, только латинское будущее время двух обычных типов на *-am* и на *-bo*: латинское будущее время типа *faxō* [Э. § 237] представляет полную параллель греческому.—
Прим. перев.

² См. С. В. Меликова-Толстая, Будущее время в греческом языке, „Уч. Зап. ЛГУ“, серия филологических наук, вып. 15, 1952.— Прим. перев.

В древнее время не было никакой связи между будущим временем и аористом на -σα. Будущее время имеет свойственную ему сигматическую форму для очень многих глаголов с корневым аористом: формы ἔξω, ἐλεύσομαι, πείσομαι, θήσω не имеют ничего общего с θύγατρου, θλύθου, ἑπάθου, ἕθηκα. Сами корни будущего времени и аориста могут быть различными: ὥφομαι, ἐρέω, но εἶδος, εἶπος; в спряжении глагола φέρω, θύεγχον буд. вр. οἴσομαι произведено от корня, который мы находим только в отглагольном прилагательном οἰστός.

Даже там, где аорист и будущее время имеют сигматическую форму, они могут расходиться между собой: тип буд. вр. τενέω, аттич. τεῦω, несводим к типу аор. ἔτειγα.

§ 294. С точки зрения греческого языка, будущее время вообще характеризуется сигматической основой. Этот тип будущего времени встречается и в других индоевропейских языках, например в индоиранских и балтийских, причем везде он произошел от индоевропейского дезидератива.

Греческий язык содержит основы дезидеративов, ощущаемые как настоящее время и послужившие в некоторых случаях отправным пунктом для образования целого спряжения: δέέω „я отвращаю“ (A 590 и др.); γίσομαι „я возвращаюсь“ и иногда „я возвращусь“ (Ψ 76) является дезидеративным глаголом, построенным на корне *пес-от νέσμαι; ρόβομαι представляет собой, вероятно, дезидеративный глагол, восходящий к *gʰel-so, подобно тому как др. δίλομαι (Гераклейские таблицы I, 146; Феокрит V, 27) восходит к gʰel-so.

Основное значение дезидератива заключается в том, что от него в греческом языке произошло будущее время. Иногда можно уловить первоначальное дезидеративное значение будущего времени: ήλθε λυσθένεος θύγατρα (A 12) „он пришел с намерением выкупить dochь“; τὴν δέγω οὐ λέσσω (A 29) „а отдавать ее я не хочу“. Фактически же эти дезидеративные образования играют в греческой системе спряжения роль будущего времени.

Ряд древних основ будущего времени имеет огласовку ε; это архаическое будущее время имело склонность обобщать окончания среднего залога, что довольно хорошо объясняется его дезидеративным значением.

Например, πείσομαι от πάσχω; гомер. χείσομαι (σ 17) от χαν-
δάω; τεέσομαι от τυγχάνω; εῖσομαι, буд. вр. от οἴδα; ἐλέύσομαι,
ион. буд. вр. от εἰμί „идти“ (α 88 и др., Геродот), по-
строенное на корне аор. ήλθω, ηλύθου. От εἰμί „я есть“
имеем ἔσομαι, но в 3-м л. ед. ч. ἔσται — атематическая
форма (под влиянием ἔστι). Отметим также ударение на ε
даже в сложении). Подобные же формы от корней с
долгим гласным: βίσομαι (дор. βάσσομαι), ср. βαίνω и ἔβην;
δήξομαι (дор. δάξομαι) от δάχω; λήφομαι (дор. λάφομαι) от
λαμβάνω; λήσομαι от λαγχάνω, образованное, повидимому,
по аналогии с λήφομαι; φύγομαι от φύάω, ἔφην и т. д.

Естественно, что в языке обнаруживается тенденция сблизить будущее время с другими основами глагольной системы. В некоторых случаях будущее время принимает огласовку настоящего времени и флексию действительного залога. Уже в самых древних текстах будущее от ἔω имеет форму ἔξω, и эта тенденция неуклонно распространяется. Ксенофонт употребляет φθάσω (Сугор. V, 4, 38 и др.) вместо древнего φύσομαι: эта форма связывается с наст. вр. φθάνω и аор. ἔφθασα.

§ 295. Переднеязычный спирант, характеризующий будущее время, мог фонетически удержаться только в односложных корнях, оканчивающихся на смычный (или на s): δείξω, πείσω (от πείθω), τελέσω. После гласных в λέσω и т. п. и особенно в отыменных типах — φύγίσω, τηγίσω, δηλώσω, βασίλεύσω — σ было восстановлено по аналогии с δείξω и т. д., как и в сигматических аористах. Все же в гомеровском тексте сохранилось, повидимому, несколько форм будущего времени на -ώ без σ, которые не подверглись замене аналогичными формами: ἔρθουσι (A 454 и др.), ταυόντοι (φ 174) и, возможно, ἔσανώ (A 365). Отсутствие σ является в ранних текстах правилом для будущего времени от двусложных корней. Например: ἐρέω, ἐρῶ, которое служит будущим временем к λέγω (*Цегэ-/Цгэ-; ср. είρημαι и т. д.), καροδμαι (ср. κέχημηκα, κάματος); θαυόμαι (ср. θυήσκω, θάνατος), πεσέομαι, πεσοῦμαι из *πετέομαι от корня глагола πέπτω, πέπτωκα; καλέων (δ 532; Платон, Супр. 175 а), омоним наст. вр. καλέω; ср. перф. κέχημημαι и т. д. Так же и будущее время на -ώ: δαμάσαι (Х 271), ср. δάμυμη, δέδμημαι, ἐλέωσι (N 315) и аттич. ἐλῶ от ἐλαύω; κερῶ (Гесихий), ср. κίρημη, κεράννυμι; κρεμώ

(Н 83), *χρειῶ* (Аристофан, Plut. 312), ср. *χρίγυρι* и *χρεάγυρι*; *σκέδω* (аттич.), ср. *σκίδυρι* и *σκέδαγυρι*. Будущего времени на *-ώ* (типа *δηλώ*) нет: от *όμνυμι* закономерным было бы **όμορπαι* (наряду с *όμόσω*, *όμοματ*), но в действительности это будущее время имеет основу на *-εσ-*: *όμεῖκατ* и т. д.¹.

В большей части диалектов будущее время на *-ώ* было обобщено для корней, оканчивающихся на сонант (*μ*, *υ*, *λ*, *ρ*): *δραμοῦμαι*, *χειρῶ*; *χτεῶ*, *μεῦω*, в производных — *στημαύω*, *ὑφαύω*; в основах, где *υ* не принадлежит к корню, — *χλιψῶ*, *χριψῶ*, *πλιψῶ*; *ἀγγελῶ*, *στελῶ*; *ψεφερῶ*, *χερῶ* (от *κείρω*), *καθαρῶ* и др.

§ 296. Приведенный тип будущего времени не везде имел одинаковую судьбу: некоторые глаголы на *ρ* и *λ* дают иногда, в частности у Гомера (но не в аттической прозе), сигматические формы; это древние формы, и некоторые античные грамматики рассматривают их как золизмы. В качестве будущего времени от *διαφεύερω* Гомер употребляет форму *διαφύέρει* (Н 625), но ионийский диалект — *διαφερέει*, а аттический — *διαφερεῖ*. Другие примеры: *θεράμενες* (τ 507); *ὅρσισα* (Φ 335, Пиндар, трагики), но *ὅρεῖται* (Γ 140), *χέλσειν* (Эсхил, Suppl. 330).

В койнэ и уже в новоаттическом диалекте со слитными формами будущего времени от двусложных корней стали конкурировать сигматические формы: буд. вр. *χαλέω* представляло то неудобство, что совпадало с настоящим, но в эолийских надписях мы находим *χαλέσσω*, а в новоаттическом диалекте — *χαλέσω*; вместо буд. вр. *χαμέω*, которое также совпадает с настоящим временем, мы имеем в койнэ *χαμήω*. Другие примеры: *χορέυουμι*, *χορέσσω* (Геродот I, 212); вместо гомер. *όλεῖται*, аттич. *όλῶ* встречается уже у Гомера *όλέσσω* (М 250), аттич. *όλέσω*. У основ на *α*: *έλάσω* (Гиппократ; Ксенофонт, Анак. VII, 7, 55), *χεράσω* (койнэ), *χρεάσω* (комик Алкей 8 К), *σκέδασω* (Феогнид 883 и поздние прозаики). При этом сигматический тип все больше и больше укоренялся.

Однако слитное спряжение наблюдается иногда и за пределами двусложных корней у таких глаголов, где

¹ Некоторые двусложные корни могут иметь будущее время на сигму: от *γιγάσκω* — *γιγάσκω*, от *γένομαι* — *γενήσκω*.

оно явно вторичного происхождения. У Гомера отыменный глагол *τελέω* дает наряду с ожидаемыми формами *τελέσσω* и *τελέσω* буд. вр. *τελέω*, *τελῶ* (Ι 156; Платон, Prot. 311 b); у Гомера же находим рядом в качестве будущего времени *ἀγτίάσω* (χ 28) и *ἀγτίώ* (Μ 368), соответствующие отыменным глаголам *ἀγτίάσω* и *ἀγτίώ*. Эти две слитные формы будущего времени, являющиеся вторичными, отчасти объясняются значением глаголов, настоящее время которых легко принимало смысл будущего.

Такое распространение наблюдается иногда и при менее ясных условиях. Будущее время от *μάχομαι* у Гомера — *μαχήσομαι* (или *μαχέσσομαι*), но у Гомера же и постоянно в аттическом диалекте находим *μαχέσω*, *μαχόμαι*. Эта форма будущего времени могла быть создана на основании аор. *ἐμαχεσσάμην* по типу *δλομαι*, *δλεσσα*. От наст. вр. *ἔξω*, *ἔσομαι* существует фактитивное буд. вр. *ἔσω*, засвидетельствованное в *ἀνέσει* (σ 265) и *χαθέσω* (Евполид 12, 11, Демианчук), но в аттическом диалекте было создано слитное буд. вр. *χαθεῖσθαι*. То же и *τεχεῖσθαι* как будущее время к *τίχτειν*. В койнэ находим: *πιομαι* (Аристотель, Rhet. 1370 b), *χεῶ* (Деяния апостолов II, 17) и даже *χαθεῖλω* (Лука XII, 18), образованное от *χαθεῖλον* по типу *βαλω* наряду с *ἔβαλον*.

§ 297. Образование будущего времени от производных глаголов на *-ζω* представляет разного рода трудности.

В будущем времени, как и в аористе, наблюдается колебание между основой на *-σω* и основой на *-ξω*. Аттический диалект в общем стремился распространить будущее время на *-σω*, как и аористы на *-σσα*, тогда как дорийские говоры отдавали предпочтение основам на заднеязычный. От наст. вр. *ἀρπάζω* находим *ἀρπάσω* (аттич.) и *ἀρπάξω* (Χ 310); от *ὄνομάζω* — *ὄνομάσω* (аттич.) и *ὄνομάξω* (Пиндар); от *ἐργάζομαι* — *ἐργάσσομαι* (аттич.) и *ἐργάζομαι* (Гераклейские таблицы I, 112), от *δικάζω* — *δικάσω* и *δικάξω* (дор.).

В большей части глаголов на *-ζω* элемент *-ζω* является вторичным. Поэтому весьма вероятно, что древней формой будущего времени от *χορίζω* было **χορίω* после выпадения *σ* между двумя гласными, как в форме *ἔρθουσι*; так же **ἀειχίω* от *ἀειχίζω*, **χτερίω* от *χτερίζω* и др. В атти-

ческом диалекте эти асигматические формы будущего времени примкнули к типу *μεω* и т. п. и получили слитную флексию (относительно Гомера см. Chantraine, Grammaire homérique, стр. 451). Множество примеров этого мы находим и в аттическом диалекте и в койнэ: *ἀγωγιοῦμαται*, *βαδιοῦμαται* и др.; есть даже *καθιῶ* (Демосфен XXIV, 25 и др.) от *καθίζω* (§ 247), где *-ιω* не суффикс. Однако уже с весьма ранней эпохи наблюдается конкуренция будущего времени на *-ω* с будущим на *-ιω*: аттические надписи дают один пример *σω* в качестве будущего времени к *σώζω* (I. G. 1², 188), но обычной формой является *σώσω*. В языке аттических ораторов наблюдается колебание между *φησίω* (Исей I, 51) и *φησιῶ* (надписи, аттическая проза).

Примечание. Мы встречаем даже будущее время на *-ιω* без соответствующего настоящего времени на *-ιζω*: *ἀμφιῶ* (Аристофан, *Epi.* 891) вместо *ἀμφέσω* от *ἀμφίεναι*.

Будущее время от глаголов на *-άζω* представляет собой иногда (в аттическом диалекте, впрочем, редко) слитную основу на *-άω*. Эта система могла иметь своим отправным пунктом основы будущего времени двусложных корней, например *δαμάω*, которому соответствуют как основы настоящего времени и *δαμάζω* и *δάμνυμι: δικάω* от *δικάζω* (Геродот I, 97; ионийские надписи); *βιθῶ* от *βιθάζω* (Софокл, *Oed. Col.* 381; Аристофан, *Av.* 426; Платон, *Rhaed.* 229 e), *έξετῶ* от *έξετάζω* (Исократ IX, 34).

В койнэ также встречается несколько форм такого типа: *ἀρπῶμαται* от *ἀρπάζω* (Септуагинта), *ἐργῆμαται* от *ἐργάζομαται* (Септуагинта, папирусы). Однако в Новом завете будущее время глаголов на *-άζω* всегда образуется на *-άσω*.

§ 298. Оба типа будущего времени в аттическом диалекте — будущего сигматического и будущего слитного — оказываются объединенными в образовании на *-σέω*, *-σέομαται*. Уже у Гомера мы находим от *εἰμί* — *έσσεται*! (B 393 и др.) наряду с *έσσεται*! (A 239 и др.), *έσσεται* (A 211 и др.) и *έσται* (A 136 и др.); в аттическом диалекте — *πλευσόμεθα* (Фукидид I, 143 и др.) от *πλέω*; *πνευσεῖται*! (Аристофан, *Ran.* 1221) от *πνέω*; *φεύξομαται*! (Еврипид, *Med.* 604) от *φεύγω*; *χεσεῖσθαι*! (Аристофан, *Vesp.* 941) от *χέζω*. Легко заметить, что все эти формы среднего залога.

Особенно употребителен этот тип будущего времени в западногреческих диалектах, вследствие чего он получил уже в древности название дорического будущего. В лаконском диалекте и в Гераклеев будущее слитное и неслитное существуют рядом: *εργάζηται* слитная форма¹ (Гераклейские таблицы I, 168), но *εργάζοται* (там же I, 112). В других дорийских говорах находим: в критском — *στευσιω* (Швицер 193 A, 42), *δειξιω* (Швицер 181, II, 16), где *-ιω* произошло из *-εω*; *πράξηται* (Швицер 181, VI, 6). „Дорийское“ будущее засвидетельствовано равным образом и в северо-западных говорах: в Дельфах *ἀπόδειξεω*, *χλεφεω*, *συμπράξεω*, *τάγευσεω* в надписи Лабиадов (Швицер 323), *ορκίξεω* (Швицер 325). Так же и у Феокрита; ср. *βασεύμαται* (II, 8 и др.).

§ 299. Первоначально будущее время с окончаниями среднего залога могло, когда это допускалось смыслом корня, принимать страдательное значение. Гомер употребляет *πέρσεται* в смысле „он будет разрушен“ (Ω 729), *τρώσεσθαι* в смысле „долженствовать быть раненым“ (M 66), *χράνεσθαι* „долженствовать быть совершенным“ (I 626), *κατακταύεσθε* „вы будете убиты“ (Ξ 481). Однако было обнаружено и будущее время на *-ήσσομαται*, находящееся в соответствии с аористом на *-ηγ* (§ 185): *δαήσεται*, „ты узнаешь“ (γ 187, τ 325), ср. *έδέηγην*. Это будущее время, как и аорист на *-ηγ*, легко приобретало страдательный смысл. От *μίζομαται* гомеровский язык употребляет одновременно буд. вр. *μ(ε)ξεσθαι*! (ζ 136) „смешаться“ и *μγύσεσθαι*² (Κ 365), единственный пример „страдательного“ будущего у Гомера, построенный на аористе *έμιγηγη*.

В аттическом диалекте будущее время среднего залога в некоторых случаях употребляется в страдательном смысле, особенно у глаголов, имеющих длинную и тяжеловесную в произношении основу. С другой стороны, там, где рядом существуют *-θήσομαται* и *-σομαται*, первая форма имеет видовое значение, близкое к значению аориста: *ἀγοίσομαται* (Майстерганс-Швицер, стр. 193), и в позднем языке формы, образованные от аориста страдательного

¹ С дорийским слиянием εε в η [Ф. § 19]. — Прим. перев.

² Следует обратить внимание на то, что значение этой формы медиальное. — Прим. перев.

залога, ἀνοιγόμαται и ἀνοιχθήσομαι; аттическое будущее от μαστιγόμαται — μαστιγώσεται (Мейстерганс-Швицер, стр. 193; Платон, Resp. 361 e); от πολεμέομαι — πολεμήσεται (Фукидид, I, 68); от τιμάω — τιμήσομαι (Фукидид II, 87; Демосфен XIX, 100), но τιμηθήσομαι (Фукидид VI, 80; Демосфен XIX, 223); относительно οἴσομαι см. ниже.

В общем аттический диалект развил будущее время на -ήσομαι или -θήσομαι, параллельное аористу на -ην или на -θην и ощущавшееся как страдательное: παγήσομαι, ср. ἐπάγη; πραχθήσομαι, ср. ἐπράχθη; ἥθησομαι, ср. ἐρρήθη. Без соответствующего страдательного аориста: κρείσεται — будущее от κρέμαμαι вместо κρείσεται (Аристофан, Ach. 279, Ves. 808); παρδήσομαι (Аристофан Ran. 10) при аор. ἐπαρδού. Будущее страдательное, соответствующее наст. вр. φέρω, имеет три формы: οἴσομαι (Еврипид, Or. 440; Геродот, Ксенофонт), οἰσθήσομαι (Еврипид, Suppl. 561; Псевдо-Демосфен XLIV, 45; Аристотель) и произведенную от страдательного аориста — ἐνεχθήσομαι (Фукидид VII, 56; Аристотель, Марк Аврелий).

Примечание. Дорийские надписи дают будущее время на -ησεω, произведенное от аориста на -ην; оно отличается от соответствующей ионийской формы, с одной стороны, флексией действительного залога, с другой — своей принадлежностью к слитному типу на -σεο-, характерному для дорийского диалекта: φαγησεῖν (Архимед II, 258), крит. ἀναγραφεῖ (Коллиц 5149, 19), будущее время на -θησεω: δειχθῆσοντι (Архимед I, 314), родос. ἐπικελθησεούτε (Швицер 281). Наконец, в некоторых случаях было образовано слитное будущее время с окончаниями среднего залога: мегарск. ανατεθησεῖται (Коллиц 3089, 38).

§ 300. Греческий язык унаследовал от индоевропейского тип будущего времени с удвоением. Это будущее по своему происхождению не зависело от других основ и имело флексию среднего залога. Оно произошло, повидимому, от дезидеративов с удвоением, остатки которых сохранились и в индоиранском языке. Таким образом, это будущее время с удвоением первоначально не было связано с перфектом. Гомер употребляет одновременно δέξομαι и δεδέξομαι (E 238), причем последняя форма будущего времени не обозначает законченного действия, как перфект; если она и отличается от формы δέξομαι, то, возможно, только тем, что δέξομαι имеет более дуратив-

ное значение¹. Основа с удвоением могла давать будущее страдательное, когда не существовало другого: δεθήσεται от δέω „связывать“ никогда не было употребительным, употреблялась форма δεδήσεται (Платон, Resp. 361 e). Все же уже в гомеровском языке будущее с удвоением тяготело к соотнесению с перфектом: κεχλήσομαι, μεμνήσομαι, πεφύσεται „он окажется появившимся“ (ср. πέφαυται и φαίνομαι) и — по аналогии — πεφύσεται „он окажется убитым“ (O 140, ср. πέφαται, πέφυον), βεβρώσεται, κεχολώσεται ειρήσεται от ειρήται. В аттическом: κεχλαύσεται, γεγράφεται, τετμήσεται, πεπράσεται! (формы πραθήσεται избегали). Явно в связи с перфектом — как со стороны структуры, так и со стороны самого образования формы — возникли: ἔστήξω „я буду стоять“ (Аристофан, Фукидид) от ἔστηκα; τεθνήξω „я буду мертв“ (Эсхил, Аристофан, Платон) от τέθνυκα; εἰξώ „я буду походить на“ (Аристофан, Nub. 1001), ср. ἕοικα и εἰκώς. В новоаттическом диалекте эти перфекты иногда получали флексию среднего залога: ἔστήξομαι (Еврипид, Ксенофонт), τεθνήξομαι (Аристофан).

У Гомера встречается будущее время с удвоением, явно произведенное от аориста: πεψιδήσεται (O 215, Ω 158, 187), ср. πεψιδέσθαι; πεπιθήσω (X 223), ср. πέπιδου и πιθήσω.

§ 301. Будущее время во всех языках обнаруживает тенденцию обновлять свою форму различными способами выражения. Уже в аттическом диалекте будущее время было обновлено введением períphrasis. Аттические авторы употребляют иногда причастие будущего времени с глаголом ἔρχομαι для того, чтобы сказать: „я готов, я собираюсь сделать“: οἴσθα εἰς οἴον τινὰ κίνδυνον ἔρχει υποθήσωντάν φυχήν (Платон, Prot. 313 a) „знаешь ли ты, какой опасности ты собираешься подвергнуть свою душу?“ — Μέλλω с инфинитивом употребляется как замена будущего вре-

¹ Эта выдвигаемая автором в предположительной форме характеристика различия в значении между δέξομαι и δεδέξομαι представляется малоубедительной. Хотя по происхождению будущее время с удвоением и не связано с перфектом, значение удвоения в типе δεδέξομαι, и в частности в цитированном месте, весьма близко к тем значениям „интенсивности“ и „результативности“, которые свойственны ему и в формах перфекта. Именно поэтому, а не только в силу морфологического сходства, будущее с удвоением в ходе развития языка оказалось соотнесенным с системой перфекта.—*Прим. перев.*

мени; точнее, μέλλω со следующим за ним инфинитивом настоящего, будущего или аориста означает „иметь намерение“, „быть готовым“. Этот оборот, наблюдаемый уже у Гомера, употребителен в ионийско-аттическом диалекте и широко засвидетельствован также в койнэ.

П р и м е ч а н и е. Язык византийской эпохи применял иные períφrāzis, в частности ἔχω с неопределенным наклонением, так что ἔχω ποιῆσαι соответствует др.-греч. ποιέσθω. Позднее была создана другая períφraza: θὰ δέσθω, θὰ δώσθω „я дам“, где δέσθω и δώσθω представляют собой древнее сослагательное наклонение, а θὰ восходит к θέλω ω, θέλω γε. Таким образом, новогреческий язык провел и в будущем времени противопоставление основы настоящего времени и основы аориста, видов длительного и мгновенного.

НАКЛОНЕНИЯ

§ 302. Изъявительному наклонению, имеющему чисто объективный характер, противостоят — в каждой временной основе (настоящего времени, аориста, перфекта) — наклонения, выражющие субъективные оттенки, — сослагательное и желательное. Сослагательное выражает стремление сделать что-либо: φέρε ἕδω „давай, посмотрю“. У Гомера оно могло служить будущим, обозначающим то, что может случиться: καί ποτὲ τις εἴπησι (Ζ 459) „когданибудь кто-нибудь скажет“. Благодаря этому сослагательное наклонение стало играть значительную роль в некоторых типах придаточных предложений.

Желательное наклонение, как показывает данное ему грамматиками название, выражает желание: αὐτίκα τεθυαίην (Σ 98) „пускай я сейчас же умру“; употребляемое в таком смысле, оно обычно имеет перед собой частицы εἰθε, εἰ γάρ. Желательное наклонение служило также для выражения возможности: ῥεῖα θεός γ' ἐθέλω καὶ τῷλθεν ἀνδρα σῶσαι (γ 231) „бог, если пожелает, может спасти человека даже издали“. Употребляемое в таком смысле, оно обычно сопровождается той или иной модальной частицей соответственно диалекту; в аттическом — ἄν: Ἐφ; πάντων ἀν ἀνδρείτατος εἴη (Платон, Sympr. 196 d). Желательное наклонение употреблялось также в некоторых придаточных условных предложениях. Наконец, в результате собственно греческого развития желательное наклонение могло служить заменой сослагательного или даже изъявительного наклонения в подчиненных предложениях, зави-

сящих от главного глагола, стоящего в имперфекте или в аористе; такое расширение употребления желательного наклонения оказало влияние на самую его систему, так как привело к созданию желательного наклонения будущего времени.

Среди индоевропейских языков только индоиранский и греческий сохранили в древнее время тонкое различие между сослагательным и желательным наклонениями. Но и в греческом желательное наклонение, употребление которого было очень распространено в классический период аттического диалекта, имеет тенденцию к отмиранию в койнэ и совершенно исчезает в среднегреческом и новогреческом языке.

Сослагательное наклонение

§ 303. Сослагательное наклонение в индоевропейском языке образовалось различно в зависимости от того, были ли атематическими или тематическими соответствующие основы изъявительного наклонения. Это различие хорошо засвидетельствовано в наиболее архаических греческих текстах (гомеровских) и в некоторых диалектах (ионийско-аттический в их число не входит). Однако постепенно оно исчезло и обобщено было в сослагательное наклонение тематического типа.

Сослагательное наклонение тематических глаголов характеризуется во всех диалектах долгим тематическим гласным, противопоставляемым краткому гласному изъявительного наклонения: λείπω, λείπτις, λείπῃ, λείπωμεν, λείπτε, λείπωστ. Так же λίπω, λίπτις и т. д.

§ 304. Сослагательное наклонение атематического типа характеризовалось кратким гласным ε/ο, присоединяемым к глагольной основе, причем последняя имела огласовку ε перед суффиксом. Санскритскому asti „он есть“ противостоит сослагат. накл. asati „чтобы он был“. Латинский язык использовал эту форму сослагательного наклонения для образования будущего времени глагола esse „быть“: erit (из *es-e-ti) служит будущим временем к est.

В греческом языке мы находим много примеров сослагательного наклонения атематических глаголов, характеризуемого кратким гласным. Наиболее многочисленны

эти примеры у Гомера, но мы наблюдаем их только в тех формах, где метрика не позволяла ионийским аэдам заменить их сослагательным наклонением с долгим гласным. Мы находим там ἰόμεν „идем“, ἀλέται „чтобы он прыгнул“, но никогда не встречаем во 2-м или 3-м л. ед. ч. *ἰεῖς, *ἰει or и в 3-м л. мн. ч. *ἴονται или *ἀλογυται.

Примеры настоящего времени: ἰόμεν (В 440 и др.) от εἴμι „идти“; κεῖται¹ (Т 32), восходящее к *κεῖ-εται от κεῖμαι. В аористе: ἀλέται (Л 192, 207), ср. ἀλτο; φύεται (Г 173), ср. ἐφύτο; βήρμεν (К 97 и др.), ср. ἐβῆγη; δώρμεν (Н 299), ср. ἐδῶκα; στέίρωε (О 297 и др.), ср. ἐστην; θείομεν (А 143 и др.), ср. ἐθῆκα. В аористах на -η: δαμήτε (П 72), ср. ἐδάμητη и др. В аористах типа ἔχεια: χεύομεν (Н 336); κήρομεν (Н 333), ср. ἔκη; ἀλεύεται (ξ 400), ср. ἡλεύατο. Чрезвычайно много таких примеров в сослагательном наклонении сигматического аориста, поскольку сослагательное наклонение с кратким гласным часто давало в этих случаях удобный дактилический ритм, например: ἀγείρομεν (А 142), ἀμείφεται (Г 409), ἀγτήσομεν (π 254), βήρομεν (А 144), ἵλασσομαι (γ 419), παύσομεν (Ф 314), σαύσομεν (Е 469), ἀπώσομεν (Θ 96) и др. Наконец, в перфекте Гомер употребляет εἶδομεν (А 363) от οἴδα и πεποίθομεν (х 335).

Некоторые диалекты сохранили формы такого типа. Наиболее ясные примеры наблюдаются в сигматическом аористе: в восточном ионийском диалекте — в Теосе κατάξει от ἄγυμι, ἐγκέφει, πογκάει (Швицер 710 В), в Хиосе πρήξοισι (Швицер 688 А); в дорийском — крит. εὐεγχυράξει, απολυεται! (Коллиц 5000, I, 10); в лесбосском (Бехтель I, стр. 94).

§ 305. В тематическом спряжении сослагательное наклонение характеризовалось долгим тематическим гласным, противопоставляемым краткому гласному изъявительного наклонения. Отсюда: λείπω, λείπται, λείπῃ, λείπωμεν, λείπητε, λείπωται, или в аористе: λίπω, λίπται, λίπῃ, λίπωμεν, λίπητε, λίπωται.

Именно эта форма сослагательного наклонения, характеризующаяся долгим гласным, распространилась и на все атематические времена греческого глагола. Сослага-

¹ Таким образом, в этой форме (как и в στέίρωεν, θείομεν, см. ниже, представляющих собой лишь графический вариант вместо στήρωεν, θήρωεν) ει обозначает долгое ε, в отличие от соответствующей формы изъяв. накл. κεῖται, где ει — дифтонг. — Прим. перев.

тельное наклонение от είμι „я есть“ всегда образуется по типу 1-го л. мн. ч. ἔωμεν или ὥμεν и т. д.; в спряжении глагола είμι „идти“ форма ἰόμεν заменена формой ἰῷμεν; в аттическом диалекте сослагательное наклонение от κεῖμαι имеет форму 3-го л. ед. ч. κέχται (Платон, Symp. 213 b и т. д.); от δείκυμι — δείκυνω, δείκυνωμαι. В сигматическом аористе флексия с долгим гласным начинает внедряться уже у Гомера: πάβωμεν (Н 29), πέμφωμεν (υ 383); в аттическом диалекте это постоянный тип. Точно так же в корневых аористах имеем χεύωμεν от ἔχεια, δώρωμεν от ἔδυν, φύωμεн от ἐφύη¹.

В перфекте было создано сослагательное наклонение с долгим гласным типа λελόκω, λελόκηις, λελόκηι и т. д.; уже у Гомера имеем такие формы, как πεψήη или δρώρηται.

§ 306. У основ, оканчивающихся на гласный, будь то основы настоящего времени или аориста (в частности, в аористах на -η и на -θη), наблюдаются несколько отличающиеся явления. Формы сослагательного наклонения с кратким гласным, например θήρομεν (А 143) от ἐθῆκα, испытывали в ионийском диалекте перестановку количества, откуда двусложная форма θέωμεν (υ 285), а затем слитное θῶμεν; от ἐνεμεσσήθη рукописи дают νεμεσηθῶμεν (Ω 53), но Аристарх читал νεμεσηθέωμεν. Формы с перестановкой предшествовали формам со слитным долгим гласным. Впрочем, существовали и неслитные формы с долгим гласным: гомер. στήτης (Р 30), δώρησιν² (А 324), δώστη (А 137), δαμήης (Г 436) и др.

За пределами ионийско-аттического диалекта формы с долгими гласными также хорошо засвидетельствованы: беот. ἀπόδωε! (Швицер 523, 155), κατασκευασθεί! (Швицер 462, А, 17), — в этих примерах беотийская орфография обозначает общегреч. η посредством ει; дельф. δωῃ (Коллиц 1717); родос. εργασθεωτι! (Швицер 284, 7), с сокращением первого гласного; крит. ευθίωμεν и πειθίωται! (Коллиц 5022) вместо аттич. ἐγύθμεν и πειθῶται: долгое η

¹ Таким образом, в конечном итоге конъюнктив с кратким тематическим гласным стал ощущаться как отступление от общей нормы, и этим можно объяснить появление аналогических форм этого рода от тематических основ; например, βούλεται (А 67), στρέφεται (М 42) и др. — Прим. перев.

² Об окончании этой формы см. § 346, примечание.— Прим. перев.

сократилось в *ε*, затем *ε* перешло в *ι*; со слиянием — в Гераклейских таблицах (Швицер 62, 116) *φωτι*.

В перфекте существует слитная форма: *εἰδῶ*, *εἰδῆς*, *εἰδῆι*, *εἰδόμεν* и т. д. от *οἶδα*; эта форма восходит к основе *εἰδή-*, ср. буд. вр. *εἰδήσω* и 3-е л. мн. ч. сослагат. накл. *εἰδεώσι* (ионийский диалект, Диттенбергер³ 45, 21, Галикарнасса).

Таким образом, здесь наблюдаются три различные трактовки: сохранение двух смежных долгих гласных, сокращение первого гласного и слияние. Во всех сослагательных наклонениях этого типа в аттическом диалекте мы находим слияние, чем и объясняется их проперистопменальность: *φῶμεν*, *ἰστόμεν*, *τίθημεν*, *διθῆμεν*; аористы: *στόμεν*, *θῆμεν*, *βῆμεν*, *γυθῆμεν*, *δειχθῆμεν*; перфекты, кроме *εἰδῶ*: *κεκτήται*, *μεμύμαται*.

§ 307. Для некоторых основ, как, например, *δύομαι*, *ἐπίσταμαι*, *χρέωμαι*, аор. *ἐπράμην*, в греческом языке наблюдается колебание между двумя способами образования сослагательного наклонения. Иногда мы наблюдаем прибавление характеристики сослагательного наклонения: фессал. *δυγάται* (Швицер 608), где *ε* может быть кратким или обозначать *η*; ион. *δυγεόμεθα*, *δυγέωται* из **δυγηόμεθα*, **δυγήωται* или из **δυγήμεθа*, **δυγήωται* (Геродот IV, 97, VII, 163); дельф. *αὐτητριηται* (Коллиц 1717, 10). В других случаях, в частности в аттическом диалекте, долгие гласные сослагательного наклонения *η/ω* прямо и непосредственно присоединялись к основе на согласный, извлеченной из изъявительного наклонения: *δύηται* уже у Гомера (Z 229) и аттич. *δύουμαι*, *δύηται* и т. д.; точно так же аттич. *ἐπίστωμαι*, *-ηται* и т. д.; *χρέωμαι*, *-ηται* и т. д.; *πρίωμαι*, *-ηται* и т. д. Таким образом, в аттическом диалекте следует четко отличать эти формы от форм типа *ἰστόμαι*, которые являются слитными и имеют иную акцентуацию. Сослагательное наклонение от *κάθημαι* „сидеть“ колебляется в аттическом диалекте между обеими флексиями *καθῶμαι* и *κάθωμαι* (Аристофан, Equ. 754; рукописи дают *κάθηται*, но Беккер исправляет на *καθῆται*).

§ 308. Примечание. В некоторых случаях сослагательное наклонение атематических глаголов образовалось иначе — путем воспроизведения количественного противопоставления между изъявительным (*ε/ο*) и сослагательным (*ε/ο*) наклонениями: в сослагательном

наклонении удлинялся конечный гласный основы изъявительного наклонения. Этот тип изредка встречается в ионийско-аттическом диалекте в настоящем времени на *-ημαται*; гомер. *ζώνυμαται* (ω 89), *ρήγυνηται* (Гиппонакт 25 D), *διαπεδάνηται* (Платон, Phaedo. 77 b). В других диалектах в настоящем времени — мессенск. *προτίθηται* (Швицер 74, 87) от *εἴρι* — *ήται* (там же, строка 83); в аористе на *ē* — *προγραφηται* (там же, строка 160). Наконец, существует группа сослагательных наклонений на *ē*: крит. *χρυάται* (Гортинское законодательство, Швицер 179, VIII, 20) от *χρυμαται*, представляющего собой критскую форму для *δύουμαι*; вероятно, *χραται* (Швицер 190), ср. относительно *χραται* § 217; аркад. *επισηκοτάται* (Швицер 656, 15); лесб. *ἔρχται* (Сапфо 27 a D). По образцу этого сослагательного наклонения на *-άται*, *-άται*, соответствующего настоящему времени на *-άται*, *-άται*, было создано в сигматическом аористе сослагательное наклонение на *-ά*, соответствующее изъявительному наклонению на *-ο*: арг. *ποιηται* (Коллиц 3339, 61); элейск. *φρυγέσσαται* (Швицер 424) с выпадением *ο* между двумя гласными.

§ 309. В койнэ сослагательное наклонение образуется по ионийско-аттическому типу. Здесь необходимо отметить частое смешение сослагательного наклонения сигматического аориста с изъявительным наклонением будущего времени, что объясняется утратой количественных различий. В новогреческом языке формам сослагательного наклонения предшествует частица *γά* (из *γα*) „чтобы“.

Желательное наклонение

§ 310. В индоевропейском языке формы желательного наклонения распадаются на две группы: с одной стороны, атематический тип, с другой — тематический. Эта классификация пригодна и для рассмотрения фактов греческого языка.

В атематическом типе желательное наклонение имело в единственном числе действительного залога суффикс **-iē-*, чередовавшийся во множественном числе действительного залога и во всем среднем залоге с нулевой степенью **-ī-*, которая перед согласным имеет форму **-i-*, а перед гласным — **-ī-*. Корень имел нулевую огласовку. Так, в латинском языке в древние времена желательное наклонение от корня **es-* „быть“ было: *siem*, *siēs*, *siet*, *sīmus*, *sītis* [Э., стр. 212]. В греческом языке нулевая огласовка корня была заменена степенью *ε*, откуда *εῖται* (из **es-iē-m*), *εῖται*, *εῖη*, но во множественном *εῖμεν* (**es-ī-men*), *εῖτε*, *εῖτε* (**es-ī-ent*). Этот тип желательного наклонения засвидетельствован в греческом языке в разных

атематических образованиях: *τιθείην* и *θείην*, *ἰείην* и *είην*, *διδοίην* и *δοίην*, *ισταίην* и *σταίην*, *φαίην* и т. д.; в среднем залоге *τιθείμην* и *θείμην* и т. д.

В настоящем времени с атематическими суффиксами: для *-γημι*, *-νημαί* — *χιρναίην*, *δαμναίην*, *δυναίμην* и т. д.; для *-ύμι*, *-νημαί* отметим редкие формы — гомер. *δαιγότο* (из *δαιγότο*) в Ω 665 и один раз в аттическом диалекте *πήγωτο* или *πήγότο* (Платон, Phaed. 118 а). Относительно обычного типа *πηγνύοιμι*, *πηγνυοίμην* см. § 311.

Примечание. Атематическим характером слитных глаголов в некоторых диалектах объясняется возникновение таких форм желательного наклонения, как арг. *οὐεῖην* (Швицер 89 г), лесб. *θηραῖη* (Бехтель I, стр. 83), элейск. *σολαῖη* (Швицер 415).

Та же структура желательного наклонения наблюдается в корневых аористах с долгим гласным без чередования: *βαίην*, *βαῖμεν* от *ἔβην*; *γνοίην*, *γνοῖμεν* от *ἔγνων*; *μιγείην*, *μιγεῖμεν*; *παιδευθείην*, *παιδευθεῖμεν*; *ψύην*, *ψῦμεν* (где *υ* предстает перед собой фонетическую трактовку *ū*; ср. *ἔψῡν*). В *γνοίην*, *βαίην*, *μιγείην*, *παιδευθείην* закономерным был бы дифтонг с долгим гласным (**γνώιην*; ср. *ἔγνων*); краткий гласный, возможно, происходит от мн. ч. *γνοῖμεν*, *γνοῖτε*, где сокращение *ω* в *οι* перед согласным объясняется фонетически [Ф. § 6].

В перфекте — *έσταίην*, *τεθναίην* и т. д. Отметим *εἰδείην*, *εἰδεῖμεν*, где содержится расширение *ε* (из *η?*); ср. сослаг. накл. *εἰδέω* > *εἰδῶ*.

§ 311. По поводу этого типа желательного наклонения следует сделать несколько замечаний.

а) Акцентуация обнаруживает некоторые неправильности¹. Желательное наклонение атематического настоящего времени в некоторых случаях имеет облечено ударение на предпоследнем слоге, если последний гласный краток: *ισταίμεν*, *τιθείμεν*, *ἰείμεν*, *διδοίμεν* и т. д.; в среднем залоге — *ισταῖο*, *τιθεῖο*, *ἴεῖο*, *διδοῖο*; точно так же в аористе на *-θην* или на *-ην*: *μιγείμεν*, *παιδευθεῖμεν*. С другой стороны, имеем *δύναιο*, *δύναιο*, *ἐπίσταιο*. В редких фор-

¹ Эти неправильности легко объясняются аналогическим воздействием соответствующих форм слитных глаголов: *διδοῖμεν* получило свое ударение по аналогии с *φιλοῖμεν*, что и послужило отправным пунктом для дальнейшего аналогического взаимодействия обеих парадигм (см. п. „г“ и § 312). — Прим. перев.

мах *δαιγότο*, *πηγότο* облечено ударение на предпоследнем слоге является, повидимому, наиболее обоснованным. То же в перфекте среднего залога *μεμυῆτο* и т. д. или действительного залога *εἰδεῖμεν*, *τεθναῖμεν*.

б) Некоторые формы желательного наклонения среднего залога, в частности перфекта, содержат *η* (под влиянием изъявительного наклонения): *καθηίητην* (Аристофан, Lys. 149), *ἐμπλήκητην* (Аристофан, Ach. 236), ср. *ἐπλήκητην*; *μεμυῆτην*, *μεμυῆτο*, ср. *μέμυηται*; *κεκλήκητην*, *κεκλήκητο*, ср. *κέκληται*; *κεκτήκητην*, *κεκτήκητο*, ср. *κέκτηται*.

в) Чeredование огласовки суффикса *-јε/-ή-* нарушилось: в ионийском диалекте и в койнэ множественное число получило суффикс *-ητ-* и приняло вид типа *εἴημεν*, *εἴητε*, *εἴησαν*; например, Фукидид, повидимому, иногда употребляет форму *εἴηραν*.

г) Тематическая флексия распространялась на формы желательного наклонения, которые первоначально были атематическими. От глагола *εἰμί* „идти“ закономерной была бы форма **ιῆην* (санскр. *iāśi*); в Дельфах мы находим 3-е л. мн. ч. *-ιείεν* (Швицер 325, 18), у Гомера — *ἰείη* (T 209), но обычная форма относится к тематическому типу *ἴοιη*, *ἴοις* и т. д. От глагола *εἰμί* „быть“ находим у Гомера наряду с обычным *είην* тематическое желат. накл. *εἴοις*, *εἴοι* (I 142, 284). Другие случаи вытеснения атематического типа типом тематическим: *ξυνθέοτο* (Геродот I, 53), *συνδοῖτο* (Ксенофонт, Anab. I, 9, 7) от аор. *ἔθεμτη*; *προΐοτο* (Ксенофонт, Anab. I, 9, 10; Платон, Gorg. 520 с) от аор. *εἴμητη* (от *είματη*); от *κάθημαι* рукописи Аристофана (Ranae 919) дают *καθοῖτο*; в перфекте уже у Гомера имеем *μεμύέωτο* (Ψ 361) от *μέμυηται*.

Тематический тип получил преобладание в желательном наклонении глаголов на *-ύμη*: *δεικνύοιτη*, *δεικνύοις*, *δεικνύοι*, и в желательном наклонении перфекта: *λείποιτη*, *πεπόυθοι*, *πεφεύροι* и др.

§ 312. Желательное наклонение тематических глаголов характеризуется звуком *-ί-*, который образует дифтонг с тематическим гласным, имеющим при этом всегда тембр *ο*. Отсюда: *λείποις*, *λείποι* и т. д.; *λίποις*, *λίποι* и т. д. Относительно проблем, связанных с окончаниями, см. § 341 и сл.

По этому же типу было построено и желательное наклонение буд. вр. *δείξοι* и т. д., представляющее собой

новообразование греческого языка и употребляемое только в косвенной речи как замена изъявительного наклонения будущего времени (первые примеры — Пиндар, Pyth. IX, 116 и Эсхил, Pers. 369).

Мы отметили распространение тематического желательного наклонения на образования, бывшие первоначально атематическими. Однако и атематический тип в свою очередь оказал влияние на тематические формы. Для слитных глаголов закономерным было бы желательное наклонение типа: *ψιλοῖμι*, *ψιλοῖς*, *ψιλοῖ*, *τιμῷμι*, *τιμῷς*, *τιμῷ*, *μισθοῖμι*, *μισθοῖς*, *μισθοῖ* и т. д.; такие формы действительно существовали; таковы же и формы среднего залога: *ψιλοίμην*, *τιμῷμην*, *μισθοίμην*. Но от форм мн. ч. *ψιλοίμεν*, *τιμῷμεν*, *μισθοίμεν*, близких к *διδοίμεν*, *γνωίμεν* и т. п. (которым соответствуют *διδοίτη*, *γνωίτη* в единственном числе), были созданы такие формы, как гомер. *ψιλοίη* (δ 692), *φοροίη* (ι 320), а в аттическом диалекте все спряжение имеет следующий вид: *ψιλοίη*, *ψιλοίς*, *ψιλοίη*, *τιμώη*, *τιμώης*, *τιμῷ* и т. д. Наконец, *σχοίμεν* от *ἔσχον* повлекло за собой спряжение *σχοίην*, *σχοίης*, *σχοίη*; в перфекте *πεφευγοίην* (Софокл, Oed. R. 840). Как и в собственно атематических образованиях, характеристика *-ιη-* была перенесена и на множественное число: *ἀδικοίμεν* (Еврипид, Hel. 1010), *δρῶημεν* (Еврипид, Cyc1. 132), *δοκοίησαν* (Эсхин II, 102), *σχοίησαν* (Гиперид, Eux. 32).

В лесбосском диалекте также имеются подобные формы: *ἀγαροίην*, *ἰοίην*, *λαχόην* (Бехтель I, стр. 94).

§ 313. Желательное наклонение сигматического аориста имеет сложную флексию. В критском диалекте сохранились скудные следы ожидаемой атематической флексии с характеристикой желат. накл.: *-ιη-/ι-*: 3-е л. мн. ч. *γέρχοτεν* от аор. *ἔρξα* от *ἔρδω* (Швицер 175) и в единственном числе, повидимому, *κοσμητεῖ* и *δικαστεῖ* (В. С. Н. LXI, 1937, стр. 334, 337). Вообще греческий язык развил и использовал желательное наклонение аориста, построенное на основе с окончанием *-за*, характерным для аориста (§ 200); отсюда: *δεῖξαιμι*, *-αις*, *-αι*, *-αιμεν*, *-αιτε*, *-αιεν*, средний залог — *δεῖξαιμην*, *-αιο*, *-αιτο*, *-αιμεδα*, *-αισθε*, *-αιγυто* (и в древнее время *-αιαто*). Но наряду с этим существует и другой тип. Аттический диалект употребляет обычно во 2-м и 3-м л. ед. ч. и в 3-м л. мн. ч. *δεῖξειας*, *δεῖξειε*, *δεῖξειαν*.

У Гомера имеем одновременно *-σειας*, *-σειε*, *-σειαν* и *-σαις*, *-σαιε*. Эти формы встречаются иногда в диалектах: лесб. *διαδεῖσε* (I. G. XII, 2, 527, 57), элейск. *χατιαραισειε* (Швицер 409). Только грамматик Хойробоск (Grammatici Graeci IV, 87 и 265) приводит полную парадигму этого желательного наклонения, которое древние грамматики без достаточного основания называют эолийским: *τύφειας*, *τύφειε*, *τύφειεν*, *τύφειτε*. Этому типу желательного наклонения давали разные объяснения. Предполагали, например (Wackernagel, Vermischte Beiträge, стр. 46), наличие суффикса желат. накл. **-ει-* (ср. аркад. желат. накл. *διαχωλυσει*, Швицер 657, 7). От 1-го л. **τύφεια*, где *α* является вторичным окончанием 1-го лица (§ 341), были, как думают, образованы по аналогии с изъявительным наклонением аориста формы *-σειας*, *-σειε*, *-σειαν*.

Повелительное наклонение

§ 314. Повелительное наклонение, служащее для выражения приказания, в сущности не является наклонением. Оно играет в спряжении роль, сходную с ролью зватательного падежа в склонении; подобно тому как зватательный падеж стоит в стороне от других падежей, повелительное наклонение также обособлено от других наклонений. Повелительное наклонение подобно изъявительному не имеет модальной характеристики, и его основа, как правило, совпадает с основой изъявительного. Можно предположить, что наиболее древней формой повелительного наклонения была чистая основа сама по себе. В греческом языке повелительное наклонение иногда образуется чистой основой, иногда же характеризуется своими особыми окончаниями. Можно, наконец, отметить, что повелительное наклонение не имеет форм 1-го лица. Приводим его флексию:

	Атематическая	Тематическая
Ед. ч. <i>ἴσθι</i> „будь“	<i>ἴθι</i>	<i>λείπε</i>
	<i>ἔστω</i>	<i>λειπέτω</i>
Мн. ч. <i>ἔστε</i>	<i>ἴτε</i>	<i>λείπετε</i>
	<i>ἔστων</i>	<i>λειπότων</i>
Дв. ч. <i>ἔστον</i>	<i>ἴτον</i>	<i>λείπετον</i>
	<i>ἔστων</i>	<i>λειπέτων</i>

Часть этих форм совпадает с формами изъявительного наклонения настоящего времени: 2-е лицо множественного и 2-е лицо двойственного числа. Прочие формы требуют объяснения.

§ 315. Второе лицо единственного числа тематических глаголов представляет собой чистую основу: *λείπε*, *λέπε*. Закономерное для аориста ударение на тематическом гласном сохранилось в некоторых формах (§ 360, прим. 2). У атематических глаголов способы образования более разнообразны. В некоторых случаях мы находим голую основу: *εἴει* „выходи“ (Аристофан, Nub. 633), ср. лат. *ī* „иди“. В аттическом диалекте это обычная форма для таких типов, как *ἴστη*, *πέμπῃ*, *χρίμνῃ*, *δείχνῃ*.

Другие формы построены с помощью элемента *-dhi, греч. -θι (ср. санскр. -hi), представляющего собой в сущности не окончание, а частицу, добавляемую к основе, с нулевой ступенью перед окончанием: ион.-аттич. *ἴθι* „иди“ от *εἰμί*, *ἴσθι* „будь“ от *εἰμί* (нулевая ступень от *es- с редуцированным гласным, имеющим тембр i; ср. авест. -zdī).

Атематический аорист: *βῆθι*, *στῆθι*, *γῦῶθι*, *δῦθι*; аорист на -ην: *φάνηθι* и др.; в аористе на -θηн произошла диссимиляция приыхания [Ф. § 32]: *σφύθητι*, *λύθητι*.

В диалектах засвидетельствованы оба эти типа, но в употреблении их наблюдаются многочисленные колебания. У Гомера *δίδω* (γ 58) и *δίδωθι* (γ 380), *πέμπληθι* (Ф 311) вместо аттич. *πέμπῃ*; *λύθι* (γ 380), но в других случаях *λαθι* с кратким α (Феокрит XV, 143); в аористе *κλύθι* (Α 37) и *κέχλυθι* (Κ 284); повелительное наклонение аориста от *πίω* „пить“ (корень *roi-/ *rī) у аттических комиков имеет форму *πέθι*, но в лесбосском диалекте либо πῶ (Алкей 105 а D), либо *πᾶθι* (105 б D).

Атематическое настоящее время в эолийском диалекте, соответствующее слитным основам аттического диалекта, имеет формы, характеризующиеся долгим гласным, без окончания: *κίνη* (Сапфо 113 D), *ψῆλη* (Феокрит XXIX, 20), *ψάρτη* (Феокрит XXVIII, 3).

Древние перфекты имеют иногда повелительное наклонение на -θι: *ἄνωθι*, *πέπεισθι* или *πέπισθι* (Эсхил, Еуш. 599), *ἴσταθι*, *τέτλαθι*, *δεῖδηθι*, (*F*)*ίσθι* от (*F*)*οίδα* (в ионийско-аттическом диалекте — омоним к *ἴσθι* „будь“).

При мечания: 1. В некоторых случаях атематическое повелительное наклонение во 2-м лице ед. ч. характеризуется добавлением тематического гласного. Так объясняются обычные формы аттического диалекта: *τίθει*, *τέτ*, *δίδω* от *τίθημι*, *τημι*, *δίδωμι*; кроме того, с долгим α, происходящим из слияния -α-, — формы *προσέστα* и *πέμπλη* у некоторых аттических комиков (Кюнер-Бласс II, стр. 45); в аор. *κατέβα* (Аристофан, Ran. 35).

2. Иногда повелительное наклонение характеризуется конечной сигмой. В аттическом диалекте это обычная форма для повелительного наклонения аор. *ἔς* от *Ἔμι*, *θές* от *θίθημι*, *δές* от *δίδωμι*. Эта сигма наблюдается также в некоторых случаях тематического повелительного: аттич. *σχές* от *ἔσχου*, Гомер. *ἐνίστες* наряду с *ἔνιστε*, изъяв. накл. *ἔστο*.

3. Неясным остается *πίει* (и *πίεις*) вместо *πίε*, встречаемое на аттических вазах (Kretschmer, Griech. Vaseninschriften, стр. 95), а также *δίδοι* (Пиндар, Ol. I, 85; VI, 104 и др.).

§ 316. Второе лицо множественного числа образуется при помощи окончания -τε и, следовательно, совпадает с формой изъявительного наклонения настоящего времени: *λείπετε*, *λέπετε*, *ἴστε*, *τίθετε*, *χλύτε* (В 56) и *κέχλυτε* (Η 67) и др. Отметим Гомер. *φέρτε* (I 171), представляющее собой единственную атематическую форму спряжения этого глагола.

§ 317. Для 3-го лица ед. ч. какого-либо определенного окончания, возводимого к индоевропейскому языку, нет. Мы находим здесь некоторые следы употребления голой основы (типа *λείπε*) в 3-м лице, как это обычно для 2-го лица (Кратин 144 К; ср. Wackernagel, Vorlesungen über Syntax I, стр. 106). Обычно к форме без окончания добавляется особая частица, именно *-tōd, греч. -τῷ (ср. лат. -tō). Эта частица не обозначает собственно какого-либо лица: в латинском языке она служила для образования как 3-го, так и 2-го лица повелительного наклонения будущего времени. Возможно, что и в греческом языке она встречалась в формах 2-го лица, ср. кипр. *ελθέτως*, интерпретируемое у Гесихия как *ἔλθε* (относительно сигмы ср. *θές*, § 315, прим. 2). Однако в конечном итоге роль окончания -τῷ свелась к тому, что оно стало характеристикой 3-го лица ед. ч. повелительного наклонения. Атематические формы: *ἔστω*, *ἴτω*, *φάτω*, *τίθέτω*, *ἴστω*, *ἰστάτω*, *διδέτω*, *θέτω*, *ἔτω*, *στήτω*, *δότω*, *γύώτω* и др. Тематические формы: *λείπετω*, *λέπετω*. Перфекты: *ἴστω* от *οἶδα*, *ἴστάτω* от *ἔστηκα*, *μεράτω* от *μέμρουα*.

§ 318. Формы 3-го лица мн. ч. принадлежат к разным типам:

а) По образцу ед. ч. *ёстω* при изъяв. накл. *ёстι* было образовано множественное число путем замены окончания изъяв. накл. *-утω* окончанием *-утω*. Этот тип 3-го лица мн. ч. засвидетельствован для глагола *εἰμί* аргосским *ευτω* (I. G. IV, 554). В западной группе диалектов встречаются атматические и тематические формы этого типа: *διαγουωτω*, *ποευτω* — атматическая форма от *ποιέω*, аркад. *ζαριουτω* (Швицер 565); в той же надписи *εουτω* является повелительным наклонением от *εἰμ!*, перешедшим в тематическое спряжение.

б) В других случаях к элементу *-ω* добавлялось характерное для множественного числа *υ*: на основании *ёстω* „пусть он будет“ было образовано *ёстων* (Гомер; обычная форма ионийско-аттического диалекта); от *ιτω* „пусть от идет“ — *ιτων* (Эсхил, Ент. 32).

в) Обычная в ионийско-аттическом диалекте форма является результатом комбинации обоих предыдущих типов: *τιθέυτων*, *διδόυτων*, *φάυτων*, *γρύουτων*, *λοθέυτων* и др.; с введением тематического гласного о: *ούτων*, где основа сходна с основой причастия (надписи, юридические тексты; литературные тексты дают *ёстων*, см. п. „б“) от *εἰμί* „быть“ и *ιόутων* от *εἴμι* „идти“. Все тематические формы имеют окончание *-ούτων*: *λειπόυτων*, *ληπόυτων* и др. В критском диалекте — образованное таким же способом *ευτων* „пусть они будут“ (Диттенбергер³ 712) и др.

г) Вторичное ионийское окончание *-σαν* (§ 353) также проникло в повелительное наклонение. Оно появляется уже в V в. у Еврипида и Фукидса, а также в надписях начиная с 300 г.: *ёстωσαν* „пусть они будут“ (Фукидид VIII, 18), *τιθέτωσαν* и др. В тематическом спряжении в связи с формой 3-го лица ед. ч. для 3-го лица мн. ч. возникло окончание *-έτωσαν*: *λειτέτωσαν*, *λητέτωσαν*, *μαθέτωσαν* (Фукидид I, 34); в сигматическом аористе — *θεραπεισάτωσαν* (Ксенофонт, Hiero VIII, 4) и др. Эта форма является обычной для ионийско-аттической койнэ, например в Новом завете.

д) Некоторые лесбосские формы представляются неясными: *στεχουτων* и *αποφερουτων* (Швицер 620, 6 и 8). Окончание *-οутων* засвидетельствовано, повидимому, и на Родосе.

§ 319. Формы повелительного наклонения двойственного числа засвидетельствованы редко: 2-е лицо — *φέρετων*, *φάτων* (совпадают с формами изъявительного наклонения); 3-е лицо — с долгим гласным по аналогии с 3-м л. мн. ч. повел. накл. *φερέτων*, *φάτων*; ср. гомер. *χορείτων* (θ 109).

§ 320. В среднем залоге 2-е лицо повелительного наклонения характеризуется вторичным окончанием *-σον*: *λέσσον* (из *λέσσο), *τίθεσσον*, *θέσσον* (из *θέσσο) и т. д.

Точно так же 2-е лицо мн. ч., имея окончание *-σθε*, совпадает с соответствующей формой изъявительного наклонения: *λέσσεθε*, *τίθεσσεθε*, *θέσσεθε* и т. п.

Форма 3-го лица ед. ч. на *-σθω* возникла по аналогии: *φερέσθω* было образовано от *φέρεσθε* на основании *φερέτω* наряду с *φέρετε*.

Это окончание *-σθω* (у тематических *-έσθω*) служит также для образования 3-го лица мн. ч. в некоторых диалектах: дор. *εκδαυεῖσθω*, *κριτεῖσθω* (Коркира, Коллици 3206, 125). Чаще окончание *-σθω* получало те же признаки множественного числа, что и окончание действительного залога *-τω*.

а) Окончание *-ούσθω* (*-ο-υσθω* у тематических глаголов) развилось параллельно с окончанием *-υτω* особенно в дорийском диалекте: арг. *ποιγραφαυσθω* (Швицер 83, В 26); с выпадением *υ* перед *σ*: эпидавр. *φεροσθω* (Швицер 108, 14), лаконск. *ἀγελοσθω* (Швицер 57 В).

б) Множественное число могло характеризоваться конечным *υ*, прибавляемым к *-σθω* — обычный способ образования его в ионийско-аттическом диалекте: гомер. *έπέσθω* (I 170), *φερέσθων*, *πιθέσθων*, *λεξάσθων* и т. п. Это окончание, обычное в аттическом диалекте, отличается, таким образом, по структуре от окончания действительного залога: *φερόυτων*, но *φερέσθων*.

в) Комбинация типов „а“ и „б“ наблюдается в единичных случаях. В качестве примера можно привести аттик. *έπιμελόσθω* (I. G. I², 39, 19).

г) Вторичное ионийское окончание наблюдается в среднем, как и в действительном залоге, и мы находим не только *-έτωσαν*, но и *-έσθωσαν*, в частности, в надписях койнэ, близких по времени к началу новой эры: *Fouilles de Delphes II*, 120 — *εὐδικαζέσθωσαν*; также в Новом завете — *προσειξάσθωσαν* (Послание Иакова V, 14).

д) Параллельно с 3-м лицом мн. ч. действительного залога на *-εύτου* лесбосский диалект употребляет в среднем залоге окончание *-εύθω*: *ἐπιφέλεσθω* (Швицер 620, 23).

§ 321. В двойственном числе средний залог располагал, повидимому, двумя окончаниями, параллельными окончаниями действительного залога: 2-е л. *βούλεμεθω*, 3-е л. *βούλευεθω*.

§ 322. Таким образом, мы видим, что повелительное наклонение не имело модальной характеристики. Окончания его частично тождественны с окончаниями изъявительного наклонения. Только конечное *-τῷ* послужило отправным пунктом для построения форм 3-го лица ед. и мн. ч., различающихся в зависимости от эпохи и диалекта: в этой эволюции ясно наблюдается действие аналогии.

§ 323. Второе лицо сигматического повелительного наклонения (тип *ἔδειξα* и как его параллель *εἴπα*, *ἔγευχα*) нуждается в особом рассмотрении. Действительный залог *δεῖξον*, *ἔγευχον*, *εἴπον* (Платон, *Meno* 71d), средний залог *δεῖξαι*, *ἔγευχα*. Эти неясные формы, возможно, представляют собой древние именные формы глагола. *Δεῖξον* пытались сблизить с такими инфинитивами, как оск. *deicūm*; *δεῖξαι* точно совпадает с инфинитивом действительного залога и, возможно, вовлечено в систему среднего залога в результате вторичного развития (отметим, однако, различие в ударении между *βούλεσθαι* — инфинитивом аориста действительного залога и *βούλευσθαι* — повелительным наклонением аориста среднего залога).

Начиная приблизительно с новой эры вульгарные папирусы дают вместо *-σον* окончание *-σε*, обусловленное влиянием настоящего времени.

ИМЕННЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА Инфинитив

§ 324. Именные формы глагола не относятся собственно к спряжению. Они не содержат указания на лицо, то есть того, что является характерной особенностью глагольной системы. Однако в индоевропейском языке

были имена, образованные от глагольных основ: санскр. вед. *aje* „для ведения“ значит то же, что русск. „чтобы вести“. В различных индоевропейских языках, и особенно в греческом, развились подлинные инфинитивы, то есть именные формы, тесно связанные с глагольными основами: *λείπεται*, *λείφεται*, *λητεῖται*, *λελοπένεται*. Эти образования каждый язык создал независимо от других языков, и их происхождение часто остается неясным.

В самом греческом языке, как мы увидим, формы инфинитива, по крайней мере в действительном залоге, отличаются друг от друга в зависимости от диалекта, что указывает на их развитие после эпохи общегреческого языка.

Греческий инфинитив тесно связан с глагольной системой. Не различая числа и лица, он выражает все видовые различия, характерные для глагола: настоящее, будущее, аорист, перфект. Наконец в ходе исторического развития языка (но еще не у Гомера) присоединение частицы *ά*, дало инфинитиву возможность выражать и модальные оттенки.

Часто пытались установить в разных формах инфинитива падежные окончания. С точки зрения греческого языка, инфинитив не представляет собой ни одну из обычных падежных форм, и попытки увидеть в одном случае форму местного падежа, в другом — дательного не свободны от произвола.

§ 325. Действительный залог. Действительные формы инфинитива различны в зависимости от диалекта. Атематический тип имеет следующие формы:

1. *-ειναι* в ионийско-аттическом и аркадско-кипрском диалектах и у Гомера: ион.-аттич. *είναι* (из **έσ-ειναι*), *τείναι*, *διέναι*, *ίέναι*, *ιστάναι*, *γέναι*, *βρήναι*, *στήναι* и т. п.; аркад. *ηναι* из **εσηναι* (Швицер 654); кипр. *κινερέναι* вместо аттич. *κινερεύαι* (Швицер 685).

Те же диалекты имеют также *-έναι*: *έναι* (от *είμι* „идти“), а также инфинитивы *θείναι* из **θεεναι*, *είναι*, *δούναι*. В аркадском диалекте — слитная форма *δώναι* (Швицер 666), но в кипрском — *δόγεναι* (Швицер 679, 6); последняя форма не может служить доказательством того, что *-ειναι* восходит к *-έναι* во всяком инфинитиве на *-έναι*. Вместе с тем возможно, что гомер. *δούναι* объясняется из **δογεναι*.

Те же суффиксы инфинитива мы находим в перфекте ионийско-аттического диалекта: *τεθύάω*, *έστάω* и т. п.; с окончанием *-έων*: *εἰδέω*, *λελογέω* и т. п.

2. *-μεωτ* в лесбосском диалекте и у Гомера: *ἔμμεωτ* „быть“ из **εσμεωτ* с эолийской трактовкой группы σμ (А 117 и др.), также *ἔμεωτ* (Г 40); *ἔδμεωτ* (Δ 345), *ἔμεωτ* (Ζ 393), *γρημεωτ* (Ξ 502) и т. п.; в аористе: *θέμεωτ* (δ 297), *ἔμεωτ* (λ 531), *δόμεωτ* (Α 98), *βήμεωτ* (Ρ 504), *γυμεωτ* (Β 349) и т. п.; в так называемом страдательном аористе: *μτγύμεωτ* (Ζ 161), *μτχθγμεωτ* (Λ 438) и т. п.; в перфекте: *ἴδμεωτ* от *οἶδα* „знать“ (Ν 273 и др.), *τεθύμεωτ* (Ω 225), *έστάμεωτ* (Κ 480) и т. п. Сходные с этим формы в лесбосском диалекте: *θέμεωτ*, *δόμεωτ* (Бехтель I, стр. 98).

3. *-μεωт* в фессалийском, беотийском и в большей части говоров западной группы. У Гомера это окончание, как и окончание *-μεωт*, является эолизмом: *ἔμμεωт* и *ἔμεωт* наряду с *ἔμμεωт* и *ἔμεωт* (Σ 364, Δ 299), *ἔμεωт* (Α 170), *-τέμεωт* (Δ 351); в аористе: *θέμεωт* (λ 315), *δόμεωт* (Δ 379), *-έμεωт* (Α 283); в перфекте: *έστάμεωт* (Δ 342), *τετλάμεωт* (γ 209), *δειδίμεωт* (ι 274), *γεγάμεωт* (Ε 248), *βεράμεωт* (Ρ 359). Точно так же в других диалектах: фессал. *ἔμμεωт*, *θέμεωт*, *δόμεωт*; беот. *είμεωт* „быть“, *διδομεωт*, *δομεωт* (Бехтель I, стр. 192), беот. *είμεωт* „быть“, *διδομεωт*, *δομεωт* (Бехтель I, стр. 289). В дорийских говорах: дельф. *είμεωт* „быть“, *ψευ* „идти“, *διδομεωт* и др. (Бехтель II, стр. 137); элайск. *ημεωт* „быть“, *γιωμεωт* (Бехтель II, стр. 856); лаконск. *ημεωт* „быть“, *αυταμεωт* (Бехтель II, стр. 355); арг. *φαμεωт*, *αποκριθμεωт* (Бехтель II, стр. 498) и т. п. Критский диалект употребляет окончание *-μεωт* в *αποδομεωт* и др., но также, повидимому, и в арханнических надписях, *-μηу*: *ημηу* „быть“, *θερηу* и др. (Бехтель II, стр. 757); сходным образом и родосский диалект имеет окончание *-μεωт*: *ημεωт* „быть“, *αυθεμεωт*, *γιωμεωт* (Бехтель II, стр. 646). Эти формы на *-μηу* и *-μεωт* обусловлены, повидимому, влиянием тематических инфинитивов на *-ηу* и на *-ειу*.

Примечание. Как мы увидим далее (§ 330), суффиксы *-μεωт* и *-μεωт* в некоторых диалектах распространились и на тематические формы; и наоборот, заимствованное у тематической флексии *-ηу* иногда распространялось и на тематическую флексию: в лесбосском диалекте у слитных глаголов, которые обычно являются тематическими, мы находим *χαληу*, *χερηу*, *στεφαηу*. Точно так же от древних тематических основ настоящего времени и аориста и в страдательном аористе имеем: *διδωу*, *ομωу*, *προσταу*, *τελεσθηу* (Бехтель I, стр. 98).

§ 326. Суффиксы *-μεωт* и *-μεωт* являются, очевидно, суффиксами именного словообразования, родственными типу **-теп*, **-топ*, **-тп* таких образований, как *ποιήρω*, *γηγέρω*, *δουма*. Суффикс *-μεωт* без окончания, часто рассматриваемый как местный падеж, в действительности представляет собой, вероятно, древнюю неопределенную форму наречия. Что же касается конечного *-ωт* в окончании *-μεωт*, то оно, повидимому, не является падежным окончанием. В ведическом языке существуют инфинитивы — довольно сходные с этими греческими инфинитивами — типа *vidmane*, но окончание *-е* не следует сближать с греч. *-ωт*.

Инфинитивы на *-ωт* и *-εωт* заключают в себе, с одной стороны, то же конечное *-ωт*, которое содержится в *-μεωт*, с другой — тот же именной суффикс на носовой звук (ср. *άγω* и т. п.), который мы встречаем в тематическом инфинитиве.

§ 327. С атематическим инфинитивом следует сближать инфинитив сигматического аор. *δεῖξαι*, который служит вместе с тем и повелительным наклонением аориста среднего залога (§ 323). Эта форма, содержащая в себе тот же элемент *-ωт*, который мы имеем в окончаниях *-ωт*, *-εωт*, *-μεωт*, построена на корне с расширением *s*. В санскритском языке также существуют инфинитивы, построенные на корне с расширением *s*. Это с первоначально не имело ничего общего с характеристической аориста и получило связь с аористом в результате вторичного развития в греческом языке. По образцу *δεῖξαι* наряду с *ἔδεῖξαι* была создана форма *χέσαι* наряду с *ἔχεσαι* и т. п. Относительно неопределенного наклонения на *-σεиу*, засвидетельствованного в Лариссе в Фессалии, см. Бехтель I, стр. 193.

§ 328. Характеристикой тематического инфинитива является носовой звук в суффиксах *-εу* и *-ειу* (дор. *-ηу*).

Инфинитив на *-εу*, вероятно представляющий собой древнюю форму¹, засвидетельствован в аркадском диалекте: *απεχεу*, *δικαζεу* (Бехтель I, стр. 371) и в некоторых дорийских говорах: геракл. *αυραφεу* (Бехтель II, стр. 411),

¹ Benveniste, Origines de la formation des noms, стр. 96, где *-εу* сближается с *-α (-п)* в *ἀλειφα* и т. п.

арг. ποιπενευ, ταμεу и в слитном глаголе πολεу (Бехтель II, стр. 499); крит. πρασσεу, εέεлеу (Бехтель II, 758); дельф. αγεу, φεреу (Бехтель II, стр. 138). Единичные случаи употребления -εу в слитных глаголах являются, повидимому, результатом аналогического распространения.

Инфинитив на -εу встречается иногда и в литературных текстах: δρέπεу (Гесиод, Op. et d. 611), τράφεу (Пиндар, Pyth. IV, 115), ἔχεу (Феокрит VI, 26) и т. п.

§ 329. Помимо этих случаев, инфинитив характеризуется окончанием -εу или -ηу (в результате слияния -εεу). Окончание -εу свойственно ионийско-аттическому диалекту и хорошо засвидетельствовано уже у Гомера: λείπεу, φέρεу, ἀγεу, λτεу и т. п. Этот суффикс наблюдается также у слитных глаголов: гомер. φιέεу, ἔσσу (в котором кроется древнее *ἔσειу; ср. § 286), у Гесиода ἄμαеу (Гесиод, Op. et d. 392). Аттическое слитное спряжение: φιέεу, τιμᾶу, μισθοῦу; две последние формы, в которых нет никакого следа иоты, указывают на то, что в -εу мы имеем долгое закрытое е, а не истинный дифтонг.

В фессалийском диалекте мы находим также долгое закрытое е: φευγέу, εχεу (Бехтель I, стр. 193); в родоском — παρεχεу (Бехтель II, стр. 647).

В других диалектах находим -ηу: лесб. κοπηу, ἀμφροτηу (аттич. ἀμαρτεу), παθηу (Бехтель I, стр. 99), элайск. *farrηу* „подвернуться изгнанию“, πασχηу (Бехтель II, стр. 856), лаконск. εχηу (Бехтель II, стр. 355), ἀδάγηу (Алкман, Parth. 88), σιγηу вместо ион.-аттич. θιγεу (Аристофан, Lys. 1004).

Для случаев перехода перфекта к флексии настоящего времени (§ 211) засвидетельствовано окончание тематического инфинитива: ἀπόλωлеу на Косе (Бехтель II, стр. 591), γεγοнеу на Родосе (Бехтель II, стр. 647), λελαζηеу „быть взявшим“ в Аргосе (Бехтель II, стр. 499).

Примечание. Суффикс инфинитива -εу, -ηу, восходящий к -εεу, не ясен. Повидимому, он восходит к древнему *-εεен¹. Гомеровский эпос употребляет инфинитив аориста на -εεиу: ἰδέεиу, βαλέеиу и т. п. Высказывалось предположение, что за этими формами скрываются древние формы на -εεу. В действительности -εεиу следует в ряде мест исправить на -εиу, а там, где эта форма достоверна, она, повидимому, введена в аористе искусственным путем: λιπέеиу наряду с λιπεиу, подобно φιέеиу наряду с φιέиу.²

¹ Benveniste, Origines de la formation des noms, стр. 96.

² Chantraine, Grammaire homérique, 1942, стр. 492.

§ 330. В некоторых эолийских диалектах тематический инфинитив заимствовал характеристику от атематического типа: фессал. χρευμεу (аттич. χρίεиу), πρασσεмег и т. п. (Бехтель I, стр. 193); беот. φερеу и т. п. (Бехтель I, стр. 289—290); в лесбосском диалекте такое распространение не наблюдается. В дорийской области находим один изолированный пример πραγεитеу (в критском диалекте; Бехтель II, стр. 758). В гомеровском диалекте имеем много примеров инфинитива на -έмеу: ἀγέмеу, ἀγορεи́мег, αἰσχύмег, αύασсе́мег и т. п.; употребителен здесь также инфинитив на -έмеиа, который, повидимому, не имеет соответствий ни в одном из других диалектов (относительно -μеиа у атематических глаголов см. § 325): ἀγύμеиа, ἀκούмеиа, δλεέмеиа и т. п. Все эти формы, которые следует толковать как эолизмы эпического языка, употребляются преимущественно в тех местах стиха, где они удобны для дактилического размера (особенно в 4-й и 5-й стопах).

§ 331. Средний залог. Формы инфинитива среднего залога не имеют того разнообразия, какое наблюдается в инфинитиве действительного залога. Здесь мы наблюдаем единую характеристику, служащую для образования любого инфинитива среднего залога — как тематического, так и атематического, как настоящего времени и аориста, так и перфекта; это окончание -σθαι в λείπεσθαι, λιπέσθαι, λελειψθαι (из *-π-σθαι), διδοσθαι, κεισθαι, πεπύσθαι (из *-θ-σθαι) и т. п. Делались попытки сближения этой характеристики с индоиранскими инфинитивами на -dhyāi. Однако при ближайшем анализе в них обнаруживается расхождение: присутствие -σ- и отсутствие i в греческом, различие между -ai и -ai¹.

Примечание. Подобно тому как фессалийский диалект Лариссы заменил в инфинитиве аориста окончание -σαι окончанием -ται (§ 327), в среднем залоге под влиянием типа φέρεион заменил окончание -σθαι окончанием -θεиу: εσσεθеиу, ελεσθеиу, φαριξаθеиу и т. п. (Бехтель I, стр. 194).

§ 332. Одной из важнейших черт истории среднегреческого и новогреческого языка является отмирание и исчезновение инфинитива. Новогреческий язык сохранил лишь его следы в описательной форме перф. ἔχω δέσει, δεθεӣ

¹ Benveniste, Origines de la formation des noms, стр. 208.

„я связал“, „я был связан“, где *δέσει* и *δεθεῖ* представляют собой др.-греч. *δῆσαι*, *δεθῆναι*. Кроме того, инфинитив дал такие существительные, как *τὸ φαγί* „пища“, *τὸ φύλι* „поцелуй“.

Причастие

§ 333. Индоевропейские причастия были именными формами, производными от глагольных основ: настоящего, будущего, аориста, перфекта. Эти именные формы представляют собой прилагательные, согласующиеся в роде и числе с существительными, к которым они относятся, и обладающие полной флексией склонения. Различие между действительным и средним залогами выражается в причастии разными суффиксами. Вместе с тем перфект имеет, по крайней мере в действительном залоге, суффикс, отличный от суффикса настоящего времени и аориста. Система причастий получила в греческом языке особенное развитие.

§ 334. Действительный залог. В действительном залоге причастие настоящего времени и аориста характеризуется суффиксом **-nt-*. В тематическом типе имеем основу *φέροντ-* (*φέρων*, *φέροντα* из **φέροντ-ῑθ*, *φέρων*) или *ληποντ-* (*ληπών*, *ληποντα*, *ληπόν*) без чередования гласных, но форма именительного падежа мужского рода содержит *ω*. В атематическом типе существовало чередование гласных, оставившее некоторые следы в греческом языке.

Атематические причастия от корней, оканчивающихся на гласный, характеризуются суффиксом *-ut-*: *τιθείς*, *θείς*, *ἰείς*, *είς*, *διδούς*, *δούς*, *ιστάς*, *στάς*, *φάς*, *γυός*, *βάς*, *λυθείς*, *δεΐζας* от основ *τίθευτ-*, *θευτ-*, *ἰευτ-*, *εύτ-*, *δίδουτ-*, *δουτ-*, *ισταυτ-*, *σταυτ-*, *φουτ-*, *γυουτ-*, *βαυτ-*, *λυθευτ-*, *δεΐξαυτ-* (относительно этой формы см. § 200); относительно сигматического именительного падежа см. § 65.

В других случаях греческий язык последовательно провел ступень огласовки *o* и использовал суффикс *-out-*: *ἴων* (основа *ἴωτ-*) от глагола *εἴμι* „идти“. От глагола *εἴμι* „быть“ в большей части греческих говоров сохранилось прич. *ἔών*, *ἔοσσα*, *ἔω* (из **es-ont-*). В этом причастии мы находим след чередования огласовки: в женском роде закономерной была бы нулевая ступень корня и суффикса (ср. санскр. *satī*), откуда получилась бы форма **h-ασσα*. След ее обнаруживается в дорийском диалекте: это форма *εασσα*.

в которую было введено *ε* из формы *ἔών* (в мессенском диалекте — Швицер 73, в аркадском — Швицер 661); в критском диалекте — *ιαστα* (Швицер 179, VIII, 47). С другой стороны, существует форма *εασσα*, в которой *ε* явилось субститутом *α* (в аргосском диалекте — Швицер 109, 2). Аттический диалект употребляет формы *ἴω*, *οἴσσα*, *ἴω* с последовательно проведенной в суффиксе огласовкой *o*, что восходит, повидимому, к **s-ont-* с нулевой ступенью корня: закономерное придыхание в начале исчезло под влиянием аналогии с другими формами глагола *εἴμι*, не имеющими придыхания. Наконец, след огласовки *ε* в суффиксе сохранился в дор. *ευτες* из **s-ent-es* (Гераклея, Швицер 62, 117), с дат. п. мн. ч. *ευτασσι* (там же, 104), где окончание *-ασσι*, возможно, указывает на древний дательный падеж с нулевой ступенью **ἄσσι* (**snt-si*).

Прилагательное *έκόν* „добровольно“ следует tolkать как древнее атематическое причастие (ср. санскр. *vaçmī*); женскому роду *έκοβσα* соответствует в дорийском диалекте крит. *μεκαῦδα* с нулевой огласовкой в слоге, предшествующем окончанию (Бехтель II, стр. 694).

Суффикс *-ont-* в **i-ont-*, *ἴων* представляется, с точки зрения греческого языка, идентичным сочетанию тематического гласного и *-nt-* в **leikʷ-o-nt-*, *λείψων*.

Прич. *έδ-οντ-*, соответствующее инф. *έδμευαι* (§ 241), содействовало образованию тематической формы *έδω*. У атематических глаголов на *-ουτ-* типа *όμυουτ* и т. п. древняя форма причастия была типа *όμυων* и т. п. (ср. Геродот, I, 205 *ζευγύων* и др.). Эти формы, как и формы 3-го лица мн. ч. на *-ύουσι* и на *-υον* (§ 351, 352), благоприятствовали переходу основ на *-ουτ-* к тематической флексии. Однако аттический диалект (и уже гомеровский эпос, где метрика не допускала формы *όμυων*) использовал причастие, аналогичное формам *ιστάς*, *τιθείς* и т. п.: *όμυūς*, *όμυσσα*, *όμυων*¹.

Причастие перфекта характеризовалось в действительном залоге двояким суффиксом: **-uet-/*-dot- и *-ches-/*-chos-*.

¹ Наличие у Геродота форм причастий тематического образования *δειχνόσι*, *δειχνόυτες* не служит убедительным доказательством того, что этот тип причастий для глаголов на *-ουτ-* является исконным, а тип *δειχνύς* — возникшим по аналогии. С большей вероятностью можно предположить обратное.—*Прим. перев.*

Соотношение между этими двумя типами не поддается точному определению. В санскритском языке наиболее важным является сигматический тип, а тип на переднеязычный наблюдается лишь в некоторых падежах, например в именительном и винительном среднего рода и др. В греческом языке суффикс на *s* получает в женском роде форму с нулевой ступенью *-is-*: гомер. (*εἰδοῦσα*, аттич. *εἰδοῦσα* (где *-σα* восходит к **-is-jā*); точно так же гомер. *πεπούνια*, аттич. *πεπούνια*, *λελυκία* и т. п. В среднем роде суффикс имеет форму **-χος*: *εἰδός* (из **εἰδέρχος*), *πεπούνός*, *λελυκός*. В им. п. м. р. *εἰδώς*, *λελυκός* восходят, вероятно, к **εἰδ-έως* и т. д. с сигматическим суффиксом и удлинением гласного, предшествующего окончанию. Все другие падежи имеют суффикс на переднеязычный: *εἰδότα*, *εἰδότες*. Относительно нулевой ступени корня в женском роде см. § 217, 218.

Примечания: 1. Относительно перехода причастия перфекта к флексии настоящего времени см. § 211.

2. В женском роде появляется также окончание *-σα* с огласовкой *ε*, заменившее *-σα* под влиянием *βερέα* и т. п. Это окончание засвидетельствовано в новоаттическом диалекте (*γεγοεία* — Мейстерганс-Швиппер, стр. 169), в дорийском (*ερρηγεία* — Гераклейские таблицы I, 19) и в койне. В ионийском диалекте находим несколько примеров огласовки *ο*, заимствованной от формы мужского рода: *έωθεία* (Гиппократ VI, 200 Литтре).

Наконец, по аналогии с *τιμᾶσα* были созданы формы *βερέσσα* (у 14, Софокл, Платон), *έστεώσα* (Геродот), *έστράσσα* (аттический диалект), *γεγώσσα* (аттический диалект).

§ 335. Средний залог. Суффиксом здесь служит *-μενος*; как для настоящего времени и аориста, так и для перфекта, причем меняется только место ударения. Мы имеем, с одной стороны, *λειπόμενος*, *λιπόμενος*, *τιθέμενος*, *θέμενος*, *δεῖξαμένος*, с другой — *λελειψμένος*, *δεδειγμένος*. Греческий язык унифицировал характеристику причастия среднего залога. Первоначальным суффиксом было, повидимому, **-тено-* (ср. *βέλεμνον*, лат. *alimentus*); санскритский язык, с своей стороны, создал для тематических глаголов суффикс *-тана-* (но атематическая форма *-ана-*).

Отглагольные прилагательные на *-τός* и *-τέος*

§ 336. Прилагательное на **-то-* не относится, строго говоря, к глагольной системе индоевропейского языка.

Оно имеет корневой характер и обнаруживает собственную огласовку, а именно, нулевую, например в *τάτεος* (от корня **ten-*) от *τείχο*, *έτεινα*, *τέταρτι* и т. д.; *άιστος*, «неведомый» (Е 258; от корня **ueid-*) от *εἴδον* и *οἶδα*; *θετέος* от *τίθημι* и т. п. Первоначально суффикс *-τός* употреблялся, повидимому, для сложных прилагательных, а затем распространился и на простые. С другой стороны, он имел тенденцию все теснее срастаться с системой глагола. Ступень огласовки настоящего времени была распространена на прилагательные на *-τός* в *θρεπτέος* от *τρέφω* и *στρεπτέος* от *στρέψω*. Отметим также развитие элемента *σ* (§ 367), игравшего большую роль в греческом спряжении: *γυωτέος*, ср. *έγνωσθη*; *χλαιζτέος*, наряду с более древним *χλαιτέος*, ср. *έχλαιασθη*; *θαυμαστέος* наряду с более древним *θαυματέος*, ср. *θαυμάζω*, *έθαυμάζθη*.

Прилагательное на *-τός* служило первоначально для выражения страдательного состояния, но употреблялось также и с оттенком возможности: *ιτέος* означает одновременно „развязанный“ и „могущий быть развязанным“. Другая особенность прилагательного на *-τός* состоит в том, что оно, хотя смысл его главным образом страдательный, могло употребляться и в активном значении, в частности в сложных прилагательных, и поэты широко пользовались этой возможностью. К числу наиболее обычных примеров сюда относятся *ἄγυρτος*, „незиаемый“ и „незнающий“, *δυνατός*, „возможный“ и „способный“ и др.

Примечание. В новогреческом языке суффикс *-τός* дает только прилагательные, не имеющие никакого отношения к спряжению; для образования отглагольного прилагательного со страдательным значением служит суффикс *-τέος*.

§ 337. Соответствием к отглагольному прилагательному на *-τός* является, с точки зрения греческого языка, прилагательное на *-τέος*, служащее для выражения должествования. Первоначально этот суффикс не имел, повидимому, ничего общего с *-τός*; его вариант засвидетельствован, вероятно, в санскритском суффиксе *-तव्या-*. У Гомера это отглагольное прилагательное не засвидетельствовано. Первый его пример *φατείος* мы находим у Гесиода (Theog. 310): *οὗ τι φατείον* Кέρбера, „несказанного Кербера“.